

Н.С. Валгина

Активные процессы в современном русском языке

Допущено Министерством образования Российской Федерации в качестве учебного пособия для студентов высших учебных заведений, обучающихся по филологическим направлениям и специальностям

Москва • «Логос» • 2003

AVTOR SKANA:
ewgeni23
philbook@mail.ru

УДК 811.161.1
ББК 81.2Рус-923
В15

Рецензенты:
профессора, доктора филологических наук
С.Г. Антонова и Н.Д. Бурвикова

Валгина Н.С.

В15 Активные процессы в современном русском языке: Учебное пособие для студентов вузов. – М.: Логос, 2003. – 304 с.

ISBN 5-94010-092-9

Впервые дана целостная концепция активных процессов в русском языке, основанная на исследовании устной и письменной речи в различных сферах жизни общества. Освещены активные процессы в русском языке конца XX в. – в произношении и ударении, в лексике и фразеологии, в словообразовании и морфологии, в синтаксисе и пунктуации. Языковые изменения рассмотрены с учетом внутренних источников развития языка на фоне исторических преобразований в жизни общества. Широко представлена языковая вариантность в ее отношении к литературной норме. Особое внимание уделено лексике средств массовой информации как наиболее очевидному источнику изменений в словарном составе русского языка.

Для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлениям и специальностям «Филология», «Лингвистика», «Журналистика», «Книжное дело». «Издательское дело и редактирование». Представляет интерес для языковедов, философов, культурологов, работников печати, литературоведов, учителей и преподавателей, а также широкого круга читателей.

ББК 81.2Рус-923

ISBN 5-94010-092-9

© Валгина Н.С., 2001

© «Логос», 2003

ПРЕДИСЛОВИЕ

Состояние современного русского языка в конце XX столетия, изменения, которые в нем активно происходят, нуждаются во внимательном изучении и освещении с целью выработки оценок и рекомендаций с позиций объективности и исторической целесообразности.

Динамика языкового развития столь ощутима, что не оставляет равнодушных ни в кругу лингвистической общественности, ни в среде журналистов и публицистов, ни среди обычных граждан, не связанных профессионально с языком.

СМИ дают поистине впечатляющую картину пользования языком, что вызывает противоречивые суждения и оценки происходящего. Одни скрупулезно собирают грубые ошибки в речи, ориентируясь на традиционную литературную норму прошлого; другие — приветствуют и безоговорочно принимают «вербальную свободу», отбрасывая всякие ограничения в пользовании языком — вплоть до допустимости печатного использования в языке грубого просторечия, жаргонов и нецензурных слов и выражений.

Обеспокоенность общественности судьбой языка хотя и имеет серьезные основания, но не учитывает, что лежат они несколько в стороне от собственно языковой сущности. Действительно, стилистика современных СМИ вызывает тревогу и озабоченность. Однако при этом часто ставится знак равенства между реальными динамическими процессами собственно в языке, в частности в шквальном нарастании вариантных форм и лавинном разрастании словообразовательных типов и моделей, и явлениями, объясняемыми недостаточной культурой устной и письменной публичной речи. Последнее имеет вполне реалистическое обоснование: демократизация общества неизмеримо расширила круг публично выступающих — в парламенте, в прессе, на митингах и в других сферах массового общения. Свобода слова, понятая буквально и по отношению к манере выражаться, сломала все социально-этические запреты и каноны. Но это уже другая проблема — проблема культуры речи, проблема этики публичного выступления, наконец, проблема языкового воспитания. В этом смысле мы, действитель-

но, многое потеряли, хотя бы практику редактирования и шлифовки печатного и звучащего слова. Но, с другой стороны, очевидно, что литературно приглашенная «читка письменного текста» в прошлом не могла служить образцовым проявлением культуры речи по сути своей. Живая, спонтанно произносимая речь привлекает больше, но она, естественно, таит в себе много неожиданностей.

Таким образом, обсуждая состояние русского языка сегодняшнего дня, надо разграничить вопросы собственно языковые и вопросы речевой практики, вопросы языкового вкуса исторического момента.

Язык и время — извечная проблема исследователей. Язык живет во времени (имеется в виду не абстрактное время, а общество определенной эпохи), но и время отражается в языке. Язык изменяется. Это эволюционное качество заложено в нем самом. Но как изменяется? Вряд ли правомерно считать, что он постоянно и неуклонно совершенствуется. Оценки «хорошо» или «плохо» здесь неуместны. В них слишком много субъективного. Например, современникам А.С. Пушкина многое, очень многое не нравилось в его языковых новшествах. Однако именно они оказались впоследствии наиболее перспективными и продуктивными (вспомним, хотя бы, нападки на язык «Руслана и Людмилы», вплоть до полного его неприятия).

Современная наука о языке, при характеристике изменений в нем «к лучшему», предпочитает пользоваться принципом целесообразности. В таком случае учитывается функционально-прагматическая сущность языка, а не абстрактно и отдельно существующая кодовая модель. Такое явное качество современного языка, как нарастающая вариантность языковых знаков, может быть воспринято как явление положительное, поскольку предоставляет пользователям языка возможности выбора, что, в свою очередь, свидетельствует о расширении возможностей языка в плане удовлетворения конкретных коммуникативных задач. Значит, язык становится более мобильным, тонко реагирующим на ситуацию общения, т.е. обогащается стилистика языка. А это прибавляет нечто к уже имеющимся в языке ресурсам и расширяет его возможности.

Несмотря на то что язык современных СМИ производит часто негативное впечатление из-за ложно понятого тезиса о свободе слова, надо признать, что современный русский язык, в силу сложившихся исторических обстоятельств, сегодня черпает ресурсы для обновления литературной нормы именно здесь — в средствах массовой информации, в разговорной речи, хотя долгое время таким источником была художественная литература, недаром нормированный язык называется именно литературным языком (по

М. Горькому — обработанным мастерами слова). Сменной источников формирования литературной нормы объясняется и утрата нормой прежней жесткости и однозначности. Такое явление в современном языке, как вариантность нормы, — не признак ее расшатывания и потери стабильности, а показатель гибкости и целесообразной приспособляемости нормы к жизненной ситуации общения.

Жизнь изменила многое. И не только представление о незыблемости литературного образца в установлении нормы. Изменилось речевое поведение представителей современного общества, ликвидировались речевые стереотипы прошлого, более натуральным и жизненным стал язык печати; сменилась стилистика массовой печати — больше стало иронии и сарказма, а это пробуждает и развивает тонкие нюансы в слове. Но одновременно и рядом — языковая вульгарность и обнаженность прямого, грубого смысла табуированного слова. Картина противоречивая и неоднозначная, требующая внимательного анализа и кропотливой, длительной работы над воспитанием языкового вкуса.

Интересную мысль высказал И. Волгин еще в 1993 г. (Лит. газета, 25 авг.), процитировав И. Бродского: «Только если мы решили, что «сапиенсу» пора остановиться в своем развитии, следует литературе говорить на языке народа. В противном случае народу следует говорить на языке литературы». Что же касается «ненормативной словесности», так наводнившей нашу современную печать, то для ее же собственного блага ей лучше оставаться маргинальной, принципиально некнижной, невыразимой в письменном слове (совет И. Волгина). «Не надо искусственно вытаскивать этот хрупкий предмет из природной среды обитания — из стихии устной речи, где он только и в состоянии осуществлять свою культурную миссию». И далее: «Этот выдающийся национальный феномен заслуживает того, чтобы жить самостоятельной жизнью. Культурная интеграция убийственна для него».

Надо сказать, что общее снижение стиля массовой печати, утрата литературной чистоты и стилистической «высокости» в определенной степени снимает и нейтральность в оценке событий. Стилиевая неразборчивость, как протест против патетики и показухи прошлых времен, рождает в то же время стилиевую глухость и утрату чувства языка.

Однако в нашу задачу не входит анализ языка массовой печати как таковой. Эти материалы используются лишь как иллюстрация собственных процессов в языке, поскольку данная сфера применения языка наиболее оперативно реагирует на новые явления в языке, в определенном смысле актуализирует их. В пособии не ставится задача и нормализаторского плана. Для этого нужны

огромные статистические данные и сквозной анализ современных текстов и звучащей речи. Даже авторы коллективной монографии «Русский язык конца XX столетия», подготовленной в Институте русского языка Российской академии наук, официально заявляют, что они не нормализаторы.

Цель пособия — познакомить с важными закономерностями в современном языке, с ростками нового в нем; помочь увидеть это новое и соотнести его с внутренними процессами в языке; помочь установить связи между саморазвитием языка и стимулирующими его изменениями в реальной жизни современного общества. Частные оценки языковых фактов и соответствующие им рекомендации могут помочь разобраться в сложном «языковом хозяйстве» нашего времени и, возможно, повлиять на воспитание чувства языка.

Пособие ориентирует на сознательное, вдумчивое отношение к процессам в языке, на восприятие языка как системы динамической, функционально развитой.

Описание материала предусматривает знание многоуровневой системы русского языка и его современной стилевой и стилистической дифференциации.

ПРИНЦИПЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ЯЗЫКА

Язык, которым активно и повседневно пользуется общество как средством общения, живет и развивается. Диахронно это обнаруживается через замену одних языковых знаков другими (устаревающие заменяются новыми), синхронно — через борьбу вариантов, сосуществующих и претендующих на нормативность. Жизнь языка осуществляется в обществе, которое создает условия для тех или иных изменений и стимулирует языковые процессы, приводящие к удовлетворению потребностей общества. Однако языку свойственны и процессы саморазвития, поскольку знаки языка (морфемы, слова, конструкции) системно связаны и реагируют на изменения в своем собственном «организме». Конкретные языковые единицы обладают разной степенью стабильности и жизнеспособности. Одни — живут на протяжении столетий, другие — более подвижны и проявляют активную потребность в изменении, приспособлении к нуждам меняющегося общения.

Изменения в языке оказываются возможными благодаря заложенным в нем потенциям внутреннего характера, которые обнаруживаются под воздействием внешнего, социального «толчка». Следовательно, внутренние законы развития языка могут до поры до времени «молчать», ожидая внешнего стимула, который приведет в движение всю систему или отдельные ее звенья. Например, внутрисистемное качество существительных общего грамматического рода (типа *сирота, забияка, зазноба, неряха*), объясняемое асимметричностью языкового знака (одна форма — два значения), предполагает двойное согласование: по мужскому и женскому роду. По аналогии с такими существительными под воздействием социального фактора и другие классы имен приобрели ту же способность: *хорошая врач, хороший врач; директор пришел, директор пришла*. Такое соотношение форм было невозможно, когда соответствующие профессии и должности были преимущественно мужскими. Взаимодействие внешних и внутренних факторов —

главный закон в развитии языка, и без учета этого взаимодействия изучение языка в социологическом аспекте не имеет перспективы.

В процессе становления нового качества внешние и внутренние факторы могут проявиться с разновеликой силой, причем неравномерность их взаимодействия обнаруживается обычно в том, что стимулирующая сила воздействия внешнего, социального фактора либо активизирует внутренние процессы в языке, либо, наоборот, замедляет их. Причины того и другого коренятся в тех изменениях, которые претерпевает само общество, носитель языка.

Возросшие темпы языковой динамики 90-х годов объясняются прежде всего меняющимся составом и обликом русского общества, сменой социальных, политических, экономических, а также психологических установок. Обновление в языке, особенно в литературной его форме, сегодня протекает весьма активно и осязаемо. Традиционная нормативность, поддерживаемая прежде образцами классической художественной литературы, явно разрушается. И новая норма, более свободная и одновременно менее определенная и однозначная, оказывается под воздействием массовой печати. Телевидение, радио, периодика, в целом массовая культура все активнее становятся «законодателями моды», «воспитателями» нового языкового вкуса. К сожалению, вкуса не всегда высокого класса. Однако игнорировать эти процессы нельзя, в них заложены объективные потребности нового общества, нового поколения — более раскованного, более технически образованного, более контактирующего с носителями других языков.

На таком фоне значимость социального фактора в языковых процессах повышается, но это и снимает некоторую заторможенность в проявлении внутренних закономерностей в языке, и, как следствие, весь механизм языка начинает работать в ускоренном скоростном режиме. Благодаря появлению новых языковых единиц (развитие техники, науки, контакты между языками), расширению круга вариантных форм, а также стилистическим перемещениям внутри языка старая норма утрачивает свою незыблемость.

Проблема взаимодействия внешних и внутренних факторов в развитии языка неоднократно интересовала исследователей, как в широком постановочно-теоретическом плане, так и при рассмотрении языковых частных. Например, действие общего закона речевой экономии для нашего времени непосредственно связано с ускорением темпов жизни. Этот процесс не раз отмечался в литературе как активный процесс XX столетия.

Общей характеристике процессов, наблюдаемых в современном русском языке, посвящена работа В.К. Журавлева, название кото-

рой прямо указывает на отмеченное взаимодействие¹. Связь социального и внутриязыкового может просматриваться на любом уровне языкового выражения, хотя, естественно, лексика дает наиболее очевидный и обширный материал. Здесь даже частности могут служить иллюстрацией этой связи. Например, в эскимосском языке, как свидетельствует В.М. Лейчик², имеется около ста наименований оттенков цвета снега, что вряд ли могло быть актуальным для языков жителей южных районов, а в казахском языке — несколько десятков названий мастей лошадей³. Социальные, а иногда даже сугубо политические причины могут иметь значение для различных именовании и переименований городов, улиц. Развитие науки, техники, контакты с другими языками — все эти внешние для языка причины влияют на языковые процессы, особенно в плане расширения словарного состава и уточнения или изменения смысла лексических единиц.

Очевидно, что влияние социального фактора на изменения в языке оказывается активным и заметным в наиболее динамичные периоды жизни общества, связанные с существенными преобразованиями в разных сферах жизнедеятельности. Хотя технический прогресс не ведет к созданию принципиально нового языка, однако значительно увеличивает терминологический фонд, который, в свою очередь, обогащает общелитературный словарь путем детерминологизации. Известно, в частности, что только развитие электроники привело к появлению 60 000 наименований, а в химии, по данным специалистов, используется около пяти миллионов номенклатурно-терминологических наименований⁴.

Для сравнения: в последних изданиях словаря С.И. Ожегова⁵ фиксируется 72 500 слов и 80 000 слов и фразеологических выражений.

Социологическое изучение языка предполагает раскрытие проблем, связанных с общественной природой языка, механизмом воздействия социальных факторов на язык и его роль в жизни общества. Поэтому важными оказываются причинные связи между языком и фактами общественной жизни. При этом на первый план выдвигается вопрос о социальной дифференциации языка с неперемным учетом при регистрации языковых явлений речевой ситуации. В общем плане социалингвистика ставит целью ответить на взаимонаправленные вопросы: как история общества порождает языковые изменения и как в языке отражается общественное развитие.

¹ Журавлев В.К. Взаимодействие внешних и внутренних факторов развития языка. — М., 1982.

² Лейчик В.М. Люди и слова. — М., 1982. С. 7.

³ Там же.

⁴ Васильев Н.Л. Сколько слов в русском языке // Русская речь. 1999. № 4. С. 119.

⁵ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. — М., 1995, 1998.

Социологический аспект в изучении языка становится особенно плодотворным, если исследования не ограничиваются только коллекционированием языковых фактов (эмпирическим уровнем), а доходят до теоретических обобщений и объяснений, последнее возможно лишь при учете взаимодействия внутренних и внешних факторов в развитии языка, а также его системного характера. Известно, что преувеличение значимости социального фактора может привести к вульгарному социологизму, что наблюдалось в истории русской филологии (например, «Новое учение о языке» академика Н.Я. Марра в 30-е и 40-е годы XX столетия, которое тогда было объявлено последним словом в «марксистском языкознании»), когда языку было полностью «отказано» в саморазвитии и отводилась роль регистратора смены общественных формаций.

Другая крайность в подходе к языковым изменениям — внимание лишь к отдельным частностям, возникшим под влиянием новой социальной действительности. В таком случае забвению предается положение о том, что языковые частности — это звенья системы, и потому изменения в частном, отдельном звене могут привести в движение всю систему.

Если отбросить обе крайности, то остается необходимость признать в качестве основных принципов социологического изучения языка — учет взаимодействия внешних и внутренних факторов и системного характера языка. При этом важно отметить, что языковая система — динамичная, не жесткая, для нее характерно сосуществование старого и нового, стабильного и подвижного, что обеспечивает постепенность в накоплении нового качества, отсутствие коренных, революционных изменений. Языку свойственно не просто стремление к совершенствованию (совершенствование вообще здесь понятие относительное), а стремление к удобным и целесообразным формам выражения. Язык словно нащупывает эти формы, и потому ему необходим выбор, который обеспечивается наличием переходных языковых случаев, периферийных явлений, вариантных форм.

Для социолингвистики важна проблема социальной дифференциации языка, которая имеет двухаспектную структуру: с одной стороны, она обусловлена разнородностью самой социальной структуры (отражение в языке особенностей речи разных социальных групп общества), с другой — отражает многообразие самих социальных ситуаций, которые накладывают отпечаток на речевое поведение представителей разных социальных групп в сходных обстоятельствах. Понятие языковой ситуации определяется как совокупность форм существования языка, обслуживающих общение в определенной этнической общности или администра-

тивно-территориальном объединении¹. Причем особое внимание уделяется ситуациям, отражающим разные сферы общения и речевое поведение разных социальных групп в разных сферах общения. Социолингвистику интересует и вопрос о взаимодействии языка и культуры. «Процессы соприкосновения разных культур находят отражение в лексических заимствованиях»². В любом случае при социологическом исследовании в расчет принимается соотношение «язык и общество». При этом общество может быть представлено и как цельная этническая совокупность, и как отдельная социальная группа в этой совокупности. В круг проблем социолингвистики включается и проблема языковой политики, которая прежде всего заключается в принятии мер, обеспечивающих сохранение старых языковых норм или введение новых. Следовательно, вопрос о литературной норме, ее вариантах и об отклонениях от нормы также находится в компетенции социолингвистики. При этом важным оказывается сам факт установления социальной основы нормы, которая зависит от того, какие социальные слои общества оказываются наиболее активными в историческом процессе формирования литературной нормы. Это может быть норма, культивируемая социальной верхушкой общества или его демократическими слоями. Все зависит от определенного исторического момента в жизни общества. Поэтому норма может быть в высшей степени жесткой, строго сориентированной на традицию, и, в другом случае, отступающей от традиции, принимающей бывшие нелитературные языковые средства, т.е. норма — понятие социально-историческое и динамическое, способное качественно изменяться в рамках возможностей языковой системы. В этом смысле норму можно определить как реализованную возможность языка. Изменение нормы определяется как внешними (социальными) факторами, так и внутренними тенденциями в развитии языка на пути его движения к приобретению средствами выражения большей целесообразности.

Для социолингвистики важным оказывается метод статистический. Он помогает установить степень распространения и, следовательно, усвоения языкового явления. Однако метод этот, отдельно взятый, не обладает бесспорной объективной значимостью по результатам применения. Широкая распространенность явления не всегда показатель его жизненной необходимости и «удачи» для языка. Важнее оказываются его системные качества, способствующие выработке более целесообразных и удобных средств выражения. Выработка таких средств — постоянный процесс в языке, и осуществляется он благодаря действию специфических языковых законов.

¹ Русский язык: Энциклопедия. — М., 1997. С. 523.

² Там же.

ЗАКОНЫ РАЗВИТИЯ ЯЗЫКА

Обслуживая общество в качестве средства общения, язык постоянно претерпевает изменения, все более и более накапливая свои ресурсы для адекватного выражения смысла происходящих в обществе перемен. Для живого языка этот процесс естествен и закономерен. Однако степень интенсивности этого процесса может быть различной. И тому есть объективная причина: само общество — носитель и творец языка — по-разному переживает разные периоды своего существования. В периоды резкой ломки устоявшихся стереотипов усиливаются и процессы языковых преобразований. Так было в начале XX в., когда резко изменилась экономическая, политическая и социальная структура российского общества. Под воздействием этих перемен меняется, правда, более медленно, и психологический тип представителя нового общества, что также приобретает характер объективного фактора, влияющего на процессы в языке.

Современная эпоха актуализировала многие процессы в языке, которые в других условиях могли бы быть менее заметными, более сглаженными. Социальный взрыв не делает революции в языке как таковом, но активно влияет на речевую практику современника, вскрывая языковые возможности, выводя их на поверхность. Под воздействием внешнего социального фактора приходят в движение внутренние ресурсы языка, наработанные внутрисистемными отношениями, которые прежде не были востребованы по разным причинам, в том числе и опять-таки по социально-политическим причинам. Так, например, обнаружилось семантические и семантико-стилистические преобразования во многих лексических пластах русского языка, в грамматических формах и т.п.

В целом языковые изменения осуществляются при взаимодействии причин внешнего и внутреннего порядка. Причем основа для изменений заложена в самом языке, где действуют внутренние закономерности, причина которых, их движущая сила, заключена в системности языка. Но своеобразным стимулятором (или, наоборот, «тушителем») этих изменений является фактор внешнего

характера — процессы в жизни общества. Язык и общество, как пользователь языка, неразрывно связаны, но при этом они имеют свои собственные, отдельные законы жизнеобеспечения.

Таким образом, жизнь языка, его история органично связаны с историей общества, но не подчинены ей полностью из-за своей собственной системной организованности. Так в языковом движении сталкиваются процессы саморазвития с процессами, стимулированными извне.

Каковы же внутренние законы развития языка?

Обычно к внутренним законам относят закон *системности* (глобальный закон, являющийся одновременно и свойством, качеством языка); закон *традиции*, обычно сдерживающий инновационные процессы; закон *аналогии* (стимулятор подрыва традиционности); закон *экономии* (или закон «наименьшего усилия»), особенно активно ориентированный на ускорение темпов в жизни общества; законы *противоречий* (антиномии), которые являются по сути «зачинщиками» борьбы противоположностей, заложенных в самой системе языка. Будучи присущими самому объекту (языку), антиномии как бы готовят взрыв изнутри.

К внешним факторам, участвующим в накоплении языком элементов нового качества, могут быть отнесены следующие¹: изменение круга носителей языка, распространение просвещения, территориальные перемещения народных масс, создание новой государственности, развитие науки, техники, международные контакты и т.п. Сюда же включается фактор активного действия средств массовой информации (печать, радио, телевидение), а также фактор социально-психологической перестройки личности в условиях новой государственности и, соответственно, степени адаптации ее к новым условиям.

При рассмотрении процессов саморегуляции в языке, происходящих в результате действия внутренних закономерностей, и учете воздействия на эти процессы внешних факторов необходимо соблюдать определенную меру взаимодействия этих факторов: преувеличение действия и значимости одного (саморазвития) может привести к отрыву языка от породившего его общества; преувеличение же роли социального фактора (иногда и при полном забвении первого) — к вульгарному социологизму.

Ответ на вопрос о том, почему решающим в языковом развитии (решающим, но не единственным) фактором оказывается действие внутренних законов, кроется в том, что язык является системным образованием. Язык — это не просто набор, сумма языковых зна-

¹ *Русский язык конца XX столетия (1985—1995) / Отв. ред. Е.А. Земская. — М., 2000. С. 9.*

ков (морфем, слов, словосочетаний и т.п.), но и отношения между ними, поэтому сбой в одном звене знаков может привести в движение не только рядом стоящие звенья, но и всю цепь в целом (или ее определенную часть).

Закон системности обнаруживается на разных языковых уровнях (морфологическом, лексическом, синтаксическом) и проявляется как внутри каждого уровня, так и во взаимодействии их друг с другом. Например, сокращение количества падежей в русском языке (шесть из девяти) привело к росту аналитических черт в синтаксическом строе языка — функция падежной формы стала определяться позицией слова в предложении, соотношением с другими формами. Изменение семантики слова может отразиться на его синтаксических связях и даже на его форме. И, наоборот, новая синтаксическая сочетаемость может привести к изменению значения слова (его расширению или сужению). Часто эти процессы бывают процессами взаимообусловленными. Например, в современном употреблении термин «экология» за счет разросшихся синтаксических связей существенно расширил свою семантику: *экология* (от греч. *oikos* — дом, жилище, местопребывание и ...логия) — наука об отношениях растительных и животных организмов и образуемых ими сообществ между собой и с окружающей средой (БЭС. Т. 2, М., 1991). С середины XX в. в связи с усилившимся воздействием человека на природу экология приобрела значение как научная основа рационального природопользования и охраны живых организмов. В конце XX в. формируется раздел экологии — *экология человека* (социальная экология); соответственно появляются аспекты *экология города*, *экологическая этика* и др. В целом можно уже стало говорить об экологизации современной науки. Экологические проблемы вызвали к жизни общественно-политические движения (например, «Зеленые» и др.). С точки зрения языка, произошло расширение семантического поля, в результате чего появилось другое значение (более абстрактное) — «требующий защиты». Последнее просматривается в новых синтаксических контекстах: *экологическая культура*, *промышленная экология*, *экологизация производства*, *экология жизни*, *слова*, *экология духа*; *экологическая ситуация*, *экологическая катастрофа* и т.п. В последних двух случаях появляется новый оттенок значения — «опасность, неблагополучие». Так, слово со специальным значением становится широко употребительным, в котором путем расширения синтаксической сочетаемости происходят семантические преобразования.

Системные отношения выявляются и в ряде других случаев, в частности, при выборе форм сказуемого при существительных-подлежащих, обозначающих должности, звания, профессии и т.п.

Для современного сознания, скажем, сочетание *Врач пришла* звучит вполне нормально, хотя здесь очевидно формально-грамматическое несоответствие. Форма меняется, ориентируясь на конкретное содержание (врач — женщина). Кстати, в данном случае наряду с семантико-синтаксическими преобразованиями можно отметить и влияние социального фактора: профессия врача в современных условиях распространена среди женщин столь же широко, как и среди мужчин, а корреляция *врач—врачиха* осуществляется на ином языковом уровне — стилистическом.

Системность как свойство языка и отдельного знака в нем, открытое Ф. де Соссюром, проявляет и более глубокие соотношения, в частности соотношение знака (означающего) и означаемого, которое оказалось небезразличным.

Закон языковой традиции, с одной стороны, представляется как нечто лежащее на поверхности, вполне понятное и очевидное. С другой стороны, его действие обнаруживает сложное переплетение внешних и внутренних стимулов, задерживающих преобразования в языке. Понятность закона объясняется объективным стремлением языка к стабильности, «охранности» уже достигнутого, приобретенного, но потенции языка столь же объективно действуют в направлении расшатывания этой стабильности, и прорыв в слабом звене системы оказывается вполне естественным. Но тут вступают в действие силы, не имеющие прямого отношения к собственно языку, но могущие наложить своеобразное табу на инновации. Такие запретительные меры исходят от специалистов-лингвистов и специальных учреждений, имеющих соответствующий правовой статус; в словарях, пособиях, справочниках, официальных предписаниях, воспринимаемых как социальное установление, имеются указания на правомочность или неправомочность употребления тех или иных языковых знаков. Происходит как бы искусственное задерживание очевидного процесса, сохранение традиции вопреки объективному положению вещей. Взять хотя бы хрестоматийный пример с широким употреблением глагола *звонить* в формах *звонит*, *звонят* вместо *звонит*, *звонят*. Правила сохраняют традицию, ср.: *жарить — жарить, варить — варить — варить*, в последнем случае (*варить*) традиция преодолена (было: *Ворон не жарят, не варят. — И. Крылов; Печной горшок тебе дороже: ты пищу в нем себе варить. — А. Пушкин*), но в глаголе *звонить* упорно сохраняется традиция, причем не языком, а кодификаторами, «установителями» литературной нормы. Такое сохранение традиции оправдывается другими, аналогичными случаями, например сохранением традиционного ударения в глагольных формах *включить — включишь, включит, вручить — вручишь, вручит* (ср.: неправильное, нетрадиционное употребление форм *включит, вручит* ведущими

телепередач «Итоги» и «Время», хотя такая ошибочность имеет под собой определенную почву — это общая тенденция к переносу ударений у глаголов на корневую часть: *варить* — *варишь, варит* → *ва́ришь, ва́рит*; *манить* — *манить, манит* → *ма́нишь, ма́нит*). Так что традиция может действовать избирательно и не всегда мотивированно. Еще пример: уже давно не говорят *две пары валенок* (*валенок*), *сапогов* (*сапог*), *ботов* (*бот*), *чулков* (*чулок*). Но упорно сохраняется форма *носков* (а форма *носок* по традиции квалифицируется как просторечная). Особенно охраняется традиция правилами написания слов. Ср., например, многочисленные исключения в орфографии наречий, прилагательных и др. Главный критерий здесь — традиция. Почему, например, *с панталыку* пишется раздельно, хотя правило гласит, что наречия, образованные от существительных, исчезнувших из употребления, пишутся с предлогами (приставками) слитно? Ответ маловразумителен — по традиции, но традиция — охранная грамота давно ушедшего. Конечно, глобальное разрушение традиции может серьезно навредить языку, лишить его таких необходимых качеств, как преемственность, устойчивость, основательность в конце концов. Но частичная периодическая корректировка оценок и рекомендаций необходима.

Закон традиции хорош, когда он действует как сдерживающее начало, противодействующее случайному, немотивированному употреблению или, наконец, препятствующее слишком расширенному действию других законов, в частности — закона речевой аналогии (как, например, диалектное *путью* в твор. п. по аналогии с *жизнью*). Среди традиционных написаний есть написания в высшей степени условные (например, окончание прилагательных *-ого* с буквой *г* на месте фонемы <в>; написание наречий с *-ь* (*вскачь, наотмашь*) и глагольных форм (*пишешь, читаешь*). Сюда же можно отнести и традиционные написания существительных женского рода типа *ночь, рожь, мышь*, хотя в данном случае включается в действие и закон морфологической аналогии, когда *-ь* выступает в качестве графического уравнивателя парадигм склонения существительных, ср.: *ночь* — *ночью*, как *ель* — *елью, дверь* — *дверью*¹.

Закон традиции часто сталкивается с законом аналогии, создавая в некотором смысле конфликтную ситуацию, разрешение которой в частных случаях может оказаться непредсказуемым: либо победит традиция, либо аналогия.

Действие *закона языковой аналогии* проявляется во внутреннем преодолении языковых аномалий, которое осуществляется в ре-

¹ Иванова В.Ф. Современная русская орфография: Уч. пособие. — М., 1991.

зультате уподобления одной формы языкового выражения другой. В общем плане это мощный фактор языковой эволюции, поскольку результатом оказывается некоторая унификация форм, но, с другой стороны, это может лишить язык специфических нюансов семантического и грамматического плана. В таких случаях сдерживающее начало традиции может сыграть положительную роль.

Сущность уподобления форм (аналогия) заключается в выравнивании форм, которое наблюдается в произношении, в акцентном оформлении слов (в ударении), отчасти в грамматике (например, в глагольном управлении). Особенно подвержен действию закона аналогии разговорный язык, тогда как литературный более опирается на традицию, что вполне объяснимо, так как последний более консервативен по своей сути.

На фонетическом уровне закон аналогии проявляется, например, в случае, когда вместо исторически ожидаемого звука в словоформе появляется другой, по аналогии с другими формами. Например, развитие звука *o* после мягкого согласного перед твердым на месте *ѣ* (ять): *звезда* — *звѣзды* (из *зѣзда* — *зѣзды*) по аналогии с формами *весна* — *вѣсны*.

Аналогией может быть вызван переход глаголов из одного класса в другой, например, по аналогии с формами глаголов типа *читать* — *читаю*, *бросать* — *бросаю* появились формы *полоскаю* (вместо *полощу*), *махаю* (вместо *машу*), *мляю* (вместо *млячу*) и др. Особенно активна аналогия в ненормированной разговорной и диалектной речи (например, замена чередований: *берегу* — *берегѣшь* вместо *бережѣшь* по образцу *несу* — *несѣшь* и т.п.). Так идет выравнивание форм, подтягивание их к более распространенным образцам.

Выравниванию системы ударений, в частности, подвержены некоторые глагольные формы, где сталкиваются книжная традиция и живое употребление. Например, достаточно устойчивой оказывается форма женского рода прошедшего времени глагола; ср.: *звать* — *звал*, *звѣло*, *звѣли*, но: *звала*; *рвать* — *рвал*, *рвѣло*, *рвѣли*, но: *рвала*; *спать* — *спал*, *спѣло*, *спѣли*, но: *спала*; *ожить* — *бжил*, *бжило*, *бжили*, но: *ожилá*. Естественно, что нарушение традиции коснулось именно формы женского рода (*звала*, *рвала*, *спала* и т.п.), которое пока не допускается в литературном языке, но распространено в живом употреблении.

Много колебаний в ударении наблюдается в терминологической лексике, где также часто сталкивается традиция (как правило, это по происхождению латинские и греческие термины) и практика употребления в русских контекстах. Аналогия в этом классе слов оказалась в высшей степени продуктивной, а различия — крайне редкими. Например, большинство терминов переносит ударение на конечную часть основы, ~~типа: *аритмія*, *ишемія*,~~

гипертонія, шизофренія, идиотія, зоофілія, эндоскопія, дистрофія, диплопія, аллергія, терапія, електротерапія, эндоскопія, асиметрія и др. Но стойко сохраняют ударение внутри основы слова на *-графия* и *-ция*: *фотография, флюорография, литография, кинематография, монография; пагиндция, инкрустация, индексация*. В Грамматическом словаре А.А. Зализняка среди 1000 слов на *-ция* обнаружено лишь одно слово со смещенным ударением — *фармація (фармацевтика)*. Однако в других случаях наблюдается разное оформление слов в зависимости от их словообразовательного состава, например: *гетерономия* (греч. νόμος — закон), *гетерофония* (греч. φῶνῆ — звук), *гетерогамия* (греч. γάμος — брак), но: *гетеростилья* (греч. στῦλος — столб), *гетерофиллия* (греч. φύλλον — лист), в двух последних случаях можно усмотреть нарушение традиции и соответственно уподобление произношения. К стати, в некоторых терминах современные словари фиксируют двойное ударение, например с тем же компонентом *-фония — диафония*. Латинский термин *industria* БЭС дает в двух вариантах (*индустрия*), а словарь С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой отмечает форму *индустрия* как устаревшую и признает соответствующей современной норме форму *индустрия*; двойное ударение фиксируется и в словах *апоплексия* и *эпилепсия*, как в упомянутом слове *диафония*, хотя схожая модель *диахрония* сохраняет единственное ударение. Разногласия в рекомендациях обнаруживаются и относительно слова *кулинария*. Большая часть словарей считает литературной форму *кулинария*, но в издании словаря С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой (1992) уже признаются литературными оба варианта — *кулинария*. Термины с компонентом *-мания* стойко сохраняют ударение *-мания* (*англомания, меломания, галломания, библиомания, мегаломания, эфиромания, гигантомания* и др.). Словарь А.А. Зализняка дает 22 таких слова. Однако в профессиональной речи иногда под влиянием языковой аналогии ударение смещается к концу слова, например, медицинские работники чаще произносят *наркомания*, чем *наркомания*.

Перенос ударения на конечный основы отмечается даже в терминах, стойко сохраняющих исконное ударение, например *мастопатия* (ср. большую часть подобных терминов: *гомеопатия, аллопатия, миопатия, антипатия, метриопатия* и др.). Часто различие в ударении объясняется разным происхождением слов — латинским или греческим: *дислалия* (от *дис...* и греч. *lalia* — речь), *диспепсия* (от *дис...* и гр. *pepsis* — пищеварение), *дисплазия* (от *дис...* и гр. *plasis* — образование); *дисперсия* (от лат. *dispersio* — рассеяние), *дискуссия* (от лат. *discussio* — рассмотрение).

Таким образом, в терминологических моделях слов наблюдаются противоречивые тенденции: с одной стороны, сохранение тра-

диционных форм слов, опирающихся на этимологию словообразования, а с другой стороны, стремление к унификации, уподоблению форм.

Выравнивание форм под действием закона аналогии можно наблюдать и в грамматике, например в изменении глагольного и именного управления: так, управление глагола *поражаться* дат. п. (чему, вместо чем) возникло по аналогии с другими глаголами (*изумляться* чему, *удивляться* чему). Часто такие изменения оцениваются как ошибочные, недопустимые в литературном языке (например, под влиянием сочетания *вера в победу* возникло ошибочное сочетание *уверенность в победу* вместо *уверенность в победе*).

Особенно активным в современном русском языке оказывается действие закона *речевой экономии* (или экономии речевых усилий). Стремление к экономичности языкового выражения обнаруживается на разных уровнях языковой системы — в лексике, словообразовании, морфологии, синтаксисе. Действие этого закона объясняет, например, замену форм следующего типа: *грузин* из *грузинец*, *лезгин* из *лезгинец*, *осетин* из *осетинец* (однако *башкирец* — ?); о том же свидетельствует нулевое окончание в родительном падеже множественного числа у ряда классов слов: *пять грузин* вместо *грузинов*; *сто грамм* вместо *сто граммов*; *покило апельсин*, *помидор*, *мандарин* вместо *апельсинов*, *помидоров*, *мандаринов* и т.п.

Особенно большой резерв в этом отношении имеет синтаксис: словосочетания могут послужить базой для образования слов, а сложные предложения могут быть свернуты до простых и т.п. Например: *электропоезд* (*электрический поезд*), *зачетка* (*зачетная книжка*), *гречка* (*гречневая крупа*) и т.п. Ср. также параллельное употребление конструкций типа: *Брат сказал, что придет отец*. — *Брат сказал о приезде отца*. Об экономичности языковых форм свидетельствуют разнообразные аббревиатуры, особенно если аббревиатурные образования приобретают постоянную форму наименований — существительных, способных подчиняться нормам грамматики (*вуз*, *учиться в вузе*).

Развитие языка, как и развитие в любой другой сфере жизни и деятельности, не может не стимулироваться противоречивостью протекающих процессов. *Противоречия* (или *антиномии*) свойственны самому языку как феномену, без них немислимы какие-либо изменения. Именно в борьбе противоположностей проявляется саморазвитие языка.

Обычно выделяют пять-шесть основных антиномий¹: антиномия говорящего и слушающего; антиномия узуса и возможностей языковой системы; антиномия кода и текста; антиномия, обуслов-

¹ *Русский язык конца XX столетия* (1985—1995). С. 9.

ленная асимметричностью языкового знака; антиномия двух функций языка — информационной и экспрессивной, антиномия двух форм языка — письменной и устной.

Антиномия говорящего и слушающего создается в результате различия в интересах вступающих в контакт собеседников (или читателя и автора): говорящий заинтересован в том, чтобы упростить и сократить высказывание, а слушающий — упростить и облегчить восприятие и понимание высказывания.

Столкновение интересов создает конфликтную ситуацию, которая должна быть снята путем поиска удовлетворяющих обе стороны форм выражения.

В разные эпохи жизни общества этот конфликт разрешается по-разному. Например, в обществе, где ведущую роль играют публичные формы общения (диспуты, митинги, ораторские призывные, убеждающие речи), в большей степени ощутима установка на слушающего. Античные риторика во многом построены с учетом именно этой установки. В них даются четкие правила для построения убеждающей речи. Недаром приемы риторики, организации публичной речи активно насаждаются в современной общественно-политической ситуации России, когда принцип гласности, открытого выражения своего мнения возводится в ведущий критерий деятельности парламентариев, журналистов, корреспондентов и др. В настоящее время появляются пособия и руководства, посвященные проблемам ораторской речи, проблемам ведения диалога, проблемам культуры речи, в понятие которой включается не только такое качество, как литературная грамотность, но и особенно выразительность, убедительность, логичность¹.

В другие эпохи может ощущаться явное господство письменной речи и ее влияние на процесс общения. Установка на письменный текст (преобладание интересов пишущего, говорящего), текст предписания преобладала в советском обществе, и именно ей была подчинена деятельность средств массовой информации. Таким образом, несмотря на внутриязыковую сущность данной антиномии, она насквозь пронизана социальным содержанием.

¹ См.: *Анушкин В.И.* Риторика: Уч. пособие. — Пермь, 1994; *Зарецкая Е. Н.* Риторика: Теория и практика речевой коммуникации. — М., 1998; *Андреев В.И.* Деловая риторика. — Казань, 1993; *Головин Б.Н.* Основы культуры речи. — М., 1980; *Гальдин В.Е.* Речь и этикет. — М., 1983; *Федосеев П.Н.* и др. Об искусстве полемики. — М., 1980; *Валков А.Л.* Основы русской риторики. — М., 1996; *Граудина Л.К., Мисьяевич Г.И.* Теория и практика русского красноречия. — М., 1989; *Кохтев Н.Н.* Риторика: Уч. пособие. — М., 1994; *Формановская Н.И.* Речевой этикет и культура общения. — М., 1989; *Культура русской речи: Уч. для вузов / Отв. ред. Л.К. Граудина, Е.Н. Ширяев.* — М., 2000; *Рождественский Ю.В.* Теория риторики. — М., 1999; *Галуб И.Б.* Основы красноречия. — М., 2000; и др.

Так конфликт между говорящим и слушающим разрешается то в пользу говорящего, то в пользу слушающего. Это может проявиться не только на уровне общих установок, как было отмечено выше, но и на уровне самих языковых форм — в предпочтении одних и отрицании или ограничении других. Например, в русском языке начала и середины XX в. появилось много аббревиатур (звуковых, буквенных, отчасти слоговых). Это было в высшей степени удобно для того, кто составлял тексты (экономия речевых усилий), однако в настоящее время все больше появляется расчлененных наименований (ср.: *общество защиты животных, управление по борьбе с организованной преступностью, общество художников-станковистов*), которые не отрицают употребление аббревиатур, но, конкурируя с ними, обладают явным преимуществом воздевающей силы, поскольку несут в себе открытое содержание. Очень нагляден в этом отношении следующий пример: в «Литературной газете» от 05.06.1991 г. помещено письмо патриарха Московского и Всея Руси Алексия II, в котором дано резкое осуждение практики использования аббревиатуры РПЦ (Русская православная церковь) в нашей печати. «Ни дух русского человека, ни правила церковного благочестия не позволяют производить такую подмену», — пишет патриарх. Действительно, такая фамильярность в отношении к Церкви оборачивается серьезной духовной утратой. Наименование РПЦ превращается в пустой значок, не затрагивающий духовных струн человека. Алексий II так заканчивает свои рассуждения: «Надеюсь, что натужные сокращения типа РПЦ или бытовавших некогда «В. Великий» и даже «И. Христос» не будут встречаться в церковной речи».

Антимиомия кода и текста — это противоречие между набором языковых единиц (код — сумма фонем, морфем, слов, синтаксических единиц) и их употреблением в связной речи (текст). Здесь существует такая связь: если увеличить код (увеличить количество языковых знаков), то текст, который строится из этих знаков, сократится; и наоборот, если сократить код, то текст непременно увеличится, так как недостающие кодовые знаки придется передавать описательно, пользуясь оставшимися знаками. Хрестоматийным примером такой взаимосвязи служат названия наших родственников. В русском языке для наименования различных родственных отношений в пределах семьи существовали специальные термины родства: *деверь* — брат мужа; *шурин* — брат жены; *золовка* — сестра мужа; *свояченица* — сестра жены, *сноха* — жена сына; *свекор* — отец мужа; *свекровь* — жена свекра, мать мужа; *зять* — муж дочери, сестры, золовки; *тесть* — отец жены; *теща* — мать жены; *племянник* — сын брата, сестры; *племянница* — дочь брата, сестры. Некоторые из этих слов (*шурин, деверь, золовка,*

сноха, свекор, свекровь) постепенно были вытеснены из речевого обихода, выпали слова, но понятия-то остались. Следовательно, на их месте все чаще стали употребляться описательные замены (*брат жены, брат мужа, сестра мужа* и т.д.). Количество слов в активном словаре уменьшилось, а текст в результате увеличился. Другим примером соотношений кода и текста может служить соотношение термина и его дефиниции (определения). Определение дает развернутое толкование термина. Следовательно, чем чаще будут в тексте употребляться термины без их описания, тем короче будет текст. Правда, в данном случае сокращение текста при удлинении кода наблюдается при условии, когда не меняется число объектов наименования. Если же новый знак появляется для обозначения нового объекта, то строение текста не меняется. Увеличение кода за счет заимствований происходит в тех случаях, когда иноязычное слово может быть переведено только словосочетанием, например: *круиз* — морское путешествие, *сюрприз* — неожиданный подарок, *брокер (маклер)* — посредник при совершении сделки (обычно при биржевых операциях), *лонжа* — приспособление в цирке, страхующее артистов для исполнения опасных трюков, *кемпинг* — лагерь для автотуристов.

Антиномия узуса и возможностей языка (по-другому — системы и нормы¹) заключается в том, что возможности языка (системы) значительно шире, чем принятое в литературном языке употребление языковых знаков; традиционная норма действует в сторону ограничения, запрета, тогда как система способна удовлетворить большие запросы общения. Например, норма фиксирует недостаточность некоторых грамматических форм (отсутствие формы 1-го лица единственного числа у глагола *победить*; отсутствие противопоставления по видам у ряда глаголов, которые квалифицируются как двувидовые, и т.д.). Употребление компенсирует такие отсутствия, пользуясь возможностями самого языка, часто привлекая для этого аналогии. Например, в глаголе *атаковать* словарно, вне контекста не различаются значения совершенного или несовершенного вида, тогда, вопреки норме, создается пара *атаковать* — *атаковывать* по аналогии с глаголами *организовать* — *организовывать* (форма *организовывать* уже проникла в литературный язык). По такому же образцу создаются формы *использовать*, *мобилизовать* и др., находящиеся только на стадии просторечия. Так норма сопротивляется возможностям языка. Еще примеры: система дает два типа окончания существительных в именительном падеже множественного числа — *домы/дома, инженеры/инженера, томы/тома, цехи/цеха*. Норма же дифференцирует

¹ *Русский язык: Энциклопедия.* — М., 1997. С. 659.

формы, учитывая стилевые и стилистические критерии: литературно-нейтральное (*профессора, учителя, инженеры, тополя, торты*) и профессиональное (*торта, козуха, мощностя, якоря, редактора, корректора*), просторечное (*площадь, матеря*), книжное (*учители, профессоры*).

Антиномия, вызванная *асимметричностью языкового знака*, проявляется в том, что означаемое и означающее всегда находятся в состоянии конфликта: означаемое (значение) стремится к приобретению новых, более точных средств выражения (новых знаков для обозначения), а означающее (знак) — расширить круг своих значений, приобрести новые значения. Ярким примером асимметричности языкового знака и ее преодоления может служить история слова *чернила* с достаточно прозрачным значением (*чернь, черный — чернила*). Первоначально и конфликта не было — одно означаемое и одно означающее (*чернила* — вещество черного цвета). Однако со временем появляются вещества иного цвета для выполнения той же функции, что и чернила, так возник конфликт: означающее одно (*чернила*), а означаемых несколько — жидкости разного цвета. В результате возникли абсурдные с точки зрения здравого смысла сочетания *красные чернила, синие чернила, зеленые чернила*. Абсурдность снимается следующим шагом в освоении слова *чернила*, появлением словосочетания *черные чернила*; таким образом, слово *чернила* утратило сему *черное* и стало употребляться в значении «жидкость, используемая для письма». Так возникло равновесие — означаемое и означающее «пришли к согласию».

Примерами асимметричности языковых знаков могут служить слова *котенок, щенок, теленок* и др., если они употребляются в значениях «детеныш кошки», «детеныш собаки», «детеныш коровы», в которых нет дифференциации по признаку пола и потому одно означающее относится к двум означаемым. При необходимости же точного указания на пол возникают соответствующие корреляции — *теленки* и *телка, кошки* и *кот* и др. В таком случае, скажем, наименование *теленки* означает только детеныша мужского пола. Еще пример: слово *депутат* означает лицо по должности независимо от пола (один знак — два означаемых). То же и в других случаях, например, когда сталкиваются обозначения лица, существа и предмета: *бройлер* (помещение для цыплят и цыпленок), *классификатор* (прибор и тот, кто классифицирует), *мультипликатор* (устройство и специалист по мультипликации), *кондуктор* (деталь машины и работник транспорта) и т.п. Такое неудобство форм язык стремится преодолеть, в частности, путем вторичной суффиксации: *разрыхлитель* (предмет) — *разрыхлительщик* (лицо), *перфоратор* (предмет) — *перфораторщик* (лицо). Одновременно с такой дифференциацией обозначений (лицо и предмет) происхо-

дит и специализация суффиксов: суффикс лица *-тель* (ср.: *учитель*) становится обозначением предмета, а значение лица передается суффиксом *-щик*.

Возможная асимметричность языкового знака в наше время приводит к расширению значений многих слов, их обобщенности; это, например, обозначения различных должностей, званий, профессий, которые одинаково подходят к мужчине и женщине (*адвокат, летчик, врач, профессор, ассистент, директор, лектор* и др.). Даже если и возможны коррелирующие формы женского рода при подобных словах, то они либо имеют сниженную стилистическую окраску (*лекторша, врачиха, адвокатша*), либо приобретают иное значение (*профессорша* — жена профессора). Нейтральные коррелирующие пары более редки: *учитель* — *учительница, председатель* — *председательница*).

Антиномия двух функций языка сводится к противопоставлению чисто информационной функции и экспрессивной. Обе действуют в разных направлениях: информационная функция приводит к однотипности, стандартности языковых единиц, экспрессивная — поощряет новизну, оригинальность выражения. Речевой стандарт закрепляется в официальных сферах общения — в деловой переписке, юридической литературе, государственных актах. Экспрессия, новизна выражения более свойственна речи ораторской, публицистической, художественной. Своеобразный компромисс (а чаще именно конфликт) обнаруживается в СМИ, особенно в газете, где экспрессия и стандарт, как считает В.Г. Костомаров¹, являются конструктивным признаком.

Можно назвать еще одну сферу проявления противоречий — это *антиномия устной и письменной формы языка*. В настоящее время в связи с возрастающей ролью спонтанного общения и ослаблением рамок официального публичного общения (в прошлом — подготовленного в письменной форме), в связи с ослаблением цензуры и самоцензуры изменилось само функционирование русского языка².

В прошлом достаточно обособленные формы реализации языка — устная и письменная — начинают в каких-то случаях сближаться, активизируя свое естественное взаимодействие. Устная речь воспринимает элементы книжности, письменная — широко использует принципы разговорности. Начинает разрушаться само соотношение книжности (основа — письменная речь) и разговорности (основа — устная речь). В звучащей речи появля-

¹ Костомаров В.Г. Русский язык на газетной полосе. — М., 1971.

² Панов М.В. Из наблюдений над стилем сегодняшней периодики // Язык современной публицистики. — М., 1988.

ются не только лексико-грамматические признаки книжной речи, но и чисто письменная символика, например: *человек с большой буквы, доброта в кавычках, качество со знаком плюс (минус)* и др.

Причем из устной речи эти «книжные заимствования» вновь переходят в письменную речь уже в разговорном варианте. Вот некоторые примеры: *Кулуарные договоренности мы оставляем за скобками* (МК, 1993, 23 марта); *Только медицинских работников, обслуживающих 20 клиентов вытрезителя, я насчитал 13 плюс психолог, плюс четыре консультанта* (Правда, 1990, 25 февр.); *Один из побочных эффектов этой так называемой фетальной терапии — общее омоложение организма, изменение в «минус» биологического возраста* (Веч. Москва, 1994, 23 марта); *Эти очаровательные белокурые девочки в таких же синих, как и его костюм, пиджачках и юбочках, с белоснежными блузочками, в этих прекрасных ярко-оранжевых толсто надутых жилетах туже поясах, стали вдруг недоступны ему, как Царство Небесное* (Ф. Незнанский. Частное исследование).

Так границы форм речи становятся размытыми, и, как считает В.Г. Костомаров¹, появляется особый тип речи — книжно-устная речь.

Такая ситуация предопределяет усиление взаимопроникновения книжности и разговорности (устного и письменного), что приводит в движение соприкасаемые плоскости, рождая новое языковое качество на базе новых столкновений и противоречий. «Зависимость функционирования языковых средств от формы речи снижается, но возрастает их привязанность к теме, сфере, ситуации общения»².

Все эти антиномии, о которых шла речь, являют собою внутренние стимулы развития языка. Но благодаря воздействию социальных факторов их действие в разные эпохи жизни языка может оказаться более или менее интенсивным и открытым. В современном языке многие из названных антиномий стали особенно активными. В частности, наиболее яркими явлениями, характерными для функционирования русского языка нашего времени, М.В. Панов³ считает усиление личностного начала, стилистический динамизм и стилистическую контрастность, диалогичность общения. Так, социо- и психолингвистические факторы оказывают влияние на особенности языка современной эпохи.

¹ Костомаров В.Г. Тенденции развития современного русского языка // Русский язык в школе. — 1976. № 6.

² Там же.

³ Панов М.В. Из наблюдений над стилем сегодняшней периодики.

ВАРИАНТНОСТЬ ЯЗЫКОВОГО ЗНАКА

Понятие вариантности и ее истоки

Языковая вариантность определяется как способность языка передавать одни и те же значения разными формами. Языковые варианты — это формальные разновидности одной и той же языковой единицы, которые при тождестве значения различаются частичным несовпадением своего звукового состава¹. Вариантными языковыми знаками, как правило, бывают две языковые формы, хотя их может быть и более двух.

Вариантность как языковое явление² демонстрирует языковую избыточность, которая вместе с тем необходима языку. Будучи следствием языковой эволюции, вариантность становится почвой для дальнейшего развития языка. Избыточность формы — естественное состояние языка, показатель его жизнеспособности и динамичности. Более того, не всякая вариантность средств языкового выражения «избыточна». Она становится «избыточной» только тогда, когда варианты не имеют никакой особой нагрузки³. Добавим — ни информационной, ни функциональной.

Вариантность обычно рассматривается в отношении к нормативности (нормативное — ненормативное), а также к временной отнесенности (устаревшее — новое). Кроме того, вариантность обнаруживается и в функциональном плане (общеупотребительное и специальное, функционально закрепленное).

Современный русский язык, отражая социальную мобильность, изобилует вариантными средствами выражения, и искусственное сокращение их (например, ограничения в словарях) бессмысленно.

¹ *Русский язык*: Энциклопедия. — М., 1997. С. 61.

² О вариантности слова см.: *Горбачевич К.С.* Вариантность слова и языковая норма. — Л., 1978; *Немченко В.Н.* Вариантность языковых единиц. Типология вариантов в современном русском языке. — Красноярск, 1990; *Салычев В.М.* Вариантность как общее свойство языковой системы // *Вопросы языкознания*. — 1984. № 2.

³ *Филин Ф.П.* Несколько слов о языковой норме и культуре речи // *Вопросы культуры речи*. — 1966. Вып. 7. С. 18.

«Требования абсолютной инвариантности норм не соответствуют современному состоянию русского литературного языка»¹.

Вариантность можно рассматривать как конкуренцию средств выражения. В результате этой конкуренции побеждают варианты наиболее удобные и целесообразные для конкретных условий общения, т.е. конкуренция — это закономерное явление, продиктованное коммуникативной целесообразностью².

Причины появления вариантности кроются в сочетании действия внутренних и внешних факторов развития языка. Внутрисистемные причины порождаются возможностями самого языка (действие законов аналогии, асимметричности языкового знака, речевой экономии и др.). Среди причин внешнего характера обычно называют контакты с другими языками, влияния диалектов, социальную дифференцированность языка.

Вариантность активно используется при создании социально-профессиональных различий языковых средств, их возрастной и функционально-стилевой дифференциации.

Наличие некоторого количества вариантов есть величина непостоянная, нестабильная. Варианты то прибывают, то убывают. Продолжительность жизни вариантов неодинакова: одни живут долго, на протяжении десятилетий и даже столетий, другие — можно причислить к вариантам-однодневкам. Например, форма прилагательного *английский*, окончательно утвердившаяся как стабильно литературная, пришла на смену распространенным в XVII—XVIII вв. формам *англинский*, *англицкий*, *аглицкий* и др.³ Сложную жизнь прожили и такие слова, как *зал* (хронологически фиксированные варианты *зало*, *зала*), *кофе* (*кофий*) и др. Процесс вытеснения вариантов, сокращение их количества — процесс неравномерный, часто противоречивый. Может случиться полное вытеснение вариантов (*зала* → *зал*), а может наблюдаться соперничество вариантов довольно длительный период времени, при сохранении этой вариантности вплоть до наших дней (*индустрия* — *индустрия́*; *творёе* — *твóрог*). И в рамках одного хронологического периода допускается варьирование форм (*джерси* — *джерси́*; *Нью́тон* — *Ньюто́н*; *кру́жный* — *кружно́й путь*).

При неизбежности процесса непрерывного варьирования в каждый хронологический период возникает необходимость унифицировать языковые формы и, следовательно, сократить вариантность. Убывание вариантов происходит, как правило, в результате регламентации, кодификации явлений (узаконение ка-

¹ Горбачевич К.С. Вариантность слова и языковая норма. С. 3.

² Костомаров В.Г. Тенденции развития современного русского языка.

³ Горбачевич К.С. Указ. соч. С. 26.

кого-либо из вариантов в словарях, справочниках, учебниках), т.е. возведения одного из вариантов в ранг литературной нормы.

То, как сложна жизнь вариантов и как несхожи могут быть результаты варьирования, можно проиллюстрировать множеством примеров, взять хотя бы процесс смыслового расхождения вариантных форм, следствием которого может оказаться рождение нового слова. Например, в вариантной паре *прожект* — *проект* за счет концентрации в варианте *проект* значений «замысел», «разработанный план», «предварительный текст какого-нибудь документа» с общей семантической доминантой реальности, вариант *прожект* с бывшим, устаревшим значением «план на будущее» приобрел новый семантико-стилистический облик — на первое место выдвигается значение «несбыточный план» с некоторой долей иронического оттенка (*строить прожекты*). В результате современные словари фиксируют разные слова. Разные значения развели и вариантные формы *остротá* — *острота*, закрепив во втором случае (теперь уже отдельном слове) одно из возможных, бывших переносных употреблений. Ср. также: *травник* — человек, который занимается сбором лечебных трав, знает способы их применения, и *травник* — слово, имеющее три значения: 1) то же, что *травник*; 2) настойка на траве; 3) старинная книга с описанием лечебных трав и способов лечения травами.

Кстати, с подобными случаями нельзя путать слова-омографы (одинаковое написание, различное ударение): *атлас* — *атлас*; *ледник* — *ледник*.

Вариантность может проявиться не только непосредственно в самой форме слова, отдельно взятой, но и на уровне сочетательных способностей слова: *атомный двигатель* — *атомный вес*; *ноль часов* — *свести все к нулю*.

В отношении понимания и трактовки самого понятия «языковой вариант» существуют некоторые разногласия. По мнению одних исследователей, вариантными можно считать разновидности языковых знаков в пределах тождества слова. Причем вариантными могут быть слова или его грамматические формы. В других случаях вариантность понимается несколько шире: к вариантам относят словообразовательные модификации типа *туристский* — *туристический*, *накат* — *накатывание*¹. Узкое и широкое понимание вариантности обнаруживается даже при рассмотрении отдельных, частных случаев, например при сопоставлении форм типа *глас* — *голос*; *врата* — *ворота*; *ночь* — *нощь*. Камнем преткновения оказывается происхождение этих форм — исконно русское и старославянское. Все зависит от исходной позиции. Если рассмат-

¹ Русский язык: Энциклопедия. С. 62.

ривать вариантность только как формальную разновидность языкового знака в пределах одного национального языка и внутри языка в рамках тождества слова, то из вариантности выпадут не только параллели, этимологически восходящие к разным языкам, но и большая часть так называемых словообразовательных вариантов, различающихся словообразующими суффиксами (*омич — омичанин, планетный — планетарный* и др.).

Проблема вариантности в русистике возникла в связи с развитием нормализаторской деятельности и изучения динамики литературной нормы. Поэтому вопросы вариантности и нормативности изначально изучались параллельно, что получило надежный выход в практическую деятельность по составлению словарей, справочников, в которых необходимы были сведения рекомендательного характера. Так понятия вариантности и нормативности стали ключевыми для особого раздела науки о языке — ортологии (наука о правильности речи).

Оставив в стороне споры о конкретном содержании термина «вариант», остановимся, вслед за К.С. Горбачевичем, на признании в качестве варианта формальной разновидности слова (тождественной данному слову), обладающей тем же лексическим значением и имеющей ту же морфологическую структуру. Т.е. наличие разного значения или разных словообразовательных суффиксов будем рассматривать как признаки отдельных слов, а не их вариантов. При таком подходе к вариантности, например, *топорище* (большой топор) и *топорище* (рукоятка топора) — это разные слова, а *закут* и *закута* (обл.) — варианты формы одного слова. Или еще: *закуска* и *закусь* (прост.) — разные слова, хотя имеют одинаковое значение, но различаются морфологическим составом. В этом смысле интересен следующий пример: *закутка* и *закуток* (в значении «закут, закута» — хлев для мелкого скота) — варианты, различающиеся формой грамматического рода, а *закуток* в значении «укромный уголок в жилом помещении» — отдельное слово.

Понимание вариантности как формальной разновидности слова или его грамматической формы приводит к признанию наличия в вариантах следующих возможных признаков: различие в произношении, в расположении ударения, различие в составе формообразовательных аффиксов. В таком случае даже суффиксы субъективной оценки не могут быть признаны в качестве образующих варианты, например: *сыннок, сыночек, сынуля, сынишка* — разные слова, а *сынишка* и *сынишко* (устаревшее) — варианты одного слова.

Вариантные языковые знаки (слова, их формы и реже — словосочетания) должны обладать некоторым набором признаков: общим лексическим значением, единым грамматическим значени-

ем и тождеством морфологической структуры. Так, *чепец* и *чепчик* — это разные слова, так как в них нет тождества морфологической структуры, хотя они имеют одинаковое лексическое значение; с другой стороны, разными словами (а не вариантами) могут оказаться и одинаковые по фонетическому составу и морфологическому облику слова, имеющие разное значение; *худой* — не толстый, не упитанный; *худой* — худший, плохой (разг.); *худой* — дырявый, прохудившийся (разг.) или *скобка* — пунктуационный знак; *скобка* — способ стрижки волос; *скобка* — изогнутая полукругом металлическая полоса, служащая ручкой у дверей, сундуков. Признаком разных грамматических форм слова могут служить разные грамматические значения, например: *Вы любите читать* (изъявит. накл.), *любите книгу* (повел. накл.). Еще пример: *недостаток сахара* и *недостаток сахару* (*сахара* и *сахару* — варианты формы, если они имеют одно значение — колич., нехватка сахара); если же имеются в виду разные значения — *недостаток сахара* (плохое качество) и *недостаток сахару* (малое количество), — то это не варианты, а разные формы слова.

Чем же различаются варианты? Во-первых, произношением: *булочная* — *було[ш]ная*, *темп* — *т[э]мп*, *дождь* — *дож'зь*; во-вторых, фонемами, утратившими словоразличительную функцию: *галюши* — *калюши*, *матрац* — *матрас*; в-третьих, расположением ударения: *далеко́* — *далёко*, *творо́г* — *твóрог*, *кóмпас* — *компа́с* (профес.), *догово́р* — *дóговор* (разг.); в-четвертых, формообразовательными суффиксами: *достигнул* — *достиг*, *намокнул* — *намок*; в-пятых, окончаниями некоторых падежей: *инженеры* — *инженера*, *пять килограммов* — *пять килограмм*, *много апельсинов* — *много апельси́н*; в-шестых, звуковыми несовпадениями в некоторых приставках и суффиксах (часто это формы, восходящие к старославянскому и исконно русскому источнику; если пренебречь этимологией, можно такие параллели причислить к вариантам, так же как и вообще полногласные и неполногласные формы (*брег* — *берег*, *врата* — *ворота*): *всходить* — *восходить*, *умиротворение* — *умиротворенье*, *смирение* — *смиренье*).

При определении вариантов наиболее принципиальным и одновременно затруднительным в ряде частных случаев оказывается признак морфологического тождества¹. Этот признак либо признается абсолютным, либо он частично не принимается во внимание, в последнем случае допускается говорить о словообразовательных вариантах. Отрицание этого признака (морфологического тождества) приводит к расширительному представлению о вариантности. Тогда многие паронимы попадают в разряд вари-

¹ Горбачевич К.С. Вариантность слова и языковая норма. — Л., 1978. С. 16.

антных слов, типа *элитарный* и *элитный*, *туристический* и *туристский*, *командированный* и *командировочный*, *планетный* и *планетарный* и т.п. Однако все эти и подобные слова в словарях имеют самостоятельные словарные позиции, кстати, они различаются и значением, а не только морфологическим обликом. Думается, что отнесение их к вариантам неправомерно, хотя и достаточно распространено и фиксируется в авторитетных изданиях¹. В таком случае признается тождество грамматической функции и различаются словоизменительные грамматические варианты (типа *спазм* — *спазма*, *сыра* — *сыру*) и словообразовательные (типа *накатка* — *накат* — *накатывание*, *туристский* — *туристический*).

Сужение представления о вариантности до морфологического тождества более соответствует лексикографической практике и современной теории словообразования. Однако возникают затруднения при рассмотрении ряда параллельных образований, в которых, в частности, суффиксы не могут быть признаны вариантами одной морфемы, так как они функционально не тождественны². Действительно, как быть с такими формами, как *волчиха* и *волчица*, *мостик* и *мосток*, *остричь* и *обстричь*, *носатый* и *носастый*? Приставки и суффиксы здесь не варьируются в рамках слова, а словарно определены (ср.: *волчиха* — *слониха*, *волчица* — *лисица*)³. Следовательно, строго говоря, это разные слова.

Итак, в квалификации вариантов мы согласны с мнением тех лингвистов, которые строго ориентированы на лексические и материальные показатели, когда вариантами признаются регулярно воспроизводимые видоизменения одного и того же слова. Причем формальные различия слов и их форм могут иногда обнаруживаться на уровне синтаксиса (например, *кенгуру* — ж. и м. род; *кофе* — м. или ср. р. и др.).

Понимание вариантов в рамках тождества слова (при учете содержательного и материального совпадения) дает возможность отграничить вариантность от других лексико-семантических явлений, в частности, от синонимии. Синонимы различаются либо оттенками значений, либо стилистической окраской, в то время как этимология и материальное (морфологическое) тождество при определении синонимов не принимаются во внимание. Для варианта же наличие особого (другого) словообразовательного элемента противопоставлено, это признак отдельного слова. Поэтому пары слов типа *глаза* и *очи*, *аэроплан* и *самолет* синонимичны, но не варианты. Синонимы могут быть и однокорневыми, но от вари-

¹ *Русский язык*: Энциклопедия. — М., 1997. С. 62.

² Горбачевич К.С. Вариантность слова и языковая норма. С. 16.

³ Там же.

антов слов их отличает наличие особого, отдельного словообразовательного элемента, например приставки (*выругать — отругать*), суффикса (*заглавие — заголовок*), приставки и суффикса (*качать — раскачивать*), постфикса (*дымить — дымиться*). В любом случае синонимы — это отдельные, самостоятельные слова, близкие или совпадающие по значению, при этом отнюдь не претендующие на материальное тождество: это могут быть слова разных языков (*виктория — победа*), разных корней (*страх — ужас*), одного корня, но разного набора словообразовательных элементов (*неграмотность — безграмотность, табурет — табуретка, планшет — планшетка*).

Нельзя признать вариантами и паронимы — однокорневые слова, имеющие сходство в звучании, но различающиеся своими значениями и отчасти морфологической структурой: *характерный — характерологический, двойной — двойственный, гневный — гневливый, шумный — шумовой, элитный — элитарный, мощный — мощностный; заплатить — оплатить, выплата — оплата* и т.п. Подобные пары слов отличаются от вариантов и лексически (имеют разные значения или разные оттенки значений), и морфологически (имеют разный набор словообразовательных элементов), и синтаксически (обнаруживают разную контекстуальную сочетаемость). В определенных значениях паронимы могут выступать в качестве синонимов (*двойкий — двойственный*), но чаще всего они контекстуально не взаимозаменяемы (*болотный газ — болотистая местность; туристский инвентарь — туристическая тубевка; командированный специалист — командировочное удостоверение*). Невозможность взаимозамены принципиально отличает паронимы от синонимов, и тем более от вариантов. Паронимы могут различаться значением и при сочетании с одними и теми же словами, например: *элитный жилой дом* и *элитарный жилой дом* (*элитарный дом* — предназначенный для элиты; *элитный дом* — дом высокого качества, построенный как для элиты). Видимо, во втором случае просматривается первоначальный смысл слова, зафиксированный в специальной литературе: *элитные семена, элитное животноводство* (от *элита* — лучшие, отборные растения и животные). При введении слов *элита* и *элитный* в широкий социальный контекст изменились и их сочетательные возможности.

Классификация вариантов

В связи с тем, что само понятие вариантности трактуется неоднозначно, в литературе нет еще общепринятой классификации вариантов. В попытках систематизации языковых вариантов учитывается разный набор признаков в соответствии с исходными

позициями в понимании данного языкового явления. Существующие разногласия во взглядах объясняются прежде всего разным представлением о диапазоне варьирования — он может неимоверно расширяться и терять определенные очертания, как, например, при причислении к вариантам пары слов *аэроплан* и *самолет*¹, а может быть четко ограниченным тождеством слова². Но и в последнем случае возникает много вопросов. Например, считать ли вариантами смысловые аналоги книжно-славянского и русского происхождения (в XVIII в. их называли тождесловами)? Существуют ли словообразовательные варианты? Существуют ли синтаксические варианты? Если существуют, то в каких пределах (на уровне словосочетания, предложения)? Только принципиально решив все эти вопросы, определив свои позиции, можно создать непротиворечивую классификацию вариантов.

Исходя из узкого понимания вариантности и ориентируясь на буквальное значение термина «вариант» (лат. *varias* — изменяющийся), будем считать вариантами разновидности слова (фиксированное различие в произношении и в месте расположения ударения) и разные грамматические формы одного и того же слова, тождественные по своей грамматической функции. Следовательно, вариантность ограничивается словоизменительными возможностями слова, но не словообразовательными.

Такой подход к вариантности определяет и границы вариантности, и классификацию вариантов внутри этих границ.

Прежде всего выделяются лексические варианты (варианты слов: *творёг* — *твóрог*; *ветер* — *ветр*³) и грамматические (точнее — морфологические) варианты (варианты форм: *в отпуске* — *в отпуску*; *цехи* — *цеха*, *инженеры* — *инженера*, *сто граммов* — *сто грамм*).

Варианты могут быть полными и неполными. Полные варианты различаются только формальными показателями (произношением, ударением), неполные различаются еще и функционально (общеупотребительные и специально-профессиональные, общеупотребительные и внелитературные).

¹ Крысин Л.П. Словообразовательные варианты и их социальное распределение // Актуальные проблемы лексикологии. — Новосибирск, 1969.

² Более распространенное понимание вариантности. См. указ. соч. Горбачевича К.С. См. также мнение Ф.Ф. Фортунатова о квалификации пары слов типа *неправда* и *ложь* как различных слов (Избранные труды. Т. 1. — М., 1956). Такого же мнения ученые В.В. Виноградов, Г.О. Винокур, А.И. Смирницкой, Л.К. Граудина и др.

³ Граудина Л.К. К истории нормализации вариантов в грамматиках (начало XX в. — 60-е годы) // Литературная норма и вариантность. — М., 1981. С. 39. Однако относительно «тождесловов» старославянского и русского происхождения, как уже отмечалось, существуют разные мнения.

По характерным формальным признакам различаются варианты *акцентные, фонетические, фонематические, грамматические* (морфологические и частично, очень ограниченно, *синтаксические*¹).

Акцентные варианты различаются собственно ударением (*тво́рог — тво́рог, и́наче — и́наче*) или в связи с различием в ударении и фонемным составом (*со́сенка — сосе́нка, запа́сный — запасно́й*). Акцентные варианты могут существовать в рамках литературного языка, как, например, в словах *индустрия — индустри́я, эпиле́сия — эпиле́сия, творо́г — тво́рог, далеко́ — да́леко*. Колеблются в рамках литературного языка и некоторые формы слов: *ми́рит и мири́т, повто́рит и повто́рит* и др. Но чаще, конечно, разноударными оказываются варианты, противопоставленные по признаку «литературное/нелитературное». Например: лит. *портфе́ль* — нелит. *по́ртфель*, лит. *средства́* — нелит. *средствá*. Противопоставление бывает и иного плана — общеупотребительное и профессиональное, специальное, например: *ра́порт* и проф. *рапо́рт, ко́мпас* и проф. *компа́с*.

При включении вариантной формы в литературный язык бывают несовпадения во мнениях лексикографов. Например, большая часть словарей фиксирует литературное ударение в слове *кулина́рия*, однозначно отказывая в литературности варианту *кулина́рия*. Но в последних изданиях словаря С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой признаются в качестве допустимых оба варианта — *кулина́рия* и *кулина́рия*, видимо, учитывается в данном случае массовость употребления второго варианта в настоящее время.

Фонетические (звуковые) варианты обнаруживаются при различном произношении звуков и их сочетаний в словах и формах слов. Например, вариантное произношение возникает в словах с сочетаниями *-чн-* (*булочная — було[ш]ная, конечно — коне[ш]но, скворечник — скоре[ш]ник*) и *-что-* (*что — [ш]то*). Вариантность возникает при освоении иноязычных слов, например, произношение звука [э] после твердого или мягкого согласного: *[т'э]мп — [тэ]мп, [д'э]кан — [дэ]кан, [р'э]ктор — [рэ]ктор, [к'э]мпинг — [кэ]мпинг*. Выбор варианта в данном случае обнаруживает степень обрусения иноязычных слов.

Фонематическая вариантность в современном русском языке представлена в меньшей степени, чем фонетическая и тем более акцентная, хотя в прошлом она была широко распространена. Видимо, сказывается тот факт, что фонематическая вариантность имеет прямой выход в орфографию, а последняя в связи с расши-

¹ Имеются в виду только варианты управления и согласования, а также варианты предложных и беспредложных сочетаний.

рением позиций письменной речи стремится к унификации. Поэтому варианты чаще сохраняются в фактах нелитературного употребления, а литературный язык допускает фонематические варианты в крайне скупых дозах, как, например, в словах *матрац* — *матрас*, *ноль* — *нуль*, *тоннель* — *туннель*, *зверушка* — *зверюшка*, *кегель* — *кегель*, *блэкнуть* — *блекнуть*, *блэклый* — *блеклый*, *жёлчь* — *желчь*, *мафиози* — *мафиозо* и др. Что же касается вариантов типа *бобр* — *бобер*, *поднимать* — *подымать*, *обернуть* — *обвернуть* и тем более типа *оспа* — *воспа*, *журавль* — *журавель*, то они противопоставлены как нормативные (1-я позиция в паре) и ненормативные (2-я позиция в паре).

Фонематическая вариантность, отраженная в орфографии, часто поддерживается словарями, фиксирующими двойное написание, например, в словаре С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой (1995) даны написания: *псалтырь* и *псалтирь*, *изюбр* и *изюбрь*, *кенар* и *кенарь*, *кизил* и *кизиль*, *строгать* и *стругать*, *фиорд* и *фьорд*, *бивак* и *бивуак*, *тоннель* и *туннель*, *шпаклевка* и *шпатлевка*, в других случаях часто орфографические варианты были сняты, например, в парах *офис* — *оффис*, *колготки* — *калготки*, *фломастер* — *фламастер* исчезли написания во вторых позициях.

Определенное упорядочение в написании слов отчасти зафиксировано правилами 1956 г. (*эксплуатация* вместо *эксплуатация* и *эксплоатация*; *междугородный* вместо *междугородный* и *междугородний* и др.). До 1956 г. вариантов было еще больше: *бутерброд* и *буттерброд*, *баласт* и *балласт*; *мачеха* и *мачиха*, *бичева* и *бечева*, *метель* и *мятель*, *пескарь* и *пискарь* и др. Таким образом, часто фонематические варианты объединяются с орфографическими.

Морфологические варианты представляют собой формальные модификации слова при сохранении морфологической структуры, лексического и грамматического значения. Колебания обычно наблюдаются в формах грамматического рода, числа и падежа имен существительных и отчасти в формах глагола, например колебания в форме грамматического рода: *закута* — *закут*, *вольера* — *вольер*, *шпрота* — *шпрот*, *лангуста* — *лангуст*, *мангуста* — *мангуст*, *спазма* — *спазм*, *рельса* — *рельс*, *скирда* — *скирд*, *ставня* — *ставень* и др.

Колебания (т.е. вариантность) могут наблюдаться и в формах грамматического числа. В именах существительных, в частности, морфологическая оппозиция форм числа обнаруживается в противопоставленности форм единственного и множественного числа, причем базируется эта противопоставленность на представлении о реальном количестве — единичности или множественности. Однако в разных классах существительных обнаруживается неполная

семантическая соотнесенность форм единственного и множественного числа, т.е. не всегда, например, форма множественного числа соответствует значению множественности, а форма единственного числа — значению единичности.

Особенно многозначительной категорией является категория множественного числа¹. Например, форма мн. числа используется для названия национальностей, этнических групп (*арабы, аргентинцы, канадцы, казахи, поляки, томоры, чукчи* и др.). Такие формы дают общее понятие о нации в целом и не обозначают сумму (множество) представителей этой нации. В других случаях формы множественного числа используются для называния бытовых предметов (обуви, одежды и т.д.): *боты, сапоги, ботфорты, черевички, шлепанцы, рукавицы, носки, чулки, гетры* (часто это названия парных предметов, но здесь главное — не значение парности, а значение обобщенно-родовое, так же как и в других семантических классах существительных, например: *возжи, кастаньеты, гантели, литавры, коньки, лыжи* и т.п. Таким образом, форма множественного числа здесь используется не как противопоставленная форме единственного числа (единичный предмет и множество таких же предметов), а как самостоятельное обозначение родовой принадлежности. Конечно, противопоставленность единственное — множественное подобных имен может проявиться в контекстных условиях (ср., например: *Ручные антилопы гуляют в саду, одна из них подошла к дому* — здесь форма мн. числа обозначает не родовое наименование, а количество данных особей), но это не единственно возможное значение формы. Видимо, на этой языковой возможности (способности выражать формами множественного числа разные значения) и возникает вариантность, например: *кружева — кружево, двери — дверь, антресоли — антресоль, катакомбы — катакомба, перила — перило, сходни — сходня* и др. Во всех этих случаях формы мн. числа имеют то же значение, что и формы ед. числа, следовательно, они вариантны. Именно из-за их вариантности (передача одинакового, а не разного значения) в словарях обнаруживается разная подача этих слов. Например, слово *калики* в словаре Д.Н. Ушакова, в БАС, МАС дается с указанием формы ед. ч., а в словаре С.И. Ожегова (1972) такой формы нет. Кстати, в словаре С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой (1995) форма ед. числа указана. В слове *пертолки* в словарях Д.Н. Ушакова и БАС дается форма ед. ч., а в словаре С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой (1995) эта форма не указана. При слове *дверь* в словаре С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой (1995) есть указание относительно формы мн.

¹ *Чельцова Л.К.* Форма множественного числа имен существительных как исходная форма в лексикографии // Грамматика и норма. — М., 1977.

числа — в одном значении с ед. числом. В том же словаре интересно подается слово *ужимка* (*ужимки*): даны обе формы, но пример приводится не к заглавной форме (*ужимка*), а к форме мн. числа: *Говорить с ужимками*, т.е. используется вариантное обозначение. При слове *аплодисменты* указывается форма ед. числа, но с пометой «устар».

Морфологические варианты обнаруживаются и в формах падежа. Так, Л.К. Граудина отмечает, что более одной тысячи существительных муж. рода на твердый согласный колеблются в той или иной падежной форме¹. Это форма им. п. мн. числа (*тракторы — трактора, редакторы — редактора, секторы — сектора*); форма род. п. мн. числа (*микронов — микрон, грузинов — грузин, граммов — грамм, апельсинов — апельсин*); форма род. п. ед. числа (*снега — снегу, народа — народу, чая — чаю, сахара — сахару*); форма предл. п. ед. числа (*в цехе — в цеху, в отпуске — в отпуску, в саде* (в детском саде) — *в саду* (гулять в саду), *на мысе — на мысу*). Колебания в падежных формах и, следовательно, в их вариантности наблюдаются и в других, менее типичных и распространенных случаях, например в формах *простынь — простыней, комментарий — комментариев, угодий — угодьев, полотенец — полотенцев* и др.

Морфологические варианты характерны и для некоторых глагольных форм, в частности: форм прош. времени (*гаснул — гас, потухнул — потух, намокнул — намок*); параллельных форм инфинитива (*удостаивать — удостаивать, заболочивать — заболачивать, обуславливать — обуславливать*).

Говорить о *синтаксической вариантности* можно крайне осторожно. В узком, прямом смысле синтаксических вариантов мало, хотя существуют разные способы выражения мысли. Однако в данном случае имеются в виду параллельные синтаксические конструкции, они скорее синонимичны, чем вариантны: например, определительные отношения можно передать причастными оборотами или определительными придаточными; объектные отношения — изъяснительными придаточными или словоформами в составе простого предложения (ср.: *Дом, стоящий на холме, далеко виден. — Дом, который стоит на холме, хорошо виден; Брат сообщил о своем приезде. — Брат сообщил о том, что придет*). Это разные конструкции, передающие одинаковые сообщения. Но в языковом плане они не вариантны, так как представляют собой разные синтаксические образования.

Усмотреть вариантность на синтаксическом уровне можно лишь в рамках словосочетаний, точнее, в фактах согласования и управ-

¹ Граудина Л.К. Словоизменительные варианты: вес переменных элементов в грамматике // Грамматика и норма. — М., 1977. С. 162.

ления, наличия или отсутствия предлогов, т.е. вариантность здесь проявляется в разных сочетаемостных свойствах слов. Признаки синтаксических вариантов: 1) тождество грамматического значения и грамматической модели, 2) материальное совпадение компонентов сочетания. Основное различие вариантов заключается в формальном несовпадении зависимого компонента (наличие или отсутствие предлога; форма падежа и др.). Вариантными можно признать сочетания типа *заявление Петрова — заявление от Петрова; отзыв о книга — отзыв на книгу, способный к математике ученик — способный по математике ученик; принадлежать элитной группе — принадлежать к элитной группе; ехать поездом — ехать на поезде; способность к жертвенности — способность на жертвенность; акт проверки — акт о проверке; контроль над производством — контроль за производством* и т.п. Вариантность проявляется и в сочетаниях подлежащего и сказуемого, где возможен выбор формы сказуемого, например: *Большинство студентов приехали — приехало; Секретарь пришел — пришла* (вариантность фиксируется лишь при значении *секретарь — женщина*).

Вариантность на синтаксическом уровне всегда связана с семантико-грамматическими взаимоотношениями сочетающихся слов, часто выявление этих взаимоотношений вызывает практические трудности. Например, что правильно: *заявление от кого* или *чье?*; *отзыв о чем* или *на что?* Литературная норма требует употреблять формы: *отзыв о диссертации*, но *рецензия на диссертацию; заявление Петрова* (чье?), но в последнее время в делопроизводстве допускается и форма *заявление от кого*; то же при употреблении сочетаний *характеристика сотрудника* (чья характеристика) и *характеристика на сотрудника* (отдел кадров составляет характеристику на сотрудника).

Труднее разобраться с примерами типа *вершить судьбы* или *судьбами, предел терпения* или *терпению; подвести итоги соревнования* или *соревнованию; полный впечатлений* или *впечатлениями; цена вещей* или *вещам; памятник Аникушина* или *Аникушину?* и т.п. В подобных случаях вариантность часто оказывается мнимой, и она снимается при установлении точного смысла сочетания (контекстуально обусловленного): *Памятник Аникушина* (памятник, выполненный Аникушиным) — *Памятник Пушкину* (поставленный в честь Пушкина); в сочетании *вершить судьбы* передается значение «определять судьбу» (например, в суде), а в сочетании *вершить судьбами* — значение «распоряжаться судьбами». В сочетаниях *предел терпения/терпению* и *цена вещей/вещам* также нельзя усмотреть вариантность, но по другой причине — здесь нет общности грамматического значения (грамматической соотнесенности), что опять-таки проявляется в контексте: *установить цену вещам* —

форма *вещам* управляется глаголом *установить*; а в сочетании *установить цену вещей* форма *вещей* зависит от имени существительного *цена*; примерно то же распределение грамматических связей в сочетании *подвести итоги соревнования/соревнованию* (*подвести* → *соревнованию*; *итоги* → *соревнования*).

Если же распределение грамматических связей и общее значение конструкций оказывается идентичным, то можно говорить о синтаксических вариантах. Появляются они исторически, как и другие варианты. Например, по аналогии или под воздействием других законов происходит смена управляемых форм или вытеснение беспредложных сочетаний предложными, меняются формы согласования и т.п. Часто в смене управления формы проявляются тонкие семантико-грамматические связи. Например, в слове *свидетель* в прошлом в большей степени обнаруживалась глагольная семантика, чем в современном языке, и поэтому реализовалось управление дательным падежом — *свидетель происшествию* (чему?), в современном употреблении на передний план выдвигается форма имени, и родительный определительный оказывается более актуальным — *свидетель происшествия* (чего?). Тонкие различия усматриваются в сфере предложного управления, ср.: *Жить в России, но на Украине*. В последнее время возникла вариантная форма *в Украине* (видимо, просматривается психологический фактор — желание освободиться от исторически сложившегося «окраинного» положения — *на окраине*), хотя, конечно, смена предлогов *в* и *на* далеко не всегда поддается осмыслению, поскольку семы «на поверхности» (*на*) и «внутри» (*в*) потеряли свою реальную основу, ср.: старую форму — *в улице* и новую — *на улице* (сейчас уже не различаются некоторые формы: *в кухне* — *на кухне*, *в поле* — *на поле*, но: *на улице* и *в переулке*).

Итак, языковые варианты усматриваются в рамках тождества слова (необходимо совпадение лексического и грамматического значения, а также словообразовательной модели). Варианты различаются формальными признаками: акцентными, фонетическими, фонематическими, морфологическими и частично — синтаксическими.

Языковая вариантность — следствие языковой эволюции, показатель языковой избыточности, но избыточности, дающей толчок к движению, развитию. Убывание вариантов — постоянный процесс, так же как и появление новых вариантов. Исчезновение вариантов происходит путем вытеснения их вариантом более сильным, целесообразным, по разным причинам признанным в качестве литературного. Варианты могут разойтись семантически и дать толчок для образования самостоятельных слов, кроме того, варианты могут служить стилистическому обогащению языка, если они

способствуют перераспределению стилистических оценок (книжное — разговорное, общеупотребительное — профессиональное и т.п.).

Наличие вариантов в языке создает острую проблему языковой нормы. Изучение конкуренции вариантов является важным этапом в определении тенденций в развитии языка, в определении живых активных процессов в языке.

ЯЗЫКОВАЯ НОРМА

Понятие нормы и ее признаки

С понятием нормы обычно связывают представление о правильной, литературно грамотной речи, а сама литературная речь является одной из сторон общей культуры человека.

Норма, как явление социально-историческое и глубоко национальное, характеризует прежде всего литературный язык — признанную в качестве образцовой форму национального языка. Поэтому термины «языковая норма» и «литературная норма» часто совмещаются, особенно в применении к современному русскому языку, хотя исторически это не одно и то же.

Языковая норма складывается в реальной практике речевого общения, отрабатывается и закрепляется в общественном употреблении как узус (лат. *usus* — пользование, употребление, обыкновение); литературная норма бесспорно базируется на узусе, но она еще и специально опекается, кодифицируется, т.е. узаконивается специальными установлениями (словарями, сводами правил, учебниками).

Литературная норма — это принятые в общественно-языковой практике правила произношения, словоупотребления, использования грамматических и стилистических языковых средств. Норма исторически подвижна, но вместе с тем устойчива и традиционна, она обладает такими качествами, как привычность и общеобязательность. Стабильность и традиционность нормы объясняют некоторую степень ретроспективности нормы. Несмотря на свою принципиальную подвижность и изменчивость, норма предельно осторожно открывает свои границы для инноваций, оставляя их до поры до времени на периферии языка. Убедительно и просто сказал об этом А.М. Пешковский: «Нормой признается то, что было, и отчасти то, что есть, но отнюдь не то, что будет»¹.

¹ Ср. также: «Норма соответствует не тому, что можно сказать, а тому, что уже сказано и что по традиции «говорится» в рассматриваемом обществе» (Э. Косериу. Синхрония, диахрония и история / Пер. с испанского // Новое в лингвистике. Вып. 3. — М., 1963).

Природа нормы двусторонняя: с одной стороны, в ней заключены объективные свойства эволюционирующего языка (норма — это реализованная возможность языка), а с другой — общественные вкусовые оценки (норма — закрепленный в лучших образцах литературы устойчивый способ выражения и предпочитаемый образованной частью общества). Именно это сочетание в норме объективного и субъективного создает в некоторой степени противоречивый характер нормы: например, очевидная распространенность и всеупотребительность языкового знака отнюдь не всегда (или, во всяком случае, не сразу) получает одобрение со стороны кодификаторов нормы. Так сталкиваются живые силы, направляющие естественный ход развития языка (и закрепления результатов этого развития в норме), и традиции языкового вкуса. Объективная норма создается на базе конкуренции вариантов языковых знаков. Для недавнего прошлого наиболее авторитетным источником литературной нормы считалась классическая художественная литература. В настоящее время центр нормообразования переместился в средства массовой информации (телевидение, радио, периодическая печать). В соответствии с этим меняется и языковой вкус эпохи¹, благодаря чему меняется и сам статус литературного языка, норма демократизируется, становится более проницаемой для бывших нелитературных языковых средств.

Главная причина изменения норм — это эволюция самого языка, наличие вариантности, что обеспечивает выбор наиболее целесообразных вариантов языкового выражения. В понятие образцовости, эталонности нормативного языкового средства все заметнее включается значение целесообразности, удобства.

Норма обладает некоторым набором признаков, которые должны присутствовать в ней в своей совокупности. Подробно о признаках нормы пишет К.С. Горбачевич в книге «Вариантность слова и языковая норма». Он выделяет три основных признака: 1) устойчивость нормы, консерватизм; 2) распространенность языкового явления; 3) авторитет источника. Каждый из признаков по отдельности может присутствовать в том или ином языковом явлении, но этого недостаточно. Чтобы языковое средство было признано нормативным, необходимо сочетание признаков. Так, например, в высшей степени могут быть распространены ошибки, причем они могут сохранять свою устойчивость на протяжении длительного периода времени. Наконец, языковая практика достаточно авторитетного печатного органа может оказаться далеко не идеальной. Что же касается авторитетности художников слова, то тут возникают особые трудности в оценках, так как язык художественной

¹ Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи. — М., 1997.

литературы — явление особого плана и высокохудожественность часто достигается именно в результате свободного, не по строгим правилам, пользования языком.

Качество (признак) устойчивости нормы по-разному проявляется на разных языковых уровнях. Причем этот признак нормы непосредственно связан с системным характером языка в целом, поэтому на каждом языковом уровне соотношение «норма и система» проявляется в разной степени, например, в области произношения норма целиком зависит от системы (ср. законы чередования звуков, ассимиляции, произношения групп согласных и др.); в области грамматики система выдает схемы, модели, образцы, а норма — речевые реализации этих схем, моделей; в области лексики норма в меньшей степени зависит от системы — содержательный план господствует над планом выражения, более того, системные взаимоотношения лексем могут корректироваться под влиянием нового содержательного плана. В любом случае признак устойчивости нормы проецируется на языковую системность (вне-системное языковое средство не может быть стабильным, устойчивым).

Таким образом, норма, обладая перечисленными признаками, реализует следующие критерии ее оценки: критерий системный (устойчивость), критерий функциональный (распространенность), критерий эстетический (авторитет источника).

Объективная языковая норма складывается стихийно путем выбора наиболее удобного, целесообразного варианта языкового средства, который и становится распространенным, широко употребительным. Жестко соблюдаемое правило в этом выборе — соответствие системе языка. Однако такая стихийно сложившаяся норма еще не обязательно будет официально признанной. Нужна кодификация нормы, ее узаконение путем официальных установлений (фиксация в нормативных словарях, сводах правил и т.д.). Вот тут-то и возникают некоторые затруднения в виде сопротивления новым нормам со стороны кодификаторов или общественности, наконец, какой-то группы профессионалов или «любителей словесности». Как правило, это выглядит как запрет на все новое. Пуризм — это стремление из консервативных побуждений сохранить что-либо (например, в языке) в неизменном виде, оградить от новшеств (пуризм — фр. purisme, от лат. purus — чистый).

Пуризм бывает разный. В истории русской словесности известен, например, идеологический пуризм, связанный с именем А.С. Шишкова, русского писателя, президента Российской академии с 1813 г., в дальнейшем министра народного просвещения, который выступал как архаист, не терпящий никаких нововведений в языке, особенно заимствованных. В наше время можно

столкнуться с пуризмом вкусовым, когда языковые факты оцениваются с бытовых позиций «режет или не режет ухо» (ясно, что ухо может иметь разную чувствительность), а также с пуризмом ученым, который заслуживает большего внимания, поскольку способен оказать влияние при выработке рекомендательных установлений. Чаще всего это эмоции библиофила, находящегося в плену традиции. Выявляется это в запретительных рекомендациях, помещаемых в словарях, в пособиях и др. Отчасти такой пуризм может быть и полезным, он обладает качеством сдерживающего начала.

Норма зиждется на узусе, обычае употребления, кодифицированная норма официально узаконивает узус (или в каких-то частных случаях отвергает его), в любом случае кодификация — это осознанная деятельность. Поскольку кодификаторы, как отдельные ученые, так и творческие коллективы, могут иметь разные взгляды и установки, разную степень проявления запретительных намерений, часто рекомендации в официально изданных документах не совпадают, особенно это касается стилистических помет в словарях, фиксации ряда грамматических форм и т.д. Такие разногласия свидетельствуют не столько о том, что при освещении языковых фактов, при установлении нормы могут использоваться разные критерии, сколько о противоречивости самого языкового материала: язык богат вариантными формами и структурами, и проблема выбора подчас оказывается затруднительной. Кроме того, принимается во внимание и «языковая политика» момента. На разных этапах жизни общества она заявляет о себе по-разному. Термин этот возник в 20—30-е годы XX в. и означает сознательное вмешательство в речевую практику, принятие в отношении нее охранных мер. В настоящее время состояние нашей государственности и состояние общества таковы, что об охранных мерах по отношению к общественной и речевой практике никто и не думает. Литературная норма явно расшатывается, и прежде всего средствами массовой информации. Словосочетание «языковой беспредел» стало употребляться наряду с другими, где активно проявляется внутренняя форма этого бывшего жаргонного слова (отсутствие меры в чем-либо, что оценивается отрицательно), — *административный беспредел, правовой беспредел, беспредел власти, армейский беспредел* и др. Это слово стало настолько широко употребительным (в разных контекстах), что даже в словарях оно приобрело новые пометы, в частности, в Словаре С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой 90-х годов издания слово представлено с пометой «разговорное», хотя до этого периода слово вообще не включалось в этот словарь как принадлежащее к уголовному жаргону. Современная популярность слова не могла быть незамеченной в лингвистичес-

кой среде: ему посвящают статьи, многие страницы в монографиях¹.

Итак, кодификация нормы есть результат нормализаторской деятельности, а кодификаторы, наблюдая за речевой практикой, фиксируют норму, сложившуюся в самом языке, отдавая предпочтение тому из вариантов, который оказывается наиболее актуальным для данного времени.

Норма и окказионализм.

Норма общеязыковая и ситуативная

Нормативность держится на языковой системности и складывается в объективных процессах языкового развития. Параллельно, разумеется, в иных масштабах, протекает процесс индивидуально-языковорчества. У писателей, поэтов, журналистов возникает потребность в создании новых слов и форм слов. Так возникает *окказионализмы* (от лат. *occasio*, род. п. *occasionis* — случай, повод) — индивидуальные, единичные неологизмы. Естественно, что в понятие узуса и нормы они не включаются. Окказионализмы можно встретить у любого пишущего человека, и они вовсе не претендуют на всеобщее признание, хотя известны многие частные случаи «всеобщей» жизни окказионального слова.

В данном случае нас интересует так называемый системный окказионализм, рождающий потенциальные слова, — слова, которых нет, но они возможны, если бы того захотела «историческая случайность» (Г.О. Винокур). Например, по модели *землеход* создается слово *луноход*, под влиянием известного события в космонавтике. Параллельно с ним в одной из газет промелькнуло слово *лунобия*, которое не было поддержано речевой практикой, поскольку оказалось несистемным (аналогичного *землебия* не было в языке). Следующим возможным словом окажется *марсоход* (современная техника подготовила его рождение).

Системные окказионализмы быстро теряют качество новизны и переходят в нормативный словарь языка. Кстати, именно они быстро обрастают новыми однокорневыми связями: с появлением *лунохода* рождается и слово *лунодром* по аналогии с лексемами *космодром*, *мотодром*, *автодром*, *дельтодром* и др.

Собственно окказионализмы всегда привязаны к единственному, конкретному контексту. Каждый раз создаваемые, творимые

¹ Костомаров В.Г. Слово *беспредел* и активизация иных бессуффиксных существительных // Филологический сборник. — М., 1995; Он же. Языковой вкус эпохи. — М., 1997; Какарина Е.В. Трансформации лексической семантики и сочетаемости // Русский язык конца XX столетия (1985—1995). — М., 2000, и др.

(а не воспроизводимые), они дальше породившего их контекста не уходят. Таких слов много у В. Маяковского, Е. Евтушенко, В. Распутина, А. Солженицына. Некоторые примеры из произведения А. Солженицына «На изломах»: ...*И какое же ощущение отвратной пустоты, некедья*; ...*Утерля вот что: постоянное ощущение красоты в науке, когда даже прознь берет*; ...*Обсуждали с ребятами советню*; ...*Он дрожно ненавидел теперь этих хануг (а всокрыте — и завидовал им?..)*; из книги «Двести лет вместе»: *Сроки моей жизни на исчерпе*. Другие примеры: *Мы двигались, как фигуры из сна... Вялые и никакие. Недообразы* (А. Маканин); *Сене некогдаилось с по сиделками* (В. Распутин).

Ясно, что к понятию нормы такие словесные единицы никакого отношения не имеют, хотя созданы они по определенным языковым аналогам, с помощью имеющихся в языке словообразовательных средств — корней, суффиксов, приставок (у того же А. Солженицына наречия — *пружинно вскочить, дрожно ненавидеть, кивать изволительно*; глаголы — *готов поднаумиться, разгромоздить на мелкие предприятия*; прилагательные — *прогляженная статья, пристеночный стульный ряд, быстросменчивые надписи, успешивый молодой человек*).

Современное состояние русского языка, широкая представленность в нем вариантных форм, их стилевая и стилистическая дифференцированность позволили сформировать новый взгляд на характер нормы: характеристики нормативное — ненормативное оказались недостаточно точными и неадекватными по отношению к ряду языковых явлений. Появляется дифференцированное представление о норме — норма оказалась достаточно эластичной, максимально приближенной к ситуации общения, к теме общения, к среде общения. Вот тут как раз и потребовались разные варианты нормы.

Норма может быть *императивной* (всеобщей, обязательной) и *диспозитивной* (допускающей выбор, вариантной), например: обязательными для всех являются ударения в словах *алфавит, средства, досуг, портфель, каталог*, тогда как в словах *творог* и *творог, иначе* и *иначе, одновременный* и *одновременный* допускается вариантность. Или еще возможные варианты в пределах нормы: *родился* и *родилсЯ* (уходящая форма); *баржа* и *баржЯ*; *сосредоточивать* и *сосредотачивать*; *заводский* и *заводской*; *в адрес* и *по адресу*.

Кроме того, норма бывает *общезыковой* (с вариантами или без них) и *ситуативной* (стилистической), последняя характеризует чаще всего речь профессиональную, например, общезыковая литературная норма требует окончания *-и, -ы* во мн. ч. существительных мужского рода типа *инженеры, редакторы, корректоры, бухгалтеры; профили, штурманы* и др. Профессиональная и разговорная речь допускает варианты на *-а, -я*: *инженерА, редакторА, коррек-*

торá, бухгалтерá; профиля́, штурманá. При общеязыковой норме *ра́порт, ко́мпас, ста́пели* моряки обязательно употребят формы *рапо́рт, компáс, стапеля́* и т.д. Много профессиональных вариантов у медиков, например: *эпилепси́я* при общеязыковой форме *эпиле́ния* (Словарь С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой данный вариант уже относит к варианту общеязыковому) и даже *áлкоголь* (вместо общеязыкового варианта *алкоголь*).

Ситуативная норма может различать варианты семантического плана: *ждать поезда* (любого), *ждать поезд* (конкретный); *кусок сахара* и *сахару*, но *производство сахара*; вариант может означать стилевую принадлежность: *быть в отпуске* и *в отпуску* (второе характеризует речь разговорную). Еще примеры вариантов, связанных со стилистико-семантическими различиями: *гулять в лесу*, но *в Лесе Островского* (имеется в виду пьеса); *в саду*, но *в Вишневом саде Чехова* и др.

Мотивированные отклонения от нормы

В практической речевой деятельности часто наблюдаются отклонения от нормы — в произношении, в размещении ударений в слове, в употреблении грамматических форм, в словоупотреблении. Отклонения могут иметь разную природу: они могут свидетельствовать об элементарной неграмотности, недостаточной речевой культуре, но могут быть осознанными, специально запланированными, несущими определенный смысл. Такие отклонения имеют вторичный характер, рассчитаны на понимание их смысла и представляют собой особый литературный прием. Осознанное, специальное употребление речевых «ошибок», характеризующих ту или иную речевую ситуацию, может быть допустимым в образованной среде профессионально связанных людей, когда ошибочность речений вносит элемент непринужденности, обычно ироничности, в общение хорошо понимающих друг друга собеседников. Это своеобразная «игра в ошибки», игра с легко воспринимаемым подтекстом. Великолепно сказал об этом Л.В. Щерба: «Только безупречное знание языка, грамматики дает возможность почувствовать всю прелесть отклонения от правил. Эти отклонения становятся средством тонких и метких характеристик».

В другом случае — в публицистике, в художественной литературе — нарушение языковой нормы оказывается художественно значимым. Эти отклонения от нормы становятся словесным образом, средством передачи специального, характерологического смысла. Например, в «Комсомольской правде» (17 июля 1971 г.) была напечатана заметка о незаконном приеме в институт. Заго-

ловок этой заметки такой: «Прашу пренять в инстетуд». Как говорится, комментарии излишни. Или следующий пример: «Телефонная связь в России, конечно же, существует, но телефон не работает. Тому, как вам немедленно объяснят, есть тысяча причин — от «занято все время» до «повалило столб да перебило кабель, *чинють*...». А ураганы, а пожары? А наводнения, непрерывно обрушивающиеся на нашу многострадальную Родину? Нет-нет, по телефону лучше и не пробовать звонить в российскую глубинку» (Ф. Незнанский. Частное расследование).

Как видим, ошибочная орфография может оказаться ярким стилистическим средством. Журналисты, писатели часто пользуются этим средством характеристики. Еще пример: «Есть старый анекдот о том, как житель Крайнего Севера получил диплом врача. И вот первая операция, заурядная аппендэктомия. Больной на столе, живот распорот, кишки наружу, а врач в полном отчаянии швыряет скальпель, топает ногами и кричит: *«Не полусяется!»*

Не полусяется. В данном случае совершенно неважно, честные ли министры в нашем правительстве. Сильно ли любят Родину. Главная беда — не умеют и не знают (МК, 1994, 6 сент.).

Осознанная речевая ошибка, к месту и со смыслом сделанная, придает речи некоторую пикантность. Дело в том, что идеально нормативная речь психологически создает ощущение сухости, пресности, она не задевает эмоциональных струн. Как, например, правильно (по грамматике) поставленные знаки препинания не замечаются, но необычные знаки привлекают внимание. Это своеобразный стилистический «шарм». Недаром ведь А.С. Пушкин произнес ставшую в дальнейшем крылатой фразу «Как уст румяных без улыбки, без грамматической ошибки я русской речи не терплю».

В художественной литературе отклонения от нормы служат приемом речевых характеристик. Приемы, как известно, не произвольны, а подчинены говорящему / пишущему. Они выполняют художественную функцию. Часто случается, что великие художники слова, например уровня Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского, допускают такие погрешности в языке, какие не дозволены рядовому носителю языка. Недаром ведь Ю. Олеша советовал писателям заняться изучением «неграмотности» языка Л. Толстого. Художническое чутье помогало ему ощутить значимость такой «неграмотности». Подобное можно встретить и у А. Блока — в орфографии, в акцентном оформлении слова, в грамматике. Блок настойчиво охранял свои грамматические оплошности от издателей, поскольку они для него имели цену образно-эстетическую. Звуковые и словесные повторы, аллогизмы при сочетании однородных членов предложения, нарушение управления и согласова-

ния, эти элементарные просчеты, нарушающие правила практической стилистики, могут служить целям особого плана. Словесная или грамматическая игра, тонко проведенная, заставляет почувствовать оригинальность слога, умение свободно и легко обращаться с тем неистощимым богатством, которое предоставляет нам язык. И отклонения от нормы в создании такого слога занимают свое особое место. Известно, например, что многие стилистические и грамматические «ошибки» возводятся в ранг литературно-художественных приемов, украшающих речь, делающих ее остроумной, изобразительной, часто ироничной. Например, зевма — фигура речи, создающая юмористический эффект семантической и грамматической разнородностью и несочетаемостью членов предложения: *...Хозяин, блестя очками и остроумием, возглавлял стол, и позади него на стене во весь рост сам Петр Великий в ботфортах* (М. Белкина. Скрещение судеб); *Доктор с озабоченным лицом, подающий надежду на кризис, часто имеет палку с набалдашником и лысину* (А. Чехов); *Марья Александровна сидит у камина в превосходнейшем расположении духа и в светло-зеленом платье, которое к ней идет* (Ф. Достоевский); *Дочка, стройная и меланхолическая девушка лет семнадцати, воспитанная на романах и на чистом воздухе* (А. Пушкин); *Одни обедают с вином, другие с друзьями, одни пользуются палочками, другие случаем, одни едят за столом, другие задаром* (П. Вайль, А. Генис. Русская кухня в изгнании).

Осознанное отклонение от нормы в качестве литературного приема породило новый термин и противопоставление норма—антинорма¹. Воспроизводство нормы делает текст стандартным, а производство антинормы сообщает ему индивидуальную неповторимость. Как видим, норма всегда воспроизводится, а антинорма творится.

Рассматривая взаимоотношения нормы и антинормы, Л.Н. Мурзин сформулировал критерии их разграничения: *статистический* (чем чаще употребляется, тем нормативнее); *деривационный* (все производные формы языка тяготеют к ненормативности, все производящие — к нормативности); *логический* (нормативны те формы, которым соответствуют логические структуры — так, прямой порядок слов нормативнее, чем обратный); *психологический* (чем нейтральнее языковая форма, тем она нормативнее, так как привычнее отмеченной; последние попадают в фокус внимания).

¹ Мурзин Л.Н. Речевые приемы и ошибки. Типология, деривация, функционирование // Сб. научных трудов. — Пермский госуниверситет, 1989.

Основные процессы в нормализации языковых явлений

В формировании и эволюции современной языковой нормы участвуют как стихийные, так и сознательные процессы. Для признания нормативности языкового явления или факта, как уже было упомянуто (см. о трех признаках нормы), необходимо основываться на сочетании данных о соответствии явления системе языка, о факте массовой и регулярной воспроизводимости явления и об его общественном одобрении. Формой такого одобрения является кодификация, которая фиксирует в словарях, грамматиках и справочниках сложившиеся стихийно в речевой практике явления.

В современном русском языке процесс нормализации протекает неравномерно в разных сторонах языковой системы и в разных формах реализации языка. В первом случае наблюдаются различия в темпах изменения нормы, например в области произношения. Или на лексическом уровне. И дело не только в том, что лексические нормы значительно подвижнее, нежели орфоэпические, но и в том, что нормализация лексики происходит на более широкой социальной и территориальной базе. Более того, соотношение стихийного и сознательного в нормализации также неоднозначно проявляется в разных сторонах языковой системы. Например, перевес сознательной фиксации нормы имеет большее значение для орфографии, чем для лексики или тем более синтаксиса, где стихийное становление нормы оказывается более активным.

Во втором случае (имеются в виду разные формы реализации языка — устная и письменная речь) нормализация также протекает неравномерно. Это связано хронологически с разными этапами в жизни языка. В тот период, когда формы письменной речи и устной резко разграничены в силу исторических причин, нормы письменной речи меняются значительно медленнее, и они оказываются более консервативными, чем нормы устной речи, тем более что процент сознательности в нормированности письменной речи намного выше, чем в речи устной, нормы которой складываются в основном стихийно. Такие периоды в жизни русского языка были, особенно в допушкинские времена.

В современном русском языке нормы письменной и устной речи сближаются, наблюдается их активное взаимодействие. Можно сказать даже больше: устная речь в ее общеразговорном стилистическом варианте в буквальном смысле вторгается в письменную речь. Особенно наглядно этот процесс протекает в языке массовой печати. Например, разговорный синтаксис, рожденный на базе устной речи, значительно потеснил грамматически «пра-

вильные», классические синтаксические конструкции, которые как нормативные представлены в учебниках, пособиях, справочниках.

Для настоящего времени характерна унификация речевой практики. Тому есть серьезные социальные причины — распространение образования и возросшая роль средств массовой информации. На этом общем фоне и протекает процесс нормализации.

Особенно заметны такие тенденции: сближение норм письменной и устной речи, а также книжных и разговорных стилей при сохранении их принципиальной дифференцированности; рост вариантности языковых средств в пределах нормы; дифференцированность нормы применительно к разным речевым ситуациям; ослабление нормы в сторону ее демократизации.

Проблемы нормы освещаются в трудах Л.В. Щербы, В.И. Чернышева, Г.О. Винокура, В.В. Виноградова, С.И. Ожегова, В.Г. Костомарова, В.Г. Гака, А.А. Леонтьева, Л.И. Скворцова, К.С. Горбачевича, Л.К. Граудиной и др.

ИЗМЕНЕНИЯ В РУССКОМ ПРОИЗНОШЕНИИ

Современные произносительные нормы складывались постепенно на базе вариантного столкновения произношения в разных территориальных диалектах, в разных социальных группах и отчасти в разных стилях. Кроме того, различие вариантов может оцениваться и хронологически как младшая и старшая нормы. Новое произношение вытесняет старое, но зачастую и то и другое сосуществует довольно длительное время: изживание старого произношения — процесс более сложный, нежели отказ от устаревающих слов и даже грамматических форм. Во всяком случае на протяжении жизни одного поколения трудно освободиться от произносительных особенностей своей среды, семьи.

Произносительные нормы фиксируются орфоэпическими¹ словами, в задачу которых входит и отражение норм ударения. При установлении произносительных норм обычно учитывается соотношение фонетических и фонематических вариантов, последние отражаются и в орфографии (ср.: *ноль* и *нуль*, *валериана* и *валерьяна* и др.).

Причины изменения в произношении коренятся в действии внутренних законов языка — закона традиции, закона аналогии и др. Наряду с этим прослеживается и влияние социальных факторов, например, борьба московского и петербургского произношения активизировалась в периоды обострения претензий Москвы и Петербурга (Ленинграда) на статус столичного города. В какой-то мере проявляются причины и чисто эстетического плана, в частности, традиции старейшего русского драматического Малого театра в Москве, труппа которого сформировалась еще в 50-е годы XVIII в. (в 1824 г. стал называться Малым театром, а с 1919 г. — академическим), активно отражали старомосковское произношение и поддерживались в течение десятилетий, оказывая влияние на формирование образцового произношения. В XX в., и особенно ближе к его концу, пожалуй, на первый план среди социальных причин выдвигается влияние печатного слова (имеется в виду активизация зрительного восприятия графического облика слова).

¹ *Орфоэпический словарь русского языка. Произношение, ударение, грамматические формы* / Под ред. Р.И. Аванесова. — М., 1989.

Усиление «буквенного» («графического») произношения — одна из наиболее сильных тенденций в современном русском языке. Об этом писал еще в 1936 г. Л.В. Щерба, указывая на явное сближение произношения с написанием: *родился* (вместо *родилс[а]*); *тихий* (вместо *тих[о]й*); произношение сочетания [чн] вместо [шн] в словах типа *булочная, перечница*; [чт] вместо [шт] в словах *что, чтобы* и др. Сейчас уже только некоторое количество слов с данными сочетаниями сохранило в качестве литературного произношения [шн], [шт] — *конечно, что, что-то, ничто, очечник, скучно, нарочно, прачечная, девичник, Никитична, Ильинична, яичница* и некоторые другие. Колеблются формы *скворечник, булочная* — [шн] и [чн] и др. Есть случаи, когда произношение подчеркнуто орфографией: *городошник, двурушник, киношник*. Таких написаний в середине и конце XVIII в. было значительно больше: см. в Словаре Академии Российской (1789—1794): *галстушный, колпашный, фабришный, кожешный, лавошник* и др. Такие орфографические (и особенно произносительные) колебания были и в XIX в., и в начале XX в. В произведениях А.С. Пушкина, например, заметно избирательное отношение к вариантным формам: он рифмует *скучный* (*шн*) — *равнодушный, скучный* (*чн*) — *однозвучный*.

В условиях усиления «графического» произношения изменилось соотношение вариантов с [e] — [o]. Это фонематическое варьирование связано с внедрившейся в практику русского письма заменой буквы [ѣ] буквой [е], так написание победило произношение, вернее, подчинило его себе: *блѣкнуть* → *блекнуть*; *белѣсый* → *белесый*; *рубѣж, зарубѣжный* → *рубеж, зарубежный*; *акушѣр* → *акушер*. В подобных случаях до сих пор еще сохраняется вариантность, причем указания на этот счет в словарях противоречивы: в одних случаях литературным признается вариант с [ѣ], в других — с [е]; даются даже запретительные пометы — *блеф* [не *лѣ*], *помпезность* [не *лѣ*] и т.д.¹ Такие разночтения касаются слов *жѣльч* — *желчь*; *манѣвр* — *маневр*; *блѣклый* — *блеклый* и др. Например, в Словаре С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой дается только форма *белѣсый*, а в БАС как нормативный дается и вариант *белесый*; чем ближе к нашему времени, тем чаще в литературе встречается форма *белесый* (у Солоухина, Ваншенкина и др.). Воздействие орфографии особенно хорошо просматривается в тех случаях, когда новый вариант поддерживается словообразовательно: *желчь* (вместо *жѣльч*), так как есть термины, где спорный звук (буква) находится не под ударением — *желчегонный, желчепровод*.

¹ Большой сравнительный материал по словарям см. в работе: Горбачевич К.С. Вариантность слова и языковая норма. С. 127—132.

В приведенных иллюстрациях (переход [o] в [e] под ударением) фиксируется лишь часть этапа взаимоотношений вариантов, однако если обратиться к предшествующему периоду в истории этих взаимоотношений, то окажется, что первичным было как раз [e]. Весь процесс перехода представляется как [e—o—e]. Ср.: *раскаленный* — *раскалённый* — ?; *современный* — *совре́мный* — *современный*; *разношерстный* — *разноше́рстный* — ?; *разновременный* — *разнове́мный* — *разновременный*; *слезный* — *слёзный* — ? Словарь С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой в последнем случае связывает норму *слёзный* со *слёзка*, а *слезный* со *слезница* (дает с пометой «устар.» и «ирон.»). Форма *совре́мный* фиксируется только в начале XX в.

Значит, процесс взаимоотношений форм [e—o—e] практически еще не завершился, и разные слова, задействованные в этом процессе, как бы находятся на разном участке пути. Это относится к литературной норме, вернее, к тому, как она фиксируется в словарях. Как видим, довольно противоречиво. Что же касается живой разговорной речи, то здесь наблюдается явное желание заполнить некоторые «пустые» ячейки. Например, *атлет*, *афера* и др. вытесняются просторечными (для нашего времени просторечными!) формами *хребёт*, *шлём*, *опёка*, *атлёт*, *афёра*. Особенно устойчивы и широко распространены формы *опёка* и *афёра*. Естественно, что «этапы пути» форм необходимо корректировать, если речь идет о заимствованных словах, в частности, слово *акушер* вошло в русский язык именно в форме *акуше́р* (фиксируется произношение источника — фр. яз.), современный русский язык в качестве нормы использует новую форму *акушер*, а форму *акуше́р* — *акушор* словари помечают как устаревшую (см., например, Орфоэпический словарь 1983 г. и след.).

Тенденцией в области произношения можно считать и *фонетическую адаптацию иноязычных слов* — процесс постоянно действующий в пределах групп слов, заимствованных в разные периоды истории языка, процесс усиливающийся или затухающий соответственно изменяющейся степени интенсивности самого процесса заимствования. Язык заимствующий всегда стремится подчинить заимствования своим правилам и законам, особенно язык сильный своей системой.

Русификации подвергается, прежде всего, произношение безударных гласных в позиции перед ударением; изначально сохранялось, в частности, четкое [o] в словах типа *поэт*, *бокал*, *боа*, *команда*, *вокзал*, *досье*, *роман*. В Орфоэпическом словаре 1959 г. «Русское литературное произношение и ударение» (Словарь-справочник, под ред. Р.И. Аванесова и С.И. Ожегова) слова *поэт*, *поэма*, *поэтесса* даются с пометой [по и доп. па], а слово *досье* только [до]. На сегодняшний день такое [o] считается устаревшим и по закону русского вокализма заменя-

ется редуцированным звуком, близким к «а» [ъ]. Хотя, учитывая высокую стилистическую окраску слов *поэт*, *поэзия*, а также некоторую экзотичность слова *боа*, желательно сохранить старое четкое [о]. Слова же *вокзал*, *бокал*, *команда*, быстро перешедшие в разряд бытовых, произносятся на манер русских с редуцированным гласным, более того, подчеркнутое [о] в этих словах демонстрирует немотивированную вычурность произношения.

Много внимания словари уделяют иноязычным словам со звуком [э] в разных позициях — ударных (*ректор*) и безударных (*декан*). Русификация подобных слов заключается в замене твердого согласного перед [э] на смягченный, орфографически это обозначается [е], произношение типа *рэктор*, *пионэр* считается претенциозным и неграмотным; в случае же безударной позиции (*декан* — *д'э^нкан*) произношение звука [э] после смягченного согласного еще и качественно меняет звук — «э» близкое к «и» [э^и]. Иноязычных слов с указанным звуком в современном русском языке очень много, грамматически они давно освоены русским языком — многие из них склоняются, однако произношение часто сохраняется исконным, особенно это характерно для терминологической лексики: *фонема* [нэ], *интеграл* [тэ], *детектор* [дэтэ], *де-юре* [дэ, рэ], *де-факто* [дэ], *дешифровать* [дэ], *децентрализовать* [дэ], *дефиле* [дэ], *детерминизм* [дэтэ], *детектив* [дэтэ], *диатез* [тэ], *тенденциозный* [тэ, дэ], *термос* [тэ], *термостат* [тэ], *теннис* [тэ], *тент* [тэ], *тенденция* [тэ, дэ], *артерия* [тэ]. Наряду с этим другие специальные слова подверглись обрусению: *детонатор*, *детонация*, *дефиниция*, *дефектолог*, *дефектология*, *дефис*, *дефицит*, *темп*, *терминал*, *термин*, *термит*, *термометр*, *теория*; при этом [э] могут сохранять бытовые слова типа *декольте* [дэ, тэ], *кашне* [нэ], *диета* [из], *кабаре* [рэ].

Интересно проследить поэтапное изменение отношения лексикологов к становлению нового произношения заимствований с [э]. В середине XX в. требовались еще указания на этот счет даже в таких словах, как *текст*, *текстолог*, *тембр*, *тенор*, *тент*. В Словаре-справочнике 1959 г.¹ есть пометы *текст* [не тэ], *тема* [не тэ], *текстолог* [не тэ], *тенор* [не тэ]. Стойко сохраняют [э] слова *тембр* [тэ], *тенденция* [тэ и дэ], *тент* [тэ] (ср. словари 1959 и 1998 гг.), зато слово *темп* подверглось фонетическому изменению: словарь 1959 г. — *темп* [тэ], словарь 1998 г. — *темп* [т'э]. То же произошло и с другими словами: словарь 1959 г. — *демонтаж* [дэ], *деморализация* [дэ], *депрессия* [дэ, не рэ]; словарь 1998 г. во всех этих словах дает [де]. Как видим, процесс идет неровно, унифика-

¹ Русское литературное произношение и ударение: Словарь-справочник // Под ред. Р.И. Аванесова и С.И. Ожегова.

ции не произошло даже в конце XX в. Причем мягкий и твердый варианты сосуществуют в однотипных группах слов. Например, в словах с компонентом *пресс*: *пресса* [ре], *компресс* [ре], *пресс-конференция* [ре] — закрепилось мягкое произнесение, а в словах *репрессии*, *экспресс* допускается наряду с мягким вариантом твердый. В массовом употреблении предпочтительным оказывается твердый вариант, вопреки указаниям словарей. Возобладание твердого варианта поддерживается и практикой употребления других слов с *ре*: *прогресс* [рэ], *стресс* [рэ], *конгресс* [рэ], *рейтинг* [рэ], где норма предусматривает мягкий вариант. Как безусловно ненормативный вариант можно встретить даже произнесение *берет* [рэ], *корректно* [рэ], *коррекция* [рэ]. Безусловно сохраняется сочетание с [э] в собственных именах: *Декарт* [дэ], *Тетчер* [тэ], *Вольтер* [тэ], *Торез* [рэ] и др. Хотя топонимы могут иметь в качестве рекомендации мягкий вариант: *Техас*, однако более широко употр. *Т[э]хас*.

Как видим, процесс русификации протекает неравномерно и противоречиво, с трудно уловимой закономерностью. Мало помогает в установлении данных изменений и хронология, и отнесенность к разной сфере употребления. Например, часто более «свежие» заимствования быстрее переходят на русский вариант, чем старые; с другой стороны, быговые слова могут стойко сохранять произношение источника, тогда как терминологические, книжные — переориентироваться на замену произносительной нормы. Все это создает причины неустойчивых и неоднозначных характеристик в словарях.

Фиксация вариантов в словарях меняется на протяжении нескольких десятков лет, что вряд ли может отражать объективное положение вещей. Интересно провести сопоставление данных современных словарей с данными Словаря-справочника «Русское литературное произношение и ударение» 1959 г. В следующих словах словарь дает произношение [дэ]: *дефект*, *дефективный*, *дефектный*, *дефиниция*, *дефектология*, *деформация*, *деформировать*. Во всех этих случаях современное произношение [де]. Совпадение обнаружено в словах *дефис*, где даже есть помета в словаре 1959 г. [не дэ] и *дефицит* [де]. Совпало и произношение слова *дефилировать* [дэ]. В некоторых словах отмечаются довольно сложные взаимоотношения «старого» и «нового», например, в слове *д[э]формировать*: [дэ] — деталь из прошлого, а ударение на «и» — новое (ср. старое ударение — *деформировать*).

Интересно отметить следующий факт: в большинстве случаев с [э] и [е] орфография опережает произносительные нормы — в написании везде дается [е]. Видимо, поэтому в слове *мэтр* (учитель, наставник) фиксируется орфограмма *метр* (Словарь С.И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой, 1995), вопреки произношению и тому факту, что *мэтр* (наставник), и *метр* (единица измерения), и *метр* (термин в

стихосложении) — разные слова. В Словаре С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой только в 1998 г. появилось новое написание *мэтр* с фиксацией значений: 1) учитель, наставник; 2) деятель искусства или науки — почитаемый авторитет среди своих учеников, своего окружения. Таким образом, в данном случае произношение оканчивается смыслоразличителем и потому разная орфография не только желательна, но и необходима. В 1991 г. написание *мэтр* (для двух значений — «учитель, наставник» и «достигший наивысшего мастерства в своей области») было узаконено в Орфографическом словаре; Орфографический словарь русского языка, под ред. В.В. Лопатина (1999 г.) дает написание *мэтр*.

Итак, произносительная вариантность «э» и «е» в современном языке в целом оказывается непоследовательной и противоречивой не только в массовом употреблении, но и в нормативных рекомендациях словарей. Указания «правильно» и «неправильно» бывают крайне субъективны и исторически трудно объяснимы: новые заимствования могут быстро получить русскую смягченную огласовку, а старые, с вековой историей употребления слова, долго держаться в рамках «инострannого» варианта. И в таком случае предостережения и рекомендации словарей оказываются тщетными. Примером может, в частности, служить безрезультатная борьба с твердым вариантом в словах *шин[э]ль*¹, *т[э]рмин* и *кр[э]м*.

Для данного явления трудно рекомендовать строгие, единые правила, видимо, потому, что заимствование подобных слов растянуто во времени², сроки их жизни в русском языке различны, как и степень освоения русским языком. Часто слова мгновенно становятся общеупотребительными, но они не «успевают» попадать вовремя в словари, и норма складывается стихийно, трудно объяснимы подчас и рекомендации словарей. Например: Словарь С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой (1995) рекомендует новое (новейшее) по употреблению слово *рейтинг* с [е], а достаточно пожившее в языке слово *реклам* с [э].

Еще одна тенденция в области произносительных норм — это *нивелировка произношения в социальном плане*, стирание особенностей территориального произношения и др. Объясняется это общими причинами — ростом общего образования, приближающего к единой литературной норме, а также влиянием средств массовой информации, особенно радио, телевидения.

В качестве примера этого процесса можно привести факт борьбы московского и петербургского произношения. Например, при общей тенденции к буквенному произношению московское про-

¹ Ланцева О.А. Говорят по радио и с телеэкрана // Русская речь. 1998. № 5.

² Там же.

изношение сохраняет формы, противоречащие орфографии в большей степени, нежели петербургское произношение. Причем именно эти варианты закреплены в норме: произношение [шн], [шт] на месте орфографического [чн], [чт]: *скучно, что, конечно* и др. Или долгий [ш] на месте буквы «ш»: *щука, щи, ящик, щетка* (петербургское произношение [ш'ч']).

Нивелировка территориального плана затронула и произношение звука [г]. Южнорусский фрикативный звук [г], близкий к [х], заменен взрывным [г]. Фрикативный [г] фиксировался в словах типа *бо[г], бла[г]о, [г]осподи* (*бог, благо, господи*). По современной норме фрикативный [г] сохранился только в междометиях *ага, господи* и в слове *бухгалтер*.

Становление нормативного произношения и выявление тенденций в этом процессе тесно связано с оценкой фонетических и фонематических вариантов. Фонематическая вариантность особенно свойственна заимствованным словам. Это и понятно: вариантность возникает именно благодаря разному «переводу» данных лексем в русскую орфографию (русское написание). И уже через орфографические варианты возникают варианты произносительные. Такие фонематически-орфографические варианты фиксируются в словарях как варианты нормы¹.

Прежде всего, вариантность, допускаемая нормой, характерна для собственных имен: *Осирис — Озирис* (бог плодородия); *Немезида — Немесида*; *Заратустра — Заратуштра*; *Дульцинея — Дульсиня*; *Брунгильда — Брюнхильда*; *Гекуба — Гекаба* (жена троянского царя); *Изида — Исида* (супруга и сестра Осириса); *Эстерна — Этерна* (муза лирической поэзии); *Элизий — Элизиум* (поле прибытия; Елисейские поля). То же в названиях титулов, обращений: *халиф — калиф*; *махараджа — магараджа*; *сеид — сейид* (господин у мусульман). Двойная орфография и соответственно разное произношение допускаются и во многих заимствованных словах других лексических пластов (лексика бытовая, профессиональная, культурная и др.): *свинг — суинг* (стиль джазовой музыки); *волянюк — волапюк* (один из искусственных языков); *фьерд — фиорд*; *сэндвич — сэндвич*; *бунгало — бенгало*; *подиум — подий*; *икебана — икэбана*; *фляер — флайер* (лучшая лошадь на скачках); *рамазан — рамадан* (месяц строгого поста у мусульман); *ситар — сетар* (перс., музыкальный инструмент); *шабаш — шабес* (др.-евр., суббота); *жига — джига* (струнный инструмент и парный танец); *ханака — ханэга* (странно-приимный дом с мечетью и кельями); *бакан — бакен*; *орангутанг —*

¹ Все приведенные далее варианты лексем даны по словарям: Орфографический словарь русского языка / Под ред. В.В. Лопатина. — М., 1999; Словарь иностранных слов и выражений / Составитель Е.С. Зенович. — М., 1998; Словарь иностранных слов. — М., 1990.

орангутан; кирка — кирха; камфора — камфарá и мн. др. Вариантность допускается и в общеизвестных бытовых словах русского словаря: камса — хамса; изюбр — изюбрь; камушек — камешек; зверушка — зверюшка; сострагивать — состругивать.

По мере накопления статистических данных из жизни подобных вариантов возникает потребность признать один из вариантов в подобных парах в качестве единственного, литературного. Так случилось, например, с вариантами *развалоха* — *развалога*: в Словаре С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой устойчиво присутствовала эта пара, но в 1995 г. (С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова) уже исключен вариант *развалога*. Нет его и в новом орфографическом словаре (В.В. Лопатин, 1999). Хотя в других случаях такого единства в оценках вариантов нет. Например, В.В. Лопатин дает вариантную пару *дискутировать* — *дискуссировать*, а Н.Ю. Шведова исключает форму *дискуссировать*, хотя правомернее было бы именно ее и сохранить, так как все словесное окружение, данное в словаре, выводит именно на эту форму: *дискуссия*, *дискуссионный*, *дискуссионность* — что и соответствует лат. *discussio* (рассмотрение, исследование).

К равноценным вариантам Орфографический словарь 1974 г. относит многие термины, наименования экзотических реалий и др.: *акселерация* и *акцелерация*; *каприччио* и *каприччо*; *кизиль* и *кизил*; *нотабена* и *нотабене*; *планшир* и *планширь*; *боржом* и *боржоми*; *тоннель* и *туннель*; *фортепяно* и *фортепиано* и др.

В Русском орфографическом словаре (под ред. В.В. Лопатина, 1999) исчез вариант *акцелерация*, при варианте *кизил* дана помета «устар.»; все остальные варианты сохранены.

Стойко литературной традицией охраняются варианты *боржом* и *боржоми*; *фортепяно* и *фортепиано*; *валерьяна*, *валерьянка* и *валериана*, хотя параллельное употребление форм в конце концов привело к стилистическому размежеванию (*фортепиано*, *диакон*, *бриллиант*, *валериана* — получили оттенок книжности, а *фортепяно*, *дьякон*, *брильянт*, *валерьянка* — сохранили стилистическую нейтральность) и постепенному вытеснению отдельных форм, например, в паре *вариант* — *варьянт* победу одержал *вариант* (*варьянт* признается устаревшим), а в паре *валерьянка* — *валериана* устаревшим оказался вариант книжный — *валериана*.

Как видим, современный русский язык, при очевидности общих тенденций, все-таки еще не пришел к окончательному выбору нормы, хотя в XVIII в. и XIX, по признанию К.С. Горбачевича¹, вариантов было еще больше.

Таким образом, фонематическая вариантность, отраженная в орфографии и воспроизведенная орфоэпически, обнаруживает

¹ Горбачевич К.С. Вариантность слова и языковая норма. С. 132—133.

тенденцию к убыванию, но не исчезла вовсе. Поддержанные в прошлом социально-стилистическими причинами, варианты утрачивают почву для своего существования, и происходит, хотя и медленно и не всегда последовательно, канонизация одного из произносительных вариантов. Для заимствованных лексем причиной ликвидации вариантности оказалась фонетическая адаптация, при которой наиболее адаптированный вариант становился победителем. Именно он, как правило, и закрепляется орфографией.

Например, часть сложных слов *авто* (от греч. *autos* — сам) оказалась предпочтительнее фонетически адаптированного *авто* в небольшом ряде специальных терминов (*аутогемотерапия*, *аутогенная тренировка*), тогда как часть *авто* получила широкое распространение при образовании слов с разными значениями: «автоматический» (*автосценка*, *автопилот*, *автооператор*, *автоукладчик*); «самодвижущийся» (*автодрезина*, *автомобиль*, *автокар*, *авторулевой*); «свой», «само» (*автопортрет*, *автограф*, *автолитография*, *автореферат*); «предназначенный для авто» (*автобаза*) и др.

При заимствовании слов с возможной разной огласовкой регулирующим и канонизирующим фактором становится, как правило, орфография (вернее, фиксация одного из возможных вариантов в словарях), например *шлягер*, а не *шлагер* (от нем. *Schlager*); *мохер*, а не *могер* (от англ. *mohair*).

В решении вопросов орфоэпической вариантности и нормативности существуют некоторые разногласия. Даже само понимание орфоэпии неоднозначно: в орфоэпию включаются все произносительные нормы (Р.И. Аванесов) или только те, которые допускают вариантность; в таком случае исключаются явления, фиксирующие в произношении действие фонетических законов языка (М.В. Панов). Кроме того, в орфоэпию могут включаться только произносительные нормы (состав фонем и их реализация в разных позициях) или, наряду с этим, нормы ударения, интонации. Широкое представление об орфоэпии практически поддерживается орфоэпическими словарями, которые, в частности, фиксируют не только произнесение слов, но и расположение ударений в них.

Орфоэпия рассматривает и социально значимые варианты произношения. Стилистические возможности произношения используются в художественном тексте, где отступления от произносительных норм имеют целью создание «речевых масок» или служат сигналом связи двух социально значимых речевых систем, как, например, в «Анне Карениной»: Вронский произносит «мамзель» при разговоре с лакеем, подлаживаясь под его речь. Имитация произношения иной (чуждой) социальной среды, таким образом, выполняет художественно-эстетическую функцию.

АКТИВНЫЕ ПРОЦЕССЫ В ОБЛАСТИ УДАРЕНИЯ

В 90-е годы XX в. проблема русского ударения и его кодификации значительно обостряется в связи с возрастающей ролью публичной речи. Речь парламентская, речь, звучащая с экранов телевизоров, по радио, становится активным стимулом для подражания. Она у всех на слуху и невольно оказывает воздействие на речевую практику населения. То, что средства массовой информации в настоящее время, в отличие от прошлых лет, настроены на живое, непринужденное общение, а также значительное расширение круга лиц, допущенных к эфиру, серьезно расшатало акцентные нормы русского языка. Вкусовые установки, недостаточное владение нормами языка породили массу ошибочных ударений, постоянно умножающихся.

Однако дело не только в небрежности и недостаточной грамотности. Сложившаяся общественная обстановка в «перестроечное» для страны время значительно повысила «нормальные» темпы языковой динамики. В частности, активизировалось закономерное противоречие между узусом и возможностями языка. Причем узус стал часто утрачивать свою силу и ослаблять границы своего действия. Речь профессиональная, деловая, разговорная все более усиливает влияние на речь публичную, официальную. В этой связи процессы, подготовленные самой системой языка, ускоряются и бывшие строгие литературные нормы оказываются поколебленными.

В области ударения это особенно заметно, поскольку в язык хлынул поток новых слов, еще недостаточно освоенных, понятых, часто только услышанных. Если говорить именно об ударении, то в такой ситуации полагаться можно только на звучащую речь (а она далеко не всегда правильная!), так как многое из того, что уже живет в языке, не отражено в словарях и потому не имеет нормативных оценок.

На таком общем фоне оказывается сложным наблюдать собственно тенденции в области русского ударения, заложенные в самой языковой системе, хотя в принципе они известны и наметились еще в середине века, но наиболее интенсивно проявляются в

современных условиях. Активным процессам в области ударения посвящена глава VII монографии «Русский язык конца XX столетия (1985—1995)», написанная В.Л. Воронцовой. Много материала о тенденциях в ударении и норме содержится в книгах К.С. Горбачевича, А. В. Суперанской и др¹.

Причины акцентных изменений в основном *внутрисистемные*. Это столкновение действия законов аналогии и традиции, а также закона антиномий, в частности, антиномии узуса и возможностей языка. Например, по аналогии с формами глаголов *вѣтъся, носѣтъся, кружѣтъся* возникает разг. форма *вихрѣтъся* (при лит. *вѣхрѣтъся* от *вихрѣ*). Или по аналогии с формами *прѣдано, прѣдан прѣданы* в результате унификации возникает разг. форма *прѣдана* (при лит. *прѣдана*).

Среди причин внешнего характера можно назвать влияние некоторых говоров, а также влияние источников заимствования — для заимствованной лексики. Например, южнодиалектное *бѣндарѣ* (при варианте *бѣндарѣ*) поддерживается аналогией *лѣкарѣ, пѣкарѣ, тѣкарѣ*. В вариантной паре *пѣтя* и *пѣтя* второй вариант, также из южных говоров, поддержан системной аналогией: *лыжнѣ, мазнѣ, роднѣ, резнѣ, квашиѣ*.

Среди заимствованных слов можно также наблюдать колебания: при двойном заимствовании (*индустрѣя* и *индустрѣя* — из лат. и греч. яз.); при воздействии языка-посредника (лит. *докумѣнт* и простор. *документ* — из польск. яз.); при сочетании форм языка-источника и форм русифицированных (*Шѣкспир* — англ. и *Шекспир* — обрусевший вариант).

Столкновение разных тенденций можно обнаружить при образовании прилагательных от заимствованных слов. Вариантность в таком случае имеет разные источники и отчасти прослеживается семантически, хотя и не всегда. Например, ударение на суффиксе появляется у русских прилагательных, образованных от заимствованных существительных, по аналогии с парами исконными (*груше-вый* — *грушѣвый*, *сливѣвый* — *сливѣвый*, *вишне-вый* — *вишнѣвый*): *перл* (фр.) — *пѣрловый* и *перлѣвый* (БАС дает обе формы); *пѣрловая белизна* (как у перла) и *перлѣвая крупа*; *кедр* (греч.) — *кѣдровый* и *кедрѣвый* (*кѣдровый* дано как устар.); Н.Ю. Шведова (1998) дает только *кѣдрѣвый* (*кѣдрѣвая сосна, кѣдрѣвые орехи, кѣдрѣвое масло*); *лавр* (лат.) — *лѣвровый* (ботанич. термин) и *лаврѣвый* (лист), *лѣвровый венок*; *лозунг* (нем.) — *лозунговый* и *лозунгѣвый* (двойное ударение демонстрирует процесс

¹ Горбачевич К.С. Вариантность слова и языковая норма. — Л., 1978 (глава III); Суперанская А.В. Ударение в заимствованных словах в современном русском языке. — М., 1968; Русский язык и советское общество. Лексика современного русского литературного языка. — М., 1968; Зарва М.В., Агеенко Ф.Л. Словарь ударений русского языка. — М., 1993.

приспособления чуждого слова к русскому языку: *лозунговый стиль*); спец. *киль* (голл. kiel, англ. keel) минует форму *килевый* и по свидетельству Словаря С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой (1998) образует прилагательное *килевый* с флективным ударением.

Таким образом, тенденция к замене корневого ударения суффиксальным очевидна, но в разных словах процесс идет разными темпами: корневое ударение сдает свои позиции; формы с таким ударением либо устаревают, либо исчезают вовсе.

Объективные трудности нормализаторской работы в области русского ударения связаны прежде всего с тем, что ударение — факт звучащей речи, варьирование здесь имеет очень широкий диапазон, и потому установление норм оказывается затруднительным. Кроме того, трудности усвоения русского ударения объясняются его природой — оно подвижно и относительно свободно. Именно качество подвижности русского ударения отмечено еще в трудах М.Г. Смотрицкого, М.В. Ломоносова, Н.И. Греча, А.Х. Востокова и Я.К. Грота. Причем объяснить подвижность русского ударения только фонетическими факторами оказалось невозможным, поскольку эта подвижность прежде всего связана с морфологической принадлежностью слова, т.е. русское ударение — морфологически подвижное ударение.

В современных исследованиях ударения используется именно грамматический принцип описания — дается система акцентных единиц в словоизменении и словообразовании грамматических разрядов слов¹.

Поэтому и тенденции в изменении ударения нагляднее прослеживаются в рамках частей речи (глагольное ударение, именное ударение), тем более что именно по частям речи фиксируется либо тенденция к сокращению доли подвижного ударения (например, в глаголе), либо тенденция к росту дифференцирующей функции ударения по отдельным формам слова (как в именах существительных).

Тем не менее есть тенденции и общего плана, которые затрагивают акцентные системы разных классов слов.

Такой общей тенденцией в ударении, по признанию многих лингвистов, считается *тенденция к ритмическому равновесию*, которая заключается в смещении ударения к центру слова. О тяготении русского ударения к центру со смещением во вторую половину слова пишет А.И. Моисеев². Опираясь на подобные

¹ См. работы А.А. Зализняка, В.А. Редькина, Н.А. Федяниной, В.Л. Воронцовой и др.

² Моисеев А.И. К различию длинных и коротких слов в современном русском языке (в связи с местом словесного ударения) // Проблемы теоретической и прикладной фонетики и обучение произношению. — М., 1973.

исследования и исходя из данных Обратного словаря, ту же мысль поддерживает и иллюстрирует богатым материалом К.С. Горбачевич¹.

Эта тенденция проявилась у пяти-, шестисложных глаголов на *-ировать* (*аккомпани́ровать* из *аккомпаниро́вать*, *абони́ровать* из *абонирово́ать*, *бальзамиро́вать* из *бальзамиро́вать*). Четырехсложные глаголы либо имеют вариантные формы (*нормиро́вать* и *нормиро́вать*), либо избирают одну, новую форму (*вальси́ровать* из *вальси́ровать*), либо сохраняют окончательное ударение (*преми́ровать* — простор. *преми́ровать*); *маскиро́вать* — простор. *маски́ровать*).

Перемещение ударения к середине слова отмечено у прилагательных *праде́довский* (из *прадедовский*), *тайнственны́й* (из *тайнственны́й*), *счастли́вый* (из *счастли́вый*; ср. у Пушкина — *имел он счастли́вый талант*), *общественны́й* (из *общественны́й*).

У прилагательных на *-истый* прослеживается некоторая закономерность в смене ударения, связанная с морфологическим показателем: прилагательные, образованные от имен с ударением на первом слоге, дают переход ударения на *-истый* (*ба́рхат* — *ба́рхатисты́й* → *бархати́стый*, *са́хар* — *са́харисты́й* → *сахари́стый*, *ка́мень* — *ка́менисты́й* → *камени́стый*, *му́скла* — *му́скулисты́й* → *мускули́стый*, *фо́сфор* — *фо́сфористы́й* → *фосфори́стый*), а прилагательные, образованные от имен с ударением на втором слоге (или третьем), сохраняют именно это ударение, достаточное для соблюдения равновесия (*боло́то* — *боло́тисты́й*, *обрыв* — *обры́висты́й*, *сосуд* — *сосуди́стый*, *пузы́рь* — *пузы́ристы́й*, *оборот* — *обороти́стый*, *ухва́т* — *ухвати́стый*. Ср.: *зо́лото* — *золоти́стый*; *боло́то* — *болоти́стый*). Здесь очевидно совмещение ритмического и морфологического принципов в размещении ударений.

Тенденция к ритмическому равновесию особенно наглядно прослеживается в сложных словах²: *зубча́тый* — *мелкозубча́тый*, *разви́той* — *малоразви́тый*, *возра́стной* — *великовозра́стный*, *характе́рный* — *разнохаракте́рный*, *догово́р* — *хо́здобого́р*.

Процесс смещения ударения в многосложных словах к центру слова можно оценить как процесс прагматически оправданный, целесообразный, так как в таком случае соблюдается более равномерная смена ударных и неударных слогов, что более удобно для произнесения (ср.: *августовская жара* — *августо́вская жара*; *мальчи́ковый размер* — *мальчи́ковский размер*), однако удобством иногда можно и пренебречь, когда речь идет о более важных целях, например, вряд ли уместной окажется смена ударений в таких высоких, поддержанных культурной традицией словах, как *га́мле-*

¹ Горбачевич К.С. Вариантность слова и языковая норма. С. 64—68.

² Там же. С. 66.

товский или *пóслушничество*; хотя в словаре С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой формы *пóслушник, послушница, послушнический* даются уже на первом месте в равноправных парах: *пóслушник, пóслушница, пóслушнический* стоят на втором месте.

Наряду с общей тенденцией смещения ударения ближе к центру слова для достижения ритмического равновесия наблюдаются частные тенденции, характеризующие отдельные части речи.

Например, **глагольное ударение**, отличающееся в целом неподвижностью (ударение на корневой части или суффиксальной), обнаруживает подвижность в некоторых формах. Ср.: неподвижное ударение: *рѣзать, рѣжу, рѣзал, рѣзало, рѣзали, рѣзала; читать, читаю, читал, читало, читали, читала* — и подвижное в некоторых формах: *жить, живу, жил, жило, жили, жила; начать, начну, начал, начали, начала*. Поскольку подвижное ударение наблюдается как менее продуктивное, то выравнивание идет по аналогии со словами, имеющими неподвижное ударение. В частности, форма прошедшего времени женского рода, имеющая в ряде глаголов ударение на окончании (*начала, приняла, заняла, ожила, облила*), переносит его на основу: *начали, начала; приняли, приняли; заняли, заняла, ожили, ожила; облили, облила*. Такие формы женского рода, хотя потенциально и возможны, литературным языком не принимаются. Так естественный процесс задерживается рекомендательными установлениями.

Ненормативное перемещение ударения, очень активное в последнее время, на приставку в действительных причастиях прошедшего времени и деепричастиях происходит под влиянием литературно принятого ударения в формах страдательных причастий прошедшего времени; действ. прич. и деепр. *начавший, начав, занявший, заняв* — нелитературные формы; страдательные причастия прош. времени *начатый, начат, начато, начаты; занятый, занят, занято, заняты* — литературные формы. Такие расхождения в кодификации в речевой практике часто не учитываются, и обнаруживается стремление свести все к одному знаменателю, тем более что закон языковой аналогии очень сильный закон, отмеченный яркой наглядностью. А если в эти сопоставительные ряды страдательных причастий включить еще и формы женского рода (лит. *начата, занята*), нарушающие внутреннее единство соответствующих форм, то покажется вполне объяснимой тенденция к переносу ударения в этих формах ради унификации форм (*начата, занята*), объяснимой, но не принятой литературной традицией, пока (!) не принятой.

Большого внимания требуют глаголы на *-ить*, среди которых выделяются группы лексем с неподвижным и подвижным ударением: неподвижное на основе (*вѣрить, вѣрю, вѣрит*), неподвижное

наконечное ударение (*говори́ть, говорю́, говори́т*) и подвижное ударение (*ходи́ть, хожу́, ходи́т*). В речевой практике последних лет значительно расширяется лексическая группа с подвижным ударением, что породило множество ошибок.

Вариантные колебания возникают между литературными формами и просторечными, идущими от лексем с подвижным ударением. Особенно характерно это для глаголов *звони́ть, позвони́ть, включи́ть, заключи́ть*, а также *углуби́ть, облеги́ть*. Ср.: *звони́т — зё́нит; включи́т — вклю́чит; заключи́т — заклю́чит*; в глаголах *углуби́ть* и *облеги́ть* вариантность коснулась даже самой исходной формы: *углуби́ть — углуби́ть, облеги́ть — обле́гчить*. Во всех приведенных парах вторые позиции занимают формы нелитературные, но в высшей степени распространенные в речевой практике даже достаточно образованных людей (телеведущие, депутаты парламента, учителя и др.). Такое нарушение правила, несмотря на свою массовость, оказалось пока что неспособным поколебать литературную традицию. Но подвижное ударение в глаголе захватывает все большую группу слов в современном языке. И в других случаях рекомендации становятся не столь жесткими, как в случае с названными выше глаголами. Например, следующие колебания в ударении не вызывают столь резкого неприятия: *мири́ть — мири́т и ми́рит; помири́ть — помири́т и поми́рит; посели́ть — посели́т и посе́лит; сели́ть — сели́т и се́лит*. В частности, в Словаре С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой (1998) в качестве разговорных допускаются формы *посе́лишь, се́лишь*. Кстати, у более распространенного глагола *звони́ть* (*звони́шь*) такой пометы нет. Как вариантные формы в рамках литературного языка воспринимаются глаголы *перчи́ть* и *перчи́ть* (С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова, 1998), соответственно и формы причастий *перченны́й* и *перчённы́й* (посыпать перцем), прилагательное же имеет только одно ударение: *перчё́ное масло, перчё́ное мясо*.

В сфере *именного ударения* в качестве основной тенденции называют грамматикализацию¹ ударения, т.е. сохранение и развитие дифференцирующей функции ударения в грамматических формах имен существительных (например, *до́ма* — род. п. ед. ч.; *дома́* — им. п. мн. ч.). Грамматикализация ударения естественно связана с тенденцией к подвижности. И то и другое создает большую степень вариантности форм в современном русском языке. Например, при словоизменении некоторые разряды имен существительных меняют неподвижное ударение на подвижное: *тира́ж — тира́жа → тира́жá; гуля́ш — гуля́ша → гуля́шá; мост — мо́ста → моста́; гуся́р — гуся́ра → гуся́рдá*.

¹ Воронцова В.Л. Активные процессы в области ударения // Русский язык конца XX столетия (1985—1995). — М., 2000. С. 314—315.

Интересны данные словарей середины и конца 90-х годов XX в. Например, в словаре С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой (1995, 1998) дается единственная форма род. падежа *гуляшá*; а род. падеж от *гуся́р*, *мо́ст* имеет, по рекомендации Н.Ю. Шведовой, обе формы: *гуся́ра* и *гуся́ра́*, *мо́ста* и *мо́ста́*. Существительное *тираж* образует только форму *тиража́* (по данным того же словаря), т.е. новое флективное ударение либо стало равноценным исходному корневому, либо вообще вытеснило старое ударение. Для сравнения: Д.Н. Ушаков считает форму род. падежа *мо́ста́* областной. Хронологические разночтения в рекомендациях наблюдаются и в формах *листаж* — *листа́жа* → *листажа́* (Н.Ю. Шведова дает только новую форму со смещенным ударением — *листажа́*) и *шантаж* — *шанта́жа* → *шантажа́* (у Н.Ю. Шведовой литературной считается форма *шантажа́*, а Д.Н. Ушаков считает такую форму просторечной). Хронологически разные оценки форм достаточно показательны: Д.Н. Ушаков ориентируется на принятое в начале XX в., Н.Ю. Шведова фиксирует факты конца XX в.

Кстати, у трехсложных слов старое ударение в род. падеже сохраняется неизменно: *патро́нажа*, *арбитра́жа*, *патронта́ша*, *камуфля́жа*, *репорта́жа*, *сабота́жа*, *верниса́жа*. У двусложных слов вариантов уже нет, флективный акцент оказывается единственным: *бага́ж* — *багажа́*, *вitráж* — *вitraжа́*, *гара́ж* — *гаража́*, *вира́ж* (спец.) — *виража́* (полет самолета), но *вира́ж* (спец.) — *вира́жа* (раствор, используемый в фотографии).

Акцентологическое развитие получили и формы род. падежа ед. числа у ряда других имен, в формах которых акцент сместился в сторону окончания: *у́гля* → *угля́*, *гру́здя* → *груздя́*, *хо́лма* → *холма́*, *сте́бля* → *стебля́* (схожие явления наблюдаются и в формах кратких прилагательных: *по́лны* → *полны́*, *бли́зки* → *близки́*, *ве́рны* → *верны́*). Хотя не все слова приняли такое ударение: *га́дки*, *жу́тки*, *сла́дки*.

Тенденция к подвижности ударения у имен захватила большие пласты слов и породила вариантность в рамках нормативности.

Особенно активно варьирование у приставочных имен: *обжиг*, *отсвет*, *привод*, *прикус*, *искус* и др. Данные варианты в современном русском языке дифференцированы стилистически и грамматически в формах ед. и мн. числа, а некоторые и семантически. Ср.: *привод* — *привод* (устройство или система устройств для приведения в движение различных машин) и *привод* (принудительно доставить).

Подвижность ударения в таких словах возникает в профессиональной речи и просторечии: *привода́*, *принуска́*, отчасти и в литературном языке: *отпуска́*, *провода́* (*отпуск*, *привод*). В исходной форме им. п. ед. числа вариантные формы подобных имен по-разному оцениваются современными словарями, т.е. норму можно считать неустоявшейся. Так, например, Н.Ю. Шведова (Словарь

С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой, 1995, 1998) дает формы *привѣд* и *прівод* (устройство в машине) как равноценные, тогда как в более ранних изданиях Толкового словаря С.И. Ожегова дана только форма *привѣд* (во всех значениях); то же со словом *ѳтсвѣт* и *ѳтсвѣт*: Н.Ю. Шведова дает формы как равноценные, С.И. Ожегов (1949 г.) — *ѳтсвѣт*, С.И. Ожегов (1972) — *ѳтсвѣт*. То, что обе формы закрепились как равноценные варианты, вполне объяснимо¹: с одной стороны, действуют словообразовательные ассоциации (*свѣт*, *просвѣт*, *рассвѣт*, *полусвѣт* — морфема *свѣт* оказалась очень сильной), с другой — действует структурно-семантическая аналогия (*ѳтблеск*, *ѳтзвук*, *ѳтклик*). Акцентные варианты *иску́с* и *искус*, *прику́с* и *прикус* тоже имеют длительную и интересную историю. Отклонением от нормы считались то одни варианты, то другие. Эти колебания отражены в словарях. Только *иску́с* дает С.И. Ожегов (1952); *иску́с* и *искус* — С.И. Ожегов (1972); *иску́с* дает Н.Ю. Шведова (1995) и *искус* помечает как устаревшее. Постепенно изгоняется и вариант *прику́с* из пары *прику́с* — *прикус*.

Однозначно воспринимаются варианты *кета* и *кетá*, *бази́лика* — *базі́лика*, *ѳбух* — *ѳбу́х*, *кирза* — *кирза́* (соответственно *кирзовый* и *кирзѳвый*).

В других случаях вариантность в современном русском языке исчезает, и один из вариантов устаревает, освобождая место более сильному, так случилось, например, с парой *щѣпѳть* и *щѣпѳть*, в которой первая позиция (*щѣпѳть*) была утрачена языком. Относительно слова *трапѳеза* обычно в словарях расхождений не бывает — оно дается в варианте первоисточника (греч. *trápeza* — стол, кушанье). Однако в Словаре С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой (1998) даны две формы *трапѳеза* и *трапѳеза* без стилистических помет, как равноправные даны и формы прилагательного *трапѳезный* и *трапѳезный*, но субстантивной форме *трапѳезная* (монастырская столовая) Н.Ю. Шведова отдает предпочтение, снабжая другой вариант *трапѳезная* пометой «устар.». Получается не очень убедительно такое распределение оценок форм. Смещение ударения, видимо, возможно только в приставочном прилагательном *затрапѳезный* (вид) и существительном *затрапѳезность*, здесь вступают в действие фонетические и морфологические причины (удлинение слова за счет приставки и установление ритмического равновесия). И то и другое слово Н.Ю. Шведова помечает как разг., в то время как исходная форма *трапѳеза* такой оценки не имеет.

Противоречивыми часто бывают указания словарей и относительно вариантов *дѳговѳр* — *дѳговѳр* (соответственно — *дѳговѳры* и *дѳговѳра́*). Долгое время литературной признавалась только форма

¹ Горбачевич К.С. Вариантность слова и языковая норма. С. 74.

догово́р (*догово́ры*). Д.Н. Ушаков формы *дѣговор* и *догово́ра* помечал как просторечные, а БАС — как неправильные. И только к концу XX в. эти бывшие просторечные формы оказались узаконенными: Н.Ю. Шведова дает обе формы (*догово́р* и *дѣговор*), правда, вторую помечает как разговорную (но не просторечную!).

Варианты *пригово́р* и *пригово́р* тоже не обойдены лексикологами. БАС *пригово́р* квалифицирует как просторечие, МАС — как разговорное; С.И. Ожегов (1972) обе формы дает как равноценные варианты; Н.Ю. Шведова (1995) дает только *пригово́р*, вообще исключая второй вариант. Такая противоречивость в оценке акцентных вариантных форм объясняется двумя причинами: 1) объективно процесс становления нормы (фонетической, стилистической) еще не завершился; 2) не исключается и доля субъективности в оценке форм, разного отношения к узусу и использованию возможностей языка.

Чтобы выявить активно действующие акцентные тенденции, видимо, необходимо проследить, сопоставить употребление разных форм в разных языковых сферах — в кодифицированном литературном языке, в профессиональной речи, в речи разговорной. Процентное соотношение употребления акцентных вариантов в разных сферах языка может помочь более объективно оценить путь следования форм к литературной норме.

Тенденцию к грамматикализации можно пронаблюдать на различении форм прилагательных и причастий одного корня: *разви́тый* — *разви́той*; *на́литый* — *на́литой*; *испи́тый* — *испитой*; *зави́тый* — *завитой*, *обжы́тый* — *обжитой*, *за́нятый* — *занятой* и нек. др. Четко к прилагательным относятся акцентологические варианты *на́литой*, *сня́той*, *испитой* (*на́литое яблоко*, *сня́тое молоко*, *испитое лицо*). И вообще формы на *-ой* чаще выступают в роли прилагательных (*обжитой дом*, *разви́той ребенок*). Что же касается форм с ударением на приставке или корне, то здесь принцип грамматикализации ощущается недостаточно четко. Неоднозначны и указания в словарях и справочниках. Разграничение форм прилагательных и причастий в акцентных парах *зави́тый*, *на́литый*, *разви́тый* затруднительно и связано с семантикой этих слов: формы, прямо связанные с глаголами, т.е. имеющие процессуальное значение, выступают в качестве причастий и имеют корневой акцент: *на́литый* (*на́лить*), *разви́тый* (*разви́ть веревку*), *зави́тый* (*зави́ть волосы*). В использовании формы с приставочным акцентом (*за́нятый*, *разви́тый*, *обжы́тый*) различия обнаруживаются на синтаксическом уровне (причастие или прилагательное): *человек*, *за́нятый делами*; *мысль*, *разви́тая в работе*; *дом*, *обжы́тый нами* — *за́нятый работник*, *разви́тый ребенок*, *обжы́тый дом*. Надо сказать, что слова с префиксальным акцентом далеко не всеми принима-

ются как нормативные. Например, форма *ра́звитый* (ребенок) как прилагательное снабжается запретительной пометой у Р.И. Аванесова, К.С. Горбачевича, Д.Э. Розенталя, хотя как убедительно доказывает С.Н. Борунова¹, в современном языке, «когда произошла стилистическая нейтрализация приставки *раз-*, стало возможно префиксальное ударение в причастии и прилагательном» (подчеркнуто нами. — Н.В.) *ра́звитый*². В картотеке Института русского языка зафиксированы в прилагательных оба ударения: нормативное — *разви́тый* и ненормативное — *ра́звитый*. Можно полагать, что нормативность флективного акцента в 60—70-е годы во многом стимулировалась частотностью употребления официальных терминологических сочетаний типа «развитой социализм», что оттесняло на периферию языка форму *ра́звитый*. Современный материал свидетельствует о расширении употребительности префиксального ударения у прилагательного, и потому его можно признать вариантом нормы при предпочтительном варианте *разви́тый*³.

Не варьируется ударение лишь в причастии *разви́тый* (*разви́тая веревка*) и в сложных прилагательных (*сла́бора́звитый*). Прилагательные *разви́тый* и *ра́звитый* в качестве одиночных определений равноценны нормативно, в определительных оборотах же предпочтительнее оказывается форма прилагательного с приставочным ударением — *экономически ра́звитый район*.

Изменения, происшедшие в ударении заимствованных слов в течение двухсот лет проанализированы в книге А.В. Суперанской⁴. Здесь выявлены причины и тенденции акцентных изменений. Колебания в ударении заимствованных слов объясняются степенью освоенности их русским языком. Чем больше чужое слово живет в русском языке, тем более подчиняется оно заимствующей системе, находя в ней аналогии, образцы для подражания.

Современные заимствования (конец XX в.) пока еще не «обжились» в русском языке, и потому в большинстве случаев ударение в них соответствует языку-источнику.

Сегодня это в основном английские слова, а сфера распространения их — профессиональные языки специалистов (компьютерная техника, финансовая и коммерческая деятельность, спорт, отчасти политика, музыка и др.). В массы новое слово попадает через периодическую печать, радио, телевидение.

¹ Борунова С.Н. Об акцентологических вариантах *ра́звитый* — *разви́тый* — *разви́тый* // Грамматика и норма. — М., 1977.

² Там же. С. 210.

³ Такой вывод был сделан С.Н. Боруновой еще в 70-е годы. (См.: Указ соч. С. 216.)

⁴ Суперанская А.В. Ударения в заимствованных словах в современном русском языке. — М., 1968.

Основной акцентный принцип заимствования сегодня — следование ударению языка-источника¹. Так, сохраняют ударение на первом слоге слова на *-ер* и *-ор* (*бáртер, брóкер, дíлер, мéнеджер*) и слова на *-инг* (*брífинг, лíзинг, рéйтинг, хóлдинг*). Слово *мáркетинг* уже заметно стало колебаться в сторону более естественного для русского языка варианта — *маркéтинг*.

Односложные слова типа *фáйл, грáнт* имеют неподвижное ударение при склонении на русский лад (*фáйла, грáнта*). Перенос ударения на окончание крайне редок (например, *хит — хиты́, хитóм*, а также в речи молодежи — *битлý, джинсы́*²).

Что же касается старых заимствований, то норма здесь давно уже утвердилась и отклонения составляют редкое исключение. Например, слова на *-лог* перенесли ударение на предпоследний слог: *филолóге → филолóлог, мифолóге → мифóлог*, новые заимствования сразу имеют вторую форму — *рентгенóлог, офтальмóлог, уфóлог, тюркóлог, текстóлог, политóлог*. Неодушевленные имена на *-лог* сохраняют ударение финальное (*каталóг, катáлог* — нелит. форма; *монолóге*).

То же произошло со словами на *-граф, -метр*: *литóграф → литóграф, лексикóграф → лексикóграф, стенограф → стенограф; арифмомéтр → арифмомéтр, хрономéтр → хрономéтр*. Еще в 20-е годы утвердились формы *барóметр, термомéтр*.

Среди заимствованных имен собственных существует явная конкуренция акцентных вариантов — заимствованного и русифицированного. Общая тенденция к русификации заимствованных собственных имен очевидна, но в разных языковых сферах колебания все-таки существуют.

Многие из русифицированных вариантов в настоящее время уже стали традиционными, например, мы говорим *Анкара́, Га́йти, Гондура́с, Панама́, Хиросима́, Вашингто́н, Бельгра́д*, но: турец. *Анкара*; исп. *Аити́, Ондурас, Панама́*; японск. *Хирóсима*; англ. *Бóстон, Убши́нгтон*; сербскохорв. *Беóград*. Разные варианты названий зарубежных стран могут возникнуть в результате несовпадающих рекомендаций. Так, к Словарю географических названий зарубежных стран дается форма *Шри-Лáнка*. Другое ударение подтверждено посольством Шри-Ланки — *Шри-Ланка́*. БЭС дает оба варианта — *Шри-Лáнка* и *Шри-Ланка́*.

Отмечено, что в речевой практике довольно часто встречаются акцентные варианты географических названий, даже в пределах одной страны. Например: *Мурманск* и *Мурма́нск, Череповец* и *Черéповец, Обская губа* и *Обска́я*. Как правило, Словарь для работников радио и телевидения дает более распространенный вариант,

¹ Воронцова В.Л. Активные процессы в области ударения. С. 321.

² Там же. С. 322.

он же традиционный. Традиционно по-русски произносятся имена *Шекспир, Рембрандт, Шбу Бернард, Дэвид Копперфильд, Сенека* и др. Ударения языка-первоисточника используются только в особых, специальных условиях (*Шекспир, Рембрандт, Шбу Бернард, Сенека, Дэвид Копперфильд*). Однако случается, что источники бывают разные, например, фамилия художника *Пикассо* произносится либо по-французски *Пикассó*, либо по-испански *Пикассо* (французский художник испанского происхождения). Словарь для работников радио, ориентируясь в принципе на традиционные, более распространенные варианты, дает форму *Пикассó*.

Таким образом, чаще побеждают варианты, сложившиеся в речевой практике — русифицированные. Однако усиление международных контактов влияет на нормализаторскую деятельность, и в настоящее время обнаруживается стремление к восстановлению произношения языка-источника. Произносить собственные имена так, как они произносятся в первоисточнике, — очевидная тенденция сегодняшнего дня. Так сталкиваются две тенденции, дающие два разных варианта — русифицированный и сохранивший свое «иноземное лицо». Такая двойственность в жизни заимствованных слов заметна не только в сфере собственных имен, но и среди имен нарицательных. В большинстве случаев новые заимствования звучат «по-иностранному», но одновременно появляются и некоторые отклонения от этой общей тенденции, например, *маркетинг* все чаще уступает место *маркетингу*, что ближе русскому типу ударения (к тому же действует аналогия с двусложными словами на *-инг-халдинг, рейтинг, лизинг*), а слово *менеджмент* на русской почве тяготеет к лексической группе давно освоенных русским языком слов с ударным *-мент* (*эксперимент, документ, ангажемент, пигмент, фрагмент, комплимент, абонемент, рудимент, медикамент, дивертисмент, аргумент, инструмент, компонент* и др.), хотя при этом представлены и другие акцентные формы (*фундамент, регламент, орнамент, департамент*). Отдельные слова имеют стилистическую вариантность: *апартамент* — *апартамент*. В частности, форму *апартамент* А.А. Зализняк считает устаревшей (Грамматический словарь русского языка. — М., 1977), а Н.Ю. Шведова (1998) и В.В. Лопатин (1999) дают обе формы как нейтральные равноправные (причем исходной формой избирается форма множественного числа — *апартаменты*).

При рассмотрении акцентных характеристик слов необходимо учитывать собственно вариантность в рамках слова и случаи семантического расхождения разноакцентных лексем, например: *запасный выход* — *запасной игрок*; *страстный взгляд* — *страстная неделя*; *языковая колбаса* — *языковой процесс*; *подвижный ребенок* — *подвижной состав*; *чудный пейзаж* — *чудной* (странный) *случай*. Даже при одном значении может оказаться разная сочетаемость

слов: *атомная бомба* — *атомный вес* (терминологические варианты). И, конечно, не принимаются во внимание омографы, например, глаголы *бронировать* (от *брóня*) — закреплять что-либо за кем-либо и *бронировать* (от *броня́*) — покрывать *бронёй*; отсюда *бронированный номер в гостинице* и *бронированный поезд*. Форма *бронь* обычно словарями не фиксируется как нелитературная, хотя у Н.Ю. Шведовой (1998) *бронь* дана с пометой «просторечн.».

Состояние современного русского языка в акцентном отношении с очевидностью свидетельствует о живых процессах, приводящих в движение всю акцентную систему. В разных классах слов намечаются тенденции к смене традиционных ударений. Существование акцентной вариантности дает богатый материал для *стилистической дифференциации языковых моделей*. Стремление к унификации форм ощущается в рамках литературного языка, нейтрального в стилистическом плане, а также отчасти на уровне разговорной речи в бытовом общении. Однако такая тенденция не может быть механически перенесена на речь художественную, где именно стилистические и семантические нюансы оказываются наиболее ценными и важными. Здесь оценки «правильно» или «неправильно» маловразумительны, поскольку не имеют принципиальной значимости.

Формальные варианты слов могут иметь разные контекстуальные ассоциации. И тут-то вариантность как речевая избыточность используется соразмерно с конкретной ситуацией, когда формальный штрих может оказаться носителем особого смысла, особого стиля, особого восприятия. Возьмем, например, историю лексикографической оценки вариантной пары прилагательных *вишне́вый* и *вишнёвый*. Постепенно речевая практика вытеснила первоначальную форму, более близкую мотивирующей основе, материально связанную с ней (*вишня* — *вишне́вый*). На смену пришла форма с более широкими ассоциациями, отрывающими ее от конкретной *вишни*. Форма *вишне́вый* ушла в тень. В 40-е годы Словарь Д.Н. Ушакова снабдил ее малопривлекательными, сниженными характеристиками — разг., устар., обл., а в 90-е годы лексикологи вовсе отказали ей в месте в словарях (см. Словарь С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой, 1998). Интересен небольшой эпизод из истории постановки пьесы А.П. Чехова в Художественном театре. К.С. Станиславский в своей книге «Моя жизнь в искусстве» рассказывает, что первоначально Чехов назвал пьесу «Вишне́вый сад» (так звучало это название), но потом решил, что «Вишнёвый сад» созвучнее его душевному складу и тому настроению, которое он хотел передать в пьесе. Чехов почувствовал в нежном звуке *jo* поэзию уходящего, тогда как в названии «Вишне́вый сад» он видел сад деловой, коммерческий, приносящий доход. Так, сдвиг в акценте

слова помог Чехову (во всяком случае он индивидуально это почувствовал) поменять акценты в сути содержания пьесы, помог Чехову оказать предпочтение поэзии уходящей усадьбы, ее настроению, быту перед натиском новых, деловых идеалов. Хотя в другой ситуации, у другого автора вполне поэтично может вписаться в контекст и «приземленная» форма *вишневый*. Ср. у А. Блока:

*Ты из шепота слов родилась,
В вечеряющий сад забралась
И осыпала вишневый цвет,
Прозвенел твой весенний привет.*

Кстати, здесь действительно больше подходит употребление прилагательного с буквальным смыслом — опавшие цветы вишни.

Еще один пример, иллюстрирующий семантико-стилистическую функцию ударения. В газете «Правда» от 25 февраля 1990 г. было помещено интервью Е. Леонова (взял интервью И. Овчинников). Е. Леонов высказал свою мысль так: «Захаров на меня обижается, когда говорю, что спектакль не был доведен до конца, но считаю, что сама мысль сыграть Ива́нова таким, знаете ли, простым — Ивано́вым, — по-моему, чрезвычайно интересная».

Как видим, акцентные варианты способны передавать функционально-стилистические и семантические нюансы, однако, как свидетельствует К.С. Горбачевич, преувеличивать значение этих возможностей не стоит. В основном все-таки варианты фиксированы хронологически: устаревшее, устаревающее, новое. Именно выяснение хронологического соотношения вариантов в процессе их смены оказывается наиболее существенным для нормализаторской оценки. Особого внимания, конечно, требуют варианты социально-профессиональные. Они противопоставляются общелитературным. Однако особенно очевидным это оказывается только в том случае, когда действительно имеется противопоставление (например, *ко́мпас* и *компа́с*, *ра́порт* и *рапо́рт*, *добы́ча* и *дobyча* и др.), что же касается сугубо профессиональных слов, не выходящих за рамки специального употребления, то тут нормализаторская работа вообще лишается смысла, так как не существует сопоставительного общеупотребительного варианта (например, *офсе́т*, *терце́т*, *сла́лом*, *ро́тор*, *подсе́ка* и др.).

При установлении нормативных оценок конкурирующих акцентных форм главным оказывается установление общего направления в изменении ударения, выявление глобальных тенденций; иногда установить их бывает трудно из-за чрезвычайно медленного течения процесса убывания вариантов и их смены. Кроме того, поскольку ударение — это явление устной речи, оно менее регулируемо, нежели знаки речи письменной, менее поддается нормализации.

АКТИВНЫЕ ПРОЦЕССЫ В ЛЕКСИКЕ И ФРАЗЕОЛОГИИ

Лексика, лексический фонд языка, как составная часть единой языковой системы, существенно отличается от других сторон языка — фонетического строя, морфологии, синтаксиса. Это отличие состоит в непосредственной обращенности к действительности. Поэтому именно в лексике прежде всего отражаются те изменения, которые происходят в жизни общества. Язык находится в постоянном движении, его эволюция тесно связана с историей и культурой народа. Каждое новое поколение вносит нечто новое не только в общественное устройство, в философское и эстетическое осмысление действительности, но и в способы выражения этого осмысления средствами языка. И прежде всего такими средствами оказываются новые слова, новые значения слов, новые оценки того значения, которое заключено в известных словах.

Коренные изменения, произошедшие в 90-е годы XX в. во всех сферах нашей жизни, серьезным образом сказались на словарном составе русского языка. Изменение государственности, отказ от прошлых социальных, экономических, политических и духовных основ общественной жизни значительно ускорили, в каких-то случаях обнаружили, вывели на поверхность эволюционно подготовленные процессы в языке и прежде всего в его словарном составе, который в настоящее время, в конце XX столетия, в буквальном смысле переживает неологический бум. А если учесть еще и тот факт, что в последнее время, по подсчетам ученых, объем знаний, которыми располагает человечество, удваивается каждые десять лет, то будет понятен стремительный рост словаря. Ведь для каждого нового понятия нужно новое обозначение. К тому же в ходе языковой эволюции используется и содержательно-смысловой потенциал, заложенный в самом словарном составе: изменение значений слов, переосмысление, наращение новой семантики, стилистические переоценки слов — все это, наряду с рождением новых слов, значительно расширяет и обогащает словарь языка, усиливает его потенции. Появление новых слов и словосочетаний, в которых находят отражение явления и события современной действительности

сти, стимулирует и внутриязыковые процессы — в области словообразования, словоупотребления и даже словоизменения.

Период перестройки, распад СССР, смена государственной системы изменили сами условия функционирования русского языка, его коммуникативно-прагматический характер. Небывалая популярность средств массовой информации в настоящее время резко изменила акценты в сферах влияния на развитие языка, особенно в его литературной форме. Активность СМИ, их установка на живое непринужденное общение не только повлияли на изменение норм литературного языка в сторону их либерализации, но и изменили психологическое отношение населения к языку, явно стимулирующее расшатывание литературных норм, ставящее под сомнение их незыблемость и обязательность. Расширение сферы спонтанного общения резко сузило общение официально подготовленное, выверенное и откорректированное. Это открыло границы литературного языка для лексики разговорной, просторечной, жаргонной. Свобода форм выражения породила тенденцию к небывалому словотворчеству. Современные авторы текстов, устных и письменных, не сковывают себя литературными традициями и не ограничивают тщательным выбором слов. В сфере публичного общения стирается и ослабляется официальность.

Наряду с этим интенсифицирован и процесс иноязычного заимствования. Среди новых слов много прямых заимствований, но значительное количество слов создано на русской почве, путем использования иноязычных приставок или корневых частей слова наряду с русскими. Все это говорит об открытости лексической системы русского языка, ее активности и жизнеспособности. Слова не просто входят в язык, но творчески перерабатываются и приспособляются к чуждой для них среде, оказавшейся достаточно сильной, чтобы подчинить себе инородное.

В основе активных процессов в лексике лежат изменения в психологической установке масс, в их новом «языковом вкусе»¹.

Ю.Н. Караулов замечает: «До эпохи гласности мы в основном вели тихие диалоги, а речи с трибун звучали ритуально, как громкая читка письменного текста. Язык таких речей получил у зарубежных русистов даже свое название *langue de bois* — «деревянный» или «дубовый язык»². Теперь все изменилось. Официальные лица не говорят «по бумажке». Но эта положительная в целом ситуация породила многие проблемы, связанные с недостаточной грамотностью выступающих, неумением логично и выразительно построить публичную речь. Часто в публичной речи бывают неверные

¹ Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи. — М., 1994. С. 8.

² Караулов Ю.Н. Великий... могучий... многострадальный... // Неделя, 1989, № 40. С. 15.

ударения, неуклюжие сочетания. Это вызывает озабоченность в профессиональной интеллигентной среде. Возникают опасения по поводу «порчи» русского языка. Однако к русскому языку это не имеет отношения, поскольку свидетельствует лишь о недостаточной образованности его носителей. Сам же язык в настоящее время получил мощный стимул для своего развития. И наиболее заметными и яркими оказались процессы в лексике и фразеологии, т.е. в том ярусе языковой системы, который всегда «находился на переднем крае», где новое оказывалось мгновенным откликом на процессы, протекающие в жизни самого общества.

Основные лексические процессы

Среди внешних причин изменения словарного состава языка обычно называют развитие техники и науки, расширение международных контактов, специализацию профессиональной производственной деятельности, изменения в экономической, политической жизни. Все это причины социального плана. Но слово — это не только наименование (новых предметов, понятий), это и единица языка. Следовательно, есть и внутренние причины изменений, вытекающие из внутренней сущности объекта — самого феномена языка. Например, закон асимметричности языкового знака приводит к расширению или сужению круга значений в слове, стимулирует переход вариантов в отдельные самостоятельные слова; закон языковой аналогии помогает созданию новых слов по известным словообразовательным моделям; закон языковой экономии действует при образовании слов-композигов и т.д.

Основные процессы в лексике известны. Они с большей или меньшей степенью интенсивности протекали в языке всегда, во все периоды его функционирования. Но в настоящее время эти процессы оказались в высшей степени активными, поскольку активно изменилась наша жизнь. Это уход из употребления устаревших или устаревающих слов, выражающих неактуальные для сегодняшнего дня понятия; это появление новых слов, понятийно актуальных, ранее отсутствовавших в языке; это возвращение к жизни прежде неактуальных лексем, связанных с понятиями религии, дореволюционного образования, административно-территориального деления, социальной структуры общества; это переоценка некоторого круга слов, связанных с социально-экономическим переустройством российского общества; это иноязычные заимствования и разрастание сфер распространения жаргонной лексики и расширение состава лексических групп социально или профессионально ограниченного использования.

Уходят из употребления целые пласты лексики, обозначающие реалии советской действительности: *партком, соцсоревнование, планерка, агитбригада, колхоз, колхозник, совхоз*, стандартные клише, сложившиеся за годы советской власти: *председатель колхоза, ударник коммунистического труда, великие стройки коммунизма, коммунистическое воспитание, трудовой порыв, советский образ жизни, исторические решения пленумов партии, маяки пятилетки, ленинский стиль руководства*. Многие выражения из ритуального языка социалистического общества получают отрицательную оценочность, употребляются в иронических контекстах: *светлое будущее, счастливое детство, мудрый вождь, учитель, родное советское правительство, руководящая и направляющая, ум, честь и совесть* и др. На базе подобных клише возникают по их образцу иронические сочетания типа *светлое прошлое, вперед к капитализму, назад в светлое будущее, капитализм в отдельно взятой области* и др.

Возвращаются к активной жизни слова, бывшие в глубинных запасниках языка: наименования социальной структуры дореволюционной России — *атаман, казачий круг, дворянское собрание, купечество*; административная лексика — *губернатор, департамент, муниципальный округ*, лексика образования — *гимназия, лицей*; названия лиц по социальному статусу — *предприниматель, коммерсант, акционер*; религиозная лексика старославянского происхождения — *благорасположенность, благотворительность, инакомыслие, покаяние, милосердие*; конфессиональная лексика — *вера, всепопная, грех, заповедь, исповедь, литургия*.

Многие из возвращенных слов получили переоценку. Обычно в работах, посвященных изменениям в современном русском языке, говорится, что возвращенные к жизни слова — *буржуазия, капитализм, предприниматель, коммерсант, биржа, торги* — раньше воспринимались в советском обществе со знаком минус, теперь же они получили прямо противоположную оценку. Отчасти это действительно так. Во всяком случае они стали законно нейтральными, отражающими новые реалии жизни. Но есть мнение, что такие слова обладают «расщепленной коннотацией»¹. В связи с идейной и материальной дифференциацией общества одни и те же слова приобретают для разных групп людей разные оценочные коннотации. Здесь действуют глубинные процессы в обществе — социальное расслоение общества по имущественному принципу. Для новых русских эти слова (*бизнес, предприниматель* и др.) звучат безусловно положительно, это неотъемлемая часть их имиджа. Для тех же, кто в результате новых экономических преобразований

¹ *Савицкий Н.П.* Позитивное и негативное отражение общества в языке // *Словарь. Грамматика. Текст.* — М., 1996. С. 155—158.

пострадал и попросту обнищал, слова эти воспринимаются резко отрицательно. Это те слои населения, которые утратили свою социальную защищенность. Например, рыночники любят приватизацию, а в народе дают ей оценку соответствующей перефразировкой — *прихватизация, прихватизаторы, нью-воришки* и т.д.

Создается новая фразеология: *новые русские, средний класс, адресные меры, дикий рынок, шоковая терапия, чемоданы улик* («чемоданы» против президента, компромат в чемоданах), *теневая экономика, теневые доходы, отмывание денег, прораб перестройки, пакет предложений, момент истины, агент влияния, русскоязычное население, лицо кавказской национальности, страны ближнего (дальнего) зарубежья, группа поддержки, товарищество с ограниченной ответственностью, потребительская корзина, встреча без галстуков, размер минимальной зарплаты*. Новым в таких клише является именно сочетание слов, а не слова как таковые. В сочетании новых, актуальных фразеологизмов может участвовать некоторый набор ключевых слов, объединяющих словосочетания в единое семантическое поле. Например, *силовой* — *силовые руководители, силовые министерства, силовые министры, силовые структуры, пространство, поле* — *конституционное пространство, административное пространство (поле), антимонопольное пространство, экономическое пространство (поле), политическое пространство, общеобразовательное пространство, культурное пространство (поле), психологическое пространство*.

На наших глазах фактически создается новый политический словарь. Например, желание освободиться от советского прошлого приводит часто к отказу от этого слова: *околосоветовские группировки, верховносоветовская группа (советский → советовский)*. В состав нового политического словаря можно включить и создание функциональных неологизмов. Возросла сочетаемость некоторых политически насыщенных слов со словами иного семантического ряда. Например, формула «развитой социализм» сменилась контекстами иного порядка: *аграрный социализм, административный социализм, аппаратный социализм, застойный социализм, вульгарный социализм, имперский социализм, казарменный социализм, докапиталистический социализм, монархический социализм, плановый социализм, пролетарский социализм, чиновно-бюрократический социализм* и, наконец, *социализм с человеческим лицом*. Часто в политический словарь включаются слова, окружающие себя политическим контекстом. Примером могут служить слова *август, путч*. Язык откликнулся на известное событие 1991 г. целой серией новообразований¹. Так, тема августовского путча получила широкий языковой

¹ Шмелева Т.В. Словарь одного события // Русская речь. 1992. № 4.

резонанс. Появилось много производных от аббревиатуры ГКЧП: *гэкачеписты, чеписты, гэкачепистский, отчеписты*. Слово *путч* оказалось объединяющим компонентом многих новорожденных слов: *послепутчевый месяц, консерваторы допутчевского Генерального штаба, мини-путч, послепутчевая политика, послепутчевый мир*. Слово *путч* было подхвачено журналистами и вызвало много ассоциаций, породивших ироническое фразеобразованиe: *Путч к коммунизму, в ассоциативные связи вступает нейтральное слово попутчик, которое истолковывается как поделщик: Гэкачеписты от КПСС и их поПутчики затаились* (Новое время)¹.

Слово *август*, сформировавшее вокруг себя целый блок контекстуальных перифраз, получило событийное значение: *Август перевернул нормальный ход истории* (КП, 1991); *Август нанес удар по консервативным силам; герои августа; августовские события, августовские маневры, августовская гроза* (Новое время, 1991). «Август» продолжил свою ассоциативную историю и в 2000 г.

Каждое время имеет некоторый набор слов, которые, в силу сложившихся обстоятельств, становятся модными, широко и разнообразно употребляемыми. Это своеобразные «знаковые» слова эпохи. Большую роль в их распространении играют СМИ, создавая речевую среду, в которой задаются эталоны, нормы. «Массовой болезнью языка» называют иногда лингвисты подобное словоупотребление². Таких слов немного, но они звучат навязчиво, контекстуально широко: *модель, обвал, беспредел, раскрутка, тусовка, крутой* и нек. др.

Модель заменила *натурицу* и *манекеницу*, кажется, уже окончательно: *модель года, супермодель, фотамодель*.

Слово *крутой*, известное в народе в сочетаниях *крутой берег* или переносно *крутой характер, крутой мужик*, обрело небывалую жизнеспособность: *крутой прикид, разговор крутых мужчин, крутые и не очень крутые новые русские, крутые условия, дать крутого пинка, крутой продюсер, крутой текст, крутая разборка, предпринять крутой шаг, крутые люди, крутые темпы* и даже *крутые шедевры* (о картинах Леонардо да Винчи), *крутая электроника, крутая газета; крутость как состояние души* (крутость как лихость, бесшабашность), *крутые владельцы видеотехники, крутые группировки; крутые шины для крутых русских* (объявление о продаже автомобильных шин). Исходное значение слова как таковое утратилось в подобных контекстах, осталось лишь указание на высшую степень качества. Слово *крутой* обросло целым словообразовательным гнездом: *В определенных кругах счита-*

¹ Примеры взяты из указанной статьи Шмелевой Т.В.

² См., например: Горбаневский М.В., Караулов Ю.Н., Шахлеин В.М. Не говори шершавым языком. — М., 1999.

ется: *быть помощником депутата — это круто...*; Впрочем, такая крутизна свойственна помощникам далеко не всех депутатов (Мегаполис-Экспресс, 1999, 7 апр.).

Слово *обвал* (с прямым значением «оползень») приобрело переносное значение и стало употребляться при обозначении общественных явлений: *обвальная приватизация, обвальная фермеризация; обвальная рост преступности, обвальное падение рубля, обвальная выезд российских граждан за границу; процесс пошел обвально*. Т.е. опять-таки выдвигается на первый план значение высшей степени, указание на полный охват явления.

Слова *разборка* и *тусовка* также широко употребительны, причем контексты свидетельствуют о выходе этих слов за пределы узкого жаргонного употребления. *Разборка* с жаргонным значением конфликта, сведения счетов — это только одно из частных применений слова. В литературном обиходе приняты сейчас *разборки* разного рода: *разборка с конкурентами, разборка с «Известиями», разборки с фондом имущества, разборки между местными и приезжими* и др.¹

Этимология слова *тусовка* восходит к карточному термину *тусовать*. Производные от этого понятия *тусовщик, тусоваться* снабжены ироническими коннотациями (оттенок праздного времяпрепровождения). В настоящее время в глаголе *тусоваться* появилось значение «общаться, дружить»: *тусуются артисты, художники* и др. Существительное *тусовка* употребляется и как обозначение встречи, массового общения, и как собирательное наименование «тусующихся» (*Он единственный человек из всей тусовки, который стал знаменитым; Андрей Вознесенский — завсегдатай поэтических тусовок*). В СМИ активно функционирует целое словообразовательное гнездо: *тусня, тусовщик, рок-тусовка, кинотусовка* и др.

В первой половине 90-х годов активным было и слово *судьбоносный* (его употребление связывается с выступлениями М.С. Горбачева). Созданное по модели *водоносный, кровеносный, звездоносный*, слово стало популярным в разнообразных контекстах: *судьбоносное время, судьбоносный момент, судьбоносные преобразования, судьбоносные решения, судьбоносные события, судьбоносные задачи, судьбоносные инициативы* и др. Слово обычно не фиксируется словарями (его нет в БЭС, нет в словаре С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой, 1998). Есть свидетельства, что слово встречается в книге Ф.И. Шаляпина «Маска и душа. Мои сорок лет на театрах» (1932 г.): «Большое мое огорчение в жизни, что не встретил Мусоргского... Это все равно что опоздать на *судьбоносный поезд*».

¹ Большой материал по использованию слов *крутой, разборка, обвал* и др. собран В.Г. Костомаровым. См.: *Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи*.

Но особую, стремительную карьеру сделало бывшее жаргонное слово *беспредел*. В Словаре С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой (1998 г.) слово определяется как разг. со значением «крайняя степень беззакония, беспорядка». Однако жизнь этого слова не укладывается в такую краткую и нейтральную характеристику. Еще будучи в уголовном жаргоне, оно имело не одно значение: 1) насилие, убийство, связанное с нарушением норм, принятых в данной среде; 2) бунт в зоне. В газетных материалах сегодняшнего дня преобразование значений слова *беспредел* идет в двух направлениях: в направлении большей конкретности и одновременно в направлении большей абстрактности¹. В первом случае появляются словосочетания: *беспредел милиции, беспредел начальства, армейский беспредел* и др. Во втором — приобретаются значения более обобщенные, связанные с деятельностью социальных институтов: *административный беспредел, коммерческий беспредел, правовой беспредел, беспредел власти, беспредел бесхозяйственности, беспредел ложной демократии, беспредел «дикого» постсоветского капитализма, августовский беспредел*. Существительное *беспредельщик* обычно трактуется как «наемный убийца», однако есть еще более «страшное» значение у этого слова, принятое в уголовном мире: *беспредельщиками* называют заключенных, готовящих побег из зоны, которые прихватывают в дорогу (много времени придется находиться в тайге) своего солагерника в качестве «живого мяса».

Как видим, наиболее модными и востребованными оказались слова переоцененные и преобразованные в общеупотребительные (*крутой, обвал*) и иностилевые, социально закрепленные (*тусовка, беспредел*). Путь слов от социолектов к литературному языку через общее просторечие зафиксировал А.Д. Швейцер².

Лексические процессы, как правило, сопровождаются трансформацией в семантике слова, его сочетаемости, а также в его стилистической переориентации. Наряду с этим известны благодаря своей широкой употребительности и заново созданные слова: *комки* (комиссионные палатки), *качки* (качающие мускулы), *совки* (советские граждане) и др. Возникают и новые клише — штампы благодаря назойливому распространению рекламы, например: *райское наслаждение; время пить «херши»; сладкая парочка; рекламная пауза; иногда лучше жевать, чем говорить*.

Семантические процессы в лексике

Семантические преобразования в лексике, наряду с номинацией новых реалий, способствуют расширению и обогащению

¹ *Какорина Е.В.* Трансформация лексической семантики и сочетаемости // Русский язык конца XX столетия (1985—1995). — М., 2000. С. 82.

² *Швейцер А.Д.* Контрастивная стилистика. — М., 1993.

словарного состава. Приобретение словом нового значения может привести к рождению нового слова, усилив тем самым языковую омонимию. Среди семантических процессов выделяются три основных: расширение значения, сужение значения и переосмысление.

Показательные изменения произошли со многими давно известными языку словами. Например, слова *рынок*, *клуб*, *дом* явно расширили свое значение¹. Мы привыкли связывать понятие «рынок» с реалиями советской жизни — колхозным и совхозным хозяйством. Сегодня появились: *оптовый рынок*, *муниципальный, вещевой*. В таких контекстах отражен процесс создания рыночных отношений в стране.

Слово *клуб* еще недавно ассоциировалось с культурно-массовыми учреждениями для рядового советского человека (*сельский клуб*, *городской клуб*, *клуб студенческий*, *клуб туристов* и др.). Сегодня появились клубы иного типа, модернизированные в соответствии с потребностями времени: *арт-клуб*, *диско-клуб*, *клуб-ассоциация*, *бизнес-клуб*. Это учреждения для людей с высоким уровнем доходов. Интересно, что *клуб* (англ. club) как культурно-просветительное учреждение в современных словарях (См. С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова, 1998; БЭС, 1991) помещается не в первых позициях в словарных статьях. Первым значением фиксируется значение «общественная организация, объединяющая группы людей в целях общения, связанного с политическими, научными, художественными, спортивными и др. интересами». Кроме того, это может быть организация международная (финансовая, коммерческая): *Европейский клуб стран-кредиторов*, *Инвестиционный клуб*, *Парижский клуб* и др., в том числе *ночной клуб* (ночной ресторан с развлекательной программой).

Расширило сферу своего употребления и слово *дом*. До недавнего времени мы знали формулы «дом + род. п.» — *Дом обуви*, *Дом тканей*, *Дом одежды* — т.е. специализированные магазины, или *Дом актера*, *Дом журналиста* — учреждения типа «клуб профессионалов». Сегодня появились названия торговых и коммерческих фирм: *Издательский дом*, *Компьютерный дом*, *Страховой дом*; возродилось старое значение «предприятие, заведение»: *Торговый дом «Библио-Глобус»*, *Торговый дом на Смольной*, *Торговый дом ГУМ* и др.

Кроме того, существует ряд частных семантических преобразований, связанных с актуализацией или деактуализацией значений.

Социально-политические процессы последних лет обусловили многие языковые преобразования. Активнее всего новые формы общественных отношений проявились в разнообразных семанти-

¹ *Поспелова Г.М.* Как изменились городские вывески // Русская речь. 1997. № 1.

ческих изменениях. Особенно показателен в этом отношении газетный материал. Именно здесь новая, посткоммунистическая идеология обрела официальный статус.

Прежде всего, отмечается расширение значения с одновременной политизацией его в группе нейтральных, часто конкретных по применению слов. Например, слова *перестройка*, *подвижка*, *прорыв*, *застой*, вступив в новые контексты, приобрели социально-политическую значимость.

В слове *перестройка*, как политико-экономическом термине, усилился его именной характер, и новая сочетаемость слова привела к частичной утрате связи управления, поскольку мотивированная прежде связь существительного *перестройка* с глаголом *перестроить* в значении «произвести переделку в какой-либо постройке» деактуализировалась и на передний план выдвинулось значение «коренное изменение в политике и экономике, направленное на установление рыночных отношений, на развитие демократии и гласности». Новое значение послужило мотивацией для образования целого гнезда слов: *перестроечный процесс* (ср.: *перестроенный дом*; *перестроенный рабочими дом*), *антиперестроечный*, *доперестроечный*, *постперестроечный*, *перестройщики*.

Слово *подвижка*, имевшее специальное значение (*подвижка морского дна*, *подвижка льда*) также расширило свое значение за счет социальных и политических контекстов: *подвижки в области российско-американских отношений*, *подвижки в союзных структурах*. При слове *прорыв* в словарях обычно фиксируются значения «место, где что-то прорвало» и «нарушение хода работы». Современные контексты и в данном случае расширяют семантическую структуру слова: *прорыва вперед не было*, *прорыв в урегулировании этнического конфликта*, *прорыв в экономике*.

Слово *застой* как термин, обозначающий «время замедленного развития экономики, пассивного, вялого состояния общественной жизни, мысли» (*застойный период*), также оторвалось от своего первичного употребления (*застой в крови*, *застойные явления в легких*, *вода застоялась*) и переместилось в сферу экономической и политической жизни. Интересная деталь: К. Марксом был введен термин «застойное перенаселение», т.е. форма относительного перенаселения при капитализме (охватывает главным образом людей, работающих на дому лишь в определенные сезоны, т.е. нерегулярно занятых в общественном производстве) (см. БЭС, 1991).

Своеобразное расширение значения обнаруживается и у слов, обозначающих правовые понятия, нравственные, иногда понятия искусства, социально-политические. Это давно известные в языке слова типа *правосудие*, *справедливость*, *гуманность*, *демократия*,

партия, реализм и т.п. Прежде эти слова в советский период фактически имели предельно узкое значение. И это сужение осуществлялось в результате того, что слова имели однозначный контекст, постоянные определения: *советское право, советская справедливость, пролетарское правосудие, социалистическая гуманность, социалистическая демократия, социалистический реализм*. Такие определения обедняли значения слов, ограничивая их принадлежностью к сфере правовых, социальных, политических и нравственных отношений, культивируемых в одном-единственном обществе. Подобные контексты не давали словам выйти на общечеловеческий уровень фиксации значений. Правда, такая мода давать определения понятиям общего плана не изжита и сегодня, только эта страсть к определениям выражается в оценочном плане прямо противоположным способом: то, что оценивалось знаком плюс, получило минусовую оценку (*бюрократический социализм, государственный социализм* и т.п.). Иногда ситуативный контекст был настолько ограничен и очевиден, что определения даже и не требовались по условиям функционирования в советском обществе. Например, слово *партия* как политическая организация включало в себя семантический компонент «коммунистическая», и определения не требовались, так как лексемы *партиец, партия, партийный, беспартийный, член партии, нечлен партии, обком, райком, горком партии* понимались однозначно¹.

Расширение значения обнаруживается и в таких словах, как *идеология, экология*. Термин *идеология* — система взглядов, идей, характеризующих какую-либо социальную группу, класс, политическую партию, общество — в словарях доперестроечного периода обязательно снабжался указанием на марксистско-ленинскую идеологию. Сейчас термин *идеология*, сохранив основное значение «система взглядов, идей...», стал употребляться и в иных сферах человеческой деятельности, отнюдь не идейно-политических: *идеология производства, идеология технологического процесса* и т.д. Например: *Вице-премьер О.В. Матвиенко подчеркнула, что при формировании Национального совета по пенсионной реформе учтено, что в него должны войти представители всех ветвей власти, и в задачи совета входит в первую очередь выработка идеологии пенсионного обеспечения на новой основе* (Независимая газета, 2001, 9 февраля).

Очень широкую сферу применения получил термин *экология* (гр. *oikos* — дом, родина + *logos* — понятие, учение) — раздел биологии, изучающий взаимоотношения животных или растений

¹ Ермакова О.П. Семантические процессы в лексике // Русский язык конца XX столетия (1985—1995). — М., 2000. С. 33—34.

с окружающей средой (экология животных, растений, человека). В настоящее время употребление термина распространилось и на социальную сферу, сферу культуры, нравственности и т.п.: *социальная экология, экология культуры, экологическая этика*. Известны и другие переносные значения термина — *экология слова* (Сов. Россия, 1988, 1 марта); *экология утра* (Комс. пр., 1988, 2 марта); *экология души — наша дорога в будущее*; передача на радио называется «Экологически чистый журнал». «Словарные материалы — 80» (Новое в русской лексике. — М., 1984) зафиксировали и такое употребление слова: *экологизация производства* — экологизация как оснащение производства средствами, устраняющими вредное воздействие на окружающую среду. Таким образом, все чаще в слове звучит семантический компонент «бережное отношение к чему-либо».

Все это очевидные сдвиги в семантике слов, качественные изменения в лексике, отражающие глубинные процессы в семантической структуре слов. Можно привести и другие примеры, когда новое значение слов и соответственно их новое восприятие обеспечивается знанием внешних причин, обстоятельств, деталей из жизни идеологически и политически перестраивающегося общества. Например, процесс семантического включения, заключающийся в том, что слово вбирает в себя семантику словосочетания: *департизация* — устранение КПСС из учреждений и предприятий; *аппаратчик* — работник партийного аппарата.

К семантическим процессам в лексике относится и *процесс деполитизации и деидеологизации* некоторых групп слов. Происходит освобождение семантики слов от политических и идеологических довесков. Например, слово *диссидент* явно лишилось отрицательной окраски; слова *бизнес, коммерсант, миллионер, предприниматель, частник* также утратили идеологические приращения негативного плана. Они обычно снабжались ранее комментарием, относящим данные понятия к жизни капиталистического, буржуазного общества. Нейтральные названия наук *кибернетика, генетика* восстановили свой общечеловеческий статус, отбросив довесок «буржуазная идеалистическая наука» (см. словари советского периода). Крамольными были и термины *оппозиция, плюрализм, забастовка, эмигрант* и др. Например, СЭС подчеркивал при определении слов *забастовка, забастовать* принадлежность подобных явлений капиталистическим странам (прекратить работу — в капиталистических странах). В. Даль объяснял это слово еще на уровне жаргона (прекратить карточную игру; баста — конец). В словарях иностранных слов 50—60-х годов слово *плюрализм* (в одном из своих значений) определялось как ложное идеалистическое мировоззрение или (в другом значении) как одна из идей

буржуазной теории общественного устройства, состоящая в том, что общественно-политическая жизнь якобы представляет собой состязание, конкуренцию множества социальных групп. Значение «множественность взглядов, мнений» если и фиксировалось, то только в конце перечня.

Ныне нейтральное слово, отражающее современную реальность, *предприниматель* в ранних изданиях Словаря С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой (в частности, в 1975 г.) определялось так: 1) капиталист, владеющий предприятием; 2) предприимчивый человек, делец. А *делец* в свою очередь получал дефиницию: человек, который ловко ведет свои дела, не стесняясь в средствах для достижения своекорыстных целей. Вот выписки из последнего издания словаря С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой (1998): *предприниматель*: 1) владелец предприятия, фирмы, а также вообще *делец* в экономической, финансовой среде; 2) предприимчивый и практичный человек. А вот значение слова *делец* в новой формулировке — человек, который успешно (иногда не стесняясь в средствах) ведет дела (биржевые дельцы, темные дельцы). Как видим, слово *делец*, сохранившее негативную оценку, правда, несколько смягченную, заменено на нейтральное и даже несколько «приподнятое» *делец* (ср., *делец* и *работник* в современных официальных наименованиях почетных званий: *заслуженный дельец науки и заслуженный работник высшей школы*).

Идеологическими установками недавнего времени была вызвана и негативная окраска слов типа *бизнес*, *коммерция*, *фермерство* и др.

Поскольку слова (т.е. понятия, явления) существуют не сами по себе, а в определенном обществе, то политизация и деполитизация всегда сопровождает трактовку некоторых групп лексики и, соответственно, их официальную подачу в лексикографических трудах. Да и в народе тоже, например, нейтральные экономические термины *приватизация*, *приватизировать* были «переведены» обманутым населением глаголом «украсть».

Яркой иллюстрацией, ставшей уже хрестоматийной, политизации слов (часто терминов) является сопоставление дефиниций слов *разведка* и *шпионаж*. СЭС (1979) определяет эти слова так: *Шпионаж* (от нем. Spion — шпион от глагола Spähen — *выслеживать*) — передача, похищение или собирание с целью передачи иностранному государству или его агентуре сведений, составляющих государственную или военную тайну. В СССР шпионаж — особо опасное государственное преступление. *Разведка* (воен.) — совокупность мероприятий, проводимых с целью сбора данных о действительном или вероятном противнике, местности и др., необходимых для оценки обстановки и принятия решения. Словарь

С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой (1995, 1998): *Разведка*: 1) обследование чего-нибудь со специальной целью; <...> 4) организация, ведающая специальным изучением экономической и политической жизни других стран, их военного потенциала. *Шпионаж* — выведывание, собирание или хищение сведений, составляющих военную или государственную тайну, с целью передачи иностранному государству. Интересная деталь: в том же словаре 1981 г. дефиниция слова *шпионаж* начинается словосочетанием «преступная деятельность».

Политизация слов-терминов — это не только и не столько изобретение лексикологов. Словари лишь фиксируют этапы в жизни слов, их «официальное понимание». Нарущение особого смысла прежде всего происходит в официальной прессе. Например, российские СМИ примерно до 1995 г. воюющих чеченцев называли *бандитами*, *членами незаконных вооруженных формирований* (более нейтральное обозначение), *дудаевцами*, *духами*, *моджахедами*, *наемниками*. Затем «бандиты» и «члены незаконных вооруженных формирований» исчезли из текстов СМИ (изменилась обстановка в стране) и появились в сводках *сепаратисты* (нейтрально и необходимо!). *Сепаратист* — сторонник сепаратизма, а *сепаратизм* (книж.) — стремление к отделению, обособлению. Это новое обозначение вызвало некоторое недоумение, так как оценочный смысл «бандитские формирования» сохранился, иначе как же можно объяснить фразу типа: «Омоновцы (или федералы) уничтожили нескольких сепаратистов». Наряду с *сепаратистами* в период переговоров с чеченцами в Москве фигурировал и термин «чеченская оппозиция». Так в политическом лексиконе разрушаются смысловые корреляции слов.

Среди *семантических процессов в лексике* современного русского языка особо стоит вопрос об изменении значений, переосмыслении слов. В ряде случаев эти процессы совмещаются с процессами расширения или сужения значений. Однако в других случаях путем своеобразной метафоризации или аналогизации происходит фактически появление новых слов-омонимов, например *пазунок* в значении «замок молнии»; *сигнал* — «донос»; *комбайн* — «комплект одежды», «кухонный комбайн»; *художница* — «гимнастка»; *челноки* — «торговцы привезенными товарами»; *звоночник* — «лицо, получившее должность по звонку»; *подснежник* — «автомобилист-частник» (после зимнего перерыва севший за руль); *захлопывание* — «хлопая, заставить замолчать» (захлопать депутата).

Часто слово обрастает целым рядом новых значений. Примером может служить слово *диалог*, ныне явно включенное в политический словарь благодаря приобретению им новых значений.

О.П. Ермакова¹ отмечает в политических контекстах 90-х годов четыре новых значения: 1) неофициальные переговоры (*диалог с оппозицией*); 2) дискуссия (*манера диалога*); 3) договоренность (*диалог с руководством завода*); 4) общение (*развитие нашего диалога с внешним миром*). Кроме того, особое значение *диалог* приобретает в деловых кругах, где слово обозначает «сотрудничество» (*диалог с фирмой не получился*). Слово *диалог* часто употребляется как антоним к слову *конфронтация* (*диалог — мирное урегулирование конфликтов*). Ср. употребление слова *диалог* в интервью митрополита Смоленского и Калининградского Кирилла: *В случае невозможности повиновения государственным законам и распоряжениям власти со стороны церковной Полноты церковное Священноначалие по должному рассмотрении вопроса может предпринять следующие действия: вступить в прямой диалог с властью по возникшей проблеме; призвать народ применить механизмы народовластия для изменения законодательства или пересмотра решений власти...* (Труд, 2000, 3 окт.). И далее: *Основные принципы отношения Русской православной церкви к инославию, одобренные Юбилейным Собором, не только ясно и исчерпывающе сформулировали православный взгляд на диалог с христианами иных деноминаций и с другими религиями и принципы такого диалога, но и, надеюсь, положат конец недобросовестным спекуляциям на эту тему противников внутрицерковного единства* (там же); *Обращаясь к президенту В. Путину, участники Собора, исходя из реалий жизни и заботясь о благе всего народа, призвали государство к началу диалога о частичном возвращении церковной собственности и компенсации утраченного православными* (там же). Ср. также название книги А. Меня: «Трудный путь к диалогу».

При возрождении лексики, относящейся к духовным традициям российского общества, также замечается полное или частичное изменение значения, семантическое приспособление слова к новым общественным ситуациям. Например, толкование (и понимание) слова *милосердие*² в современном языке явно претерпело серьезные изменения. Его значение сузилось до значения «благотворительность». Старославянское *милосѣрдие* восходит к корню *милость* — «добродетель, состоящая в спомоществовании ближним» (Словарь Академии Российской, 1793). Ср.: *помилование, милостивый государь, талант милостью Божьей, милости просим, милостыня* (не подаяние, а благотворительность). *Милосердие* — это готовность помочь (*сестра милосердия*). В.И. Даль толкует

¹ Ермакова О.П. Семантические процессы в лексике. С. 41.

² Какорина Е.В. Трансформация лексической семантики и сочетаемости // Русский язык конца XX столетия (1985—1995). — М., 2000. С. 73—79.

милосердие как *сербодобие* (ср. лат. *misereor* — жалеть, сострадать и *cordi* — сердце), *сочувствие*, *жалостливость*, *мягкосердечие*, *желание помочь*. Все это «личностные» значения, не общественные. Теперь мы говорим о «грузе милосердия» (гуманитарная помощь), совершаем «акции милосердия». Существует «служба милосердия». Современные контексты — *государственное милосердие*, *упражнение в милосердии*, *дефицит милосердия*, *официальное милосердие*, *маска милосердия*, *декрет о милосердии*, *практика милосердия*, *неделя милосердия*, *хроника милосердия*, *урок милосердия*, *призыв к милосердию* и др.¹ Ср., например: *На днях в городе Сокале пожилые люди получили достойный подарок. Называется он — «Дом милосердия»* (Труд, 2000, 3 окт.). Образовался целый ряд номинаций: *благотворительность*, *спонсорство*, *милосердие*. Таким образом, слово встраивается в семантически неадекватные контексты. Устойчивое употребление слова в новых контекстах свидетельствует о победе в нем значения «денежные, вещевые пожертвования», т.е. в конечном счете это «милостьня».

Еще одно тонкое, нравственное по семантике слово, не терпящее «расхожего» применения — *совесть*. Древнерусское слово *со-вѣсть* — *со-знание*, совместное знание. Совестьливый человек — сознательный человек. Сегодня эти слова разошлись по своим значениям, и *сознательность* приобрела новый смысл. В.И. Даль определяет *совесть* как нравственное сознание, нравственное чувство в человеке, его внутреннее сознание добра и зла, тайник его души, в котором производится одобрение или осуждение поступка, своего поступка. Отсюда совестьливый человек — всегда добросовестный, честный. Совесть всегда обращена внутрь человека, это его личная нравственная жизнь, нравственная оценка самого себя, результат его внутренней борьбы.

Современные словари, определяя значение слова *совесть*, подчеркивают внешнюю сторону поведения человека, его ответственность перед обществом. В Словаре С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой (1998) читаем: «Чувство нравственной ответственности за свое поведение перед окружающими людьми, обществом». Все правильно, но внутренний мир человека уходит на второй план, причина и следствие поменялись местами. Кстати, в БЭС, т. 2 (1991) дается другая трактовка понятия: «Совесть, понятие морального сознания, внутренняя убежденность в том, что является добром и злом, сознание нравственной ответственности за свое поведение. Совесть — выражение способности личности осуществлять нравственный самоконтроль, самостоятельно формулировать для себя нравственные обязанности, требовать от себя их

¹ *Какорина Е.В.* Трансформация лексической семантики и сочетаемости // Русский язык конца XX столетия (1985—1995). — М., 2000. С. 73—79.

выполнения и производить самооценку совершаемых поступков» (С. 372).

Семантические преобразования коснулись и многих других слов современного русского языка. Часто эти преобразования не связаны с внутренними потребностями языка, а вызваны стремлением журналистов к новомодному слову, способному выручить в любой, каждой речевой ситуации. Интересными наблюдениями в этом смысле поделился Эр. Хан-Пира на страницах «Русской речи»¹. Речь идет о новых употреблениях прилагательных *знаковый* и *культовый*, которые в современной периодической печати чрезмерно расширили свои контексты, далеко отойдя от первоначального смысла. Прилагательное *знаковый* обычно помещается в словарях в словарной статье «знак», где перечисляются все возможные значения данного слова. Контексты употребления всем известны: *знак стоимости* (денежные знаки), *знак товарный*, *знак языковой* (система языковых знаков), *знаки препинания*, *знаки отличия* и *знаки различия* (у военнослужащих); *знаки внимания* и некоторые др. Случаи употребления в современной печати слова *знаковый* не связаны с теми значениями слова *знак*, которые отмечены словарями. Семантическое изменение прилагательного *знаковый* сообщает ему некоторую самостоятельность, без мотивации производящей основой. Слово получило оценочное значение, которого не было ранее (*знаковая фигура советского и российского баскетбола; приезды в Москву М. Ростроповича «всегда носят знаковый смысл»*). Таким образом, формируется значение «символизирующий, знаменующий, характеризующий собой, наиболее четко представляющий какие-либо явления, события, периоды общественной жизни»². Пример: *Роль Руматы — из этого ряда. Эта роль знаковая, эпохальная, в каком-то смысле совсем не проще Гамлета* (МК, 2000, 14 дек.).

Прилагательное *культовый* также приобрело оценочный смысл и утратило прямую связь с производящей основой *культ*, которая несет в себе, как свидетельствуют словари, два значения: 1) в религии: служение божеству и связанные с этим действием обряды (служители культа); 2) переносное значение — преклонение перед кем-, чем-нибудь, почитание кого-, чего-нибудь (культ личности). Прилагательное *культовый* связано с первым значением слова *культ* (С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова, 1998) (от лат. *cultus* — почитание). В современных контекстах появилось значение оценочности (*культовый* — популярный, почитаемый, достойный восхищения): *культовая фигура* (о принцессе Диане), *культовый*

¹ Хан-Пира Эр. Знаковая фигура и культовый боевик // Русская речь. 1999. № 3.

² Хан-Пира Эр. Указ соч. С. 72.

игрок (о спортсмене), *культовый актер* (об одном из зарубежных актеров), *культовое произведение* (о повести «Москва—Петушки» В. Ерофеева), *культовый фильм* (о фильме «Место встречи...»). Примеры: *Огонь — это, разумеется, сам Меньшиков, личность культовая, загадочная, талантливая, увенчанная и прочее* (АиФ, 2000, № 50); *Жаль потраченного воскресного вечера, который полстраны ждали у телевизоров, дабы увидеть «культовые» фильмы «культового» режиссера* (АиФ, 2000, № 52).

Стилистические преобразования в лексике

Стилистические преобразования в лексике последних лет в большей своей части обязаны причинам внешнего, социального порядка. К ним можно отнести изменение состава носителей литературного языка, эмоциональную напряженность в жизни общества, резкое изменение общественных оценок жизненных явлений, событий, психологических и социальных установок и др.

Стилистические процессы в целом характеризуются двумя направлениями: 1) стилистической нейтрализацией и 2) стилистическим перераспределением.

Процесс нейтрализации касается как слов с завышенной стилистической окраской, так и слов стилистически сниженных. И тому и другому способствует явная демократизация литературного языка, установление и формирование в нем более либеральных норм. Запретительные меры при употреблении разностилевой лексики начинают пробуксовывать и не давать практических результатов. В итоге состав нейтральной лексики значительно пополнился большим количеством сугубо книжных слов, часто узкоспециальных и в еще большей степени слов сниженного характера, не только бывших разговорных и просторечных, но и жаргонных, утративших узкую социальную сферу применения.

Книжные слова *предпосылки, вкупе, доколе, воздать, всуе, тем паче, узреть, стезя, баталия, уготовить, избегнуть, радеть, ратовать, воочию, нежеле, прах, останки* и др. благодаря активизации экспрессивности в языке ослабляют свою книжную окраску и, будучи помещенными в нейтральные или даже сниженные контексты, становятся привычными, нейтральными. Нейтрализуются, т.е. лишаются стилистической окраски книжности, многие широко распространенные термины, утратившие связь с конкретными отраслями знания.

Слова *перспектива, принцип, проблема, престиж, тенденция* в словаре Д.Н. Ушакова снабжались пометой «книжн.», которую они утратили в современном языке, поскольку стали употребляться

свободно и широко в разных контекстах, вплоть до бытового. Утратили особую книжность и слова *импонировать, импровизировать, ординарный, инертный* и др. Бывшая книжная лексика все чаще употребляется по отношению к бытовым явлениям или официально-государственным: *бюксти интересы государства, трудовая лепта*; в бытовых контекстах встречаются слова *свершения, деяние, чаяния, поприще, достояние* (например, *пойти по пути сокрытия и замазывания недостатков*). Еще недавно такая лексика воспринималась как устаревшая. Обращение к старым книжным словам, их нейтрализация за счет нейтрального или просторечного контекста часто приводит к забвению смысла и грамматических связей этих слов в новом окружении, например, глаголы *ратовать* и *радеть* настолько забылись, что в печати часто путают их управление: *Радтели за правовое государство* (Лит. газета, 1993, 13 янв.) (радеть кому-чему и о чем; ратовать за кого-что). В статье А. Вертинской (Сов. культура, 1989, 12 дек.) эти глаголы употребляются неверно: «Благотворительный актерский фонд, об учреждении которого я больше года ратую...». Далее актриса вспоминает «людей, радеющих за свою профессию».

В современной публицистике часто употребляются ранее табуированные лексемы, прежде ограниченные тематической сферой религии: *догма, реликвия, исповедь, храм, евангелие, апостолы* и др. (*иконостас орденов, политическое евангелие, храм науки, коммунистические пастыри, духовный отец перестройки, молиться рынку*)¹.

На сниженном стилистическом фоне часто используется и высокое книжное слово «держава»: *талонная держава, державка, слаборазвитая сверхдержава, хилая держава*.

Параллельно с процессом нейтрализации высоких книжных слов идет процесс вхождения в нейтральный, общеупотребительный словарь элементов *просторечия, жаргонов, узкопрофессиональных слов*. И если просторечные слова теряют свою сниженную окраску, т.е. стилистически выравниваются в нейтральном контексте, то жаргонные и профессиональные слова не только преобразуются стилистически, но при этом меняются и семантически, расширяя свою семантику за счет вхождения в новые контексты.

Такие просторечные слова, как *ребята, парень, учеба, лодырничать, нехватка, разбазаривать* нейтрализовались еще в начале века. Конец века характеризуется активизацией процесса перехода слов из ограниченной сферы употребления в область общелитературную. Язык газет пестрит словами типа *лагерник, отказник, летучка, невозвращенец, тусовка, перекур, беспредел, хрущоба, разборка, ха-*

¹ *Какорина Е.В.* Трансформация лексической семантики и сочетаемости // Русский язык конца XX столетия (1985–1995). — М., 2000. С. 71–73.

лява, перетасовка, растащивка, кайф. Одни названия денег, жаргонные и просторечные, свидетельствуют о растущей разговорности в рамках литературного языка: *бабки, штука, кусок, лимон, столярник, чирик, пятачок, зеленые, баксы*. Внелитературная лексика привлекает к себе ощущением простоты, живости, некоторой вольности и раскованности речи. Попадая на страницы печати, она вносит разнообразные оттенки экспрессии. Именно поэтому современные журналисты, пренебрегая правилами стилистики, включают подобную лексику в свои тексты. При постоянном и длительном использовании она укрепляется в печати, расширяет свои контексты и в конце концов пополняет литературный язык. Такова общая перспектива, однако это не значит, что все подобные слова обязательно попадут в литературный язык; время отсеет все сиюминутное, наносное, злободневное, устойчивыми окажутся лишь лексемы, актуальные для следующих периодов в жизни общества.

Наряду с разговорной, просторечной и жаргонной лексикой, литературный язык принимает в свой состав *профессионализм: накладка, спайка, смычка, прослойка, ляп* и др. В данной группе слов стилистическая нейтрализация сопровождается расширением значения, утратой значения специального.

Параллельно стилистической нейтрализации идет *процесс стилистического перераспределения* — перемещения слов из одной стилистической группы в другую.

Например, некоторые слова из группы нейтральной лексики перемещаются в лексику разговорную (*давеча, повертывать*), в просторечную (*взаправду, загодя, кабы, по крайности*), в книжную (*огласить, овеять, меж*), последние становятся устаревшими. Бывшие нейтральные слова *сговор, писание, сборище* перешли в разговорные с негативным оценочным значением. Слово *сборище* в Словаре С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой (1998) снабжается пометой «разг. неодобр.»; слово *писание* в значении «письмо, сочинение» — «иронич.»; слово *сговор* — «обычно неодобр.».

Для современного русского языка характерна не только стилистическая нейтрализация, но и *нейтрализация смысла* путем эвфемизации, замены одних слов другими, чтобы закамouflировать существо дела. Происходит вуалирование нежелательного смысла слов. За нейтральным словом, словосочетанием скрывается прямое значение слов, часто нежелательное по политическим или морально-нравственным, этическим соображениям. Например: *компетентные органы* (ЧК, ОГПУ, НКВД, МГБ, КГБ, ФСК); *учреждение* (лагерь, тюрьма); *непопулярные меры, физическое устранение* (убийство); *ограниченный контингент войск* (на территории Афганистана); *пойти на крайние меры* (ввести войска); *бесперспективная*

квартира (с престарелым хозяином); *бесперспективная семья* (семья без надежды занять детей); *воины-интернационалисты*; *интимные услуги*; *лица с вредными привычками*; *нетрадиционные формы ведения войны* (полное уничтожение); *лица без определенного места жительства* (бродяги); *этническая чистка* (уничтожение лиц, не принадлежащих к преобладающей в районе национальности); *зачистка населенного пункта*; *высшая мера наказания*; *группы повышенного риска* и др.

Подобные эвфемизмы нейтрализуют истинный смысл прямых наименований, смягчают его, облекая в обтекаемые словесные формы. Такой камуфляж не скрывает смысла, новые наименования воспринимаются однозначно, однако форма облачения смысла становится корректной и психологически более приемлемой. Эвфемистические речевые формулы обычны для текстов официально-дипломатических, юридических, военных. В СМИ они могут получить иронический оттенок звучания.

Одной из особенностей современного функционирования лексики в языке массовой печати является *повышенная метафоричность*. В данном случае речь не идет о художественной метафоре, которая сугубо индивидуальна и обладает смысловой двуплановостью. Двуплановость содержания образной метафоры обеспечивается взаимодействием, «игрой» основного и ассоциативного значения. Метафора здесь выступает как литературный прием изображения. Метафора языка современной массовой печати социальна, это скорее способ мышления, способ восприятия мира, а не только прием изображения. Такая метафора способна вскрыть общественно-политические и идеологические изменения в обществе и одновременно обнаружить их влияние на семантические процессы в лексике.

Исследователи метафоры и метафоричности языка применительно к определенному периоду жизни общества неоднократно отмечали, что по характеру метафоры, ее смысловой и социальной направленности можно понять менталитет самого общества¹.

Особым был набор метафор в публицистике советского периода (*фронт коммунистической культуры*, *рубежи пятилетки*, *битва за урожай*, *идеологические диверсии* и др.). Богатый материал на эту тему содержится в книге «Русский язык и советское общество. Лексика современного русского литературного языка» (под ред. М.В. Панова. М., 1968).

¹ См., например: *Баранов А.Н., Караулов Ю.Н.* Русская политическая метафора (материалы к словарю). — М., 1991; *Так В.Г.* Рецензия на данную работу // Вопросы языкознания. 1993. № 3; *Ермакова О.П.* Семантические процессы в лексике // Русский язык конца XX столетия (1985—1995). С. 45—60.

Язык СМИ конца XX столетия, используя богатые традиции прошлого, еще в большей степени расширил метафорические контексты с политическим и социальным содержанием: *кабинеты власти, коридоры власти, национальные квартиры, корабль реформ, аграрный паровоз, окопы партократии, острова тоталитаризма, бастионы коммунизма, здание устаревшей политики* и мн. др.

Подобная метафоризация часто сопровождается серьезными по своим последствиям процессами в области семантики слов, в частности, особенно активен процесс десемантизации терминов (процесс детерминологизации).

Детерминологизация

Детерминологизация как процесс всегда была связана с теми периодами в жизни русского языка, когда он особенно активно впитывал в себя иноязычное слово. Так было в Петровскую эпоху, так было в середине XIX в.

Большой и интересный материал о том, как терминологическая лексика через метафоризацию обогащала общелитературный язык, дают, например, сочинения А.И. Герцена¹, автора философских, мемуарных и художественных произведений. Материал этот интересен тем, что он по своему характеру и даже степени интенсивности схож с тем, что мы наблюдаем сегодня. Конечно, появились новые науки, особенно их много в смежных областях знания, которые дали новый набор терминологической лексики, усилились и международные контакты, однако приемы освоения терминов общелитературным языком сохранились прежними — это расширение смысла специальных слов за счет включения их в бытовые и публицистические контексты. Для сравнения процессов, наблюдавшихся в XIX в., с процессами конца XX в. приведем некоторые материалы прошлого.

В середине и второй половине XIX в. произошли заметные изменения в литературном языке, тесно связанные с развитием общественной мысли. Подъем революционно-освободительного движения, острая борьба материалистической и идеалистической философии, развитие естественных наук (Сеченов, Пирогов, Боткин), расширение литературно-критической деятельности (Белинский, Добролюбов, Чернышевский, Писарев) — все это способствовало формированию и развитию публицистического и научно-популярного стилей. Заметно возрастает роль журналов, где наряду с литературно-критическими отделами появляются отделы науч-

¹ *Валгина Н.С.* Научно-терминологическая лексика в произведениях А.И. Герцена. — М., 1960.

но-популярные, освещающие вопросы философии, естествознания, психологии и других наук. Издается большое количество брошюр и книг, рассчитанных на массового читателя. Развивающиеся науки способствуют формированию отечественной научной терминологии, которое осуществляется путем использования национальных словообразовательных ресурсов и привлечения терминов интернационального фонда.

Появление новой научной терминологии вызвало потребность в словарях и терминологических справочниках¹.

В связи с расширением интернациональной научной терминологии появляются словари иностранных слов².

Процесс роста научно-терминологической лексики был настолько интенсивным, что, естественно, справочники и словари, на составление и издание которых требовалось время, не успевали фиксировать и толковать все слова. Этот пробел восполнялся литературно-критической и философской литературой. Научная терминология через эти труды проникала в широкие читательские круги, часто с разъяснениями.

Комментировал новое содержание термина, например, Салтыков-Щедрин: «Что такое реакция в общественном смысле этого слова? Это эпоха величайшего умственного утомления, эпоха прекращения частной и общественной инициативы, эпоха торжества сил, имеющих значение не столько сдерживающее и регулирующее... сколько уничтожающее и мертвящее»³.

Научная терминология, выходя за рамки специального употребления, становилась достоянием общеупотребительной лексики. В результате процесса детерминологизации — одной из характерных закономерностей развития русского литературного языка середины и второй половины XIX в. — значительно раздвинулись границы словарного состава общелитературного языка. Методы детерминологизации лексики, осуществляемые в языковой практике

¹ *Эртель В.* Полный зоологический и ботанический словарь на французском, русском и латинском языках. — СПб., 1843; *Гринберг Л.* Всеобщий терминологическо-медицинский лексикон. — 1840—1842; *Буняковский В.Я.* Лексикон чистой и прикладной математики. — СПб., 1839; *Галич А.* Лексикон философских предметов. — СПб., 1845; *Гогоцкий С.С.* Философский лексикон. Т. I. — Киев, 1857; Т. II. СПб., 1861; *Тамочкин Д.* Энциклопедический словарь основных химических сведений о составе органических и неорганических веществ в природе. — СПб., 1864; и др.

² *Кириллов Н.* Карманный словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка. — СПб., 1845, 1846; *Углов В.Н.* Объяснительный словарь иностранных слов, употребляемых в русском языке. — СПб., 1859; *Бурдон И.Ф.* Словарь-толкователь 30 000 иностранных слов, вошедших в состав русского языка. — М., 1865; *Михельсон М.И.* Объяснение 25 000 иностранных слов, вошедших в употребление русского языка. — М., 1865; и др.

³ *Щедрин Н.* Соч. Т. VII. — ГИХЛ, 1900. «Признаки времени». С. 162.

Герцена, Салтыкова-Щедрина, Чернышевского и других писателей и публицистов того времени, оказались жизненными и продуктивными на многие десятилетия вперед.

Широкое распространение получили, например, иноязычные термины *идеализм, материализм, эклектизм, диалектический, абстракция, конкрет*. Но сфера их употребления значительно расширяется и выходит за пределы философских сочинений, таким образом, термины осваиваются общелитературным языком¹.

Показательны в этом отношении фразеологические контексты этих слов: *диалектическая жаровня; бледный, хладнокровный материализм; атрибут зверства, разврата* и т.д.:

На six-то развалинах царит бледный, хладнокровный материализм (О месте человека в природе. Т. I. С. 22);

Он мастерски ловил и мучил на диалектической жаровне остановившихся на полдороге, пугал робких, приводил в отчаяние дилетантов и при всем этом смеялся, как казалось, от души (Былое и думы. С. 297)²;

По несчастью, «атрибут» зверства, разврата и неистовства с дворовыми и крестьянами является «бесприменнее» правдивости и чести у нашего дворянства (там же. С. 252).

Процесс усвоения философской терминологии общелитературным языком коснулся и отечественных слов. Ср., например, значения слова *духовный* в следующих контекстах:

Сей-то эклектизм духовного с телесным и есть человек (О месте человека в природе. Т. I. С. 17);

Поп у нас превращался более и более в духовного квартального (Былое и думы. С. 141).

Формирование публицистического стиля, развитие общественной мысли способствовали распространению общественно-политических терминов и терминов политической экономии. Специальное значение в таких случаях терялось:

Вместо диктатуры революционной водворилась диктатура управы благочиния — и все пало перед ней, потому что все было шатко, неглубоко, неистинно; потому что в каждом новом учреждении был оставлен старый, отравляющий его элемент (Письма из Франции и Италии. Т. V. С. 213);

¹ Далее материал из произведений А.И. Герцена цитируется по Полн. собр. соч. в 30 т. Изд. АН СССР. — М., 1954. (Записки одного молодого человека; О месте человека в природе; Письма об изучении природы; С того берега; Письма из Франции и Италии; По поводу одной драмы; О публичных чтениях г-на Грановского; По разным поводам; Кто виноват?; Доктор Крупов; Долг прежде всего; Дилетантизм в науке; Отдельные замечания о русском законодательстве; Капризы и раздумье.)

² Герцен А. Былое и думы. — Л., ОГИЗ, 1946.

Она была, хотела быть тем, что впоследствии назвали нигилисткой: странно чесала волосы, небрежно одевалась, много курила, не боялась ни смелых мыслей, ни смелых слов (Былое и думы. С. 735).

(Новизна слова *нигилистка*, необычность его употребления ощущается самим автором, он его выделяет курсивом.)

Эти более свирепые, о которых я сказал, были те ультра, те угловатые и шершавые представители «нового поколения», которых можно назвать Собакевичами и Ноздревыми нигилизма (Былое и думы. С. 744).

Оригинален фразеологический контекст слова *пролетарии*:

Это пролетарии нравственного мира, они должны молчать или брать свое место грудью, восстанием (Письма из Франции и Италии. Т. V. С. 202).

Описывая мещанство в «Былом и думах», А.И. Герцен употребляет слово *капитал* в применении к нравственным понятиям:

Его евангелие коротко: «Наживайся, умножай свой доход, как песок морской, пользуйся и злоупотребляй своим денежным и нравственным капиталом не разоряясь, и ты сытно и почетно достигнешь долголетия» (С. 415).

Контекст (*наживаться, умножать доход, разоряться*) помогает установить принадлежность слова к данной лексической категории — терминам политической экономии. Весь отрывок выдержан в этом стиле.

Интересно употребление слова *монополия*, также в применении к нравственным понятиям:

Монополию любви надобно подорвать вместе с прочими монополиями (По поводу одной драмы. Т. II. С. 67).

Фразеологизм *подорвать монополию* широко употребляется в художественной литературе. Терминологическое значение в таком случае утрачивается. Ср. у Гоголя: «Подорвать монополию амбарного кога»¹.

Развитие естественных наук повлекло за собой распространение в литературе терминов биологии, химии, агрономии, медицины.

Наиболее широко представлены биологические термины.

Особенность употребления слов этой лексической категории — образность, переносное значение.

Организм — Мы довольно долго изучали хилый организм Европы (С того берега. Т. VII. С. 116);

Принимая историю за правильно развивающийся организм, он нигде не подчинил событий формальному закону необходимости и искусственным границам (О публичных чтениях г-на Грановского. Т. II. С. 126);

¹ Гоголь Н.В. Собр. соч. Т. I. — ГИХЛ. 1952. С. 66.

Наука — живой организм, которым развивается истина. Истинная метода одна: это собственно процесс ее органической пластики; форма, система — предопределены в самой сущности ее понятия и развиваются по мере стечения условий и возможностей осуществления их (Дилетантизм в науке. Т. III. С. 58—59).

То же у Щедрина: «Общество представляет собой организм высоконравственный»¹.

Эти новые смысловые оттенки еще не зарегистрированы Академическим словарем 1847 г.

Методы введения специальной терминологии в тексты художественной прозы, а также статей и заметок довольно разнообразны. Это либо прямое сравнение (*явление вроде пульса*), либо употребление слова в переносном значении (*организм Европы, наука — организм, история — организм*).

Введение термина в несвойственное ему словесное окружение подчас создает политически острые характеристики обычно отрицательного плана:

Сначала меня принял какой-то шпионствующий юноша, с бородкой, усиками и со всеми приемами недоношенного фельетониста и неудавшегося демократа (Былое и думы. С. 422).

Термин может употребляться в расширенном значении, например: *морфология* — строение вообще, а не только строение организмов: *Чтоб понять современное состояние мысли, вернейший путь — вспомнить, как человечество дошло до него, вспомнить всю морфологию мышления* (Письма об изучении природы. Т. III. С. 130).

Даже в «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д.Н. Ушакова дано лишь два специальных значения этого слова: 1) учение о строении организмов (растений, животных); 2) отдел языковедения, изучающий формы слов.

Обильно представленная медицинская терминология используется по тому же принципу — отвлечение от узкотерминологического значения, переносное употребление. Термины *патология, патологический* употребляются, например, только в переносном смысле, для обозначения общественно-политических понятий или интеллектуальной жизни человека. *Патология* — отклонение от нормы, уродливая ненормальность вообще, а не наука о болезненных процессах в организме.

Своеобразны фразеологические контексты этого слова у А.И. Герцена: *патологическое благоразумие, патологический интерес, патологический разбор, патологический факт, патология революции, сложно-патологический субъект*. Часто необычность словоупотребления передается самим автором, например, в слово-

¹ Щедрин Н. Соч. Т. VI. — ГИХЛ. С. 371.

сочетании *патология революции* слово *патология* заключено в кавычки.

Я буду очень счастлив, если мои писания могут служить для уяснения «патологии» революции, и цель моя будет совершенно достигнута, если я могу указать, как последние молнии революции сверкнули и отразились в русском понимании (Письма из Франции в Италию. Т. V. С. 224);

Доктор — друг отца Генриеты, поняв дело, захотел с патологическим благоразумием помочь и, само собою разумеется, страшно повредил (По поводу одной драмы. Т. II. С. 54);

Я нашел там множество заметок, мыслей, капризов, брошенных наскоро, но не лишенных интереса, по крайней мере патологического интереса (По разным поводам. Т. II. С. 73);

Начинается злоеющее раздумие и патологический разбор (Письма из Франции и Италии. Т. V. С. 9); Книга моя замечательна как патологический факт, показывающий, какой беспорядок вносит в русскую голову немецкая философия и французская революция (Письма из Франции и Италии. Т. V. С. 224); Мнение мое было слишком просто и здорово, чтобы быть верным в отношении к таким сложно-патологическим субъектам и к таким большим нервам (Былое и думы. С. 687).

Переносное значение свойственно и терминам *рефлексия* (современный *рефлекс*), *рефлектировать*. Слова употребляются для обозначения интеллектуальной жизни человека (размышлять с внутренней сосредоточенностью):

Видя, что дело быстро приближается к развязке, Боткин испугался, начал рефлектировать и совершенно сконфузился, обдумывая неумолимый фатализм брака, неразрушимость его по Кормчей книге и по книге Гегеля (Былое и думы. С. 269).

Термин *гигиена* употребляется для обозначения нравственных и общественно-политических понятий:

Я переступил правило дипломатической гигиены (По поводу одной драмы. Т. II. С. 56);

Была ли это мера нравственной гигиены вроде ежедневных обливаний холодной водой (Кто виноват? Т. IV. С. 38).

Довольно своеобразно использование названий болезней и болезненных проявлений человеческого организма. Сфера применения — опять-таки нравственные и общественно-политические понятия. Вследствие сочетания слов разного семантического плана создаются меткие фразеологизмы, острые политические формулы: *подагра нравственного мира, припадок цензурной болезни, белая горячка самовластия, мир агонии* и т.д.: *Вспомните аристократизм, эту застарелую подагру нравственного мира, иудейскую проказу исключительной национальности (Доктор Крупов. Т. IV. С. 267);*

У отца была белая горячка самовластия (Долг прежде всего. Т. VI. С. 304); *Тогда именно в России был сильнейший припадок цензурной болезни* (Там же. Т. VI. С. 297); *Гиббон не мог отделаться от обаяния, которое производит древний Рим на каждую сильную душу. Вспомните, сколько веков продолжалась его агония* (С того берега. Т. VI. С. 38).

Ср. то же у Салтыкова-Щедрина: «эпидемия болтовни», «гангрена разрушения»¹.

Приведенные примеры свидетельствуют о широком распространении терминов точных наук в публицистической и художественной литературе, характерном для середины XIX в.

С помощью математической терминологии А. И. Герцен создает цельный поэтический образ. Следовательно, термины используются в качестве своеобразного художественного приема. Оригинально, например, воспроизводится поэтический образ юности:

На сколько ладов и как давно люди знают и твердят, что «жизни май цветет один раз и не больше», а все же июнь совершеннолетия, с своей страдной работой, с своим щербом на дороге, берет человека врасплох. Юность невнимательно несется в какой-то алгебре идей, чувств и стремлений, частное мало занимает, мало бьет, а тут любовь, найдено неизвестное, все свелось на одно лицо, прошло через него, им становится всеобщее дорого, им изящное красиво; постороннее и тут не бьет: они даны друг другу — кругом хоть трава не расти (Былое и думы. С. 211).

Во всех этих случаях связь с терминологическим значением слова не утрачена. Слово лишь применяется к иным фактам действительности. Но некоторые математические термины приобретают переносное значение, например *аксиома, теорема, формула, сумма, алгебра*.

Эти застылые мысли составляют массу аксиом и теорем, которая вперед идет, когда приступают к философии (Дилетантизм в науке. Т. III. С. 19); *Правительство есть формула движения (du progres), выражение идеи общества, форма его историческая, факт непреложный* (Отдельные замечания о русском законодательстве. Т. I. С. 320).

Многие термины химии, усвоенные общелитературным языком, получили более расширенное значение. Частое применение их к фактам нравственной и общественной жизни привело к затемнению специального, терминологического значения (такое значение сохраняется лишь в специальной научной литературе). Такие слова, как *элемент, реакция, брожение, анализ, синтез* укрепились в общелитературном языке с расширенным, более отвлеченным

¹ Щедрин Н. Соч. Т. III. С. 43, 318.

ченным и потому более емким значением. Такое значение они имеют и в современном русском языке.

Слово *элемент* стало употребляться в значении «составная часть чего-либо»: *В европейскую эпоху нашего законодательства, при самых начальных трудах, являются два элемента... Эти два элемента — лучшее доказательство, насколько правительство стояло выше народа и насколько оно хотело поднять его. Я говорю о коллегиальном начале и о выборах* (Отдельные замечания о русском законодательстве. Т. I. С. 321); *Элементы души человеческой* (Дилетантизм в науке. Т. III. С. 30).

Второе значение того же слова — «основное начало чего-либо».

Но элемент выбора и большинства голосов уже есть в волостном правлении (Отдельные замечания о русском законодательстве. Т. I. С. 322).

Интересно применение термина к нравственно-психологическим понятиям:

Любовь вошла великим элементом в их жизнь, но не поглотила, не воссала в себя других элементов (По поводу одной драмы. Т. II. С. 68); *Лирический элемент личности ослаблен* (Былое и думы. С. 35).

Этот термин в 40-е годы XIX в. был общеупотребительным. У Щедрина, например, он применяется к отвлеченно-философским понятиям (*элемент аналитический*¹), а также общественно-политическим (*недовольные элементы*²).

У Белинского: «Чувство и разум суть не противоречие... но родственные или, лучше сказать, тождественные элементы духа человеческого»³.

В Академическом словаре 1847 г. слово дано лишь в его терминологическом значении.

Интересно, что в современном русском языке общелитературное значение стало основным. Толковый словарь русского языка под ред. Д.Н. Ушакова фиксирует в слове терминологическое значение лишь под третьим пунктом. Ср. контексты начала и середины XX в.: *кулацкий элемент, вражеский элемент, антиобщественный элемент, уголовный элемент*. В 90-е годы — *антиперестроечные элементы*.

Та же судьба постигла и слово *реакция*. У Герцена оно встречается в общефилософском значении: *Это была реакция вольтеровскому воззрению* (О публичном чтении г-на Грановского. Т. 2. С. 127).

¹ Щедрин Н. Соч. Т. VI. — ГИХЛ. С. 230.

² Щедрин Н. Соч. Т. XIX. С. 335.

³ Белинский В.Г. Полн. собр. соч. Т. I. — 1910. С. 209.

Кроме того, отмечено и общественно-политическое значение: *Не останься на старом берегу... Лучше с ним погибнуть, нежели спастись в богадельне реакций* (С того берега. Т. VI. С. 7).

То же употребление свойственно Белинскому, Щедрину и др.

Расширение значения наблюдается и у слов *анализ*, *синтез*. Например, в следующем предложении слова имеют общеполитическое значение: *В этом и спорить нельзя, что анализ и синтез не все равно и что то и другое суть способы познания* (О месте человека в природе. Т. I. С. 21).

Ср. еще большую широту и абстрактность содержания этого слова у Белинского: *цепы анализа, эпоха анализа*¹.

Физические термины *атмосфера*, *масса*, *энергия* получили расширенное значение. Эти слова твердо вошли в общелитературный язык, пополнили его лексический состав. Такие значения сохранились и сегодня.

Атмосфера употребляется как синоним словосочетаний: *окружающие условия*, *моральная обстановка*: *Он (партер) вроде хора греческой трагедии; он не вне драмы, а обнимает ее волнами жизни, атмосферой сочувствия* (Капризы и раздумье. Т. II. С. 51).

В слове *энергия* даже Академический словарь 1847 г. не выделяет терминологического значения. У А.И. Герцена: *Энергию мышления он ставит выше мыслимого* (Письма об изучении природы. Т. III. С. 187).

Масса обозначает множество, большое количество: *Эти застылые мысли составляют массу аксиом и теорем* (Дилетантизм в науке. Т. III. С. 19).

Другие термины не потеряли в общелитературном языке терминологического значения, но употреблялись в переносном смысле. Таковы *атом*, *точка опоры* и др.: *Личность индивидуума терялась в гражданине, а гражданин был орган, атом другой, священной, обоготворяемой личности — личности города* (Дилетантизм в природе. Т. III. С. 30).

Латинская приставка *ultra* (более, сверх), обычно употребляемая в физических терминах (*ультрафиолетовый*), используется со словами бытового характера: *Так как новый губернатор был в самом деле женат, губернаторский дом утратил свой ультрахолостой и полигамический характер* (Былое и думы. С. 158).

Судебно-юридическая терминология — *амнистия*, *трибунал*, *кодекс* — обычно переносится в область духовной, нравственной жизни человека. Очевидно, что специальное значение заслоняется образным, в результате чего создаются меткие, запоминающиеся

¹ Белинский В.Г. Соч. Т. 3. С. 494; Т. 4. С. 71.

фразеологизмы, например: *Нравственный кодекс* (По разным поводам. Т. II. С. 76); *Все покрывается всеобщей амнистией вечного забвения* (Былое и думы. С. 540).

Судебно-юридические термины могут служить речевым средством создания цельного художественного образа:

«Внутри человека есть постоянный революционный *трибунал*, есть беспощадный *Фуке-Тинвиль* и, главное, есть *гильотина*. И когда судья засыпает, *гильотина* ржавеет, ложное, прошедшее, романтическое, слабое поднимает голову, обживает, и вдруг какой-нибудь удар будит оплошный суд, дремлющего *палача*, и тогда начинается свирепая расправа — малейшая уступка, пощада, сожаление ведут к прошедшему, оставляют цепи» (С того берега. Т. VI. С. 44—45).

Встречаются у Герцена и термины логические, правда, в ограниченном количестве. Слово *логика*, например, употребляется как обозначение внутренней закономерности: *Логика чувств и страстей коротка* (По поводу одной драмы. Т. II. С. 54).

Своеобразно значение слова *термин*.

В логике *термином* называются понятия, входящие в посылки умозаключения.

У Герцена:

Нельзя перескочить через термин в угоду индивидуальной воле (Записки одного молодого человека. Т. I. С. 276).

Перескочить через термин — значит нарушить закономерности исторического развития.

Географический термин *континентальный* послужил Герцену основой для новообразования *континентально*. Сфера применения — психическая жизнь человека: *Нужно несколько лет прожить в Англии, чтоб понять, как подобная новость удивляет... как ей не сразу веришь... как континентально становится на душе* (Былое и думы. С. 567).

Термин *религия* имеет не прямое значение — взгляды и представления, основанные на вере в сверхъестественные силы и существа, а более отвлеченное, как система взглядов, представлений вообще: *Религия грядущего общественного пересоздания — одна религия, которую я завещаю тебе. Она без рая, без вознаграждения, кроме собственного сознания, кроме совести* (Письма с того берега. Т. VI. С. 8); *Либерализм составляет последнюю религию, но его церковь не другого мира, а этого, его теодицея — политическое учение* (Былое и думы. С. 409).

Интересно, что даже в Толковом словаре русского языка под ред. Д.Н. Ушакова зафиксировано лишь прямое значение данного слова. Несмотря на то что Герцен помещает слово *религия* в контексты, включающие в себя другие церковные термины (*церковь, рай*), ясно,

что обычное его значение вытеснено более абстрактным. Переносное употребление этого слова наблюдается в более поздний период. В современных словарях (См.: С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова, 1999) фиксируется это значение под пунктом 3) «перен.» Сложившиеся непоколебимые убеждения, безусловная преданность какой-нибудь идее, принципу, нравственному закону, ценности.

Применение научно-терминологической лексики в произведениях А.И. Герцена и его современников позволяет сделать некоторые выводы, касающиеся истории русского литературного языка, и обнаружить очевидную преемственность в использовании этой лексики в настоящее время. Как видим, процесс имеет длительную историю и современные журналисты не оригинальны в этом отношении. А это в свою очередь говорит о возможностях и потребностях самого языка.

Научно-терминологическая лексика, представленная в произведениях А.И. Герцена, свидетельствует, что это не особенность автора, а отражение общего процесса в развитии литературного языка середины и второй половины XIX в. Формирование и развитие науки привело к бурному росту научной терминологии и широкому распространению ее в научно-популярной, публицистической и даже художественной литературе.

Многие термины стали достоянием общеупотребительного словаря за счет расширения круга их значений, чему способствовало перенесение сферы их употребления из специальных текстов в публицистику и художественную литературу.

Так закреплялось за словом новое значение, иногда оно заслоняло первоначальное и становилось ведущим, основным. В целом семантическая структура слова значительно усложнялась, поскольку на специальное значение наслаивалось общеупотребительное, часто с целой гаммой оттенков (например, слово *реакция*, кроме терминологического, получило значение общеполитическое и общественно-политическое).

О глубоко проникновении научно-терминологической лексики в общелитературный язык свидетельствуют факты употребления ее с качественными определениями — *глухое брожение*; *бледный, хладнокровный материализм* и др.

Приемы употребления терминологической лексики в XIX в. отражают общие тенденции в языке. Сочетание слов-терминов с лексикой иного семантического плана или лексикой специфической стилистической окраски позволяло создавать яркие, запоминающиеся фразеологизмы (*алгебра идей, амнистия вечного забвения, логика чувств и страстей, нравственный кодекс*), уничтожающие характеристики (*недоношенный фельетонист, патологическое благоразумие, белая горячка самовластия, подагра нравственного мира*),

политически острые формулы (*дипломатическая гигиена, припадок цензурной болезни, диктатура управы благочиния, богадельня реакции*). Такое расширение возможности сочетаемости слов привело к обогащению словарного и фразеологического состава литературного языка в целом. И то, что в конце XX столетия вновь возникла острая необходимость обратиться к терминологической лексике и с ее помощью дать оценочные характеристики социальным, политическим и морально-нравственным понятиям сегодняшнего дня, свидетельствует о жизненности и закономерности намеченных в прошлом процессов, их объективной целесообразности.

«Терминологические» контексты современной метафоры широки по своему содержанию и применению. Прежде всего, широк объем специальной лексики, представляющей разные отрасли знания: термины медицинские, военные, спортивные, географические, экономические, философские, термины разных видов искусства и др. Широкий тематический диапазон созданных на базе терминов метафор: это отражение и государственного устройства, и морально-этического и нравственного состояния общества, и политико-идеологического сознания общества, и образовательного уровня индивидов общества и т.п.

Вот некоторые примеры из современных газетных публикаций: *склероз совести, энтропия мысли, коррозия души, искусственная инъекция оптимизма, политическая глаукома, инфляция слов, вирус недоверия, идейный вакуум, остеохондроз мышления, экономический коллапс, девальвация умственного труда, социальный гумус, агония гуманизма, патология прогнозов, экономический маразм, энергетика мыслей, раковая опухоль преступности, вектор политики, общество местной парадигмы, климакс системы, невроз кредитов, бактерии национализма, аллергия на контакты с прессой, внутривнутриполитическая агония, лексика балета, анатомия любви, алгебра любви, геометрия досуга, протез дружбы.*

Как видим, термины, приведенные здесь, в принципе не новые, они известны своей принадлежностью к специальным научным системам. Сегодняшняя речепрактика лишь расширила сферу их применения. Судя по содержанию данных словосочетаний, большая часть из них имеет оценочный характер, причем их оценочность отрицательная (*склероз совести, агония гуманизма*), но встречаются и нейтральные метафоры, не несущие оценочного значения (типа *алгебра любви, лексика балета*). В любом случае они не заключают в себе индивидуального, художественно-образительного, образного смысла, хотя в достаточной степени экспрессивны. Результат вхождения терминов в общелитературное языковое окружение — смещение смысла в сторону его расширения за счет переносного употребления.

Иноязычные заимствования

В 90-е годы XX столетия одним из наиболее активных и социально значимых языковых процессов оказался процесс заимствования иноязычных слов. Иноязычное слово, чаще всего английское, в современном русском контексте — это одна из примет «языкового вкуса эпохи»¹. Русский язык всегда был открыт для заимствований, в его лексике большой процент составляют иноязычные слова разного происхождения. Многие из них настолько прижились в русском языке, ассимилировались им, подчинившись русской грамматике (приняли формы словоизменения и создали словообразовательные гнезда), что воспринимаются как вполне русские (*свекла, кровать, деньги*). В разные эпохи приходили к нам разные «чужие» слова. Заимствования были требованием жизни. Например, развитие кораблестроения, инженерного дела, различных ремесел привело в русский язык голландские и английские морские термины, технические и канцелярские немецкие и др. Но были заимствования, которые диктовались модой, как, например, французские заимствования XVIII — начала XIX вв., когда в светской аристократической среде культивировался французский язык, стиль и обычаи галантного общества.

Современная тяга к заимствованиям воспроизводит эти две исторические линии: с одной стороны, это действительно потребности в корне изменившейся жизни (смена политических, экономических, идеологических ориентиров), с другой — американомания, когда привлекательными оказываются не только технические новшества, но и стандарты жизненного уровня, манера поведения и общения, вкусы. Сейчас английские слова вытесняют не только русские, но и слова других языков, ранее заимствованные и вполне прижившиеся в русском языке (например: *сэндвич* вместо нем. *бутерброд*; *слоганы* вместо нем. *лозунги*; *хит* вместо нем. *шлягер*; *аниматор* вместо фр. *мультипликатор*; *дисплей* вместо фр. *экран* и др.).

В конце века были созданы благоприятные условия для международных контактов; российское общество стало более открытым и предрасположенным к таким контактам. В новых социальных и политических условиях активно проявились причины, приведшие к неизбежности заимствований. Тем более что само отношение к заимствованиям в новых условиях, примерно с 60-х годов, и в особенности в 90-е годы, изменилось. Оно стало более терпимым². Раньше в связи с официальной установкой на борьбу «против

¹ Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи. — М., 1994.

² Крысин Л.П. Иноязычное слово в контексте современной общественной жизни // Русский язык в конце XX столетия; его же: Иноязычные слова в современном русском языке. — М., 1968.

низкопоклонства перед Западом» в период борьбы с космополитизмом в нашей стране (40-е годы) не только не принимались новые заимствования, но изгонялись насильственным путем из речевой практики уже укоренившиеся иноязычные слова как идеологически чуждые. В самом факте заимствования усматривались антипатриотические тенденции и устремления. Теперь же, когда стиль нашей жизни резко изменился, когда широкое распространение получили аудио- и видеотехника, компьютер, Интернет, иноязычное слово стало неотъемлемой частью словаря даже на бытовом уровне, не говоря уже об уровне специальном, научно-техническом. Само слово *Интернет*, заимствованное из английского языка, расшифровывается как «international net» и в переводе на русский означает «всемирная сеть». Технический и информационный взрыв конца XX в. сделал неизбежным международный обмен информацией, что было бы затруднительным без единого языкового кода, чем и является в данном случае интернациональная терминология. Таким образом, потребность в словесном обозначении новых понятий и явлений действительности и отсутствие в русском языке адекватных наименований неизбежно привели к заимствованиям интернациональной лексики, которая в большей своей части представляет прямые заимствования из английского языка.

Однако на этой волне удовлетворения потребностей языка всплыло много словесного хлама, ненужного, засоряющего язык. Иностранное слово стало не только необходимым, нужным, но и привлекательным, престижным. В таком случае мера и избирательность в применении иноязычной лексики начинает утрачиваться. Побеждает общий настрой, мода, желание быть «наравне с веком». Вот некоторые лексические параллели¹, свидетельствующие об отсутствии необходимости в заимствовании, поскольку существуют лексические эквиваленты (правда, иногда несколько огрубленные): *конверсия* — преобразование, *стагнация* — застой, *консенсус* — согласие, соглашение, *имидж* — образ, *коттоновый* — хлопчатобумажный, *реперный* — ключевой, важный, *транспарентный* — прозрачный. Среди эквивалентов есть и ранее заимствованные слова: *пресс-конференция*, *инструктаж* (из лат. яз.) — *брифинг*; *авторитет*, *популярность* (из лат. яз.) — *рейтинг*; *реклама* (фр.) — *паблицити*; *спектакль* (фр.) — *шоу*. Правда, сопоставляемые аналогии не всегда равноценны (есть различия между *брифингом* и *инструктажем* или между *имиджем* и *образом*), но ведь эти дополнительные оттенки смысла могли бы развиваться в соответствующих контекстах, и не было бы нужды в заимствовании.

¹ Примеры взяты из работы В.Г. Костомарова «Языковой вкус эпохи» (С. 81—83).

В настоящее время заимствование представлено широко во всех сферах жизни — политической (преобразования в государственном и партийно-политическом устройстве), экономической (переход на рельсы рыночной экономики), финансовой (появление банков, новой кредитно-финансовой системы), в сфере предпринимательской деятельности (развитие профессиональной деятельности как интеллектуальной деятельности в период складывающихся рыночных отношений), технической (развитие видеотехники, компьютерной техники, Интернет), бытовой (влияние в стиле одежды, времяпрепровождения), в сфере поп-искусства и спорта (социально-психологический настрой на принятие нового, «иногo» мира, ранее запретного), и др.

Среди наиболее употребительных заимствований в 90-е годы XX столетия можно назвать слова: *аутотренинг, аэробика, бартер, бейсик, брейк, ваучер, видеодиск, видеоклип, героин, гиперинфляция, гуманоид, дезодорант, дисплей, дилер, дискета, диск-жокей, диск-форт, имидж, интроверт, инаугурация, инклюзивный, китч, клип, кока-кола, ламбада, листинг, луна-парк, макияж, марихуана, маркетинг, мафиози, менеджмент, оффшор, рейтинг, репринт, рокеры, скейтборд, спонсор, суицид, телекинез, телефакс, тинейджер, трейлер, триллер, ушу, фазенда, файл, харизма, хепенинг, хостис, шейпинг, шоумен, шоу-бизнес, эксклюзивный, экстраверт, экстрасенс, пиар.*

Многие из этих, и подобных, слов оказываются производящими основами (ср. *пиар* — *пиарщик*), что свидетельствует о внедрении иноязычного в русскую словообразовательную систему, например: *Он мастерски творил свой пиар, обнаруживая при этом удивительную гибкость в выборе союзников* (АиФ, 2000, № 42); *Говорят, что Сергей Владиленович щедро оплачивает услуги пиарщиков и политконсультантов* (АиФ, 2000, № 42); *На губернатора Руцкого компромата нет. Но «пиарщики» в кавычках заходят с другого края. Можно обогатить жену* (АиФ, 2001, № 2).

О чрезмерной тяге к «чужому» слову свидетельствует современная тенденция к использованию вместо русского слова — иноязычного. Хорошей иллюстрацией служат вывески города. Обычный магазин или универмаг сменили названия *шоп* (shop), *супершоп, супермаркет, мини-маркет* (по образцу иностранного — *прод-маркет, суперпродмаг* и даже *суперсельно*); активно представлено и название *бутик* (фр. — торговая лавочка), которое в русском употреблении «повысилось в ранге» — это обозначение модного, элитного салона-магазина, где предлагаются дорогие товары, изготовленные в малых количествах экземпляров.

Причины активного иноязычного заимствования в последнее десятилетие XX в. известны и вполне объяснимы. Все они опреде-

ляются воздействием социального фактора. Многие из частных причин имеют объективный характер, другие — субъективный, но не индивидуально-субъективный; поэтому все новые заимствования можно разделить на две категории — необходимые, неизбежные, отчасти даже отвечающие потребностям самого языка, так как вписываются в основные тенденции его развития (например, отвечающие действию закона речевой экономии: *снайпер* — русск. меткий стрелок; *стайер* — бегун на длинные дистанции; *сейф* — нестараемый шкаф), и заимствования, не отвечающие требованиям необходимости, заимствования, которых можно было бы избежать при ситуации более бережного отношения к природному русскому слову. Однако степень интенсивности процесса оказалась столь велика, что разумное, разборчивое отношение к нему оказалось «не по силам» зашоренному прежде рамками госграницы обществу.

При более дифференцированном подходе к определению причин заимствования выделяют обычно следующие¹:

1. Потребность в наименовании новых вещей, явлений, понятий: *компьютер*; *блейзер* (особого покроя приталенный пиджак); *грант* (денежное пособие, выдаваемое специальными фондами и предназначенное для материального обеспечения научных исследований); *дайджест* (особый вид журнала, содержащий краткое изложение материалов из других изданий); *хоспис* (больница для безнадежных больных); *этаназия* (облегчение процесса умирания обреченных больных); *транссексуал* (человек, изменивший свой пол на противоположный); *телефакс*, *факс* (вид телефонной связи).

2. Необходимость в разграничении понятий: *визажист* (от фр. visage — лицо) и ранее заимствованное *дизайнер* (художник-конструктор, от англ. design — замысел, чертеж, проект); *плейер* (от англ. to play — играть) и русск. *проигрыватель* (*плейер* — компактный проигрыватель с наушниками, *проигрыватель* — аппарат для воспроизведения музыки на пластинках). Разграничению понятий служат и некоторые ранее заимствованные термины: *сервис* и *обслуживание*, *комфорт* и *уют*, *информация* и *сообщение*.

3. Необходимость в специализации понятий: *маркетинг* (рынок), *менеджмент* (управление), *аудит* (ревизия, контроль), *риэлтор* (предприниматель, занимающийся недвижимостью), *папарацци* (назойливые репортеры светской хроники), *киллер* (профессиональный, наемный убийца), *лизинг* (арендная сдача с выкупом по мере дохода).

¹ Крысин Л.П. Иноязычное слово в контексте современной общественной жизни // Русский язык в конце XX столетия (1985—1995).

Специализация наименований может быть в высшей степени дифференцированной. Например: *спонсор* — лицо, оказывающее финансовую поддержку; *меценат* (старое заимств.) — богатый покровитель; *импресарио* — предприниматель, устроитель зрелищ; *продюсер* — доверенное лицо кинокомпаний; *антрепренер* — частный театральный предприниматель; *промоутер* — тот, кто способствует продвижению на рынке, покровитель, патрон.

Интересно в этом смысле разумное обращение к иноязычному термину, общепринятому в литературной практике, *электорат*, который вытеснил русское слово *избиратели*. *Электорат* (лат. *elector* — избиратель) как термин в современной российской ситуации оказался более удобным и точным в сравнении с термином *избиратели*, так как он означает «круг избирателей, голосующих за какую-либо политическую партию», т.е. каждая партия на выборах имеет своего избирателя. В советское время такое различие в смысле не имело значения, так как выборной была одна-единственная партия. Теперь же, при изменении избирательной системы в стране, общее понятие «избиратели» оказывается неточным. К сожалению, в Словаре С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой (1999) этот оттенок значения в слове «электорат» не зафиксирован (см. формулировку: «Избиратели, участвующие в выборах в государственные или другие крупные общественные структуры». При таком понимании слова «электорат» оно ничем не отличается от слова «избиратели»).

4. Наличие в международном употреблении сложившихся систем терминов, однородных по происхождению, например компьютерная терминология, спортивная, современная эстрадная на базе английского языка; музыкальная — на базе итальянского языка, и др.

5. Потребность в вуализации понятий (стремление к эвфемистическим заменам). В некоторых ситуациях иноязычное слово (чисто психологически) помогает скрыть негативный или прямой смысл понятия: *педикулез* (вшивость), *канцер* (рак), *гениталии* (половые органы).

6. Стремление к модному, более современному слову. На общем фоне широкого заимствования «заморское слово» оказывается престижным, звучащим по-ученому и, следовательно, интеллектуально и красиво. В таком случае и само понимание слова (его русский перевод) оказывается несколько приподнятым, необычным. Например, *презентация* — это не просто представление чего-либо, а торжественная акция; *слаксы* — это не просто широкие брюки, а непременно модные широкие брюки; *бутик* — не маленькая лавочка, а элитный салон-магазинчик; даже итал. *putana* (шлюха) повышена в ранге: это не обычная проститутка, а валют-

ная. Или форма *консалтинг* — звучит сейчас более внушительно, чем обрусевшее слово того же корня и происхождения *консультирование*¹.

В тематическом отношении слова-заимствования охватывают разнообразные сферы жизни современного российского общества:

лексика государственного управления, международно-правовая: *парламент, саммит, импичмент, спикер, инаугурация, спичрайтер*;

лексика общественно-политическая: *брифинг, рейтинг, электорат, консенсус*;

лексика научно-техническая: *блюминг, крекинг, шепинг, ноу-хау*;

лексика экономическая и связанная с предпринимательской деятельностью: *концерн, акция, вексель, ваучер, дистрибьютер, демпинг, маркетинг, лизинг; брокер, аудитор, дебитор, дилер, менеджер, принципал, франчайзи (мелкий предприниматель), бартер, брокер*;

лексика спортивная: *допинг, тренинг, кикбоксинг, овертайм, шейпинг*;

лексика обиходная: *кемпинг, дансинг, шопинг, кабаре*;

лексика современного поп-искусства: *кантри, сингл, саунд, диск-жокей, шоу, ретро-шлягер*.

Иноязычная лексика проникает во все сферы жизни современного российского общества, входит в повседневный быт, заменяет русские привычные слова, включает в себя наименования, обозначающие понятия, прежде считавшиеся принадлежностью чуждого нам буржуазного мира. Эти слова вошли в жизнь россиян вместе с понятиями, которые они обозначают. Теперь это и наша жизнь: *казино, крупье, мафиози, мафия, бомонд, наркомания, порнобизнес; бизнес, коррупция, рэкет, холдинг, мориторинг; сэконд-хэнд, ноу-хау, пиар*.

Свидетельство тому, что слова прочно вошли в русский обиход, — их метафоризация и способность подчиняться русской грамматике (*политический бомонд; таблоиды* — малогабаритные газеты сенсационной направленности, *таблоидная пресса*).

Иноязычное слово не только грамматически вживается в русское словесное окружение, но и подчас приспособляется к русскому словоупотреблению, в разной степени изменяя свое значение. В таком случае происходит своеобразное усвоение семантики «пришельца».

Например, слово «приоритет» (лат. *prior* — первый, старший) определяется как «первенство по времени в открытии, изобретении чего-нибудь; вообще первенствующее положение» (Словарь С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой, 1998). Сегодня у слова «приоритет»

¹ См. примеры в указ. соч. Л.П. Крысина.

появились новые значения¹: 1) основная задача, главное направление; 2) главные интересы; 3) коммерческие интересы; 4) преимущество. О таких значениях свидетельствуют современные контексты. «Словарь русского языка» в 4-х томах (под ред. А.П. Евгеньевой) уже фиксирует одно из новых значений — «первенствующее значение чего-либо». Случаи употребления слова «приоритет» с определениями — *главный приоритет, особый приоритет, приоритет намер один* — говорят о забвении исконного значения слова (преобладает значение «задача», «направление», «предпочтение»). Более того, это слово стало употребляться и во множественном числе — *приоритеты* (*Дело в принципиальном выборе приоритетов.* — Изв. 1996, 24 янв.). Итак, новая семантика, новое употребление, новое лексическое окружение говорят о новой, особой жизни слова в русском языке.

На пути к подобным преобразованиям находится и слово «альтернатива» (фр. *alternative* от лат. *alter* — один из двух) — «необходимость выбора одной из двух или нескольких взаимоисключающих возможностей; каждая из исключаящих друг друга возможностей» (БЭС, 1991). Таким образом, в значении слова «альтернатива» уже есть сема «другой» (один из двух). Однако новые контексты (прямо скажем, неудачные, искажающие смысл) десемантизируют прямое значение слова, в частности, в сочетании очень распространенном в современной прессе — «другая альтернатива». Такое употребление нельзя признать нормативным, пока владеющие нормативным языком ощущают ошибочность подобных сочетаний, однако сам путь к изменению значения уже начен.

Семантические преобразования намечаются и в других иноязычных словах. Например, многие из активно пишущих в газетах воспринимают слово «анонимность» как «секретность» (ср.: *анонимность гарантируется* — в печати, в медицинских учреждениях и т.д.). В данном случае преждевременно приветствовать подобное употребление, поскольку имеем дело с прямым смещением смысла, которое можно объяснить не семантическими преобразованиями в слове, а непониманием его значения: *аноним* (от греч. *ἀνώνυμος* — безымянный) — «автор, скрывший свое имя», а также «сочинение без указания имени автора».

Слова «легитимность», «легитимный» стали употребляться в качестве заменителей слов «законность», «законный» (от лат. *legitimus* — законный), в то время как в международной практике при употреблении этого специального термина подчеркивается семантический нюанс «признаваемый законным», а не только

¹ Дровникова Л.Н. «Приоритеты» и «альтернатива» // Русская речь. 1998. № 5.

«соответствующий закону»; *легитимация* — признание или подтверждение законности чего-либо.

Спортивный термин «аутсайдер» — спортсмен, не имеющий шансов на успех в состязании; скаковая или беговая лошадь, не являющаяся фаворитом, — расширил сферу своего применения, приблизившись к собственному смыслу этого слова (англ. *outsider* — посторонний). Слово чаще стало употребляться в значении «лицо или группа лиц, не принадлежащие данному обществу, кругу, партии», а также с оттенком качества и оценки «неспециалист», «любитель», «отстающий».

Слово «ферма» (фр. *ferme*, от лат. *firmus* — прочный) уже давно приобрело одно из новых значений — «частное хозяйство или сельскохозяйственное предприятие на собственном или арендуемом земельном участке». Отсюда фермер — «владелец такого предприятия». Но в современном русском языковом сознании *фермер* — это житель деревни, не являющийся членом колхоза, часто новоприезжий, финансово самостоятельный.

Путь семантических преобразований иноязычных слов — путь сложный, часто начинающийся ошибочным употреблением слова из-за недостаточного его понимания, искаженного восприятия. Многие зафиксированные в слове семы оказываются нераскрытыми, и в результате имеем либо ошибочное употребление, либо, в конце концов, наращение нового смысла, своеобразное освоение чужого слова. Так случилось, например, в свое время с немецким словом «бутерброд», «потерявшим» в русском употреблении компонент «с маслом» (хлеб с маслом), о чем свидетельствует сочетание «бутерброд с маслом», возникшее явно под влиянием дифференцированных наименований «бутерброд с колбасой», «бутерброд с сыром» и т.д.

Скрытая, уже прижившаяся тавтология просматривается в сочетании «реальная действительность». *Реальность* (от лат. *realis* — действительный) — существующее в действительности; *реальный* — действительно существующий. В современном русском языке сочетание «реальная действительность» оказалось вполне закономерным, поскольку актуальными стали и другого типа действительности — *виртуальная действительность*, *вторичная действительность*.

Значительно осовременено и значение слова «кортеж» (фр. *cortège* — торжественный выезд, торжественное шествие). Изначально выезд осуществлялся на лошадях, теперь их заменила техника и появилось сочетание с управляемой формой — «кортеж машин».

Хуже обстоит дело со словом «кавалькада», которое заключает в себе значение «всадники» (фр. *cavalcade* — группа всадников).

Современные контексты *кавалькада машин, кавалькада мотоциклов* и даже *кавалькада всадников* звучат для восприимчивого уха убого. Хотя, как знать, может быть, с этим словом случится то же, что и со словом «бутерброд», особенно если лошадь в городских условиях окончательно станет экзотическим животным.

Издержками в освоении иноязычных слов можно считать и другие семантические тавтологии, к сожалению, уже укрепившиеся в языке массовой печати: *в анфас, монументальный памятник, свободная вакансия, выдающийся виртуоз, главный лидер, коллега по работе, специфические особенности, наиболее, самый адекватный, самый оптимальный вариант* и др. Ср. пример: *Съезд намерен утвердить кодекс профессиональной этики, который предполагает ответственность архитекторов перед обществом, заказчиком и коллегами по профессии* (Труд, 2000, 3 окт.) — *коллега* (лат. *collega*) — товарищ по работе, по совместной учебе (в высшей школе), по профессии.

Среди заимствований сегодняшнего дня наиболее активными оказываются англицизмы. Английский язык (в его американском варианте) — главный донор эпохи, его вливания в разные языки мира, в том числе в последнее десятилетие и в русский язык, очень существенны. Недаром английский называют «современной латынью». Причин тому много, и не в последнюю очередь — расширение «виртуального общения», в частности, через Интернет. Есть сферы общественной жизни, где англицизмы полностью завладели лексическим пространством, например в эстрадной музыкальной культуре. Америка рубежа XIX—XX вв. подарила европейцам новую музыкальную эстетику, а вместе с ней — и новый музыкальный язык, который в Россию пришел только к концу XX столетия, поскольку до этого многое было под запретом, в частности, джазовая музыка, джазовые коллективы (бэнды) осуждались как чуждые социалистической нравственности: «Сегодня ты играешь джаз, а завтра Родину продашь!» Но независимо от этого слова «джаз» и «блюз», «нота-блю» (грустная нота, грустная песня) закрепились в языке и сегодня потеряли оттенок новизны. Другие музыкальные термины из области поп-искусства сейчас хлынули в русский язык бурным потоком, в некоторых случаях даже вытесняя другие, известные языку заимствования, как, например, *сингл* вытеснил *диск* (ранее была пластинка). Сингл (*single*), дословно «песня», теперь означает отдельно изданную композицию исполнителя (*Мадонна поет в своем новом сингле.* — АиФ). Распространению такой лексики способствовала прежде всего растущая популярность самой музыки, которая пришлась по вкусу, а также вся обстановка и атмосфера; в которой она исполнялась. Соответствующие тексты заметок пестреют словами типа *саунд, хит, трек* и

др., причем часто в английском написании. Некоторые из подобных слов служат аналогом для образования новых, например, *ди-джей* (*диск-жокей*) — человек, манипулирующий дисками (т.е. звуком), образует *ви-джей* (*video-jokey*), т.е. тот, кто манипулирует изображением. Некоторые примеры: *Шоу Хосе Каррераса, который наслаждалась публика Кремлевского Дворца, забитого до отказа (сидели на лестнице, толпились в проходах), было великолепным буржуазным развлечением на уровне «хай-тек», «хай-энд» или попросту «хай-класс»* (МК, 2000, 26 сент.); *По-русский говоря, хип-хоп — это драйв; Наше поколение выбирает хип-хоп!; Зал по-прежнему ходил ходуном все пять минут, без света и звука. Это был такой драйв!* (Децил, певец. МЭ, 2000, 27 сент.); *Рэп и соул, которые любит Дина, многие терпеть не могут* (МК, 2000, 24 сент.);

Хип-хоп возник как уличное подростковое движение в среде вонючих американских кварталов. Тинейджеры коряво рифмовали правду о своей непростой жизни (АиФ, 2000, № 39);

Рэп — это краткое послание о своей жизни. Но почему-то наш юный хип-хопер правдиво не поет о своей жизни (там же);

Соединенные Штаты захлебываются хип-хопом давно, Европа на грани капитуляции перед этой субкультурой чернокожих (АиФ, 2000, № 39).

Еще примеры из МК: *Среди записанных материалов были партии бас-гитары к трем трекам* (*track* — дорожка фонограммы); *Я не верю людям, которые с самого начала знают, какой будет саунд у альбома* (*sound* — звук); *Создатели сего чуда уже выпустили сингл и видеоклип, а в следующем месяце планируется и веб-сайт в Интернете* (*single* — единичный; диск с одной-двумя композициями); *Европейцы, кажется, создали новый суперхит сезона; Послушали единственный бонус-трек* (дополнительная дорожка на диске).

Надо признать, что основная масса подобных заимствований вызвана не насущной необходимостью, а обусловлена причинами психологического плана. С одной стороны, это стремление показать свою приобщенность к «продвинутой» среде, с другой — заметен иронический подтекст в освещении новой жизни современников. Большая часть таких заимствований оседает в молодежном жаргоне, среди *фэнов* и *фэнш*. Показательно, что подобные слова вкрапливаются в русский текст, подчиняясь русской грамматике, получается некая искусственная американо-русская смесь, что в конечном счете сообщает текстам легкое ироническое звучание, и информация, поданная в таком тоне, воспринимается несерьезно. В рамках русского предложения эти слова начинают склоняться или образовывать словообразовательные цепочки: *К трем трекам; У группы контракт с очень маленьким лейблом; Ту-совка крылатых существ среди арийских «фэнши»; Мега-стары про-*

тусовались на вечеринке; Очередное явление местных поп-старз; Приехали в Москву топовые киевские промоутеры Вольф Месхи с Леонидом Ландой; И засаленный дутый тинейджеровский жилет сменила девушка на кожаный нехилый плащик; Каждый день надевает съют энд галстук и идет в банк.

Вряд ли надо объяснять, что такое заимствование не обогащает русский язык, да и авторы подобных текстов не рассчитывают на серьезность восприятия. Может быть, их цель в какой-то мере оправдывает средства — создается иронично-циничный стиль.

На базе совмещения лексических единиц разных языков создаются различные варианты интержаргона — молодежного, компьютерного, профессионального эстрадно-музыкального, обиходно-городского и др.

В ряде случаев это своеобразная языковая игра, в частности, если говорить о современном молодежном сленге, который позволяет молодому поколению отгородиться от старших, создать свой, пусть призрачный мир, набор слов иноязычного происхождения в сочетании с русскими создает специфический эмотивно-экспрессивный стиль непринужденного общения. «Особый язык» используется как своего рода пароль, речевой сигнал принадлежности общающихся к одной и той же социальной или возрастной группе. Большой материал по молодежному сленгу собран Т.Г. Никитиной в новом словаре «Так говорит молодежь» (2-е изд. вышло в 1994 г.). Изучение подобного языкового материала интересно и в каком-то смысле необходимо, хотя бы потому, что этот своеобразный «язык в языке» существует не только в устной речи, но в настоящее время все чаще и чаще функционирует (в том или другом объеме) на страницах газет и журналов. Поэтому в изучении сленга заинтересованы не только лингвисты, но и социологи, психологи, педагоги. В данном сленге представлены лексемы разных групп: 1) англицизмы, принявшие частеречные формы русских слов — *выдринкать* (выпить), *рингать* (звонить), *лукать* (смотреть); *вайтовый* (белый), *блэковый* (черный), *олдовый* (старый); 2) прямые заимствования — *бой* (парень), *вайф* (жена), *ботл* (бутылка), *бойфренд* (приятель, друг), *пилл* (народ, люди), *тинейджер* или *тинкэйджер* (подросток); 3) метафоры — *лемура* (любовница). Речь строится примерно так: *У нас сегодня сейшн — приходи, пошейкуем. — Ноу проблем.*

Современный молодежный сленг — структура достаточно сложная. Она включает в себя поджаргоны — хиппи, панков, металлистов, рейверов, рэпперов, байкеров, компьютерщиков и др. Это не те ограниченные наборы слов, которые ранее составляли студенческий или школьный жаргоны, кстати, большей частью состоящие из русских слов, литературных и просторечных, упот-

ребленных переносно: *бантики* — послушные дети, *лопухи* — наушники, *исповедь* — экзамен, *истерики* — студенты исторического факультета и др.

Компьютерный язык

Развитие компьютерных технологий в современном мире привело к созданию специального языка, который состоит из собственно компьютерного (профессионального) сленга, близкого к разговорному, а также из техницизмов, представляющих на сегодняшний день достаточно богатую терминологическую систему. И та и другая часть компьютерного языка активно представлена в Интернете и специальных компьютерных журналах. Вот пример текста, помещенного в «Известиях» (2000, 5 сент.), в котором речь идет в возможностях «Всемирной паутины». Читать текст на таком «русском языке» непосвященному сложно: *Куда жестче государственный напор оказался во Франции, что вполне в духе исторических традиций этой страны. Весной 2000 года Национальная ассамблея проголосовала за законопроект об обязательной регистрации владельцев всех веб-сайтов и об уголовной ответственности провайдеров за предоставление хостинга (услуга по размещению информации в Интернете) неидентифицированным пользователям. Необходимость объяснения слов возникла и в следующем примере: В США госрегулирование Интернета началось с ограничений. В феврале 1996 года Конгресс принял Communications Decency Act (Акт о соблюдении приличий в средствах массовой коммуникации) (там же).*

Как язык преимущественно молодых людей, компьютерный сленг содержит много специфических слов и окказионализмов, не говоря уже о техницизмах английского происхождения, обслуживающих данную профессиональную сферу деятельности. Поскольку компьютерная сфера деятельности относится к наиболее активно развивающимся, то словарь здесь постоянно пополняется новыми лексическими единицами, причем из-за быстрого устаревания компьютерных программ и самого оборудования многие слова так же быстро и исчезают.

Собственно техницизмы составляют основную массу слов: *байт* (единица измерения информации); *винчестер* (жесткий диск); *дискета* (носитель информации, гибкая пластинка); *дисковод* (устройство для чтения информации с дискеты); *дисплей* (то же, что и монитор); *картридж* (сменная кассета); *курсор* (значок на экране монитора, управляемый «мышью»); *принтер* (устройство для печати); *процессор* (центральная часть ЭВМ, его сердце); *сканер* (устройство для ввода текстовой и графической информации); *стример* (устройство резервного копирования) и мн. др.

На базе данного профессионального языка создается сленг, создатели которого проявляют максимум изобретательности в деле соединения английских и русских корней и английских корней и русских словообразовательных форм, тут же используются и метафорически преобразованные международные термины. Вот некоторые примеры: *клава* (клавиатура); *топтать клаву* (вводить данные с клавиатуры); *Айболит* (программа антивирус Aidstest); *Астма* (язык программирования Assembler); *баг* (англ. bug — жучок, вирус; ошибка, сбой в программе); *батоны* (кнопки); *блнквать* (англ. blink — мерцание; мигать); *быкать* (англ. buck up — дублирование; делать копию); *срхнуть* (стереть); *доктор Айболит* (антивирусная программа); *дуны* (англ. double — дублет; повторы); *Карлсон* (вентилятор); *квотить* (цитировать); *клоки* (англ. clock — час; часы); *коробок* (собственно компьютер); *ламмер* («чайник», неумелый пользователь); *полировать глюки* (отлаживать программу); *хакер* (компьютерный взломщик); *смайлики* (англ. smile — улыбка) — обозначает всю совокупность «невербальной части» письменной коммуникации (Словари смайликов можно найти в Сети. Они создают иллюзию эмоционального сопровождения речи).

В контексте Интернета воспринимается много английских слов путем буквального их перевода (*live video* — живое видео, видеозображение); так же образована калька «виртуальный офис». От английских слов образованы многие «русские» глаголы — *чатиться* (от англ. chat — болтать); *кликать* (от англ. click — щелкать «мышью»); *крякать* (от англ. crack — взламывать программы). Специфические слова на уровне сленга перекочевывают из сугубо профессиональной речи в обиходно-бытовую, например, «будь он-лайн» означает «будь на связи, не пропадай».

С появлением глобальных компьютерных сетей создаются новые формы и методы человеческого общения. Новый тип деятельности не может не отразиться на языке, и современный русский язык находится не в стороне этого международного процесса. Новые формы коммуникативной активности внедряются повсеместно, особенно среди обучающейся молодежи, и потому разрастание профессионального сленгового поля неизбежно.

Иноязычные лексемы в русском просторечии

Употребление заимствований терминологической лексики прежде всего связано со специальной сферой деятельности — в научной, технической литературе, в профессиональном общении. Однако для современного языка характерным оказывается взаимодействие разных подсистем языка, в частности применение

терминов в бытовой, повседневной речи. Через средства массовой информации, а также вследствие активного внедрения техники в быт современного человека специальные понятия и термины становятся активными составляющими бытового лексикона. Более того, подобная лексика внедряется в просторечие¹. Это еще раз говорит о широком усвоении иноязычных слов русским языком. Конечно, такая лексика часто трансформируется, звучит искаженно, переиначивается: *Она рентгеном работает; В квартире лимит живет; Понаехала всякая лимита; Вышла замуж за контингента*. Нелитературный характер подобных словоупотреблений очевиден, но сам факт проникновения иноязычной лексики в просторечие говорит о том, как чужое слово становится своим, органично включенным в словарь повседневного быта.

Внелитературная лексика в языке современной печати

Разговор о внелитературной лексике, находящейся на периферии языковой системы, можно было бы не начинать, если бы этот разговор касался только узких специалистов, но современная языковая ситуация такова, что просторечная (в том числе грубая) и жаргонная лексика вышла из ограниченной сферы употребления и активно вливается в язык современной массовой печати, звучит на телевидении и по радио.

Примерно с конца 80-х годов в русской речевой коммуникации резко увеличилась доля речи публичной. Кроме того, в силу известных политических, культурно-идеологических причин, порожденных распадом тоталитарной государственной системы, в книжную письменную речь — не спонтанную, совершающуюся в официальных рамках, — врываются речевые явления, прежде принадлежавшие исключительно устной форме функционирования языка. Это городское просторечие, уголовно-лагерный жаргон и даже инвективная речь (от позднелат. *investiva oratio* — бранная речь). Эти процессы детабузации инвективной (обсценной) лексики, наблюдаемые в последнее время в печати, в электронных СМИ, в конечном счете обусловлены эпохой гласности, снятием запрета на обсуждение интимной жизни популярных людей, на публикации эротического содержания. В связи с этим возрастает актуальность проблемы для всего общества в целом и, в частности, для «ревнителей» чистоты русской речи. Большая часть таких слов несет в себе осуждающую экспрессию и потому адресатом может

¹ Крысин Л.П. Иноязычный термин в русском просторечии // Филологический сборник (к 100-летию со дня рождения академика В.В. Виноградова). — М., 1995.

быть воспринята как оскорбление. А это влечет за собой осложнение языковых проблем проблемами правовыми. Слова типа *бандит*, *жулик*, *двурушник*, будучи персонифицированы, выводят ситуацию на юридический уровень. Бранными могут стать и вполне литературные слова (*кобель*, *кобыла*, *свинья*, *сука* и др.), если они являются зоосемантическими метафорами. Таким образом, термин «ненормативная» лексика часто оказывается некорректным, так как ненормативной оказывается не столько слово как таковое, сколько ситуация, в которой оно произносится. Другое дело — запретная (обценная) лексика, проще говоря, мат. Снижение порога допустимости в письменных и устных текстах не снимает с этих словоупотреблений характера непристойности и крайней грубости. В данном случае можно уже говорить о нарушении норм общественной морали.

Надо сказать, что в последнее время наблюдается общая тенденция к огрублению речи, отчасти это следствие ее раскрепощенности и реакция на негативные явления жизни. Огрубление письменной и устной речи за счет жаргонной и арготической лексики, грубой и циничной по существу, обнаруживается сегодня не только среди средств массовой информации. Этим грешат и чиновники, облеченные высокой властью. Поэтому известную детабулизацию обценной и вообще грубой лексики следует рассматривать в контексте общей тенденции времени к стилистическому снижению речи в целом и заметной утрате практическим языком возвышенно-эстетических качеств.

Можно отметить и такую деталь. Обценная лексика функционально очень богата. Это не только средство оскорбления, но и сигнал окружающим, что говорящий «свой человек». Не будучи конкретно адресной, она выполняет функции сильного экспрессивного средства, может служить средством разрядки психологического напряжения, может заполнять речевые паузы в качестве междометных слов, но в любом случае обусловлена низкой культурой говорящего, хотя может быть и своеобразной бравадой достаточно образованного индивида. Хуже всего по своим последствиям то, что такая речь распространена в детском школьном коллективе. Такую речевую практику не вытравить никаким уровнем образования.

Внелитературная сфера русского языка, где сосредоточена грубая, натуралистическая и циничная лексика, в последнее время заметно отодвигает или даже размывает границы образцовой литературной речи, а это бросает тень на весь русский язык, богатство и гибкость которого неоднократно были подчеркнуты выдающимися стилистами, тонкими ценителями языка. К сожалению, часто русский язык воспринимается через призму русского мата.

Особенностью функционирования литературного языка современности является его активное взаимодействие с просторечием и различными жаргонами. Интенсивность этого взаимодействия определяется выдвиганием новых центров экспансии¹ — низовой городской культуры, молодежной контркультуры и уголовной субкультуры. Подобная лексика, проникая на страницы печати, заметно опрошает письменную речь, стилистически снижает ее, снимает многие лексические запреты. Слова типа «наехать», «прикол», «кинуть», «расколоться», «отстегнуть» в значениях далеко не литературных — это не просто слова, они отражают сущность реально существующих в обществе социальных, экономических и властных отношений. Именно поэтому они стали употребительными (например: *Демократы вот-вот расколотся, не определив свой выбор.* — АиФ, 1999, № 40); *Враг в доме, пахан в суде, растлитель в школе. Нашим парням бреют лыбы и отправляют в Сербию воевать за Америку.* — День, 1992, № 43); *Конечно, у нас инфляция выше, чем в «продвинутых» странах* (Труд, 2000, 3 октября). О словах *беспредел*, *тусовка*, вышедших из жаргонов, и других уже было рассказано в разделе о модных словах эпохи.

Причины перехода арготической (жаргонной) лексики в общенародный язык чаще всего внешние (экстралингвистические), хотя могут быть и собственно языковыми (интерлингвистическими).

К причинам социального плана М.А. Грачев², лингвист, специально занимающийся сбором арготической лексики для словарей, относит следующие.

Психолого-педагогические причины связаны с восприятием арготизмов молодыми людьми. Это своего рода мода на блатные слова, языковой нигилизм; желание отгородиться от мира взрослых. Кроме того, школа мало внимания уделяет эстетической значимости языка, не формирует неприятия слов-сорняков.

Социально-политические причины просматриваются в периоды войн, мятежей, революций. В наше время это перестройка. В такие периоды обычно усиливается уголовный элемент, влияние его морали, увеличивается количество преступлений. В течение XX в. русский язык трижды испытал нашествие арготизмов: в 10—20-е годы (1-я мировая, гражданская война, две революции, результат — беспризорность); в 40—50-х годах (Отечественная война, потом — крупная амнистия); в конце 80-х и 90-х годах (перестройка, развал СССР, амнистия).

¹ *Какорина Е.В.* Трансформация лексической семантики и сочетаемости // Русский язык конца XX столетия (1985—1995). — М., 2000. См. также: *Костомаров В.Г.* Языковой вкус эпохи. — М., 1994; и др.

² *Грачев М.А.* Как появляются арготизмы в нашей речи // Русская речь. 1996. № 4.

Росту преступности и беспризорности способствует и урбанизация. Вокзалы, рынки, пивные — это криминогенные городские места. Отсюда арготизмы распространяются среди законопослушного населения. Профессиональная преступность всегда присуща городам, особенно крупным мегаполисам. Причины криминогенные и юридические усматриваются в результате централизации исправительно-трудовых учреждений, где объединяются профессиональные преступники, обмениваясь своими групповыми арготизмами. Но в истории нашей страны известен огромный период, когда в тюрьмах и лагерях отбывали наказание не только профессионалы-правонарушители, но и законопослушные, невинные люди (20—50-е годы, ГУЛАГ). Они тоже приобщались к этому языку; это интеллигенты — инженеры, партработники, военные, артисты, писатели, врачи, поэты. Находясь в заключении, писатели, журналисты накапливали соответствующий лексический материал, который позже включали в свои произведения. Кстати, «вынос» слова «беспредел» в общенародный обиход связывают с именем А.И. Солженицына. Так что репрессии способствовали вливанию арготизмов в речевой оборот всего населения.

В последние годы действуют еще и причины культурно-просветительного характера. Нелитературную лексику в буквальном смысле слова популяризируют журналисты, теле- и радиокomentаторы, актеры, политики. Получается необычная картина: арготизмы не поднимаются с низов, а спускаются сверху, находя, так сказать, живой отклик в народе.

Совокупности лексических единиц, ранее отличавшихся крайне узкой сферой распространения, обычно характеризовались как жаргон, арго, сленг. При определении этих понятий словари отмечают в какой-то мере условность этих «языков», созданных с целью языкового обособления. Особенностью же современного употребления элементов такого «обособленного» языка оказалась их широкая распространенность, общедоступность этой «тайнописи». Выход подобных слов на общелитературную арену переводит их в разряд сниженной (часто грубой) просторечной лексики. Причем граница между собственно просторечием и жаргоном (или арго) бывает трудноуловимой. Став общеупотребительными, эти слова сохраняют эмоционально-оценочный характер, хотя «знак» оценки может измениться (ср.: первоначально среди артистов *халтура* — приработок; затем — плохая, некачественная работа).

Да и сама дифференциация лексики, относящейся к жаргону, арго и сленгу, имеет размытые границы, часто пересекающиеся. Видимо, поэтому не дифференцированы и сами термины, часто значение одного термина определяется через другой. Ср., напри-

мер, определения терминов в БЭС (1991) и в Словаре С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой (1998).

БЭС. Жаргон (фр. *argot*) — социальная разновидность речи, отличающаяся от общенародного языка специфической лексикой и фразеологией (ср.: *argo*). Иногда термин «жаргон» применяется и для обозначения искаженной, неправильной речи.

Арго (фр. *argot*) — диалект определенной социальной группы (первоначально — воровской язык), создаваемый с целью языкового обособления. Характеризуется специальной (узкопрофессиональной) или своеобразно освоенной общеупотребительной лексикой.

Сленг (англ. *slang*): 1) то же, что *жаргон*, преимущественно в англоязычных странах; 2) вариант разговорной речи (в том числе экспрессивно окрашенные элементы этой речи), не совпадающие с нормой литературного языка.

Словарь С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой. Жаргон — речь какой-нибудь социальной или иной объединенной общими интересами группы, содержащая много слов и выражений, отличных от общего языка, в том числе искусственных, иногда условных. *Воровской жаргон. Жаргон торговцев.*

Арго — условные выражения и слова, применяемые какой-нибудь обособленной социальной или профессиональной группой, ее условный язык. *Воровское арго.*

Сленг — словарная статья отсутствует.

Большая определенность в попытке дифференцировать значения терминов «жаргон» и «арго» обнаруживается в Лингвистическом энциклопедическом словаре (М., 1990). При указании на общее значение этих терминов — особый язык некоторой ограниченной профессиональной или социальной группы — подчеркивается, что «арго» чаще употребляется в узком смысле, обозначая способ общения деклассированных элементов, распространенный в среде преступного мира. При определении же термина «жаргон» уточняется, что это разновидность речи, используемой в устном общении отдельной <...> социальной группой, объединяющей людей по признаку профессии (жаргон программистов), положения (жаргон русского дворянства в XIX в.), интересов (жаргон филателистов) или возраста (молодежный жаргон). Причем сказано, что, переходя из одного жаргона в другой, слова могут менять форму и значение, например, «темнить» в арго — «скрывать добычу», потом «хитрить (на допросе)», а в современном молодежном жаргоне — «говорить неясно, уваливать от ответа». Таким образом, в статью о жаргоне опять-таки попало слово «арго». Что же касается сленга, то значение этого термина определяется через термин «жаргон» («то же, что и жаргон»).

Довольно широкое понимание термина *арго* представлено в исследовании В.С. Елистратова «Арго и культура», опубликованном в Словаре данного автора, — «Словарь русского арго» (М., 2000). Автор рассматривает лингвистическую природу арго как одного из наименее изученных явлений языка, определяет статус арго не только в системе языка, но и в культуре народа. Причем арго, по мнению автора, отражает не застывшую культуру, а культуру в ее динамическом развитии (С. 582). Современное русское арго В.С. Елистратов анализирует и как систему замкнутую, и, с другой стороны, как систему абсолютно открытую. В само понятие «арго» включаются языковые объединения по социально-культурному тематическому принципу: уголовно-маргинальное (*мент, малина, ксива*); армейское (*дед, дедовщина, дембель*); профессионально-корпоративное (*нетленка* — у художников; *шепта-ло* — у переводчиков); молодежное и детское (*стипуха, стипа, жува*). Причем могут быть аргоизмы, обслуживающие разные профессиональные сферы, целый ряд арго. Например, *чайник* (невыгодный посетитель — у официантов; начинающий, плохой водитель — у шоферов; физкультурник-любитель — у спортсменов; графоман — у издателей). Подобные словоупотребления выражают общую смысловую идею — «не свой, не соответствующий необходимым требованиям»).

Таким образом, автор не пытается разграничить понятия *арго*, *жаргона*, *сленга* (слэнга), *социального диалекта* и др. Поскольку соотношение объема понятий, заключенных в этих терминах, не определено, избирается общий термин «арго», который оказывается применимым даже к нарочито используемым диалектизмам и «просторечным ошибкам» (*вас тут не стояло, секёшь* и т.п. — С. 673), более того, сюда включается и инвективная лексика.

Современные исследователи явно усилили свое внимание к нелитературным, маргинальным языковым структурам. И это понятно, поскольку аргологический материал связан с общими активными процессами в языке. Сформировалась для этого особая социальная психология и культура. Прежде всего это активизация просторечия, расширение сфер его распространения (в художественной литературе, в кино, в теле- и радиопрограммах). Создается особый стиль общения в городской среде (преимущественно в молодежной, но не только). Арго становится частью повседневного городского быта, уклада жизни, который меняется с изменением социально-бытовых условий.

«Арготическое» словообразование, словесный образ, риторические приемы выступают как система «поэтических» средств.

Итак, то, что было обособлено, условно и тайно, становится общеупотребительным, понятным и явным. Интересная деталь:

в советское время словарь уголовного жаргона издавался как специальное издание, предназначенное милицейским работникам (должностная необходимость). Теперь подобные словари издаются массовыми тиражами¹. Пожалуй, есть в этом резон: иные публикации без словаря трудно понять. Хотя многие из слов условных, со «специальными» значениями для нашего современника не требуют «перевода» на общедоступный язык: *трава*, *травка* — наркотик; *гонец* — торговец наркотиками; *колики* — наркотики, вводимые при помощи шприца; *быть в откате* — в состоянии сильного опьянения; *залететь* — заразиться венерической болезнью; *академия*, *дача*, *курорт* — о тюрьме, лагере; *жмурик* — покойник; *тундра*, *тайга* — о глупом человеке; *сесть на иглу* — получить наркотическую зависимость и т.п. Все эти слова и выражения созданы для вуалирования сущности обозначаемых понятий и явлений, иногда с элементами словесной игры, по сути это эвфемизмы. Они стали известными любому современнику благодаря широкой распространенности в печати. А новейшие обозначения психической ненормальности (*шизик*, *он с приветом*, *у него крыша поехала*) современниками расцениваются как прямые наименования².

Надо признать, что лексически арго (жаргон) чрезвычайно «богат». В этой подсистеме языка, как выразился В.С. Елистратов, «значительно меньше значений и значительно больше слов»³. Можно встретить десятки, сотни и даже тысячи наименований одного и того же. Понятливо — этот язык весьма ограничен, но словесно — безграничен. Например, для наименования «денег» в «Толковом словаре уголовных жаргонов» (под ред. Ю.П. Дубягина и А.Г. Бронникова. — М., 1991) приведено около 30 слов: *алтушки*, *драхмы*, *баши*, *бабки*, *барыши*, *белки*, *боны*, *гульдены*, *гроши*, *дубы*, *жабы*, *звоны*, *колы*, *лавы*, *лавешки*, *пиастры*, *рыжники*, *саман*, *сармаг*, *тити-мити*, *фанера*, *филки*, *фишки*, *хрусты*, *чабар*, *чистоган*, *шайбы*, *шайбочки*. Ярко представлен и словесный образ⁴: *кофемалить* (болтать), *бритый кактус* (лысый), *застегнуться* (защитить ампулу против алкоголизма); и перенос значений: аналогия цвета (*шокаладка* — негр), аналогия звука (*шуришат* — говорить), аналогия формы (*пузырь* — бутылка) и т.п. Однако основ языка, его грамматики арготические элементы не

¹ См., например: *Елистратов В.С.* Словарь московского арго. — М., 1994; *Балдаев Д.С., Белко В.К., Исупов И.М.* Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона. — М., 1992; *Грачев М.А., Гуров А.И.* Словарь молодежных сленгов. — Горький, 1989; *Толковый словарь уголовных жаргонов* / Под ред. Ю.П. Дубягина и А.Г. Бронникова. — М., 1991; *Юганов И., Юганова Ф.* Словарь русского сленга. — М., 1997.

² *Крысин Л.П.* Эвфемизация в современной русской речи // Русский язык в конце XX столетия. С. 403.

³ *Елистратов В.С.* Указ. соч. С. 627.

⁴ Там же. С. 670.

затрагивают: тот же фонемный состав, те же синтаксические конструкции, в которые вписываются данные лексемы.

Арготическое словообразование питается общеразговорными моделями — используется набор суффиксов и их комбинаций¹.

* * *

Представленные здесь процессы в современной лексике иллюстрируют активную роль социальных факторов — и в области семантики, и в стилистических сдвигах во многих группах слов, и в активизации иноязычных заимствований.

Современная лексика русского языка, представленная в языке печати, отражает не только время становления новой экономики, политики, государственного устройства — попытки России встать на путь европейского развития, но и процессы, связанные с переоценкой многих лексических пластов в их отношении к литературной норме.

Перемены, которые произошли в лексике за последние 12—15 лет XX в., уже послужили материалом для лексикографических работ. В частности, появился «Толковый словарь русского языка конца XX в. Языковые изменения» (СПб., 2000; гл. редактор Г.Н. Складарская). Словарь представляет собой попытку создания модели лексикографического описания языковой динамики, он отражает многие сферы современной жизни, представленные в лексике новой эпохи: политико-социальное устройство и идеология (*авторитаризм, десоветизация, тоталитарный*), новые экономические отношения (*бартер, рыночник, безвалютный, бизнес-центр*), сфера охранительной и репрессивной деятельности (*кагэбешник, ОМОН, гулагизированный, отказник, коррупция, мафия, рэкет*), мир православия и других верований (*всенощная, таинство, освящение; кармический, йога, чакра, буддийский и буддистский*), область паранормальных явлений (*полтергейст, НЛО, телекинез, астральное поле*), явления массовой культуры (*андеграунд, рок-клуб, дискотека, диск-жокей*), область медицины (*антиспидовский и антиспидовый, СПИД, мануальный, хостис*), быта (*киви, гамбургер, слаксы, адидасы*), техника, автоматизация (*факс, компьютер, Интернет*) и т.д.

Языковая (словарная) динамика в Словаре представлена в специфических, хронологического типа пометах: 1) зафиксировано впервые (*силовики, разбольшевизация, совок, неформалы, развлекуха, демороссы, рокеры, сексотка, деструкция*); 2) зафиксировано в слова-

¹ См. о разговорных моделях: Земская Е.А. Русская разговорная речь. — М., 1979 и Елистратов В.С. Аргот и культура.

рях последнего десятилетия (*накрутка, конвертировать, социум, конверсия, индексация, эксклюзивный, интердевочка, люмпен-интеллигент, триллер, фанат, элита, радиоэкология*); 3) возвращение старых слов в актив (*обитель, купец, продюсер, приватизация, мафиози, демпинг, дольщик, целитель, миропомазание, россияне*); 4) актуализация слов (*прибыль, гарантия, депозит, наличные, паблисити, обнищание, прессинг, эротика, рокмузыка, рулетка, китч (и кич), ксерокопия, митинговщина, экстремизм*); 5) уход слов в пассив языка (*комсорг, комсомольско-молодежный, политинформатор, политбюро, политдень, сверхплановый, соцсоревнование, юннат*).

Все это лексика разная — и тематически, и стилистически. Хронологические пометы при каждом помещенном в Словаре слове дают возможность ощутить движение в лексическом составе языка.

Языковые изменения в конце XX в., «на переломе» общественной жизни, были активно восприняты языковым сознанием представителей российского общества: уход в пассив пластов лексики эпохи социализма; новая жизнь слов, обозначающих актуальные понятия нашего времени; вторжение жаргонов в общелитературный язык; поток заимствований, наводнивший не только язык науки и техники, но и повседневного быта и официальную публичную речь; семантические и стилистические смещения и перераспределение. Все это создает яркую и пеструю, но вполне закономерную и объяснимую картину жизни языка — картину динамичную, с интенсивно протекающими процессами. Эти процессы не успевают фиксироваться словарями. И потому понятия «нормативное / ненормативное» часто воспринимаются нерасчлененно, и процент стихийности и субъективности в оценке и переоценке словоупотребления достаточно высок. Это чрезвычайно затрудняет нормализаторскую деятельность. Особенно активными распространителями «нового слова» оказываются средства массовой информации, влияние которых в настоящее время не ограничено никакими рамками. Но, как писал М.Ю. Лермонтов, «многие спокойные реки начинаются шумными водопадами, а ни одна не скачет и не пенится до самого моря» («Герой нашего времени»).

Язык, как и море, снимет бурлящую пену, успокоится, обогатившись свежими вливаниями.

АКТИВНЫЕ ПРОЦЕССЫ В СЛОВООБРАЗОВАНИИ

Словообразование тесно связано с другими уровнями языковой системы — фонологией, морфологией, синтаксисом и, конечно, лексикой, так как результатом словообразовательных процессов является появление новых слов.

Словообразование служит группировке слов в отдельные лексические разряды, способствует формированию лексических значений. Именно на почве словообразования устанавливаются системные отношения между лексикой и грамматикой.

Обычно словообразование делят на словопроизводство (при использовании аффиксации), словосложение (при участии минимум двух полнозначных единиц), конверсию (при переходе, или транс-позиции, слов из одной части речи в другую), аббревиацию (при сокращении исходных слов). Образование новых слов с помощью формальных средств называется деривацией, а сами произведенные слова — дериватами.

На фоне этих общих разновидностей словообразования выделяются отдельные способы словообразования. Например, при использовании аффиксации характерны следующие основные способы: суффиксальный, префиксальный, постфиксальный — и способы смешанные, представляющие собой различные комбинации формальных средств словообразования, например суффиксально-префиксальный, префиксально-постфиксальный, префиксально-суффиксально-постфиксальный и др.

В рамках способов словообразования выделяются типы словообразования с тождественным видом словообразующего форманта (суффикса, префикса и т.п.). При словосложении как способе словообразования, имеющем синтаксическую базу, выделяются два типа: 1) сочинительный (комбинация равноправных компонентов, например *глухонемой*); 2) подчинительный (среди сочетающихся компонентов выделяются главные и зависимые, например *письмо-носец*).

Словообразование в высшей степени подвижно, в его системе заложены большие потенции, реализация которых практически не

ограничена. Именно поэтому в активные периоды жизни языка они особенно дают о себе знать.

Бурные процессы в современном словообразовании объясняются причинами внеязыковыми и внутриязыковыми, которые чаще всего переплетаются, усиливают друг друга. Например, законы аналогии, экономии речевых средств, законы противоречий, как правило, на уровне словообразования поддерживаются или стимулируются социальными причинами. Так, ускорение темпов жизни усиливает действие закона речевой экономии, а рост эмоциональной напряженности в жизни общества активизирует процессы образования эмоционально-экспрессивных типов словообразовательных моделей.

Наибольшей устойчивостью обладают общие способы словообразования. Более изменчивы и подвижны типы словообразования в рамках стабильных способов. Даже сам тип может использоваться как определенный образец для образования нового слова, например *бомжатник* по образцу *лягушатник*; *ельцинизм* по образцу *фрейдизм*; *тамиздат*, *самиздат* по образцу *госиздат*, *политиздат*; *читабельный*, *носибельный*, *смотрябельный* по образцу *операбельный* (в выступлении Е. Примакова — даже так: *политика резонабельна*); *луноход*, *марсоход* по образцу *землеход* и др.

Как видим, способы словообразования, типы и даже формальные словообразовательные средства (суффиксы) черпаются в самой словообразовательной системе, собственно новыми оказываются только номинации, единицы наименования, созданные «по образу и подобию». В словообразовательные процессы, таким образом, вовлекаются новые именованья.

В этих процессах активно обнаруживается связь лексического (даже семантического) уровня языка и грамматического, словообразовательного. Например, можно наблюдать расширение словообразовательных моделей, произведенных от слов в новых значениях. Если взять хотя бы слово *челнок*, то получим следующую картину: *челнок* в значении «деталь ткацкого станка» дает только одно звено в словообразовательной цепочке — *челночный*; новое значение слова *челнок* (перекупщик) в современном просторечии значительно увеличивает цепочку, расширяя словообразовательные возможности данной мотивирующей основы: *челночник*, *челночица*, *челночиша*, *сочелночники*, *почелночить*, да и сочетательные возможности прилагательного *челночный* тоже расширяются: *челночный бизнес*, *челночный маршрут*, *челночная операция*, *челночные перевозки*. Слово *тусовка* (вариант *тасовка*), ставшее общеразговорным, породило целую семью слов, стилистически еще более сниженную, т.е. слов на уровне аргота: *тус*, *тусман*, *тусняк*, *тусовщик*, *тусовый*, *туснуться*, *тусоваться*, *тусейшен* (*тусейшин*).

В качестве словообразовательного новшества можно признать и повышение продуктивности тех или иных словообразовательных моделей, что, безусловно, вызвано причинами социального плана. Интенсивность «эксплуатации» отдельных словообразовательных моделей в современной периодической печати — явление бесспорное. Элемент языковой моды здесь очевиден. Например, малоупотребительный в прошлом суффикс *-ант* при обозначении лица стал очень активным: *подписант*, *амнистант* (о Руцком), *реабилитант*, *эксплуатант*, *нобелиант* (у М. Арбатовой), *отъезжант*, *выезжант* (у М. Арбатовой), *номинант*; или, например, чрезмерно расширяется круг бессуффиксных образований среди отглагольных форм: *отлав*, *выгул*, *выпас*, *прикид*, *напряг*, *закуп*, *подклад*, *обжиг*, *подогрев*. Ср. *обжигание* — *обжиг*, *промывание* — *промыв*, *подогревание* — *подогрев*.

Такие формы очень характерны для речи профессиональной. Но данная словообразовательная модель проникает в общепотребительный словарь, правда, чаще на уровне просторечия и общегородского арго: *быть в отпаде*; *полный отпад*; *посыл газеты*; *схлопотать прикуд*; *получить отлуп*; *иметь хороший прикид*. По аналогии появились и формы от прилагательных: *наив*, *серьез* (ср.: *на полном серьезе*); *интим*, *беспросвет*, *нал*, *безнал*, *афган*, *неформал*, *инфантил*; то же среди терминов: *термаяд*, *негабарит*, *конструктив*, *криминал* и др. Пример: *Он глянул вскальзь (не в глаза, много чести — в прамельк)*, *мол, ждуть тебя уже достаточно долго* (В. Маканин). Много подобных образований можно обнаружить в рамках окказионального употребления. Например, большой материал в этом отношении дает «Русский словарь языкового расширения» А.И. Солженицына. Автор явно недоволен «нахлыном международной английской волны» и представляет словесный материал, опираясь на «утерянные богатства» русского языка. Повышенное внимание в словаре, по словам самого создателя, уделено отглагольным именам и наречиям. Вот некоторые примеры: *вздым* (от *вздыматься*), *взмёт* (от *взметнуться*), *взым* (от *взывать*), *взыск* (от *взыскивать*) и т.п.

Влиянием социального фактора можно объяснить заимствование некоторых словообразовательных элементов иноязычного происхождения. Случай в принципе для словообразования крайне редкий, если, конечно, не считать суффиксы и приставки лат. и греч. происхождения, приобретшие международный характер. Например, модным стало английское слово *gate* как второй элемент наименования — *Watergate* (букв. *водяные ворота*). В качестве нарицательного наименования крупного политического скандала элемент *gate* стал словообразующим в наименованиях типа *Ирангейт*, *Израильгейт*, *Панамгейт*, *Кольтгейт*, *Моникагейт*, *Кремле-*

гейт (или *Кремлевские уотергейты*), *Московский уотергейт* (МК, 1996, 16 февр.); *Кремлегейт*: *закрывать нельзя расследовать* (передача на НТВ, 2000, 12 сент.). Пример из Литературной газеты (1999, 1—7 сент., автор В. Надеин): *Руссогейт*: *подарок судьбы, который Россия не вправе упускать*; *Моторгейт* — заголовок статьи о скандале, связанном с передачей американской авиастроительной корпорации важных секретных разработок пермских моторостроителей (Версия, 2000, 7—13 марта) или один из подзаголовков материала о бизнесмене В. Кириллове: «*Кремлинггейт* — об исчезновении денег, предназначенных для реконструкции Большого Кремлевского дворца» (Версия, 2000, 14—20 марта).

Современные средства массовой информации оказались средоточием тех процессов, которые происходят в русском языке, в том числе в его словообразовании. Более того, именно газета, резко изменившая свой облик и направленность, стимулирует эти процессы, расшатывая привычные рамки сложившейся системы. И хотя способы, типы и средства словообразования в принципе остаются прежними, активно изменяется характер именовании, которые образуются с помощью этих способов и средств. В известные словообразовательные типы вливается все новый и новый лексический материал. Характерно и то, что функционально этот материал значительно расширился — используются единицы, находящиеся на границе литературного языка (разговорный литературный язык), и единицы, выходящие далеко за пределы литературного языка (просторечие, жаргоны). На этом огромном языковом материале активизируется словотворчество, с одной стороны, реализующее потенциал языка, с другой — порождающее ситуативные окказионализмы.

Рост агглютинативных черт в процессе образования слов

Агглютинация (от лат. *agglutinatio* — приклеивание) означает образование грамматических форм и производных слов путем последовательного присоединения к корню или основе слова грамматически однозначных аффиксов, при котором границы морфов остаются отчетливыми, без изменений. Агглютинация выявляется при образовании слов путем использования аффиксов, чаще всего суффиксов. В принципе, явление агглютинации, т.е. автоматического, без изменения, присоединения словообразующего суффикса к морфу производящего слова, для русского языка нехарактерно. При такой ситуации обычно происходит мена фонем в морфах, т.е. чередование звуков, например: *рука* — *ручка*, *нога* — *ножка*, *соха* — *сошка* (к → ч, г → ж, х → ш). Такие замены при образовании слов исторически обусловлены фонетическими

законами прошлых эпох жизни языка. В современном языке эти чередования обусловлены грамматически, поскольку возникают они на стыке морфем благодаря исторической «несовместимости» соседствующих фонем, т.е. в русском языке чередование оказалось дополнительным средством формального (фонематического) различения слов, средством, которое сопровождается аффиксацией. Такова закономерность. Но в современном русском языке она стала нарушаться, и в определенных позициях при словообразовании чередование исчезает. Так происходит агглютинация, т.е. автоматическое присоединение словообразующего элемента, без смены фонем.

Ослабление чередования на стыке морфем особенно заметно при образовании производных от топонимов, от заимствованных слов, от названий ряда учреждений, от аббревиатур. Ср.: *шпага* — *шпажист*, но *штанга* — *штангист* (суффикс лица *-ист* присоединяется к основе без изменения ее конечной фонемы).

Следовательно, первое следствие агглютинации — затухание чередования на стыке морфем. Пример: *Таганрог* — *таганрожский* — *таганрогский*; *таганрожцы* — *таганрогцы*; *казах* — *казахский* — *казахский*; *калмык* — *калмыцкий* — *калмыцкий*; *Оренбург* — *оренбургский* — *оренбургский*; *оренбургцы* — *оренбургцы*; *петербургский* — *петербургский*; *петербургцы* — *петербургцы*. Например: *Эдельвейс, дед Мартына, был, как это ни смешно, швейцарец — рослый швейцарец с пушистыми усами, воспитавший в шестидесятих годах детей петербургского помещика Индрикова и женившийся на младшей его дочери* (В. Набоков).

Очевидно, что вновь образуемые слова минуют форму с меной фонем, так же как, например: *Владивосток* — *владивостокский*. Естественно, что такой переход готовился постепенно, подспудно; иногда долго сосуществовали параллельные варианты форм, например, от названия *Волга* образованы обе возможные формы — *волжане* и *волгари*, но только одна форма для обозначения в единственном числе *волжанин*. В других случаях давно закрепились формы без чередования: *баски* — *баскский* (устар. *басконский*, ср.: наречие *по-басконски*); *лаки* — *лакский*; *тюрки* (группа народов — татары, узбеки, турки, туркмены, якуты, чувашаи и др.) — *тюркский*; *адыги* (общее название адыгейцев, кабардинцев и черкесов) — *адыгский*; или сохраняется старая форма: *коми-пермяки* — *коми-пермяцкий язык, коми-пермячка*; *казак* — *казачий* и *казацкий* (*казачье войско, казацкая сабля*).

Как видим, процесс идет противоречиво, сложно, однако направление его очевидно.

Следствием агглютинации можно считать и рост интерфиксации — появление внутреннего суффикса-интерфикса, который по-

могает «развести» несочетающиеся или неудобно сочетающиеся фонемы на стыке морфем.

Например, слова с суффиксом *-анин* (*-ане*) приобретают наращение *-ч-* (*-чанин*). Комплекс *-чанин* (*-чане*) все более становится универсальным при обозначении лица (лица), по принадлежности к нации, народу, по отнесенности к городу, местности проживания: *Торопец — торопчане*, *Гремиха — гремихчане*, *Бежецк — бежечане* (ср.: *англичане*, *датчане*). При наличии чередования интерфикс не требуется: *волжане* (формы *волгане* и *волчане* отсутствуют).

При образовании подобных наименований часто возникают практические трудности, так как производящее слово-наименование имеет «нестандартную» форму. Например, наименования на *-ня* (типа *Капотня*). Как образовать наименование жителей — *капотняне* или *капотчане*? Такое затруднение в юмористической форме обыгрывает, например, автор хроника происшествий: *В 5-м квартале Капотни 39-летний капотнянин или капотницец, а может быть, капотнюк в своей квартире избил до полусмерти свою 47-летнюю подругу* (МК, 1995, 22 июля).

В качестве интерфикса часто употребляется *-ов(ский)*. Класс слов типа *стариковский* в настоящее время растет: *битниковский*, *летчиковский*.

Сочетание *-овский* все чаще употребляется при образовании прилагательных. Надо сказать, что эта форма заметно вытесняет некоторые более ранние формы прилагательных: *антантский — антантовский*, *пентагонский — пентагоновский*, *завкомский — завкомовский*; *селькорский — селькоровский*; *сельсоветский — сельсоветовский*. При некоторых аббревиатурных наименованиях образуются прилагательные только с наращением *-ов*: *ооновский*, *тассовский*, *мхатовский*, *мосфильмовский* и др. В современном языке формы могут различаться в зависимости от мотивирующего слова: *Дарвинский — от Дарвин* (город); *Дарвиновский — от Дарвин* (фамилия).

Форма на *-овский* может конкурировать с другими, особенно если исходное слово оказывается «трудным» для образования прилагательного. Например, название города *Опочка* (Псковская обл.) образует прилагательные *опоцкий* (очень старый вариант), *опоцкий* и *опочковский*. В Словаре прилагательных от географических названий (сост. Е.А. Левашов. — М., 1986) отдается предпочтение форме *опоцкий*, хотя даже во времена А. Пушкина уже была форма *опочковский*. Ср. примеры: *Я остановился в опочкейской гостинице* (К. Паустовский); *Надзор этот [над Пушкиным] был поручен Пецурову, тогдашнему предводителю дворянства Опочковского уезда* (И. Пущин. Записки о Пушкине). А в одном из выступлений Д.С. Лихачева была употреблена форма «Опочининская библиотека».

Интерфикс *-ов* используется и с суффиксом *-ец* в названиях жителей городов, например, большие трудности возникают при образовании подобных наименований от названия города *Санкт-Петербург: санктпетербурговец* или *санктпетербуржец*? Для названия жительницы этого города разброс форм еще больший: *санктпетербурженка, санктпетербуржица, санктпетербуржжа*. В.И. Лопатин в «Орфографическом словаре» (1999) дает формы: *санктпетербуржцы, санктпетербуржец*. А от слова «Петербург» — *петербуржднка* и *петербурженка* и далее: *петербуржска, петербуржцы*.

В просторечии используется дополнительно еще один интерфикс *-ш*, он употребляется с суффиксами *-н* (у прилагательных) и *-ник* (у существительных): *МГУ — эмгеушник, СНГ — эсенгеушник, ГАИ — гаишник, КГБ — кагебешник*; соответственно — *эмгеушный, эсенгеушный, гаишный, кагебешный*.

Следствием агглютинации можно считать в ряде случаев наложение морфем, в результате имеем опрощение морфем. Это происходит, когда совпадают конечные части производящей основы и присоединяемый суффикс: *Челябинск — челябинский [ск + ский]*; *Динамо — динамовский, динамовец [о + ов; о + овец]*; *сельно — сельновский [о + овский]*.

Кстати, наложение осуществляется только при соединении конечного производящего слова и суффикса; на стыке приставки и корня это явление не наблюдается, например: *Прииртышье, заарканить, ультраакустика*.

Процессы агглютинации и их следствия оказались достаточно плодотворными для русского языка. Их активизация объясняется тем, что словообразовательная система унифицируется, а словообразовательные связи становятся более прозрачными (снятие чередования сохраняет исходный фонемный состав слова). Наложение морфем упрощает словообразовательные модели, делает их более экономными, следовательно, процессы эти соответствуют внутренним потребностям языка.

Наиболее продуктивные словообразовательные типы

В системе словообразования в разные периоды жизни языка словообразовательные типы, да и способы тоже, приобретают разную степень активности. Образование слов по ранее продуктивным моделям может по ряду причин затухать, и, наоборот, в активный словообразовательный процесс могут вовлекаться непродуктивные в прошлом модели. Причинами таких смещений акцентов являются либо потребности самого языка — недостаточ-

ность или избыточность тех или иных образований, либо определенный социальный заказ, наконец, просто языковая мода, когда под одну, полюбившуюся модель подгоняются разрозненные и часто неоправданные словообразовательными принципами формы. Например, при развитии техники, технологий, производства возникает необходимость в новых наименованиях, которые и создаются по типу имеющихся в языке, только значительно расширяется круг образованных таким образом слов. При усилении аналитических методов освоения новых фактов действительности увеличивается тяга к абстрактным именам, и, следовательно, особенно востребованными оказываются модели, по образцу которых создаются абстрактные существительные с набором характерных для них суффиксов. Например, суффикс *-ость*, свойственный абстрактным именам, применяется при создании отвлеченных имен существительных от корней, прежде недопускавших подобные образования: *русскость, советскость, детскость*. Или, например, введение новой бытовой техники приводит к образованию необычных глаголов, поскольку этой техникой в быту надо управлять, т.е. производить определенные действия. В таком случае известные словообразовательные глагольные модели выручают: *пылесос — пылесосить; ксерокс — отксерить*. Образуются глаголы и от других классов слов, например от терминов с узкоспециальным значением, прежде применявшимся по отношению к западной действительности. В частности, слово *лобби* (англ. lobby — кулуары) означало «системы контор и агентов монополий, различных организаций при законодательных органах США, оказывающих давление на законодателей и чиновников». Приспособленное к русской политико-административной системе, слово оказалось способным образовать «русские» глаголы: *лоббировать, пролоббировать* (и не только глаголы: *лоббизм, лоббист*).

Среди словообразовательных новообразований обычно выделяют три типа¹: неологизмы, потенциальные слова и окказионализмы.

Неологизмы приобретают характеристику общественно узаконенных номинаций и, появившись в определенный период, постоянно воспроизводятся и в конце концов принимаются языковой традицией.

Потенциальные слова — это нетрадиционные слова, незакрепленные в языке, но возможные слова, появление которых объясняется потребностью в соответствующем наименовании. Так возникло, например, слово *лунаход*, когда реально возникла соот-

¹ Мисьяевич Г.И. К вопросу о норме в словообразовании // Грамматика и норма. — М., 1977.

ветствующая ситуация, готовая модель для осуществления этой потенции уже существовала в языке (*землеход*). Придет время, появятся слова *марсход*, *венероход*. Но пока они находятся в потенции языка, поскольку реально потребность в таких наименованиях не наступила.

Окказиональные слова — это индивидуальные авторские образования, существующие лишь в том контексте, в котором они появились. Они всегда создаются непосредственно в тексте, а не воспроизводятся как готовые единицы. Они даже потенциально в языке не присутствуют, системной, языковой и общественной потребности в них нет, но творчески создаются они по имеющимся в языке моделям.

Производство наименований лиц

Словообразовательные процессы конца XX столетия, результатом которых являются собственно инновации, привели к выявлению наиболее продуктивных моделей сегодняшнего дня. Среди этих процессов можно назвать активное производство имен лиц. Новые названия появляются строго в традиционных рамках. Словарь в таком случае расширяется в угоду жизненной потребности нового времени, например: *рыночник*, *кооперативщик*, *бюджетник*, *биржевик*, *сувереник*, *антиперестроечник*, *теневик*, *льготник*, *дубляжник*, *бутыльщик*, *оборонщик*, *платник* (студент, обучающийся за плату), *силовики*, *эвзэмщик*, *компьютерщик* и др. Все эти слова необходимы, за ними стоят определенные реалии. Менее активной оказалась модель с суффиксом *-ант*, хотя и она сегодня работает с большей нагрузкой, чем раньше. Ср.: *практикант*, *дипломант* и новые слова — *подписант*, *реабилитант*, *деградант*, *амнистант*, *номинант* и др.

Абстрактные имена и названия процессов

Растет класс существительных абстрактных с суффиксами *-ость* и *-изм*, а также существительных — названий процессов с финалиями *-фикация*, *-изация*. Эти модели также не выходят за пределы традиционных образований, новыми оказываются лишь сами производящие основы:

1. *Вживаемость*, *бессобытийность*, *совковость* (*советский* — *совок*), *газетность*, *советскость*, *офисность*. Среди абстрактных имен такого типа много окказиональных: *свободность*, *рисковость* (*новая степень свободы*, *рисковость ходов*. — М. Арбатова), *общажность* (В. Маканин). Например: *Меня он достанет бездомностью: не самой по себе моей вечной общажностью, а тем, что я об общаге умолчу* (В. Маканин. Андеграунд); *...Внутренняя жизнь*

человека — это некая, как говорят философы, сплошность, некое единство, образующееся вокруг нашего «я», стержень нашей личности (А. Мень. Радостная весть); еще примеры из научной речи: Во-первых, это существительные с суффиксом «женскости» -анк(а) / -енк(а), в которых орфографические варианты с буквами а (я) и е распределяются очень четко: под ударением в суффиксе всегда пишется а (я), а в безударном положении — е: ср., с одной стороны, гречанка, турчанка <...>, а с другой — француженка, черкешенка <...> (В.В. Лопатин. Русские суффиксы: фонематический состав и орфография // Филологический сборник. — М., 1997. С. 295).

2. Легализм, журнализм.

3. Фермеризация, криминализация, компьютеризация, ваучеризация, электронизация, регионализация, рублевизация (Белоруссии), американизация (кино), презентация, векселезация (долгов), зарплатализация (доходов), долларизация (сбережений); кинофикация, теплофикация, спидофикация.

Приставочные образования и сложные слова

Большую продуктивность при словообразовании обрели латинские приставки *post-*, *анти-*, *про-*, а также русские *после-*, *сверх-*: *постперестроечный*, *посткоммунистический*, *постсоветский*, *посттоталитарный*, *поставгустовская* (эпоха), *постбойкотский* (фильм), *постпрезидентская* (жизнь), *постсалженицынские* (романы), *постреферендумы* (*Пострабская наша пустота заполняется, увы, как попало.* — В. Макагин); *послеаучерный* (этап приватизации), *послепутчевый* (период); *антитеатр*, *антидуховность*, *антирубрика*, *антиколлективность*, *антинейтральность*, *антиагрессивность*, *антигегемония*, *антисоветскость*, *антиюбилейные* (плакаты); *пророссийская оппозиция*; *сверхграфиковые* (поезда).

Столь же активны как словообразовательные элементы греч. *псевдо-* и лат. *супер-*: *псевдоментальный сеанс*, *псевдодемократ*, *псевдорынок*, *псевдоденьги*; *суперсвидетель дела*, *суперэлита*, *суперЭВМ*, *супергруппа*, *супербогач*, *суперавтомобиль*, *суперженщина*, *суперартист*, *суперхит*, *супермодель*.

Среди продуктивных новообразований эпохи нельзя не отметить всевозможные комбинации самых разнообразных словообразовательных элементов — от приставок (как русских, так и чаще иноязычных) до цельнооформленных слов, которые объединяются в сложные и составные наименования. Вот некоторые примеры:

клиповед, *клиполоуб*, *клипорежиссер*;

телекиноискусство, *телегруппа*, *телекоманда*, *телемания*, *теледискуссия*, *телефеерия*, *телеобраз*, *телекратия*, *тележурналистика*, *телехулиганы*, *телецерковь*, *телеуикэнд*;

фотооригинал, фотофестиваль, фотоулика, фотолюбитель; киноделяга, киновед;

мини-заповедник, мини-клуб, мини-зонт, мини-встреча, мини-карнавал, мини-будильник, мини-юбка, мини-метро, мини-мода, мини-пекарня, мини-жилет, мини-диск, мини-баскетбол, мини-компьютер;

гала-концерт, гала-прическа;

блиц-воляж, блиц-опрос;

брейк-мода, брейк-танс, брейк-тансовый;

пресс-бал, пресс-деревня, пресс-отдел, пресс-кафе, пресс-сервис, пресс-секретарь, пресс-ложка;

евролитература, евроремонт, евровагонка;

бизнес-справочник, бизнес-школа, бизнес-центр, бизнес-каталог, шоу-бизнес;

рок-ветераны, рок-тусовка, рок-звезда;

ток-шоу, маски-шоу;

факс-аппарат, факс-бумага, факс-связь, факс-машина;

шоп-туризм, шоп-рейс, шоп-турист;

Адлер-курорт, Горбачев-фонд, Дагилев-центр;

бильярд-клуб, бар-бильярд.

Греческое слово *терапия* породило целый класс терминологических новообразований, наряду с известными терминами *баротерапия, бальнеотерапия, иглотерапия, электротерапия* и др., в последнее время в связи с обращением к нетрадиционным методам лечения появились и соответствующие термины: *изотерапия, аэротерапия, ароматотерапия, арттерапия* (с помощью воздействия искусством), *балансотерапия, библиотерапия* (целенаправленное чтение), *галотерапия* (от греч. *сала*), *йоготерапия, смехотерапия, стрессотерапия, шокотерапия* и мн. др. И здесь не обошлось без окказиональных слов: *Восьмимесячный курс «примакотерапии» помог Борису Ельцину снова обрести привычную решимость* (Итоги, 1999, № 20).

Специализация словообразовательных средств

На этом общем фоне активизации ряда словообразовательных моделей заметны и внутренние семантические преобразования некоторых словообразовательных средств. Особенно это свойственно суффиксам. Поскольку появляется все больше новообразований и имеющийся в языке набор суффиксов оказывается вовлеченным в эти процессы, возникает потребность их размежевания с целью более точной передачи необходимого смысла.

При повышенной интенсивности использования одних и тех же суффиксов возникает некоторая перегруженность их значениями,

что, естественно, создает неудобства в восприятии новообразованных слов. Язык реагирует на подобную нежелательную ситуацию специализацией суффиксов и по мере необходимости изменением в значениях суффиксов.

Процесс специализации словообразовательных средств направлен на выражение одного из возможных значений, если суффикс оказался многозначным. Идеальной представляется ситуация, когда одна модель и, следовательно, одно словообразовательное средство передает одно значение. На практике это бывает крайне редко, поскольку количество традиционно употребляемых суффиксов (они поддаются инвентаризации) не может удовлетворить разрастающийся объем новообразований, тем более если в сферу этих новообразований включаются все новые и новые семантические классы слов. В таком случае крайне необходима специализация значения и даже изменение значения словообразовательного средства. Например, в русском языке существует ряд суффиксов для обозначения лица при образовании имен от глаголов и существительных: *-(ов)ец* (*вьетнамец, амоновец*), *-(ч)анин* (*датчанин*), *-ист* (*плакатирист, журналист*), *-лог* (*филолог*), *-тель* (*учитель*), *-тор* (*арендатор*), *-тер* (*мастер*), *-ун* (*леун*), *-ик* (*речник*), *-арь* (*вратарь*), *-чик* (*летчик*), *-щик* (*каменщик*). Все это наименования лиц, но это общее значение, каждый же отдельный суффикс образует название лица по какому-то определенному признаку — по роду деятельности, по принадлежности к нации, народности, местности и т.д., т.е. вокруг каждого суффикса (или нескольких) объединяется круг слов, связанных единым значением, в этом и заключается специализация. Однако оказывается, что частных значений бывает больше, чем имеющихся в наборе суффиксов. Тогда происходит некоторое перераспределение значений или изменение значений у тех или иных суффиксов. Более того, может случиться так, что какой-то из перечисленных суффиксов окажется востребованным для передачи вовсе иного значения, например не значения лица, а предмета. Тогда тем более необходимо перераспределение значений.

Показательны в этом отношении суффиксы *-чик, -щик* и *-тель, -тор*. В современном языке эти суффиксы могут использоваться и при обозначении лица (что более традиционно), и при обозначении предмета (вновь приобретенное значение). Дольше всех в рамках обозначения лица держался и держится суффикс *-щик*. Ср. даже такую внутреннюю замену: *купальник* (в XIX в. это лицо), в современном языке произошло размежевание — *купальник* (предмет), *купальщик* (лицо). Ср. еще: *Пересуды и суды с адвокатами и обвинителями подливают пиарчика в бурлящий котел Гурченковской славы* (Мир новостей, 2001, 6 февр.) и *пиарщик* (название лица): *...Те 120 рублей в день, которые получает Алексей, имеют далеко не*

все уличные «пиарщики». Тут все зависит от фирмы (Лит. газета, 2001, 7—13 февр.).

С развитием техники появилось много новых наименований предметов. Для этого стали использовать суффиксы *-ник*, *-тор*, *-тель*, которые прежде передавали только значение лица. Ср.: *молчальник*, *начальник* — *рубильник*, *холодильник*, *кипятильник*; *следователь*, *последователь* — *обогреватель*, *выключатель*. *распределитель*; *авиатор* — *рефрижератор* и др. В ряде случаев размежевание еще не произошло, и один словесный комплекс может обозначать и лицо, и предмет: например: *оформитель* (лицо и предмет); *газификатор* (аппарат и специалист по газификации); *конструктор* (работник и детская игра); *фиксатор* (раствор и тот, кто фиксирует); *коллектор* (учреждение, деталь и рабочий машины). Даже суффикс *-щик* начинает развивать значение предмета: это и названия машин, механизмов и названия лиц, которые работают на этих машинах, например *выемщик* (лицо и предмет, орудие выемки).

Суффикс *-щик* четко сохраняет значение лица при вторичной суффиксации: *классификатор* (предмет) — *классификаторщик* (лицо); *перфоратор* (предмет) — *перфораторщик* (лицо). Однако в словах-двойняшках суффикс *-щик* переходит в категорию суффиксов с предметным значением: *робот-сварщик*, *машина-чистильщик*.

Интересный пример встретился в газете (МК, 1994, 14 апр.), когда именно с помощью замены одного суффикса другим даже в рамках единого общего значения удалось семантически развести слова: слово *эксплуататор* в русском языковом сознании давно ассоциируется с наименованием определенного лица, эксплуатирующего чужой труд. Но возникла необходимость дать наименование лица безотносительно к этому значению: *Никто не хочет брать вину за случившееся на себя. Ни производители техники, ни эксплуатанты* (имеется в виду эксплуатация техники). Как видим, новый суффикс помог избежать негативных ассоциаций.

Иногда именно обращение к непродуктивным моделям дает возможность сообщить слову специальное значение. Ср.: *шумный* — *шумовой*, *вкусный* — *вкусовой*, *пыльный* — *пылевой*. Вторые позиции в этих сопоставлениях занимают слова специализированного употребления, это научно-технические термины.

Таким образом, однокорневые слова с разными суффиксами специализируются по сферам употребления, кроме того, приведенные прилагательные относятся к разным грамматическим классам — качественным и относительным прилагательным.

Наблюдения над современным словообразованием обнаруживают ряды словообразовательных дублетов, которые, казалось бы, без видимых мотивов, переживают очень сложные процессы семантического размежевания. Об этом свидетельствует хотя бы

заметный рост разных классов относительных прилагательных. Специализированные значения приобретают прилагательные *коготковый*, *язычковый*, *змеиковый*, *колпачковый*, *подростковый*, *грудничковый*, *мальчиковый*. Новым является образование прилагательных от существительных на *-ость* и *-ота*: *высотный*, *пустотный*, *скудостный*, *мерзостный*, *мудростный*, например: *новостная передача на НТВ; Журналисты и редакторы новостных программ чувствуют себя наиболее уверенно* (МК, 1994, 14 апреля); *Утратив контроль над ОРТ, Б. Березовский вкладывает сотни тысяч долларов в новостной сайт gran1.ru* (АиФ, 2000, № 52); *Кандидат в губернаторы Сергей Апрошенко сообщил, что на всем севере области ни ему, ни другим кандидатам не предоставляется эфирное время для выступления. Ни за деньги, ни бесплатно. Зато другой кандидат не сходит с экранов в новостных сюжетах* (АиФ, 2001, № 2).

Среди этих слов большая часть научно-технические термины: *жидкостный*, *яркостный*, *мощностный*, *частотный*, *усталостный*, *вязкостный*, *емкостный*, *вероятностный*. Такие прилагательные не равны по значению обычным общеупотребительным прилагательным. Ср.: *жидкий суп* и *жидкостная обработка металла*. Правда, при образовании подобных прилагательных есть и очевидные неудачи. К сожалению, это свойственно даже лингвистическим работам, например: *Словарь не может быть полностью (?); Мы изучаем системностный характер языка*. Есть и чисто индивидуальные образования, что, видимо, можно посчитать влиянием модной модели: *Юностный пушок* (Л. Леонов); *Роботная хлюсть рук* (И. Эренбург).

Поскольку возможны такие параллельные образования, часто возникает некорректность их употребления, оттенки смысла слабо улавливаются, например: *комфортный* и *комфортабельный*; *планетный* и *планетарный*, *экваторный* и *экваториальный*, *термальный* и *термический*, *очистной* и *очистительный*, *колоритный* и *колористический*, *консультативный* и *консультационный*, *разведочный* и *разведывательный*, *инкубаторный* и *инкубационный*, *ферментный* и *ферментативный*, *туристский* и *туристический* и др. Обилие словообразовательных дублетов всегда вызывает затруднения при их использовании, причем эти трудности создает сама словообразовательная система. Нужная форма определяется словообразующей основой, ср.: *комфорт* — *комфортный*, *комфортность* — *комфортабельный*, *турист* — *туристский*, *туризм* — *туристический*, *элита* — *элитный*, *элитность*, *элитарность* — *элитарный*. Или еще: *конструкция* — *конструкционный*, *конструкт* (более редкое) — *конструктивный*. Особенно «повезло» производящей основе *вариант*: *вариантный*, *вариативный*, *вариабельный*, *вариационный*. Словарь С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой (1998) фиксирует только формы *вариантный* и *вариативный*.

Чересступенчатое словообразование

Речь идет об интересном явлении современного словообразования, когда, вопреки имеющейся в языке закономерности, причастные формы на *-ствующий* образуются, минуя глагол, от существительных. В словообразовательной цепочке, таким образом, оказывается пропущенное звено¹, а именно словообразующий глагол. Это, как считает Е.А. Левашов, делает эти формы псевдопричастными. Приведем примеры². Полная словообразовательная цепочка: *монах — монашество — монашествовать — монашествующий; первый — первенство — первенствовать — первенствующий*. Неполная, трехчленная цепочка: *диссидент — диссидентство — ? — диссидентствующий*; двухчленная цепочка: *интеллигент — ? — ? — интеллигентствующий; фашист — ? — ? — фашиствующий*. Такое словообразование свидетельствует о развитости словообразовательной системы в целом, так как производное слово как бы появляется вне очередности, раньше непосредственно производящего.

Свертывание наименований

Свертывание наименований — результат активного сегодня семантико-синтаксического способа словообразования. Такие наименования появляются на базе словосочетаний прилагательного и существительного и являются яркой иллюстрацией процесса компрессии: на месте двухсловного сочетания образуется одно слово с тем же значением, при этом используется очень продуктивный в данном случае суффикс *-к-а*. Эта тенденция поддерживается действием закона речевой экономии. Модель словосочетания «прилагательное + существительное» претерпевает при этом существенные изменения, прежде чем стать кратким наименованием — именем существительным. Общим объединяющим компонентом нового наименования оказывается суффикс *-к-а*, а значение образованного слова ориентируется на первую часть словообразующего словосочетания — на основу прилагательного, хотя это новое слово несет в себе в скрытой форме сумму значений сочетающихся слов, например: *безотходка — безотходная технология, горючка — горячее топливо, незавершенка — незавершенное строительство, отечка — отечественная продукция, оборонка — оборонная промышленность, Волоколамка — Волоколамское шоссе, Ленинградка — Ленинградское шоссе, персоналка — персональное дело, подземка — подземный транспорт (метро), капиталка — капитальный ремонт,*

¹ Левашов Е.А. Новый суффикс? // Русская речь. 1997. № 6.

² Там же.

первичка — первичная партийная организация, *самоволка* — самовольная отлучка, *генералка* — генеральная репетиция, *обезличка* — обезличенная продажа, *фронталка* — фронтальная проверка, *кругосветка* — кругосветное турне, *синхронка* — синхронный перевод, *наружка* — наружная охрана, *литературка* — Литературная газета, *наличка* — наличные деньги, *мочиловка* — мокрое дело (жарг.) и др. Тематически данная модель имени очень разнообразна: это и названия транспортных средств (*самоходка*, *электричка*), и названия помещений (*раздевалка*, *подсобка*), и названия учебных заведений (*мореходка*), и названия одежды (*кожанка*, *дубленка*, *тенниска*), и названия напитков, кушаний (*газировка*, *наливка*, *запеканка*, *тушенка*). Такая форма именовании была и ранее в русском языке (*тушенка*, *овсянка*, *вишневка* и др.), однако в настоящее время подобный способ словообразования приобрел особую активность. Причем часто формы оказываются омонимичными, например: *вечерка* — газета *Вечерняя Москва* и *вечерний факультет*; *персоналка* — *персональное дело* и *персональная машина*; *зеленка* — *лекарство* и *зеленая зона* (во время войны в Афганистане¹).

Подобные формы имен существительных в основном составляют словарь разговорной речи — непринужденной, краткой, экспрессивной. Степень вхождения подобных слов в литературный язык различная: многие, давно вошедшие в язык, нейтрализовались и стали единственными наименованиями предмета, как, например, *открытка* (открытое письмо), еще с 20-х годов ставшая официальным обозначением одного из видов почтовых отправлений. Другие слова, также ранее употреблявшиеся, прочно осели в просторечии, не претендуя на литературный статус (типа *раздевалка*; видимо, конкурирующее наименование *гардероб* удерживает это слово в рамках сниженного употребления). Другая причина задержки на пути следования в литературный язык — внутренняя, связанная с характером самого наименования, например, несоответствие формы и высокого интеллектуального содержания в слове *читалка*, в то время как повседневные бытовые названия круп (*пшеника*, *овсянка*) вполне нейтрализовались стилистически, изначально не претендуя на высокое именование. Большая же часть наименований предметов с суффиксом *-ка*, образованных из словосочетаний, используется в рамках бытового разговорного стиля, например: *Старая Можайка идет параллельно Минке* (МК, 1996, 7 мая).

Семантико-синтаксический способ словообразования может привести к экономии средств выражения путем компрессии и в других моделях словообразования — *смирупониточный*, *домкульту-*

¹ Земская Е.А. Активные процессы современного словопроизводства // Русский язык конца XX столетия (1985—1995). С. 118.

ровский, например: [Американцы] *прослышав, что в бывшесоюзной столице не только мишки по улицам бродят, но и ракеты выпускают, решили приехать в Москву* (Вперед, 1992, 11 янв.).

Экономия средств выражения достигается и путем усечения словосочетаний: *запасной* (из *запасной игрок*), *докладная* (из *докладная записка*), *служебная* (из *служебная записка*); одновременно с усечением в данном случае происходит субстантивация прилагательных. Свообразные усечения свойственны и многим бывшим сложным словам: *такси, метро, кино, фото, авто* и др.

«Усеченные» слова активно распространяются в русском употреблении, скорее всего, по двум причинам: 1) они удовлетворяют внутренние потребности языка — стремление к экономии средств выражения; 2) под влиянием западных языков. Так появились, например, слова *ретро* (*ретроспективный, ретроспектива*), *ультра* (во фр. языке слово *ультрароялист* было усечено еще в начале XX в.); *лаб* (*лаборатория*), *док* (*доктор*), название популярного напитка «Фанта» (от *фантазия*)¹, *крими* (*криминальный роман, фильм*). Кстати, в последнее время даже в специальной литературе часто стали употребляться термины-«осколки»: *лекса* (от *лексика*), *морфа* (от *морфема*), *квант* (от *квантовый*), *терм* (от *термина*), подобного типа термины и ранее были достаточно закономерны (*ген* — от *генетика*, *микроб* — от *микробиологический*). Путем усечения созданы слова типа *зам, зав, спец* и т.п.

Действие закона речевой экономии не ограничивается перечисленными здесь типами словообразования (свертывание словосочетаний, усечения и др.). Процесс сокращения многоэлементных языковых единиц сопровождается явным стремлением к цельнооформленности этих единиц (ср.: *прокат кинофильмов* — *кинопрокат*). Тенденция в словообразовании к компактности и цельнооформленности породила особый тип слов, которые условно называются телескопическими². Сущность этой новой (относительно!) модели заключается в том, что создаваемое слово состоит из начальной части первого слова из слагаемых в одно целое и конечной части второго слова. Образно говоря, слово как бы вдвигается в другое, образуя сложное наименование. Таким приемом образования слов пользовались многие писатели. В.М. Лейчик приводит примеры из произведений А. Чехова, С. Маршака, Е. Евтушенко. Много таких слов в просторечии (например, *закусерий* из *закусочная* и *кафетерий*). Есть такие слова и в других языках (фр. *sabot* — это соединение слов *savate* — стоптанный башмак и *bot* — ботинок).

¹ Лейчик В.М. Люди и слова. — М., 1982. С. 61.

² Там же. С. 79—83.

В русском языке так появились слова: *рация* — сокращенное *радиостанция*, *мопед* — из формы *мотопед*. Это относительно отдельных сложных слов. Но чаще такие слова создаются в результате объединения частей разных слов, особенно это свойственно медицинской терминологии, поскольку часто новые лекарства создаются из ряда уже имеющихся компонентов, например: *дибаверин* (*дибазол* + *папаверин*), *папазол* (*папаверин* + *дибазол*); *нембурсерпин* (*нембутал* + *резерпин*). Таким же способом созданы и другие по тематике слова, например: *магнитола* (*магнитофон* + *радиола*), *информатика* (*информация*, *информативный* + *электроника*), *бионика* (*биологический* + *электроника*), название государства *Малайзия* создано на базе соединения начала слова *Малайя* (Малайский архипелаг) и конца слова *Индонезия*¹. Заимствованные русским языком слова *мотель*, *транзистор*, *эскалатор* созданы таким же способом (*motorist* — *водитель* + *hotel* — *отель*; *transfer* — *перенос* + *resistor* — *сопротивление*; *escalating* — *ступенчатый* + *elevator* — *подъемник*). Надо сказать, что телескопия дает словообразованию большие возможности. При таком способе могут быть использованы не только отдельные слова, части которых сочетаются в созданном цельнооформленном слове, но и целые предложения. Таким примером может служить слово *беруши*, возникшее из возгласа «берегите уши!» Это слово теперь уже склоняется, как существительные, имеющие только форму множественного числа (*щипцы*, *кусачки*).

Стяжение компонентов сочетающихся слов в единое цельнооформленное слово можно отнести к одному из видов аббревиации. Только в данном случае нет четкой закономерности в использовании сочетающихся элементов слова: начало и конец нового слова как осколки словообразующих основ могут обрываться где угодно, лишь бы получалось нечто удобное для воспроизведения.

Аббревиация

Аббревиация в языке выполняет компрессивную функцию, именно поэтому она особенно активна в современном языке, хотя определенные традиции в использовании этого экономного способа словообразования имеются в истории языка. Достаточно сказать, что даже древнерусский язык не был лишен такого способа образования слов, особенно в классе собственных имен — *Святополк*, *Святослав*, *Новгород* и др. Но это были единичные примеры. Основной процесс начался в конце XIX в., и особенно модное развитие получило это словообразование в XX в. В советское

¹ Лейчик В.М. Люди и слова. С. 81.

время, в частности, аббревиация была воспринята как подлинно народный способ словообразования.

Жизнь аббревиатур в русском языке была сложной, противоречивой. В разные периоды преобладали разные типы аббревиатур — слоговые, буквенные, звуковые, смешанные. Аббревиатурам объявлялась «война», их изгоняли и осуждали. Но они появлялись вновь, язык уже не мог обходиться без аббревиатурных сокращений.

Аббревиатуры закрепляются в научном языке, в терминах; в названиях учреждений, организаций; в официально-деловом общении. Отрицательное отношение к аббревиатурам часто было обусловлено эстетическими причинами. Однако увеличение языкового кода за счет аббревиатур, дававшее огромную экономию на уровне текста, оказалось вполне оправданным и неизбежным, тем более что многие аббревиатурные образования путем грамматикализации завоевали себе место в словаре. Они в буквальном смысле вжились в язык, стали склоняться как обычные слова — *лавсан*, *лазер*; *вуз*, *колхоз*, *дот*, *совхоз*; *бомж*, *бич*; *МХАТ*, *ГОСТ* и др. Многие стали образовывать словообразовательные цепочки: *бэтээры*; *гаишники*, *эмгеушники*; *эсенговый*, *эсенговский*, *эсенговия*, *эсенгэшиник*; *гулажный*; *мхатовский*; *ООНовский*; *гекачеписты*, *гекачепизм*; *элдэпээрөөц* (МК, 1994, 12 мая); *обомжесталенная наука* (Лит. газета, 1996, 14 авг.); *спецназовский*, *омоновский*, *цумовский*, пример: *Больше всего повезло этнэвэшиникам — всю одежду телеведущим дарят* (АиФ, 2000, № 42).

Создание аббревиатурных наименований — самый продуктивный способ компрессии многословных названий, особенно названий учреждений, организаций (партийных, общественных, государственных), высших и средних учебных заведений и т.п. Однако эти краткие наименования могут оказаться непонятными для всей массы населения, и в этом их очевидное неудобство. Более того, многие из них неудобны в орфоэпическом смысле (например, новое образование *ГИБДД* вместо всем известного и благозвучного *ГАИ*).

Видимо, поэтому наметилась новая тенденция в образовании звуковых и буквенных аббревиатур. Это слова с двойной мотивацией¹, слова-акронимы (первые буквы наименования, стянутые вместе, образуют знакомые слова). Они удобны, вызывают привычные ассоциации, благозвучны, запоминаемы. Это своеобразные придуманные специально омонимы, например: *Буква* — бортовое устройство контроля вождения автомобиля; *Исход* — интегрированная система хранения и обработки документации; *Эра* — электрофотографический репродукционный аппарат; *Садко* —

¹ См.: *Лейчик В.М.* Люди и слова. С. 106; см. также: *Земская Е.А.* Активные процессы современного словопроизводства. С. 120—121.

система автоматизированного диалога и коллективного обучения; *Аккорд* — автоматизация контроля и координация оптимальных решений деятельности; *Барс* — Банк развития собственности; *МИФ* — Московский инвестиционный фонд; *Сифир* — система автоматизированной подготовки фотонаборных изданий, обеспечивающих редактирование; *Сам* — строительные и отделочные материалы. Сближение аббревиатуры с обычным словом привносит в названия некоторый элемент коннотаций экспрессивного характера, например *Яблоко* (блок Явлинского, Болдырева, Лукина), *Совраска* («Советская Россия»), *Издательство Вагриус* (Васильев, Григорьев, Успенский); иногда это звучит каламбурно и с отрицательной ассоциацией — *Билде* (Белый Дом).

Даже если не удастся подыскать слова с двойной мотивацией (акронима), то аббревиатуре придается «вид» слова. Это искусственно созданное слово, но очень напоминающее обычные слова, например: *самбо* (самооборона без оружия; похоже на танец «самба»), *адук* (аппаратура дистанционного управления подъемными кранами). В таких словах необязательно полное совпадение букв зашифрованного наименования.

Экспрессивные имена

В современном словопроизводстве обнаруживается высокая доля оценочных и вообще экспрессивных моделей. Фонд экспрессивных средств языка активно пополняется под влиянием разговорной, просторечной и жаргонной сферы словоупотребления; в язык массовой печати с ярко выраженной эмоциональной оценочностью все более втягиваются прежде периферийные языковые явления, в том числе и специфические словообразовательные модели.

Социально ориентировано, например, образование наименований лиц, явлений современной действительности, несущих в себе отрицательное оценочное значение. Используются для всякого рода оценок имеющиеся модели, которые закрепляют специфические значения за определенными суффиксами, но при этом расширяется лексический материал, способный принимать эти суффиксы и их сочетания. Например, суффиксы отрицательной оценки *-щин-а*, *-ух-а* (по образцу «деревенщина», «голодуха») распространены в наименованиях общественно-политических течений, явлений социального плана, морально-этического и др.: *сталинщина*, *чурбановщина*, *брежневщина*, *митинговщина*, *беспредельщина*, *преобразовщина*, *аномальщина*, *дедовщина*, *чрезвычайщина*, *компанейщина*, *стидовщина*, *литературищина*; *порнуха*, *чернуха*, *сексуха*, *прессуха*, *неуставуха*, *почесуха*, *групповуха*, *кольцевуха* (кольцевая дорога), *развлекуха*, *стенуха* (стипендия), *сараяуха* (сарай). Некоторые при-

меры: *В воскресенье на Краснухе пели звезды и пили кока-колу* (МК, 1992, 23 июня); *Некоторые товарищи из сопровождения умудрились пожаловать к журналистам на прессуху со стаканами «колы»* (МК, 1997, 9 сент.).

Особенно много эмоционально-оценочных наименований лиц. Используются при этом наиболее распространенные суффиксы *-щик, -чик, -ист, -ик*: *выступальщик, маразматик, бесхребетник, подкаблучник, индивидуальщик, анонимщик, кабинетчик, вецист*; реже участвуют в образовании слов суффиксы явно прежде непродуктивные *-арь, -яг-а*: *тупарь, глупарь, честняга, простяга, блатняга, парняга*. Все это слова не просто оценочные, но, к тому же, резко сниженные по стилистической окраске. Многие из них употребляются на уровне просторечия и арго.

В суффиксальном словообразовании имен существительных заметно усилилось явление стилистической модификации¹, когда новые образования, не отличаясь семантически от мотивирующих существительных, оказываются стилистически окрашенными, причем в большинстве случаев эти вторичные наименования оседают в разряде сниженной лексики, например: *сельдь — селедка, середина — середка, кино — киношка, компания — компашка, фото — фотка, штука — штуковина, шизофреник — шизик, тунец — туник, бронев-автомобиль — броник*. Такие парные наименования наблюдались в языке и в рамках нейтральной лексики (*ель — елка, скамья — скамейка, червь — червяк, слизень — слизняк*), но особенно продуктивным это явление оказывается в разряде стилистически окрашенной лексики.

Подобные образования имеют качественно характеризующий оттенок значения.

Значение качественности может быть усилено и в других лексико-грамматических категориях слов. В частности, многие относительные прилагательные, канонически неспособные принимать значение степени, стали употребляться с распространителями, указывающими на степень проявления признака. Такое явление было известно языку и ранее (ср., например: *подлинно большевистское решение; вполне государственное отношение к делу; глубоко пролетарские театры*), но в последнее десятилетие круг этих слов заметно увеличился: *проблема вполне сегодняшняя; по-настоящему журналистский прием*. Некоторые примеры: *Слишком пенсионный возраст заставил лихого шоферюгу выйти из игры* (МК, 1993, 21 апр.); *Ясная Поляна даже в самые, так сказать, советские времена продолжала быть усадьбой прошлого века, она сохранила эти черты* (Лит. газета, 1998, 17 июня); *За прадедовским дубовым столом сидела густо про-*

¹ Лопатин В.В. Синонимия мотивированного и мотивирующего слов в русском словообразовании // Язык: система и функционирование. — М., 1988.

винциальная девица (М. Арбатова); *Русский дипломат — человек глубокого, почти японского ума* (Б. Акунин). Подобное возможно и при именах существительных, например во фразе типа «больше демократии — больше социализма».

Окказиональные слова

Речевая деятельность нашего современника, стимулируемая новыми социально-политическими процессами в стране, все более и более становится проявлением общего, повышенной степени эмоционально-волевого состояния общества. Поэтому обращение к оценочным речевым средствам в какой-то мере удовлетворяет потребностям в ярком, эффективном и эффектном словоупотреблении. Активная жизненная позиция неизбежно стремится выразиться в действенном слове. В наибольшей степени это наблюдается при индивидуально-творческом подходе к словообразованию. Речь идет об единичном, неузальном образовании слов, которое является своего рода реализацией возможностей языка. Окказионализмы (от лат. *occasionalis* — случайный) возникают под влиянием контекста при особом коммуникативном задании, они специально «придумываются». Повышенная выразительность окказионализмов обеспечивается их необычностью на фоне нормативных канонических образований. Окказиональное словотворчество обнаруживается на всех уровнях языковой системы, но более всего в области лексики и словообразования. В современной речевой практике, особенно в непринужденном разговорном стиле общения, в буквальном смысле ощущается настроенность на изобретательство, на поиск «невиданного» (В.Г. Костомаров) в словопроизводстве: *бывшевики*, *волчеризация*, *прихватализация*; *мафиократия*, *мэриози* (*мэр + мафиози*); *наспартачить* (от назв. футбольного клуба «Спартак»; Новая газета, 2000, 7—13 февр.); *макокрасочные изделия* (о перевозке опиума в банках из-под мастики (Коммерсант, 2000, 10 мая); *поностаальгировать* (М. Арбатова). Часто окказионализмы создаются ради игры слова, оригинальничания, такие образования всегда оценочны (*спонсорье*, *ню-воришки*, *спёрбанк*), представляют собой иронизирующие перифразы (*Двухтрупленный МХАТ два раза обмывал свое одно на всех столетие*. — АиФ, 1998, № 47; *Семнадцать мгновений СПИД-Жуана*. — СПб. Вед., 1997, 12 июля; *С. Михалков — заслуженный гимнюк Сов. Союза* — А. Кончаловский); *Вот морякам, допустим, помогает не слишком тонуть святой угодник Николай, а студиязам — святая мученица Татьяна* (Нез. газета, 2001, 9 февр.).

Окказиональные новообразования привлекают своей нестандартностью, неожиданностью, оригинальностью. Одноразовость оккази-

онального слова противопоставлена воспроизводимости канонического слова¹. Оказиональное слово всегда творимо непосредственно и ради определенного контекста. Оно не претендует на повторное воспроизведение и всегда привязано к случаю. Публицисты, художники слова всегда прибегали к приемам словотворчества. Но это было настолько индивидуально, контекстуально и эпизодично, что никак не может быть сопоставимо с массовостью явления в современной практике печати. Создается впечатление, что современные журналисты в буквальном смысле соревнуются друг с другом в словесном изобретательстве. По многим окказиональным наименованиям можно, например, проследить всю историю болезни нашего общества²: *гарнизонно-косильщики* — призывники, уклоняющиеся от службы в армии; *фальшивонапитчики* — изготовители некачественных спиртных напитков; *фальшивозвонильщики* — предупреждающие о мнимых террористических актах и др.

Особенно щедрым оказалось современное словотворчество на базе собственных имен — создаются абстрактные имена, названия процессов и качеств, обозначения лиц и т.д. Имена политических и государственных деятелей становятся материалом для словопроизводства. Суффиксы, приставки — все идет в ход: *горбомания* (вариант *горбимания*), *горболюбие*, *горбономика* (сегмент слова *экономика*); *гайдарономика*, *гайдаризация*, *обгайдарить*; *ельцинизм*, *проельцинский*, *ельцинофобия*, *ельциноиды*, *борисоборчество*; *зюгановщина*, *зюгановцы*; *чубайсизация*, *чубаучер*; *андроповка*, *мавродики*, *жириновцы*, *руцкисты*, *баркашовцы* и др. Некоторые примеры: *Разгайдарствление экономики* (Итоги, 1998, № 43); *На ОПТ к приходу коммунистов уже готовы: их «Русский проект» и «Старые песни о главном» прекрасно лягут в концепцию зюг-ТВ* (МК, 1999, № 93); *Чубайсизация затронула всех* (КП, 1997, № 104); *Зюганизация всей страны* (МК, 1998, № 95); *Как живет на Зюганщине?* (КП, 1998, № 82); *Доживем ли до Зюгашвили?* (МК, 1998, № 138); *В Белом доме варят дешевую «Маслюковку»* (МК, 1998, № 86).

Образования от собственных имен редко звучат нейтрально (ср., например, стилистические качества слов *сталинщина* и *сталинизм*). Они всегда оценочны, «насыщены» отношением к обозначаемому имени. Причем оценки могут быть разными и зависят от того, кто создает слова — сторонники или противники именуемого. Но в большей своей части оценки все-таки отрицательные, часто с ироническим подтекстом, даже с насмешкой. При создании таких

¹ Лыков А.Г. Оказионализмы и языковая норма // Грамматика и норма. — М., 1977. С. 67.

² Юдина А.Д. Оказионализмы на страницах периодики // Русская речь. 1999. № 5. См. также об образованиях от собственных имен: Сенько Е.В. Инновации в современном русском языке. — Владикавказ, 1994.

слов в ряде случаев проявляется незаурядное остроумие, как, например, в слове *чубачер* (*Чубайс + ваучер*).

Интерес к ситуативным неологизмам (окказионализмам) объясняется довольно просто и связан с особенностью переживаемого постсоветским обществом момента. Это словотворчество помогает разрушить известные стереотипы в жизни, поведении, во взглядах на политические события времени, помогает выразить эмоциональную оценку происходящего. Окказионализмы, как правило, злободневны, остры, подчас злы и откровенны. Это способ обнародовать свое мнение, отношение, в каком-то смысле даже снять внутреннее напряжение. Одновременно это и объяснение долгожданной раскрепощенности нашего современника. Активное словотворчество может отчасти объяснить и желание освободиться от всяческих ограничений. Наконец, характерные для времени окказионализмы свидетельствуют о существенных сдвигах в общественном сознании.

* * *

Рассмотрение специфики словообразовательных процессов современности обнаружило заметную интенсивность их протекания. Словопроизводство как единство двух планов — формального (структурного) и семантического — проявило себя в настоящее время как наиболее активная сторона языковой системы. Несмотря на стабильность и традиционность основных способов и типов словообразования, результаты словообразовательных процессов по количеству полученных новообразований оказались очень значительными. Известные словообразовательные модели в современном языке реализовались в виде множества конкретных предметных значений, значительно пополнив словарный состав языка. Особенно активным оказалось производство абстрактных имен, имен со значением лица, дифференцированного по роду деятельности, принадлежностью к различным партиям, организациям; усилилось образование оценочных, эмоционально-экспрессивных имен, окказиональных образований от собственных имен.

Особенно активны в качестве базы словопроизводства социально значимые слова эпохи, семантика которых отражает политические и социально-экономические изменения в стране, в частности, расслоение населения в материальном и социальном плане, развитие рыночных отношений, изменение ценностных ориентаций, расширение сферы бизнеса, информатики, массовой культуры и др. Высокую степень продуктивности обнаруживают словообразовательные элементы иноязычного происхождения — префиксы, суффиксы, производящие основы (*квазирынок, супербогач, постсоветский; ваучерный, ваучеризация, рейтинговый, референдумный; санта-барбарцы*), а также основы собственных имен (*гайдаризация, ельцинизм*).

АКТИВНЫЕ ПРОЦЕССЫ В МОРФОЛОГИИ

Морфология — самый устойчивый, глубинный ярус языковой системы. Она строго организована, обладает понятиями и категориями, развивающимися по внутренним законам. В морфологии заложена национальная специфика языка. Это каркас, основа, на которой располагаются другие звенья языковой системы. Само движение в морфологии осуществляется крайне медленно. Накопления нового качества малозаметны, если наблюдения ведутся в рамках небольшого промежутка времени. Морфология обнаруживает крайнюю степень устойчивости при воздействиях извне. Она малопроницаема для этих воздействий. При реальных попытках воздействия, хотя бы со стороны других языков, морфология скорее подчинит себе, «переварит в собственном соку» привнесенное извне, чем изменит самой себе. И все же... Устойчивость не есть неподвижность. Неподвижность — удел мертвых языков. Морфология живого языка, активно обслуживающего общество, обнаруживает картину постоянной текучести, изменчивости отношений внутри системы¹. И если прямые воздействия социальной сферы здесь трудноуловимы, то косвенно это сказывается в стимуляции внутренних возможностей языка, в ускорении или замедлении процессов, назревающих или назревших в самой системе.

Изменения в морфологическом строе языка обнаруживаются в расширении или сужении круга вариантных форм, т.е. словоизменительных вариантов. Такие варианты возникают внутри грамматической системы, часто при соприкосновении морфологических и синтаксических явлений. Грамматическая вариантность всегда категориальна: это варианты форм грамматического рода, варианты падежных форм, варианты числа, варианты категорий глагола и т.д. Надо сказать, что в грамматике вариантность безгранична, она допускается лишь до определенного предела, который устанавливается самой системой, например, при двух вариантных формах падежных окончаний (*в отпуске* — *в отпуску*, *инженеры* — *инженера*) не может появиться из ничего третья форма, она не предус-

¹ *Русский язык и советское общество. Морфология и синтаксис современного русского литературного языка // Под ред. М.В. Панова. — М., 1968.*

мотрена системой языка. И потому движение форм внутри этих рамок осуществляется путем борьбы этих форм, вытеснения одной формы другой. Или еще пример на системное ограничение: в русском языке ощущается затухание форм среднего рода существительных, особенно среди субъективно-оценочных образований (*мое жenuшко, соловушко, сынишко, крапивушко*). Выбор форм, приходящих на смену этим старым народным формам, невелик, он ограничен самой категорией грамматического рода: идет дифференциация форм, ориентированная в одушевленных существительных на значение пола: сначала — *моя жenuшко, мой сынишко*; далее — *моя жenuшка, мой сынишка*. Другие формы не предусмотрены. Кстати, в последнем случае возникает новое ограничение: несмотря на форму мужского рода, используется окончание *-а*, а не нулевое, что более соответствовало бы форме мужского рода. Так, грамматика сама устанавливает запреты, оберегая свою исконную природу. Если лексика и словообразование дают большой простор для языкотворчества, то морфология постоянно ставит запреты и ограничения. Более того, выход за пределы установленных границ в употреблении грамматических форм чаще всего являет собой ошибочное употребление, а не нарождающуюся тенденцию.

Итак, морфологические изменения, выливающиеся в определенные тенденции, обнаруживаются на фоне борьбы вариантных форм, но форм, предусмотренных самим языком, а не навязанных ему деятельностью «особо творчески активных личностей».

Каждый лексико-грамматический класс слов, т.е. каждая часть речи, обладает особыми грамматическими категориями, поэтому количество возможных вариантов и их предельность определяются внутренней природой самих частей речи¹. Вариантность и, следовательно, движение форм, например, в кругу существительных касается категорий рода, числа и падежа; а в кругу глаголов — корневых морфем.

Постепенная, неспешная, независимая от внешних катаклизмов замена одних конкурирующих форм другими в морфологии, замена в рамках, установленных самой морфологией, целиком оправдывает известный тезис: «Язык изменяется, оставаясь самим собой».

Рост аналитизма в морфологии

На общем фоне стабильности морфологии и крайне медленном течении внутренних процессов преобразования все же можно выявить некоторые тенденции, затрагивающие всю морфологическую систему языка. По признанию лингвистов, это прежде всего

¹ Граудина Л.К. Словоизменительные варианты: вес переменных элементов в грамматике // Грамматика и норма. — М., 1977. С. 146.

тенденция к аналитизму. Это было отмечено еще в 60-е годы XX в. в монографии «Русский язык и советское общество. Морфология и синтаксис современного русского литературного языка» / Под ред. М.В. Панова (М., 1968). Аналитические формы отличаются от синтетических тем, что у них грамматическое значение передается вне пределов данного слова, т.е. функция и значение этих форм выявляются в контексте, при соотношении с другими словами. Именно поэтому собственно морфологический аналитизм тесно переплетается с синтаксическим аналитизмом и становится общей чертой грамматики. Например, в так называемом согласовании по смыслу (согласование — категория синтаксическая) грамматический род имени существительного (категория морфологическая) определяется либо формой прилагательного, либо формой глагола: *хорошая врач; врач пришла к больному*.

Процесс нарастания аналитических черт в русском языке (языке синтетического строя) проявляется в ряде морфологических показателей, проявляющих себя в синтаксисе.

Аналитизм обнаруживается: 1) в сокращении числа падежей; 2) в росте класса несклоняемых имен (существительных, прилагательных, числительных); 3) в росте класса существительных общего рода, точнее, в применении форм мужского рода к обозначениям женского пола; 4) в изменении способа обозначения собирательности в именах существительных (собирательное значение у форм, обозначающих единичность).

Процесс сокращения числа падежей — это процесс не десятилетия и даже не одного века. Он начался еще в недрах древнерусского языка, но его следствия даже сегодня ощущаются как нечто не вполне завершенное. Это сказывается, например, в наличии разных окончаний у одного падежа, дифференцированных по семантике и стилистической окраске, в сохранении некоторых реликтовых форм. Современный родительный падеж объединил бывшие атрибутивный (определительный) и партиципный (количественный) падежи (ср.: *прохлада леса* и *кубометр лесу*, во втором случае уже возможна замена на более распространенное теперь окончание — *кубометр леса*; в первом случае это невозможно). Современный предложный падеж также представляет собой объединение двух падежей: местного (*гулять в саду*) и изъяснительного (*говорить о саде*). Размежевание этих форм сохранилось опять-таки в семантике и стилистике, но не на уровне падежа как такового. Полностью исчез звательный падеж, хотя следы его просматриваются в некоторых междометных формах (*боже мой; господи*). Утрата форм не есть в данном случае утрата значений, просто эти значения начинают передаваться иными способами, вне формы. Например, звательный падеж (и специальная форма для него)

исчез, но звательная функция и звательная интонация сохранились, только используется в этом случае форма именительного падежа (ср. современные обращения). Современный родительный падеж ориентируется на одну из возможных двух форм — на форму с окончанием *-а*; окончание *-у* в современном языке явно идет на убыль. Оно сохраняется как остаток количественного падежа при обозначении собственно количества (*много народу*), хотя и здесь возможна уже замена (*много народа собралось на площади*); сохраняется *-у* и в наречных сочетаниях (*с испугу, умереть с голоду*) и в устойчивых выражениях типа *здать перцу, комар носу не подточит* и др. Избирательно окончание *-у* еще может употребляться только при обозначении количества у некоторых вещественных существительных, например: *стакан чаю* (но чаще уже — *стакан чая*), но только — *вкус чая, производство чая*; ср. еще: *кусок сахару* (вариант — *кусок сахара*) и *производство сахара* (без вариантов); *тарелка супу* (вариант — *тарелка супа*) и *тарелка малока* (без вариантов). На сегодняшний день окончания *-а* и *-у* — это не только проблема формы и значения, это чаще проблема стилистическая: форма с *-у*, как форма убывающая, приобретает стилистический оттенок разговорности.

Так же стилистически расслоился и современный предложный падеж, например: *в отпуске* и *в отпуску*, *в цехе* и *в цеху*; *на мысе* и *на мысу*. Однако такая дифференциация не всегда возможна, в большинстве случаев один из вариантов оказывается либо единственным, либо предпочтительным, например: можно *гулять в саду*, но очень неудобно *гулять в саде*, зато необходима форма в «*Вишневым саде*» Чехова, ср. еще: *на острове* (варианта с *-у* нет). При выборе форм учитывается часто значение сопутствующих предложений: *на Кавказе, но в Крыму*.

Иногда размежевание форм происходит по смыслу, например: *В государственном строе — стоять в строю; готовить обед на газе — ехать на полном газу; победить в первом круге соревнований — провести отпуск в кругу родных; сад в цвету — погибнуть во цвете лет; быть в отпуске (в отпуску) — в отпуске ему отказали*. В размежевании подобных форм часто присутствует синтаксический аспект: обстоятельственная функция чаще передается формой на *-у* (хотя возможна и форма на *-е*), а вот объектная функция явно предпочитает форму на *-е*.

Итак, сокращение количества падежей привело к нарастанию аналитических черт в использовании форм словоизменения: количество разных окончаний в результате конкурентной борьбы постепенно сокращалось за счет вытеснения форм на *-у* в род. и предл. падежах; при сохранении параллельных форм их значение и функция все более становились зависимыми от контекста. При

равноправном употреблении формы дифференцировались стилистически.

Свидетельством нарастания аналитических черт в грамматике русского языка является несомненный рост несклоняемых имен во второй половине XX в. Речь идет прежде всего о географических названиях на *-ин(о)*, *-ов(о)*. Названия типа *Пушкино, Ефремово, Салтыково, Бутово, Разино, Старбеево, Шереметьево* и т.п. давно уже идут в направлении несклоняемости. Об этом свидетельствуют исследователи¹, данные массовых обследований, язык периодической печати. Вопреки этой очевидной тенденции долгое время редакторы и корректоры, следуя указаниям грамматик и справочников, авторы которых продолжали охранять традиционные склоняемые формы, пытались задержать процесс в литературной практике. Однако тенденция оказалась достаточно сильной, и функционирование несклоняемых форм постепенно стало массовым. В своде правил орфографии это уже зафиксировано официально. Уже в Грамматике-80, в отличие от предшествующих академических грамматик (50-х и 70-х годов), даны были ссылки на сферы распространения несклоняемых топонимов — разговорная, профессиональная и газетная речь. Конечно, в непринужденной бытовой речи еще можно встретить формы типа *в Тушине, в Шереметьеве*, однако на общем фоне функционирования данных имен склоняемые оказываются в явном меньшинстве. Тем более что подобные формы поддерживаются стремлением не склонять схожие иностранные наименования: *Палермо, Сорренто, Осло, Токио* (то же в рамках СНГ — *Баку, Ровно, Гродно* — два последних наименования в украинском и белорусском языках склоняются). Особенно закрепляются несклоняемые формы в сочетаниях с родовыми наименованиями: *в поселке Ивакино; на станции Фрязино*.

Тяга к несклоняемости ощущается и в собственных именах существительных — фамилиях на *-о, -е, -ово, -аго*: *Шевченко, Мослаченко, Ткаченко; Дурново, Хитрово, Живаго, Витте* и др. Ср. примеры обратного, которые явно для сегодняшнего дня не характерны: *Сейчас прочла стихи Евтушенки в «Юности»* (Дневник А. Ахматовой; 1966); *Для Малащенко же не составило большого труда убедить обаятельную «царевну» в незаменимости Чубайса* (МК, 1997, 9 янв.); Название работы В.В. Виноградова — *Язык Зоценки* // М. Зоценко. Статьи и материалы. — М., 1928.

Безусловно утратили склонение известные собственные имена *Отелло, Микельанджело, Леонардо да Винчи, Нессельроде*, хотя в первой половине XIX в. они склонялись.

¹ См., например: *Ильина Н.Е.* Рост аналитизма в морфологии // Русский язык в конце XX в.

Несклоняемыми оказываются первые части сложных наименований, например: в военной лексике — *капитан-инженер* (*капитан-инженеру*); *капитан-лейтенант* (*капитан-лейтенанту*); *генерал-лейтенант* (*генерал-лейтенанту*); *генерал-полковник* (*генерал-полковнику*); в профессиональной лексике — *инженер-металлург* (*инженер-металлургу*); *инженер-экономист* (*инженер-экономисту*), хотя возможны в подобной лексике и склоняемые формы типа *инженеру-строителю*. Может не склоняться первая часть в бытовой лексике — *диван-кровать* (*диван-кроватьей*), *магазин-салон* (*магазин-салону*), *вагон-ресторан* (*вагон-ресторану*), *роман-газета* (*роман-газете*). Однако последняя группа лексики все-таки в большинстве случаев сохраняет склонение в обеих частях составного слова, особенно это характерно для слов женского рода в первой позиции: *фабрика-прачечная*, *библиотека-читальня*, *булочная-кондитерская*, *закусочная-автомат* и др. То же можно сказать и относительно специальной лексики: *ракета-носитель* (*ракете-носителю*), *кабина-капсула* (*кабине-капсуле*).

Несклоняемые формы в бытовых наименованиях распространяются вопреки действующей литературной норме. Поэтому их можно отнести к сфере разговорной лексики. Но это уже свидетельство того, что формы пробивают себе путь к литературному признанию. Стремление к слитности в двойных наименованиях очевидно, и в отдельных единицах несклоняемые формы утвердились окончательно (*плащ-палатка*, *матч-турнир*, *хот-клуб*). Интересная статистика: по сведениям Л.К. Граудиной¹, зарегистрировано немногим более двухсот сложносоставных наименований, в которых склоняются обе части, и в два раза больше — в которых склоняемость уже утратилась, хотя как цельное слово наименования еще не осознаются. Эти сведения зафиксированы 20 лет назад. Так что тенденция вполне очевидна.

Таким образом, в современном русском языке, т.е. во второй половине XX в., в системе топонимического и особенно антропонимического словоизменения наблюдаются серьезные изменения — грамматическая система как наиболее неизменный языковой ярус в данном случае обнаруживает движение в сторону несклоняемости. Особенно это заметно при сравнении с первой половиной XIX в., когда имена типа *Ариосто*, *Отелло*, *Витте*, *Нессельроде*, *Михельанджело* и др. склонялись: см. примеры из А.С. Пушкина, Н.М. Карамзина, приведенные Л.П. Калакуцкой в работе «Роль грамматических вариантов в словоизменении антропонимии»². Тяга к несклоняемости ощущается и в бытовых наименованиях (в составных словах).

¹ Граудина Л.К. Вопросы нормализации русского языка. — М., 1980. С. 171.

² Статья помещена в сборнике «Литературная норма и вариантность». — М., 1981.

В области иноязычных географических наименований, употребляемых в сочетании с терминами типа *республика, королевство, штат, княжество* и т.п., тенденция к несклоняемости проявляется очень сильно, в официальном языке — постоянно: *в Королевстве Бельгия, в штате Вирджиния, в Республике Кения; Республика Берег Слоновой кости — в Республике Берег Слоновой кости; Королевство Саудовская Аравия — в Королевстве Саудовская Аравия*¹.

Стремление к несклоняемости обнаруживается и в составных наименованиях среди нарицательных имен (апеллятивов), хотя процесс этот идет очень неравномерно и противоречиво. Как было показано, разные группы двойных наименований находятся на разных этапах в этом общем движении к несклоняемости.

В данном случае сохраняется известное грамматическое правило о несклонении имен собственных в роли приложений к родовым наименованиям (типа *фотоконкурс газеты «Известия»*). Интересная деталь: директор Европейского департамента сообщил о специальном документе, где сказано следующее: «...19 декабря 1995 г. Министерство иностранных дел России и Германии договорились не склонять по падежам слово «Германия» в полном наименовании государства». Поэтому в официальных международных документах на русском языке употребляется теперь наименование «Федеративная Республика Германия», хотя еще совсем недавно слово «Германия» в составе официального наименования склонялось. Конечно, в разговорной речи и сейчас возможны и формы склоняемые при слове «республика» в соответствующих наименованиях: *торговать с Республикой Индией; посетить Республику Намибию*.

Среди других категорий имен, обнаруживающих тенденцию к несклоняемости, можно назвать имя числительное. Правда, это касается особых речевых ситуаций. Здесь не имеются в виду нарушения правил склонения числительных (особенно составных количественных) в бытовой речи и даже в речи телеведущих. Речь идет о нумерации домов (ср.: *дом номер первый → дом номер один → дом один; живет в доме девять по такой-то улице*); о числительных, употребляемых в качестве приложений (*Луна-3; Олимпиада-2000*), имеющих исходную форму именительного падежа; грамматически не связанные формы употребляются в профессиональной речи (*рукопись объемом 20 а. л.; стоимостью 60 миллионов долларов; комната площадью 30 кв. м.*). Пример: *Над ним [островом Кюсю] поднимается столб дыма высотой четыре километра* (МК, 1983, 20 мая). В разговорной речи тоже существует вариантная норма: В.В. Виноградов квалифицирует

¹ См. примеры и их трактовку в статье Л.К. Граудиной «С Москва-тур на Красное море!» // Русская речь. 1998. № 3.

форму «по пять рублей» (вместо *по пяти рублей*) как разговорную, а форму «по сту рублей» — как устаревшую.

В особом смысле несклоняемость характеризует некоторые формы прилагательных. Это специальная группа прилагательных, по своей словообразовательной природе неспособная к изменению. Они всегда располагаются после определяемого слова и сохраняют свою форму неизменной: *воротник апаш, цвет бордо, цвет электрик, пальто маренго, платье беж, часы ник, рукав реглан, пальто деми, стиль гротеск, модерн*. В таких словоупотреблениях особенно важен контекст, так как эти слова в другой позиции могут выступать в роли имен существительных, ср.: *купил маренго* (ткань), *пальто маренго* (цвет).

Несклоняемость отличается и большая часть аббревиатурных наименований, особенно оканчивающихся на гласный (типа *РОЭ, НАМИ, МГУ, НИИ, РОСТА*). При подавляющем большинстве несклоняемых аббревиатур, оканчивающихся на согласный (*ООН, ВТЭК, НОТ, ТЭЦ, СНГ*), все-таки некоторые аббревиатуры, особенно широко распространенные, общеизвестные, обнаруживают тенденцию к словоизменению: *руководствоваться ГОСТом; смотреть представление во МХАТе; диссертация утверждена ВАКом; солист ГАБТа; выпускники ВГИКа* и др. Такие формы более характерны для разговорной речи, официальная речь придерживается несклоняемых форм. Причем для письменной речи как таковой можно наметить очевидную дифференцированность в подходе к употреблению аббревиатур: официальная письменная речь не допускает склонения, массовая письменная речь (газеты, журналы) отступает от этого жесткого правила.

Усиление аналитизма в русском языке обнаруживается в своеобразном употреблении форм грамматического рода имен существительных. Известно, что в наименованиях лиц форма грамматического рода сопоставима с полом обозначаемого лица (*летчик — летчица; учитель — учительница*). Однако в современном русском языке значительно вырос (и продолжает расти) класс слов, наименований лиц в форме мужского рода, к которым нет соответствующих форм женского рода. Надобность в таких наименованиях очевидна, поскольку женщины могут занимать должности, иметь звания, владеть специальностями, которые традиционно обозначаются формами имен мужского рода, например: *министр, президент, дипломат, посол, юрист, врач, доктор наук, пилот, филолог, геодезист, бухгалтер, инженер, декан, ректор, профессор, доцент, космонавт, генерал, полковник, майор* и т.п. Даже если в некоторых случаях и возможны коррелирующие формы (*профессорша, генеральша, инженерша*), то они не имеют официального статуса и либо обозначают жену по мужу (*генеральша*), либо обязательно снаб-

жаются просторечным оттенком звучания, т.е. выпадают из литературного употребления (*врачиха, инженерша*).

При сложившихся обстоятельствах, имеющих явно социальный аспект (овладение женщинами «неженскими» профессиями), сложилась практика использования исходных форм мужского рода, или двуродовых имен (по терминологии польских ученых). Но при этом указания на женский род (реальный пол именуемого) даются в контексте, т.е. за рамками данного наименования, — в форме сказуемого, в согласуемых формах определений (согласование дается фактически по смыслу, а не по форме слова): *хорошая врач; директор уехала; репортер организовала встречу; наша экскурсовод* и др. Так используются аналитические средства для обозначения нужного смысла. В работе «Вопросы нормализации русского языка» Л.К. Граудина пишет: «Согласование по смыслу со словами, называющими женщин, но имеющими форму муж. рода, не может быть проведено по всей системе падежных флексий. В косвенных падежах в этих случаях возможно только согласование в форме муж. рода.: *к нашему экскурсоводу Ивановой; в гостях у известного композитора Пахмутовой*»¹. Таким образом, согласование по смыслу дается только в форме именительного падежа. Например: *Обманутая директор, заслуженный учитель России Мария Андреевна Комлева почитала мне Коржавина* (МК, 1993, 22 апр.); *В заключение оратор обратилась к представителям средств массовой информации* (Правда, 1988, 11 мая). Особенно интересен первый пример: определение и сказуемое даны в форме женского рода, а официальное название «заслуженный учитель России» сохраняет общую форму. В строгом деловом стиле это отклонение от формально-грамматического согласования недопустимо: *Заведующему отделом тов. Ивановой необходимо явиться на совещание.*

Интересно отметить еще одно возможное ограничение в использовании смыслового соотношения форм: определяющие члены предложения легче идут на смысловое согласование, чем предикцирующие, ср.: *хорошая врач; наша диспетчер* и *Иванова — хороший врач; эта работница — наш диспетчер.*

Таким образом, растущая несклоняемость имен — особенно собственных, как исконного, так и иноязычного происхождения, — явно свидетельствует о частичной утрате русским языком синтетических средств передачи грамматического и смыслового значения. В том же направлении действует своеобразное использование форм мужского рода для обозначения лиц женского пола, когда распознавание этих наименований осуществляется в контексте, вне самой формы.

¹ Граудина Л.К. Вопросы нормализации русского языка. — М., 1980. С. 188.

Можно привести еще одно из возможных экономных аналитических средств выражения значения. Это использование исходной формы единственного числа для обозначения собирательности или обобщенной множественности. В русском языке не так уж много собственно собирательных имен, имеющих особую форму: *студенчество, учительство, офицерство, товарищество; профессура; детвора, ребятня, солдатня; старичье; молодежь*. Ср. индивидуально-авторское в рассказе Б. Ахмадулиной об А.И. Цветаевой: «Это о человечестве. Но никак не менее важно — о собачестве, кошачестве, обо всем родимом зверинстве, тут сестры Цветаевы прежде, переее всех» (Лит. газета, 1993, 29 сент.).

Правда, в первой половине XX в. несколько расширился круг словообразовательных моделей со значением собирательности за счет существительных на *-ия* (*пионерия, инженерия*), но и эта модель оказалась непродуктивной. Надо признать, что, несмотря на бурные процессы в словообразовании в целом, производство слов по специальным моделям прекратилось, хотя нужда в передаче соответствующего значения не исчезла, может быть, даже усилилась. Скорее всего, именно это и явилось причиной поисков новой формы для передачи значения собирательности, формы, которая уже есть в языке. Такой формой оказалась форма единственного числа имени, значение собирательности в которой усматривается только благодаря контексту, т.е. аналитически. Форма единств. числа имени дает возможность значительно расширить круг слов с подобным значением (язык, как видим, не пошел на конструирование слов типа *рыбачество, рабочество*); кроме того, наименование в исходной форме экономнее (нет суффиксальных наращений) и конкретнее по информации. Так, еще в начале века появились формулы в агитационной публицистике: *Исполни, шахтер, перед рабочими свой долг; Уходил на войну сибиряк; Степь зовет хлебороба* и др. В советское время появились многочисленные «дома» и «дни»: *Дом актера; Дом журналиста; День металлурга, День шахтера, День учителя* и др. Формы единственного числа со значением собирательности, не выраженным грамматически, довольно распространены: *Читатель ждет новых книг, Произошла встреча со зрителем; Специалист всегда в чести; Книга рассчитана на широкого читателя*; например: *Рыбак-подледник бывает разный: рыбак-пенсионер, рыбак-рабочий и служащий, рыбак-военный, рыбак-министр, рыбак-интеллигент* (В. Солоухин); ср. шутливое у Маяковского: «Гуляет мостовыми разная собачка».

Немаркированность единственного числа в русском языке дает возможность использовать эти формы не только для обозначения единичности (одного лица или предмета), но и множественности. Форма единственного числа в определенном контексте может

обозначать «образ сплошной множественности» (А.А. Потебня), т.е. иметь значение обобщенной собирательности, тогда как формы множественного числа обычно обозначают раздельное множество, совокупность однородных объектов. Именно поэтому формы единственного числа оказались достаточно удобными для выражения искомого значения. Но с одним условием: это значение формируется в соответствующем контексте, т.е. аналитически, за рамками самого слова. Обобщенно-собирательное значение в формах единственного числа (*фермер, студент, крестьянин*) передается ситуативно, тогда как в собственно собирательных именах оно присутствует словообразовательно, в самой структуре (*фермерство, студенчество, крестьянство*).

Сдвиги в формах грамматического рода

Одной из главных причин изменения в категории грамматического рода является общее стремление языка к экономии речевых средств и речевых усилий. В данном случае речь идет об изменениях в самой форме существительного, а не в смещении способов выражения значения грамматического рода — с помощью согласования с другими словами в рамках контекста. Речь идет о переходе имен существительных из одного родового класса в другой. Если учесть закон речевой экономии, то понятным окажется переход существительных женского рода, оканчивающихся на *-а, -я*, в существительные мужского рода с нулевым окончанием (*рельса — рельс*) или в существительные мужского рода на *-ий (санатория — санаторий)*. При конкуренции слов женского и среднего рода побеждает форма женского рода (*береста — береста; коленка — коленка*). Такова общая направленность изменений в области грамматического рода. Однако все не так просто и однозначно в практике употребления форм и литературной кодификации их. В большинстве случаев фиксируются замены именно в обозначенном здесь направлении: женский род → мужской род, например: *метода — метод, протока — проток, брелока — брелок, браслета — браслет, гарнитура — гарнитур, заусеница — заусенец, клавиша — клавиш, ставня — ставень, стерня — стерн, пилястра — пилястр, затора — затор, скирда — скирд, георгина — георгин, плацкарта — плацкарт* и др. Однако даже в этом перечне не все однозначно и определено. Определено только то, что существуют такие варианты и они конкурируют в однозначных контекстах. Есть здесь и окончательные победы (*метод, рельс, браслет*); в других случаях формы разошлись семантически (*гарнитура* — литеры у печатников и *гарнитур* мебельный, *гарнитур* пляжной одежды и т.д.); в третьих — формы различаются функционально (*желатина, прото-*

ка — специальное употребление; *желатин, проток* — бытовое, разговорное).

Практически равноценными признаются варианты: *спазм — спазм, ставня — ставень, вольера — вольер, заусеница — заусенец* и др. Такие колебания в формах рода охватывают широкий круг слов, например, среди существительных на *-а* около 100 слов колеблется между формой женского и мужского рода.

Безнадёжно устаревшими оказались варианты форм женского рода в оппозициях: *анализа — анализ, апогея — апогей, архива — архив, бисквита — бисквит, браслета — браслет, канделябра — канделябр, фарса — фарс, арьергарда — арьергард, санатория — санаторий* и др.

На этом фоне вариантности употребления или окончательной победы форм мужского рода особенно выделяются формы, где перевес оказывается на стороне женского рода: *авантюра* (уст. *авантюр*), *амальгама* (уст. *амальгам*), *амфибия* (уст. *амфибий*), *глюкоза* (уст. *глюкоз*), *мансарда* (уст. *мансард*), *фреска* (уст. *фреск*), *эстафета* (уст. *эстафет*), *юмореска* (уст. *юмореск*), *бацилла* (уст. *бацилл*), *мозаика* (уст. *мозаик*), *терраса* (уст. *террас*) и др.

Формы рода часто имеют разные значения: *жар* (в теле, в печке) — *жара* (зной); *карьер* (место разработки полезных ископаемых и ускоренный галоп) — *карьера* (продвижение по службе); *кегель* (размер типографской литеры) — *кегля* (столбик для игры). В данном случае это уже не варианты форм, а отдельные, самостоятельные слова. Специальное значение имеет и слово *взятка* (медосбор у пчел). Ср. значение слова *взятка*: 1) деньги или материальные ценности, даваемые должностному лицу как подкуп, 2) карты игрока, покрытые старшей картой или козырем партнера. Интересно сопоставление форм звукового комплекса *арабеск*: *арабеск* (фр. *arabesques* — арабский) — одна из основных позиций классического танца; *арабеска* — музыкальная пьеса с прихотливым, богато орнаментированным мелодичным рисунком; *арабески* (форма мн. числа как исходная форма слова) — европейское название орнамента, сложившегося в искусстве мусульманских стран, построенного по принципу ритмического повтора геометрических или растительных мотивов. Еще пример на разные наименования: *Просека в лесу* (или *просек*) и *Майский просек* (название улицы).

Колебания в формах грамматического рода испытывают некоторые существительные на мягкий согласный. В данном случае нельзя даже говорить о предпочтении более кратких форм мужского рода, поскольку исходная форма сохраняется неизменной (мена начинается в косвенных падежах); например: *лебедь, роуль, псалтырь*. Некоторые примеры: *Лебедь белая молчит* (А. Пушкин); *И слава лебедью плыла сквозь золотистый дым* (А. Ахматова). В

современном языке эти слова (*лебедь, рояль*) имеют форму мужского рода, тогда как слово *Псалтырь (Псалтирь)* (книга псалмов) до сих пор употребляется и как существительное женского рода, и как существительное мужского рода: *Старинный Псалтырь в переплете из телячьей кожи* (Труд, 1995, 26 авг.); *Всего две свечечки-то и взял, псалтирь священную почитать* (Б. Акунин);

*Еще кругом ночная мгла,
Еще так рано в мире,
Что звездам в небе нет числа,
И каждая, как день, светла,
И если бы земля могла,
Она бы Пасху проспала
Под чтение Псалтири.*

Б. Пастернак

Некоторые литературные примеры на употребление несовершенной формы грамматического рода: *Полна народу зала* (А. Пушкин); *Ярко и выгнуло вижу тополиный двор, комнаты и закоулки дома, залу, рояль, лестницу, вверх по которой шелестит быстролетным шелком прелестная, навсегда прекрасная Лёра* (Б. Ахмадулина); *Споры филологов из папиного кабинета, как мамина рояль (вся классическая музыка) питали детство, как земля питает росток* (Б. Ахмадулина); *Она только что вернулась из санатории* (В. Набоков); *С ужасом думаю о санатории (любой)* (А. Ахматова); *Смычок запел. И облак душный над нами встал* (А. Блок); *В прочитанном мною стихотворении была строчка: «Как черной рыбой пляшет мой ботинок». Когда я кончил читать, она [А. Ахматова] сказала: «Мы говорили — ботинка»* (А. Найман); *«И ходят листья колесом вокруг туфля»*. Она произнесла: *«Мы бы сказали туфли»* (А. Найман. Рассказы об А. Ахматовой); *На опустевшей ступене... бригада рабочих производила уборку* (В. Кожевников); *Как будто ржавой фильмы плеск — Все тонет в стареньком тумане* (А. Битов); *Никто, однако, не придет! Хоть фильма выше всяких критик...* (А. Битов). Во всех приведенных примерах выделенные слова, по данным современных словарей, относятся к другому грамматическому роду.

Часто колебания в роде испытывают несклоняемые существительные, обычно иноязычного происхождения, типа *болеро, бери-бери, па-де-де, виски, джерси, жабо, каберне, контральто, манго, медресе, пенальти, ралли, салями, сафари, мокко, хинди*. В подобных словах родовая вариантность устраняется. Большинство из них принимает форму среднего рода. Этому способствует формальная аналогия¹. Однако морфологическая невыраженность рода и пере-

¹ См.: Горбачевич К.С. Вариантность слова и языковая норма.

дача этой функции на синтаксический уровень создает все-таки практически, вопреки данным словарей, колебания. Надо сказать, что реальных колебаний вообще значительно больше, нежели это отражено в словарях и пособиях. Но это уже считается нарушением нормы: *очередь за тюлем* (вместо *тюлю*), *покрыть толем* (вместо *толю*), *мыть голову шампунью* (вместо *шампунем*), *пользоваться гелью* (вместо *гелем*) и т.д.

При конкуренции форм грамматического рода обычно соперничают формы мужского и женского рода; женского и среднего рода.

В первом случае, как правило (не всегда!), побеждает форма мужского рода; во втором — форма женского рода. На первый случай приведено уже достаточно примеров, что же касается второго, то здесь также могут быть примеры неоднаправленного движения, например, средний род одержал победу в словах *монисто* (из *мониста*), *повидло* (из *повидла*), *титло* (из *титла*), *чучело* (из *чучела*).

Но тенденция укрепления форм женского рода все-таки очевидна.

Формы грамматического числа

Категория числа в русском языке имеет морфологическую и семантическую значимость. Морфологически она выражается системой падежных окончаний и коррелируется как формы единственного и множественного числа. На семантическом уровне в формах числа отражаются представления о количестве — единичности или множественности, но не существует полной соотнесенности форм множественного и единственного числа в плане предметно-смысловом. Причем в семантическом отношении формы множественного числа более разнообразны по сравнению с семантической системой форм единственного числа. Число имени существительного способно как грамматическая категория отражать значения более сложные, нежели значение количественного сопоставления — единичности и множественности. Так, формы единственного числа, обозначая единичный предмет, в то же время способны указывать на обобщенный смысл и быть выразителем родового понятия (*морозостойкая яблоня продавалась далеко на Север*), т.е. передавать значение класса, вида предметов. Формы множественного числа еще сложнее по системе передаваемых значений.

Формы множественного числа нередко выпадают из корреляции «единственное—множественное» и представляют собой само-

стоятельный лексикографический объект¹. Эти формы, соотносясь с формами единственного числа, передают иные значения, например: качество (*емкость*) и предметы, обладающие этим качеством (*емкости*); действие (*заготовка, высева, высадка*) и предметный результат этого действия (*заготовки, высеки, высадки*); вещество (*масло*) и виды вещества (*масла*). Такое расхождение в значениях препятствует объединению этих форм в пределах одного слова, т.е. это формы разных слов.

В других случаях взаимоотношения форм складываются иначе: они выдержаны в рамках одной лексемы, но значения их одинаковые, т.е. нет соотношения единичности—множественности. В таких случаях в словарях поступают по-разному: заглавной избирается либо одна форма, либо другая, с некоторыми уточнениями, например: *выселок* — небольшой поселок на новом месте, выделенный из другого селения. В словаре С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой (1998) есть замечание — «чаще мн. ч.». И пример приводится именно в форме мн. числа — *поселиться на выселках*. В других случаях, когда сохраняется противопоставленность по единичности—множественности, исходной формой признается то форма мн. числа: *шпроты*, ед. *шпрота* (тот же словарь), то форма ед. числа *чулок (чулки)* выдвигается на первое место, хотя все примеры даются в форме мн. числа: *вязаные, трикотажные чулки; полотняные чулки; шерстяные, шелковые чулки; меховые чулки*. Форма ед. числа фиксируется только во фразеологизме *синий чулок* (тот же словарь). То же со словом *дверь*, о котором сказано, что в том же значении (в одном значении с ед. ч.) употребляется и форма *двери* (пример — *стоять в дверях*): *Но она вдруг поднялась и смахнула несколько фигур. В дверях стоял его отец* (В. Набоков). Зато все названия народностей зафиксированы в словаре в форме мн. числа, формы единств. числа даются в тех же словарных статьях как производные: *чукчи, таджики, тайландцы, манси, мансийцы, лезгины, дунгане* и др.

Таким образом, формы единственного—множественного числа, морфологически противопоставленные (т.е. имеющие выраженное окончанием противопоставление), семантически либо лишаются этой противопоставленности (имеют одинаковое значение), либо меняются местами при установлении исходной и производной форм. Это в рамках единого слова. В других случаях формы реализуют разный смысл разных слов.

¹ Тщательно и подробно рассмотрен этот материал Л.К. Чельцовой в работе «Форма множественного числа имен существительных как исходная форма в лексикографии». См.: Грамматика и норма. — М., 1977, а также в работе «Лексикографические варианты форм числа». См.: Литературная норма и вариантность. — М., 1981.

Формы множественного числа как исходные формы существительных фиксируются, по данным Л.К. Чельцовой, в следующих лексико-грамматических группах слов (примеры выборочные, они не исчерпывают всего перечня):

1. Существительные, называющие национальные, племенные, этнические и другие группы лиц: *абхазы, авары, аджарцы, арабы, башкиры, буряты, венгры, вятичи, голландцы, гунны, данайцы, датчане, индусы, итальянцы, калмыки, канадцы, кельты, марийцы, малороссы, молдаване, немцы, ногойцы, осетины, саксы, семиты, скифы, татары, тунгусы, удмурты, узбеки, финны, французы, хорваты, цыгане, черкесы, чехи, шотландцы, эскимосы, эстонцы, югославы, якуты, японцы.*

2. Существительные, называющие конкретные предметы (обувь, одежду, музыкальные инструменты, спортпринадлежности, части организма человека и животных и т.д.), представленные как пары: *башмаки, бахилы, боты, валенки, калоши, пинетки, сапоги; бретельки, варежки, гольфы, носки, чулки, эпалеты, перчатки; возжжи, наушники, удила, шоры, литавры, ходули; баки, веки, виски, гланды, жабры, усы.*

3. Существительные, называющие обобщенные понятия в области науки: *амебы, бактерии, вирусы, водоросли, каперсы, мигранты, осы, углеводы, хищники, шпроты, ящеры.*

4. Существительные, называющие конкретные предметы и обобщенные понятия, представленные как совокупности: *вириши, двойняшки, доспехи, издержки, пени, прерии, пожитки, родители, трефы.*

5. Существительные, называющие процесс, действие, состояние, представленные как единое сложное явление: *аплодисменты, заморозки, гастроли, неполадки, пререкания, распросы, козни, ужимки.*

6. Существительные, называющие массу вещества или материала: *брызги, кудри, миазмы, молоки, патлы, потроха, харчи, чернила.*

7. Существительные, называющие продукты питания, блюда; остатки, отбросы вещества и др.: *беляши, биточки, клецки, пельмени, голубцы, шкварки, вышкварки, обеды, отброски.*

Описываемые существительные не составляют единой лексико-семантической группы. Соотношение числа в каждой группе слов выявляет специфику реального использования слов в языке: совпадение или несовпадение лексических значений у форм единственного и множественного числа.

На фоне этой пестрой картины соотношения форм выявляются некоторые очевидные тенденции в использовании форм множественного числа.

В группе *отвлеченных имен существительных*, обозначающих качество, действие или состояние, которые, по данным грамматик

середины XX в., не имеют форм множественного числа, начинается процесс опредмечивания и конкретизации, результатом которого оказалось появление форм множественного числа. Этот процесс активизировался к концу XX в. Образование форм множественного числа допускают существительные *мрак, инициатива, ревматизм, акклиматизация, эволюция, энергия, социализм, антагонизм* и т.д., например: *Об идейном родстве обоих социализмов подумать было страшно. Мы не знали, что за нас это сделал комрад Гитлер.* (Изв., 1996, 26 марта); *Свобода открыла краны старым антагонизмам и антипатиям* (Лит. газета, 1990, 7 ноября).

Особенно активны в этом процессе имена на *-ость, -есть* и др.: *договоренности, реальности, вредности, данности, звучности, недосказанности, отвлеченности, проницаемости, неуклюжести*, например: *В той ситуации, когда страна лежала в развалинах, решительная ленинская мысль, решительная политика были обращены к реальностям, замешены на реальностях* (Речь М. Горбачева. Правда, 1988, 11 мая).

Широко представлены формы множественного числа в профессиональной речи, особенно в отглагольных именах, которые в общелитературном языке преимущественно употребляются только в форме единственного числа. Из профессиональной речи формы переходят в общее употребление: *подход — подходы; срыв — срывы; нажим — нажимы; полив — поливы; обрыв — обрывы; прием — приемы; выброс — выбросы* и др. *Нужны новые подходы в овладении экономическими методами управления* (Коммунист, 1988, № 7).

Формы множественного числа стали появляться у слов *singularia tantum*: *дорогие водки, мелкие бизнесы, предпринимательские риски, прямые эфиры*. Такие слова отличаются от ряда подобных современной координацией форм числа (*водка — водки*). В других случаях формы множественного числа передают иные значения, следовательно, расходятся лексически (разные слова): *гонка — гонки, бег — бега, схватка — схватки, грязь — грязи, хлеб — хлеба (хлебы — готовые изделия; хлеба — злаки на корню)*.

Усилившаяся в последнее время тенденция к употреблению форм множественного числа от имен вещественных, особенно в профессиональной речи, также свидетельствует об осложненности этого процесса. Формы множественного числа у этих слов трансформируют значение множественности, это семантически скорее именование неких совокупностей (сортов, разновидностей): *нефти, бензины, мраморы, граниты, газы, олифы, пшеницы, ржи, карамели, ветчины, колбасы, сахара, масла, черноземы, автолы, смолы* и др. В традиционных грамматиках и практических стилистических рекомендациях подобные слова употреблять только в форме единственного числа.

Форма множественного числа (почти без корреляции с формой единственного числа) окончательно закрепились в сложных наименованиях типа: *лесозаготовки, хлебопродукты, хлебопоставки, сенопоставки, хлопкозаготовки, промтовары, стройматериалы, нефтепродукты, хлебозакупки, велогонки* и др. Словари последних лет такие слова фиксируют в форме множественного числа. Формы сложных слов с отлагольной частью в конце (*поставки, заготовки, закупки*) обозначают сложное, многоактное действие; слова с составной частью *товары, материалы, продукты* обозначают совокупности разных предметов (не множественность одних и тех же предметов). Слова, в составе которых имеется часть *гонки (велогонки, мотогонки)* являются общим названием действия как такового (не несколько действий); форма единственного числа (*велогонка, мотогонка*) употребляется гораздо реже, лишь в спортивных репортажах в связи с конкретным состязанием.

Таким образом, значения вещественных существительных при наличии форм множественного числа трансформируются: значение собственно множественности (некоторое количество однозначных предметов) исчезает, вытесняясь значением совокупности разновидностей предметов.

В сложных наименованиях формы множественного числа либо также передают значение совокупности разных предметов (*промтовары*), либо имеют значение сложного, многоактного действия (*лесозаготовки*), либо являются общим наименованием действия как вида состязания (*велогонки*).

Формирование категории множественного числа у существительных абстрактных, вещественных и отлагольных можно считать активным процессом современного русского языка, причем процессом, усиливающим связи морфологии и семантики: появляющиеся формы множественного числа значительно трансформируются по выражаемому ими значению. Более того, в некоторых случаях форма единственного числа может вообще выйти из употребления (*вириши, издержки, пожитки*).

Формы множественного числа настолько активны, что даже в случаях отсутствия значения множественности они становятся наименованиями предметов наравне с формами единственного числа, в таких случаях нет семантической противопоставленности единственного и множественного числа, а имеются однозначные наименования соответствующего предмета, т.е. вариантные формы: *антресоли — антресоль, кружева — кружево, вериги — верига, ширмы — ширма, сходни — сходня, катакомбы — катакомба* и др. Эти слова в словарях обычно подаются в форме множественного числа, далее как производная фиксируется форма единственного числа (см., например, С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова, 1998); в неко-

торых случаях имеется пояснение, как, например, в словарной статье «кружева»: ед. в одном значении с мн. (см. там же).

Усиление вариантности форм числа в некоторых семантических группах существительных (две формы и одно значение), а также расширение функций формы множественного числа (семантический выход формы множественного числа из сопоставительной пары единственное—множественное число со значением единичности и множественности), а также появление форм множественного числа у существительных *singularia tantum* — относительно новые явления в современном литературном языке, усилившиеся к концу XX в. Хотя спорадически эти формы появлялись и в более ранние периоды, ср., например, у А. Пушкина: *В городе много говорят о страшном происшествии в одном из домов, принадлежащих ведомству придворной конюшни, мебели вздумали двигаться и прыгать; дело пошло по начальству. Кн. В. Долгоруков нарядил следствие. Один из чиновников призвал попа, но во время молебна стулья и столы не хотели стоять смиренно. Об этом идут разные толки* (Дневник); у И. Тургенева: *Его уносило в древний мир, и он рассуждал об эгинских мраморах.*

Смещения в употреблении форм числа сопровождаются семантическими и отчасти стилистическими преобразованиями. Наиболее заметны изменения в группах существительных, которые традиционно относились к именам, имеющим одну форму числа, — *singularia tantum* и *pluralia tantum*, т.е. в какой-то мере идет выравнивание имен существительных по признаку грамматического числа, с одной стороны (имен с двумя формами становится больше), и, с другой стороны, формы числа обогащаются новыми значениями и новыми стилистическими характеристиками, например, есть отличия в употреблении форм множественного числа в профессиональной речи в сравнении с общелитературной нормой.

Изменения в падежных формах

Тенденция к несклоняемости имен, сокращение падежей, приведшие к вариантности падежных окончаний, серьезно сказались на общей падежной системе существительных. Эволюционные смещения постепенно привели к заметным изменениям в системе окончаний некоторых классов слов. Стимулировались эти процессы рядом факторов, в том числе и социального характера, в частности, более свободным отношением к традиционной литературной норме, влиянием профессиональной речи как сферы языка, все более расширяющей и закрепляющей свои позиции в общей системе языка. Именно в этой сфере функционирования языка обнаруживает себя влияние разговорной речи, здесь активнее,

в силу социальных причин, проявляется действие закона речевой экономии, закона аналогии и т.п. Это привело к некоторым колебаниям в употреблении падежных форм отдельных разрядов существительных, а колебания выявили преимущества одних форм перед другими и в результате наметились очевидные тенденции.

Особенно устойчивыми колебания оказались в формах именительного и родительного падежей у существительных мужского рода на твердый согласный. В меньшем объеме колебания затронули формы существительных женского рода на мягкий согласный и среднего рода на *-ье*.

Колебание форм именительного падежа типа *инженеры — инженера* затронуло многие имена мужского рода. Причем формы на *-а*, более «молодые», в ряде имен вполне закрепились. Процесс вытеснения форм на *-и*, *-ы* наблюдался еще в течение XIX в. (ср. у А. Пушкина: *И огонь их дома истребил*). Особенно формы на *-а* были активны в 70—80-е годы XIX в.: *гетмана, лектора, оратора, служителя*. Ср.:

*Я классик? Да, но до известной меры:
Я не хочу, чтоб росчерком пера
Принуждены все были землемеры,
Механики, купцы, кондуктора
Долбить Вергилия или Гомера,
Избави бог, — теперь не та пора.*

А.К. Толстой

Затем процесс затих в результате нормализаторской практики. Однако в течение XX в. шел скачкообразно.

Современный литературный язык, в силу очень тесных связей с профессиональной речью и речью разговорной, которые и являются источником форм на *-а*, активно принимает их в свой состав: *трактора, профессора, учителя, инспектора, крейсера, прожектора, катера* и др.

Соотношение форм в современном русском языке неоднозначно: 1) варианты формы в рамках литературного языка: *годы — года; тамы — тама; прожекторы — прожектора; вексели — векселя*; 2) приняты литературным языком формы *профессора, учителя*; их варианты стилистически отмечены: *профессоры, учителя (школьные учителя, но: учителя поколений)*; 3) функционально различаются формы литературные: *редакторы, корректоры, дизели, торты, шлюзы, горны, супы, слесари, пекари, теноры* — и формы, свойственные профессиональной речи: *редактора, корректора, дизеля, торта, шлюза, горна, супа, слесаря, пекаря, тенора*; 4) варианты различаются стилистически — литературно-книжные и разговорные или просторечные: *договоры — договора, директора — директора, бойлеры — бойлера*.

Как видим, норма в формах на *-а*, *-ы(и)* на сегодняшний день далека от стабильности. Направления в движении форм очевидны, но процесс стабилизации далек от завершенности, он дает пока разные результаты в разных словах. При конкуренции вариантных форм картина складывается примерно следующим образом: формы на *-а* активно внедряются в литературный язык; при окончательном вхождении форм на *-а* в литературный язык формы на *-ы(-и)* приобретают оттенок книжности, иногда помечаются в словарях как устаревшие; реже и те и другие формы выступают как равноценные, нейтральные; находясь на периферии языка, т.е. в рамках профессиональной речи, формы на *-ы* постепенно находят пути в литературный язык или оседают в просторечии.

Может сложиться и другая ситуация: формы расходятся семантически, тогда стилистический аспект снимается, например: *купола* — *купола*, *лагери* — *лагеря*, *кондукторы* — *кондуктора*, *цветы* — *цвета*, *тормозы* — *тормоза*, *ордена* (рыцарские) — *ордена* (знаки отличия), *рупоры* — *рупора*, *пропуски* — *пропуска*, *хлебы* — *хлеба*, *счеты* — *счета* и др.

При очевидном размежевании форм в функционально-стилистическом или семантическом плане в большинстве случаев наблюдаются еще формы явно колеблющиеся, не определившие своих стилистических или семантических качеств окончательно. На конкуренцию форм в этом случае оказывает влияние либо акцентологический фактор: в именах с накорневым ударением чаще сохраняется форма на *-ы*; в именах с ударением на окончании — форма на *-а*: ср. склонение слов *тра́кторы* (и *цеха́*), либо семантический: имена с предметным значением легче принимают форму на *-а* (*стапеля*, *бункера*, *сектора*, *свитера*); названия лиц сохраняют окончания *-ы(-и)* (*цензоры*, *слесари*, *бухгалтеры*, *токари*) в литературном языке. Определенную роль играет и состав слов — односложность, двусложность или многосложность. Односложные имена быстрее переходят на новую форму (*цех* — *цеха*), многие из них старую форму утратили окончательно и давно (*дом* — *дома*); двусложные и тем более трехсложные имена труднее перестраиваются (мощным оказывается акцентологический фактор), ср.: *примусы* — *примуса* (преимущественно *примусы*), *плинтусы* — *плинтуса* (преимущественно *плинтусы*), но только: *ребусы*, *градусы*, *глобусы*, *кактусы* и другие, особенно оканчивающиеся на *-с*¹.

На общем фоне еще окончательно не сложившейся нормы все отчетливее проявляется процесс вытеснения форм на *-ы(-и)* формами на *-а(-я)*. Особенно большой наплыв разговорных форм отмечается в газетном языке. Здесь можно встретить формы, которые

¹ См.: Горбачевич К.С. Вариантность слова и языковая норма. С. 184.

до сих пор квалифицируются как нелитературные, причем часто и те и другие путаются в употреблении. Некоторые примеры:

— *Нужны ли документы, подтверждающие расходы на строительство и покупку?*

— *Обязательны. Это могут быть договоры с юридическими и физическими лицами на строительство домов, дач и т.д., счета на приобретение стройматериалов, кредитные договора, квитанции к приходному кассовому ордеру на погашение кредита, другие документы (АиФ, 1993, № 13); Существует в стране и еще одна печать — президентская. Ее ставят на ратификационных грамотах в тех случаях, когда международные договоры утверждает (ратифицирует) парламент (МК, 1993, 17 апреля); Для многих страховых компаний гарантией высокого качества медицинского обслуживания являются прямые договоры о сотрудничестве, заключенные с ведущими медицинскими центрами и институтами России (АиФ, 1992, № 40); Директора города распределили часть акций между своими сотрудниками (МК, 1993, 18 мая); Смотрю на правительство — ни юристов, ни экономистов. Директоры. Смотрю на президентский совет — ни адвокатов, ни врачей. Литературоведы (МК, 1993, 18 мая).*

Итак, борьба между окончаниями *-ы/-а* протекает по-разному и неравномерно в разных группах слов. В словах, где употребительность формы на *-а* велика, там она еще более увеличивается; где эта форма по употребительности низка, там она еще более уменьшается. Процесс стабилизации и нормализации окончания *-а* стимулируется профессионально-технической речью, элементы которой часто расширяют сферу своего применения. Пример из В. Высоцкого («Охота на волков»):

*Не на равных играют с волками
Егеря, но не дрогнет рука!
Оградив нам свободу флажками,
Бьют уверенно, наверняка.*

Кстати, формы *егери* — *егеря* С.И. Ожегов и Н.Ю. Шведова (Словарь, 1998) дают как равноправные варианты.

Второй падеж, который дает большой процент колебания форм, — это *родительный множественного числа*. Здесь намечается явная конкуренция окончаний *-ов/-* (нулевое окончание). Судя по тому, что нулевая флексия приходит на смену окончания *-ов*, можно проследить в данном конкретном случае действие закона речевой экономии. Конкуренция форм очевидна, как очевидно и то, что до сих пор рекомендации по поводу употребления тех или других форм не сложились в единую непротиворечивую систему. Поэтому можно говорить об определенных тенденциях в разных группах имен и отчасти о стилистических расхождениях тех и других форм. Как и в других случаях, новая форма (в данном случае

нулевое окончание), зарождаясь в разговорной речи, завоевывает себе права в литературном языке, часто проходя через стадию профессионального употребления в терминологической речи.

Вариантность форм родительного падежа множественного числа охватывает разные группы имен существительных: в одних случаях побеждает нулевое окончание, в других — исконное окончание *-ов/-ев*. В.В. Виноградов считал, что предпосылкой вариантности здесь явилось смешение типов склонения во множественном числе¹, т.е. колебания в роде существительных: *рельс* дает *рельсов*; *рельса* — *рельс*; *спазм* дает *спазмов*, *спазма* — *спазм*. В этом логичном предположении смущает одно: дело в том, что в парах *рельс* — *рельса*, *спазм* — *спазма* первичными являются формы женского рода, а формы родительного падежа сопоставлены противоположным образом, т.е. начальные формы *-ов*, приходящие на смену — нулевые окончания.

Варианты с нулевым окончанием засвидетельствованы в разновидностях существительных:

1) в названиях лиц по национальному признаку. Как правило, это названия, имеющие заглавную форму множественного числа: *грузины* — *грузин* (вместо *грузинов*); *туркмены* — *туркмен* (и *туркменов*); *хорваты* — *хорват* (вместо *хорватов*); *буряты* — *бурят* (и *бурятов*); *башкиры* — *башкир* (и *башкиров*); *татары* — *татар* (и *татаров*); *авары* — *авар* (и *аваров*); но: *аварцы* — *аварцев*; *алеуты* — *алеутов*; *аджарцы* — *аджарцев*; *азиаты* — *азиатов*; *варяги* — *варягов*. Прослеживается некоторая закономерность: названия, оканчивающиеся на *-цы*, имеют только формы *-ев* (*аварцы* — *аварцев*; *итальянцы* — *итальянцев*); формы на *-ане/-яне* имеют нулевое окончание — *англичане* — *англичан*, *израильтяне* — *израильтян*. В других случаях закономерность не просматривается;

2) в названиях плодов, фруктов, овощей: *апельсин* (и *апельсинов*), *мандарин* (и *мандаринов*), *яблоко* (и *яблоков*), *баклажан* (и *баклажанов*), *помидор* (и *помидоров*); но только *лимонов*, *ананасов*, *фиников*, *артишоков*, *бананов*, *арбузов*;

3) в названиях парных предметов нулевая флексия прослеживается более последовательно: *кальсоны* — *кальсон*; *сапоги* — *сапог*, *чулки* — *чулок*; *шаровары* — *шаровар* (формы *сапогов*, *чулков*, *шароваров* ощущаются как устаревшие, хотя форма *носок* (вместо ожидаемой *носок*) признается литературной нормой. Сравнительно недавние заимствования ориентируются на новую нулевую флексию (*бот*, *кед*, *гальф*), хотя многие из подобных слов имеют до сих пор варианты формы (*рейтуз* — *рейтузов*), другие — только окончание *-ов* (*эполетов*), третьи — только нулевую флексию (*ногон*, *калготок*);

¹ См.: Виноградов В.В. Русский язык. — М., 1972.

4) у названий единиц измерения нулевые флексии утверждаются более последовательно: *грамм, килограмм, ампер, вольт, ом, рентген*. Формы типа *рентгенов* выглядят хотя и традиционно, но искусственно; попеременно употребляются формы *граммов* и *грамм*;

5) у существительных женского рода на *-ня, -ля* (*басня, вафля*) нулевая флексия преобладает, окончание *-ей* идет на убыль: *басен, вафель, простынь, башен, кухня, пустынь, сабель, спален, часовен*. Могут, значительно реже, сохраняться варианты пары: *косуль — косулей, лютен — лютней*; многие слова данной группы не принимают нулевой флексии: *западней, квашиней, клешней, наздрей* и др.;

6) у существительных среднего рода (*ущелье, гнездовье, желание*) форма на *-ий* почти окончательно вытеснила формы на *-ев*: *ожерелий, обвятий, нагорий, варений, ущелий*; варианты типа *побережье* — *побережий* крайне редки;

7) у существительных среднего рода на *-це* значительно сузилась вариантность форм родительного падежа множественного числа; нулевая флексия, можно считать, победила: *полотенец, одеялец, солнц, сердец*. По данным К.С. Горбачевича¹, в современном русском языке вариантность сохранилась только в словах: *волоконце, донце, копытце, поленце, щупальце*; в «Русском орфографическом словаре» под ред. В.В. Лопатина (М., 1999) также эти слова имеют обе формы как равнозначные: *волоконцев — волоконец; донцев — донец; копытцев — копытец; поленцев — поленец; щупальцев — щупалец*;

8) у существительных *pluralia tantum* норма крайне неустойчива: *выселки — выселок и выселков; грабли — грабель и граблей; пожитки — пожиток и пожитков*. Словари расходятся в своих рекомендациях относительно данных форм. В Словаре С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой (1998) заглавной избирается форма ед. числа *выселок*, далее дается замечание — чаще мн. (т.е. *выселки*), формы родительного множественного при этом нет; при форме *грабли* даны варианты: *грабель* (на первом месте) и *граблей*; при слове *пожитки* указана только форма *пожитков* с пометой «разговорное»; при слове *объедки* — только форма *объедков* с пометой «разговорное».

Как видно из примеров и данных словарей, вариантность окончаний — явление живое, активное, хотя общая унификация форм в настоящее время очевидна. В разных группах слов она проходит по-разному, с разными темпами и с разным объемом охвата лексического материала. При длительном сохранении параллельных форм они дифференцируются стилистически.

¹ Вариантность слова и языковая норма. С. 195.

Изменения в глагольных формах

Морфологические изменения коснулись и ряда глагольных форм. Особенно показательны колебания в приставочных глаголах прошедшего времени с суффиксом *-ну* (*л*). Здесь явно наметился процесс вытеснения форм суффиксальных краткими: *достигнул* — *достиг, достигли*; *озябнул* — *озяб, озябли*; *повиснул* — *повис, повисли*; *вымокнул* — *вымок, вымокли*; *воздвигнул* — *воздвиг, воздвигли*; *промокнул* — *промок, промокли*; *ввернул* — *вверг, ввергли*; *воскреснул* — *воскрес, воскресли*. Этот процесс затронул и беспривставочные глаголы (*сохнул* — *сох, гаснул* — *гас, гасли*). В приставочных глаголах процесс практически закончился¹. Словари в основном помечают формы с *-ну-* как устаревшие, хотя С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова (1998) дают обе формы: *гас* и *гаснул*, *сох* и *сохнул*; в то же время при приставочных образованиях формы с *-ну-* даже не упоминаются: *промокнуть* — *промок*; *воздвигнуть* — *воздвиг*; *амерзнуть* — *амерз*; *озябнуть* — *озяб*; *воскреснуть* — *воскрес*. В принципе таких глаголов с *-ну-*, которые способны образовывать варианты формы в прошедшем времени или окончательно принять бессуффиксную форму, не так уж много, причем чаще это происходит с глаголами совершенного вида, неосложненными специфическими значениями однократности или мгновенности действия (типа *вскрикнуть*, *взгустнуть*). Последние формы не способны утрачивать при словоизменении суффикс *-ну-* как семантически очень значимый (*вскрикнул*, *взвизгнул*, *взгустнул*). Как и во многих других случаях морфологические изменения тесно связаны с семантикой форм.

В плане речевой экономии интересны и некоторые другие глагольные формы. Но они не столь богаты по охвату материала. Это изменения в формах инфинитива и повелительного наклонения. Например, при вариантности форм *достигнуть* — *достичь*, *постигнуть* — *постичь*, а также *произнести* — *произнесть*, *зацвести* — *зацвесть*; или форм *откупори* — *откупорь*, *напой* — *напой*, *выкрой* — *выкрой* вторые варианты в парах более экономны, но они в большей части имеют разговорный и просторечный оттенок. В рамках литературного языка они неконкурентны, хотя некоторые из них (например, *достичь*, *постичь*) Словарь С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой (1998) дает на одном уровне — нейтральном, более того, формы *достичь*, *постичь* занимают первую позицию в словарных статьях.

Большим стимулом для изменения морфологических форм оказывается аналогия, когда малопродуктивные формы подчиняются продуктивным, служащим в данном случае образцом для подража-

¹ Граудина Л.К. Вопросы нормализации русского языка. С. 209—210.

ния, причем, конечно, это в первую очередь происходит в живой разговорной речи (или просторечии) и только со временем принимается литературным языком. Например, непродуктивные группы глаголов с чередованием согласных при формообразовании могут утратить это исконное свое качество, приняв формы, свойственные продуктивным классам: *брызгать* — *брызжет* и *брызгает*; *двигать* — *движет* и *двигает*; *полоскать* — *полощет* и *полоскает*; *махать* — *машет* и *машает*; *плескать* — *плещет* и *плескает*. Вторые формы сравнительно новые, они явно вытесняют первые формы, особенно в разговорно-бытовых контекстах. В ряде случаев такие формы окончательно утвердились: *мяукает* (вместо *мяучит*), *мурлыкает* (вместо *мурлычет*). Словарь С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой (1998) дает только форму *мяукает*, но у глагола *мурлыкать* фиксирует литературную форму *мурлычет* (-*ычешь*) и разговорную *мурлыкает* (-*ыкаешь*).

При вариантах *плескать* — *плещет* и *плескает*, *рыскать* — *рыщет* и *рыскает*, *полоскать* — *полощет* и *полоскает*, *хлестать* — *хлещет* и *хлестает* большая распространенность вторых образований, по продуктивным моделям, подтверждается и образованием соответствующих деепричастий: *плеская*, *рыская*, *полоская*, *хлестая* (ср. явно устаревшие формы: *плеща*, *рыща*, *полоща*, *хлеща*), но у глаголов с основой на губной и деепричастия сохраняют непродуктивную форму: *дремля*, *колебля*, *сыпля*, *трепля*, *щипля*¹ (ср.: *дремлешь*, *колеблешь*, *сыплешь*, *треплешь*, *щиплешь*, а не *дремаешь* и т.д.).

Довольно ярким явлением в области глагольных форм стала замена корневого *-о-* на *-а-* в глаголах несовершенного вида с суффиксом — *ыва-* (*-ива-*) типа *оспоривать* — *оспаривать*. Здесь можно выделить три случая: 1) замена *-о-* на *-а-* стала окончательной; 2) формы с *-о-* и *-а-* колеблются в употреблении; 3) замены не произошло. Тенденция к заменам *-о-* на *-а-* наблюдается в течение XIX в. и активизировалась в XX в. К концу XX в. многие старые формы исчезли вовсе (у Карамзина — *настроивать*, *присвоивать*; у Пушкина — *оспоривать*, *разработывать*; у А.Н. Толстого — *дотрогиваться* и др.):

1) форма с *-а-* утвердилась окончательно у приставочных глаголов несовершенного вида: *притормаживать*, *заготавливать*, *осваивать*, *отстраивать*, *оспаривать*, *успокаивать*, *удваивать*, *одалживать*, *затрагивать* и др.;

2) формы до сих пор колеблются в употреблении: *подытоживать* — *подытаживать*, *обусловливать* — *обуславливать*, *заболочивать* — *заболочивать*, *уполномочивать* — *уполномачивать*, *удостоивать* — *удостаивать* и др.;

¹ См. примеры в кн.: Граудина Л.К. Вопросы нормализации русского языка. С. 212–213.

3) старая форма в отдельных случаях сохраняется как единственная: *отсрочивать, опошливать, упрочивать, наморщивать* и некоторые др.

Причина длительного в истории русского глагола процесса очевидно связана с закономерной сопоставимостью глаголов совершенного и несовершенного вида. Парные в отношении вида глаголы различаются корневыми *-о-* и *-а-*: *выпорхнуть — вытархивать, доработать — дорабатывать*. Здесь, видимо, таится секрет глубинной связи лексико-семантических, грамматических и даже фонологических значений. Несовершенный вид как грамматическая категория обозначает незавершенность, длительность действия. Значение завершенности и кратности действия связано с формами совершенного вида. Звук *а* по своим специфическим характеристикам более, чем звук *о*, подходит для выражения значения длительности. Поэтому он оказался в соответствующих формах глагола более перспективным, так как адекватен передаваемому значению — длительности, незавершенности. Получилось так, что корневая морфема (ср. сов. вид — *удостоить, оспорить, заболотить*) оказалась неадекватной передаваемому значению несовершенного вида — возникло одно из противоречий, которыми в принципе полон язык и от которого требовалось освободиться, что и произошло и происходит.

Некоторые изменения в формах прилагательных

Изменениям подвержены и некоторые формы прилагательных. Так, синтетические формы сравнительной степени прилагательных все более склоняются к предпочтению форм с фонетической редукцией: *яснее — ясней, бодрее — бодрей, смелее — смелей, сочнее — сочней, виднее — видней, темнее — темней, живее — живей, краснее — красней*. Особенно редукция окончания прослеживается в устной речи, но она явно возрастает и в речи книжно-письменной.

Среди прилагательных на *-енный* в краткой форме заметно стремление к усечению формы, как более экономной и потому более удобной. Однако круг таких усеченных прилагательных невелик, процесс замены идет крайне осторожно. Такие формы сохраняют книжный облик образующих полных форм. Некоторые примеры: *естественен — естествен, свойственен — свойствен, ответственен — ответствен, родственен — родствен, невежественен — невежествен, таинственен — таинствен, торжественен — торжествен*. В большинстве случаев усеченные формы недопустимы у прилагательных с ударением на суффиксальной части: *почтё-*

нен, несомнѣнен, современен, незабвѣнен, свящѣнен и др. Далеко не все прилагательные и с накорневым ударением способны принимать усеченные формы: см., например, неоправданное употребление формы: *Анатолий Борисович* [Чубайс], *мягко говоря, не искрен* (МК, 1997, 9 янв.).

* * *

Заключая выборочное рассмотрение процессов в области морфологии языка, сравнение вариантных форм уходящих и приходящих им на смену, можно еще раз подчеркнуть основные тенденции, так или иначе обозначившиеся в современном русском языке, проходящие с разной степенью интенсивности, разных по времени протекания и результативности, но вполне очевидных и по каким-то показателям схожих по разным частям речи и их формам. Это явное нарастание в языке аналитических черт; предпочтение более экономным средствам выражения; при избыточной вариантности форм стремление к возможной унификации; активное действие закона аналогии при становлении новых форм и, наконец, явное вхождение в нейтральный литературный фонд морфологических средств фактов живой разговорной речи.

Таково общее направление в эволюции морфологических форм. Что же касается точного соотношения употребительности традиционных форм и приходящих им на смену, то здесь с выводами все обстоит гораздо сложнее и неопределеннее. Эти процессы не равновелики ни по хронологическим этапам прохождения эволюции, ни по количественным показателям среди сопоставляемых конкурирующих вариантных форм. Более того, даже в рамках одного из процессов смены форм, в одной группе вариантов, например, среди несклоняемых форм топонимических наименований, не удастся без достаточного статистического материала определить четкие показатели по отдельным группам лексем. Так, среди топонимов разных по форме нарастание несклоняемости идет с разной степенью интенсивности, ср.: *в Курске, в городе Курск* и *в городе Курске*; *в Пушкине, в городе Пушкино*; *в Вязьме, в городе Вязьма*; *в Гродно, в городе Гродно*; *в Светлом, в городе Светлый* и *в городе Светлом* и др.¹ Частотность употребительности вариантов внутри вариантных соотношений (традиционного и нового) может оказаться неопределенной, и потому граница нормативности — крайне зыбкой. Нужны надежные по количеству статистические данные, причем по разным сферам функционирования языка.

¹ Граудина Л.К. Вопросы нормализации русского языка. С. 275.

АКТИВНЫЕ ПРОЦЕССЫ В СИНТАКСИСЕ

Синтаксис относится к такому ярусу языковой системы, который характеризуется сравнительно небольшой восприимчивостью к внешним влияниям и медленной изменяемостью. Однако нельзя сказать, что эти изменения целиком обязаны действию внутренних закономерностей и никак не связаны с социальными причинами. Изменения в синтаксисе как особом уровне языковой системы естественно отличаются своеобразием: с одной стороны, синтаксис как часть грамматики в высшей степени устойчив и стабилен, с другой стороны, в отличие, например, от морфологии, он более вариативен и подвижен; более того, многие семантические процессы, активно протекающие в таком подвижном звене языковой системы, как лексика, осуществляются именно благодаря синтаксису, так как функционируют лексические единицы в строе предложения и словосочетания. Своеобразно в синтаксисе и взаимодействие внешних и внутренних (системных) факторов развития языка. Взаимодействие это ощутимо. Отмечается, в частности, зависимость синтаксических изменений от таких социальных факторов, как развитие средств массовой информации (радио, телевидение, печать), расширение устных контактов. Естественно, что в лексике роль внешнего толчка сильнее, но и синтаксису она вовсе не чужда. Даже общий синтаксический облик речи, в частности, в письменном ее варианте, в наше время иной, чем, например, в XIX в. От непрерывности синтаксической цепочки (синтагматики), яркой выраженности подчинительных отношений (система флексий и служебных слов) мы пришли к актуализированным построениям с имплицитно представленными синтаксическими связями (без специальных сигналов этих связей), к расчлененности грамматических структур, предельной самостоятельности отдельных их компонентов.

Тенденция к аналитизму в современном русском языке затронула всю грамматику — от морфологии до синтаксиса. Более того, аналитизм, обнаруживаемый в сфере морфологии, на уровне форм слова, проявляется именно в синтаксисе. «Нет формы, — учил А.А. Потебня, — присутствие и функции коей узнавались бы ина-

че, как по смыслу, т.е. по связи ее с другими словами и формами в речи и языке»¹. Тенденция к аналитизму становится очевидной и возможной в строе предложения. Почему, например, оказываются излишними указания на падеж в самой словоформе, с помощью окончания? Потому что позиция словоформы в предложении и связи ее с другими словоформами определяют ее функцию, роль и значение. Следовательно, чисто морфологического аналитизма быть не может: он обнаруживает себя в синтаксисе. «В синтаксисе приводятся в движение все... силы слова...; тут получают живое отношение все формы языка, им себе прежде данные»². Грамматические значения появляются в результате разнообразного употребления, в употреблении они шлифуются (путь от речи к языку, системе). Значит, они познаются в синтаксисе, но не остаются в нем, а выходят на морфологическую «поверхность» языка. Шахматовская идея «категория грамматическая познается в синтаксисе» оказалась плодотворной, достаточно вспомнить историю формирования наречия как части речи. Она, идея, в частности, лежит в основе труда Мещанинова «Части речи и члены предложения».

Социальные факторы влияют на синтаксис путем активизации разговорных синтаксических конструкций. В то же время аналитизм как ведущая тенденция в современной грамматике относится к явлениям внутреннего характера, стимулируемым системными преобразованиями в грамматике. В современном синтаксисе эти две мощные тенденции оказались по своему действию однонаправленными.

Синтаксические построения становятся все более расчлененными, фрагментарными; формальные синтаксические связи — ослабленными, свободными, а это в свою очередь повышает роль контекста, внутри отдельных синтаксических единиц — роль порядка слов, акцентных выделений; повышение роли имплицитных выразителей связи приводит к словесной сжатости синтаксических единиц и, как следствие, к их смысловой емкости. Современный синтаксис, в отличие от классической своей формы, сложившейся к началу XX в., с преобладающими эксплицитными связями и отношениями, меняет свой общий ритмико-мелодический облик: резко сокращается длина предложений-высказываний; грамматические рамки предложения как основной синтаксической единицы нарушаются путем возможного отчленения компонентов этого предложения; свободные синтаксические связи типа примыкания,

¹ Из записок по русской грамматике. — М., 1977. Т. 4. С. 45.

² Аксаков К. С. Ломоносов в истории русской литературы и русского языка // Полн. собр. соч. Т. 2. — М., 1875. С. 160.

соположения активизируются, оттесняя формально выраженные подчинительные связи; все большее место занимают синтаксические построения, экспрессивность которых заложена в самой грамматической структуре, а не создается подбором соответствующих лексем.

Расчлененность и сегментированность синтаксических построений

Одной из тенденций в современном русском синтаксисе, достаточно четко определившейся, является расширение круга расчлененных и сегментированных синтаксических построений. Основная причина данного явления — усиление влияния разговорного синтаксиса на письменную речь, главным результатом которого оказался отход от «классических», синтагматически¹ выверенных синтаксических конструкций, с открыто выраженными подчинительными связями и относительной законченностью грамматической структуры. В таком синтаксисе соблюдаются границы предложения и синтаксические связи внутри предложения. Существовая параллельно и отчасти приходя на смену такому синтаксису, все более активизируется и «захватывает позиции» в литературе синтаксис актуализированный — с расчлененным грамматическим составом предложения, с выдвиганием семантически значимых компонентов предложения в актуальные позиции, с нарушением синтагматических цепочек, с тяготением к аналитическому типу выражения грамматических значений. Все эти качества синтаксического строя в избытке представлены в синтаксисе разговорном, обращение к которому со стороны книжного синтаксиса опирается на внутренние возможности языка и поддерживается социальными факторами времени.

Разговорный синтаксис как достаточно своеобразный феномен устной речи не поддается адекватному воспроизведению в речи письменной (естественно, без применения специальных обозначений в исследовательских целях). Такая запись текста обязательно потребует расшифровки, «перевода» с учетом действующих в языке правил грамматики и пунктуации, так как оттенки интонаций, степень длительности пауз, разводящих слова и указывающих на их позицию в высказывании, подчас заключают в себе больше смысла, чем наличествующие в речи слова и сочетания слов. Особенно затруднительными оказываются обозначения связей слов, если они не выражены лексически и грамматически. Разговорный синтаксис имеет свои нормы и особенности.

¹ *Акимова Г.Н.* Новое в синтаксисе современного русского языка. — М., 1990.

Вместе с тем, при обращении к письменным литературным произведениям отмечаются черты, явно свойственные иной, не книжной форме речи. Как правило, это оценивается как влияние разговорной речи, хотя вполне ощутимо, что это не точная копия того, что характерно устной форме реализации языка. Исстари существуя, в принципе, параллельно, разговорный и книжный синтаксис наконец-то встретились по-настоящему, дав вполне заметный результат — некое гибридное явление. Классический книжный синтаксис под мощным воздействием живой устной речи освободил себя от жесткости традиционных правил сочетаемости компонентов высказывания. В свою очередь и разговорный синтаксис в письменном варианте видоизменился, подчиняясь новой сфере своего применения, закономерностям построения письменного текста.

Таким образом и возникла проблема выявления путей вхождения разговорных конструкций в книжную письменную речь.

В современной письменной речи можно отметить два факта:

1) разговорные конструкции составляют больший или меньший процент синтаксических структур (процент зависит от характера текста и его назначения); сплошь разговорная речь в письменном тексте маловероятна;

2) конструкции эти явно вторичны, воспроизведены не в первоизданном виде; в любом случае это имитация.

Последний факт приводит к необходимости выявления и осмысления путей вхождения разговорных структур в письменную речь, интуитивно нащупываемых приемов включения их в текст. В принципе, это новые структуры, имитирующие стадию перехода от разговорности к книжности. Они-то и включаются на правах системных в синтаксис, становясь не только фактом речи, но и языка.

О «разговорности языка» (в основном, его синтаксического строя) писал еще К.С. Аксаков, характеризуя письменный язык «донационального» времени (до 2-й половины XVII в.)¹. Позднее, в XVIII в., когда создается новый тип литературного языка, начинает складываться так называемая «тяжелая конструкция», неудобная для обычного разговора². Это движение синтаксиса от «пишущегося разговора» (выражение К.С. Аксакова) к интеллектуализации литературного языка зафиксировано и в трудах представителей Пражской лингвистической школы³. Грамматически это

¹ Аксаков К.С. Ломоносов в истории русской литературы и русского языка // Полн. собр. соч. — М., 1875. Т. 2.

² Акимова Г.Н. Новое в синтаксисе современного русского языка. С. 7—9.

³ Гауранек Б. Задачи литературного языка и его культуры // Пражский лингвистический кружок. — М., 1967.

выражается в усилении синтетичности синтаксического строя языка. Синтетизм во второй половине XVIII — начале XIX вв. достигает своего предела. Это обнаруживается в четкости проявления подчинительных синтаксических связей и отношений, получающих эксплицитное выражение. Такой синтетизм начинает постепенно ослабевать со времен Н.М. Карамзина, и особенно А.С. Пушкина¹. Однако синтаксически развернутая, логизированная фраза с этого времени закрепляется в литературном языке как «классическая», принадлежащая сугубо письменной форме языка, и как таковая сохраняется и сегодня в наиболее стабильных и традиционных функциональных стилях, таких, как официально-деловой и собственно научный.

На смену единому развернутому высказыванию с непрерывностью и последовательностью синтаксической связи, с вербально выраженными подчинительными отношениями приходит тип высказывания расчлененный, без ярко (словесно) выраженной синтаксической связи, с нарушением и прерыванием синтагматической цепочки.

Часто расчлененность письменной речи создается именно за счет прерывания синтагматической цепочки путем увеличения длительности пауз между компонентами синтаксического построения, фиксируемых точками (вместо запятых). В результате общий облик современного синтаксического оформления текста резко меняется: фразы-высказывания становятся более динамичными, актуализированными:

Я шел по укатанной гладкой дороге. Затем — по испачканной конским навозом лежневке. Сокращая дорогу, пересек замерзший ручей. И дальше — мимо воробыного гвалта. Вдоль голубоватых сугробов и колючей проволоки.

Сопровождаемый лаем караульных псов, я вышел к зоне. Увидел застиранный розовый флаг над чердачным окошком казармы. Покосившийся фанерный гриб и дневального с кинжалом на ремне. Незнакомого солдата у колодца. Чистые дрова, сложенные штабелем под навесом. И вдруг ощутил, как стосковался по этой мужской тяжелой жизни. По этой жизни с куревом и бранью. С гармошками, тулупами, автоматами, фотографиями, заржавленными бритвенными лезвиями и дешевым одеколоном... (С. Довлатов).

Из этих записей родился фильм Параджанова, потрясенного судьбой Караваевой. Черно-белое размытое изображение. Легкие взмахи рук, брошенная на плечи шаль, едва различимое лицо, когда-то прекрасное. Трагический голос, уже не летящий, не звонкий — глубокий, грудной, «мхатовский». Порой чуть мелодраматический, эк-

¹ Акимова Г.Н. Новое в синтаксисе современного русского языка. С. 9.

зальтированный стиль, на нерве, на пределе. Она играла страстно, захлеб, словно добываясь «полной гибели всерьез», доигрывая то, чего ей так недодала судьба. Актриса, которой не было с нами так долго. Актриса, которая сыграла по сути одну-единственную, но, как теперь бы сказали, культовую роль (АиФ, 2001, № 4).

Характерно, что даже «классическое» предложение с однородными членами и обобщающим словом в русле общей тенденции к расчлененности утрачивает свой обычный «нормативный» вид (запятые, тире или двоеточие, запятые):

Сухое чистое белье... Мягие шлепанцы, застиранный теплый халат... Веселая музыка из репродуктора... Клиническая прямота и откровенность быта. Все это заслоняло изолятор, желтые огни над лесобиржей, примерзших к автоматам часовых (С. Довлатов).

Или отдельное оформление компонентов вопросительной структуры во встречном вопросе:

Что же это такое? «Муки творчества? Постигание непостижимого? Стремление прикоснуться к божественному огню неуловимого совершенства? (Ю. Бондарев); Ждать, пока высохнет? Или когда уйдет вглубь вода? (В. Быков).

Тенденция к подобной расчлененности возросла именно под влиянием живой разговорной речи, которая не нуждалась изначально в выражении сложностей синтаксических взаимоотношений компонентов высказывания, поскольку эти логико-смысловые связи передавались здесь иными средствами — интонацией, паузами. Такие изменения отнюдь не ломали традиционного книжного синтаксического строя, произошла лишь активизация имеющихся в синтаксисе конструкций, заложенных в синтаксисе возможностей.

В тенденциях к «разговорности», проявившихся на новом этапе развития синтаксиса письменной речи, одновременно обнаруживается и внутреннее стремление синтаксиса к аналитизму. Путь этот идет через ослабление синтаксических связей, имплицитности их представления, через сжатие и опрощение синтаксических конструкций, через расчлененность синтагматической цепочки.

Разговорная речь, таким образом, в настоящее время оказывается и фактором внутреннего порядка при определении развития письменного книжного синтаксиса (рост аналитических черт), и одновременно фактором внешнего, социального плана (расширение средств массовой коммуникации приводит к расширению круга задействованных в этой сфере социальной жизни коммуникантов, круга, который становится поистине массовым). В связи с расширением сферы распространения разговорной речи значительно меняется и статус литературного языка в целом — в сторону его демократизации.

Ориентируясь на эти общие тенденции в синтаксисе, можно наметить и пути вхождения разговорных структур в литературный синтаксис и шире — в письменную речь.

Основной путь — расчленение высказывания, прерывание синтагматических последовательностей.

Второй путь — включение в высказывание компонентов, утративших свои «классические» грамматические связи, переставших их реализовывать.

Эти процессы можно проиллюстрировать примерами из современных публикаций.

Присоединительные члены и парцеллированные конструкции

Расчлененность синтаксиса хорошо передается с помощью присоединительных и парцеллированных конструкций¹:

Присоединение в чистом виде обнаруживается в рамках самого базового предложения, парцеллированное присоединение позиционно более самостоятельно (стоит после точки).

1. Присоединительные члены предложения:

Утро началось довольно скоро — с будильника, с торопливых маминьих сборов (Р. Зернова); Я ее тоже люблю — за наряды, за красоту, за щебетанье это (Р. Зернова); И опять на станции свистнул паровоз — на этот раз отрывисто, коротко и точно с задором (А. Куприн); Снова наступило время «громкого голоса». Вот и дискуссии у нас прошли в «Литературной газете» — о публицистике и о публицистичности в художественной литературе (А. Адамович); Помню, как в Ленинграде вместе с Федором Абрамовым смотрел его «Деревянных коней» — во время гастролей Театра на Таганке (А. Адамович); Как найти, где искать литературе свой «микрофон» — для обращения к современной аудитории (А. Адамович); ... На диване очень часто спал Велимир Хлебников — во фраке, с манишкой и манжетами (А. Кончаловский); Через несколько минут он шел по той же аллее — один (С. Довлатов).

2. Парцеллированные конструкции:

Девушка говорила без умолку. Про Сибирь, про счастье, про Джека Лондона (В. Шукшин); Действовать, действовать надо... Плакать потом. Ночью. Когда-нибудь (Н. Ильина); Один ушел за кордон. В Грузию (МК, 1992, 24 июня); Вот я и в Быковке. Один. Топлю печь, пою песни, играю со Спирькой, который без ума от того, что появился

¹ О присоединении и парцелляции см. подробнее: *Валгина Н.С.* Бессоюзные присоединительные конструкции в современном русском языке // *Русский язык в школе.* — 1958. № 5; *Она же.* Присоединительные конструкции в современном русском литературном языке. — М., 1964; *Ванников Ю.В.* Синтаксис речи и синтаксические особенности русской речи. — М., 1979; *Акимова Г.Н.* Новое в синтаксисе современного русского языка.

хозяин, и от восторга чувств даже описался при встрече. На дворе осень. Поздняя (В. Астафьев); Этот год был темным от растаявшего снега. Шумным от лая караульных псов. Горьким от кофе и старых пластинок (С. Довлатов); Зло определяется конъюнктурой, спросом, функцией его носителя. Кроме того, фактором случайности. Неудачным стечением обстоятельств. И даже — плохим эстетическим вкусом (С. Довлатов); Что-то было в его рассказах от этого пустыря. Может, запах травы или хруст битых стекол. А может, бормотание кур, однообразие ромашек — сухое поле незадавшейся жизни... (С. Довлатов); Я в тот раз остановился на ужасах лагерной жизни. Неважно, что происходит кругом. Важно, как мы себя при этом чувствуем. Поскольку любой из нас есть то, чем себя ощущает (С. Довлатов); Мы оглядели бревенчатые стены. Небрежно убранный постель. Цветные фотоснимки над столом. Таблицу футбольного чемпионата, гитару, инструкцию по дрессировке собак... (С. Довлатов); Федор Иванович был уверен, что следователь пошел к генералу совещаться. Может быть, даже по вопросу о заключении Дежкина под стражу. Чтобы он не помешал дальнейшему следствию (В. Дудинцев); Сейчас, я считаю, главная проблема нашего государства — спасти детей. Чтобы они росли здоровыми, веселыми и разумными. Личностями, а не бездуховными и злыми маленькими эгоистами (Лит. газета, 1999, 24 февр.); Вон Дробышева в спектакле «Эдит Пиаф» играла великую актрису. Как будто ничего для этого не делая. Она не выясняла дотошно, как вела себя в тех или иных ситуациях великая актриса Пиаф? Нет. Выходила и просто была ею (Лит. газета, 1999, 13 янв.). Вот так же свистит ветер над тем полем, где лежит Сергей. Непохороненный, неоплаканный (Н. Ильина); А если пожениться, тогда семья получится. Родная, своя собственная (А. Рекемчук); В Лондоне много газет. Разных размеров, разных направлений, разных назначений, принадлежащих разным хозяевам (С. Образцов); Дверь открыла Кирилловна — Танина мать. Старуха долговязая, сутулая, в очках (А. Рекемчук); И у меня, Иринка, отец с матерью и с сестричкой... — взглянул на девушку, — тебе ровесница была бы... померли. От голода (М. Шолохов); С отцом приехали. По вербовке (А. Чаковский); Сам видел. Собственными глазами (А. Васильев); Весь зал вскальзнуло. А мы, русские, так прямо плакали. Почти что навзрыд! (Л. Любимов); Сейчас приготовлю кофе. Со свежими булочками (А. Коптяева); И Светлана Алексеевна поняла это не сегодня. Только не решалась сказать. Даже себе (А. Чаковский); Она никаких жертв не требует и сама не хочет быть ничьей жертвой. Даже во имя любви (А. Рекемчук); Ничто так жестоко не оскорбляет человека, как авторское лицемерие. Потому что читатель справедливо убежден, что писательство — это не профессия, а жизненное призвание (К. Паустовский); В этих книгах ключ ко всему. Ко всей жизни

(Н. Ильина); Блок тут прав на все сто. Но вот где он ошибается. Он берет душу, которая ищет счастья. Которая озабочена своими личными неудачами. Усталая, глухая, все ищет, ищет... такая и была у Кальяна. Ошибка поэта в том, что счастья искать нельзя. Обреченное дело (В. Дудинцев).

Никому не мешал. Как пейзаж (В. Маканин); Он вяло плелся по коридору. В потрепанном больничном халате (В. Маканин); В пятьдесят с лишним лет на ночь глядя следует читать. Книжку, журнал и чтоб в домашнем тепле (в теплом кресле) (В. Маканин); Трое, пришедшие к ней в тот вечер, вели долгий разговор о политике. О науке. О ведомственных дотациях, грантах и прочей застольной чепухе (В. Маканин); Вот и господин Смоликов, уже обретший литературную известность, сообщил Михаилу, что хочет поностальгировать. По былым временам. По нашей молодости — по андеграунду (В. Маканин); Посострадай, Смоликов. Мы ведь сострадаем всем и всему. Детям в больнице. Старикам. Забываемым животным (В. Маканин); Они смирились (они вдруг и разом смирились). Не только со мной, продолжающим у них сидеть и медленно жевать. Но и с квартирой, с теснотой, с холодной погодой — и вообще со всем, что вокруг них. (С жизнью.) (В. Маканин); Не забыть ее голос. Искренний, взволнованный, готовый меня и мои тексты любить, бессмысленный крик из пустоты в пустоту (В. Маканин); ...Я не мог оторваться от вновь появившейся (вслед за улыбкой) чуть подрагивающей ямочки на его подбородке. Как наваждение. Прямо передо мной. Ямочка лучилась светом отраженной лампы (В. Маканин); Мир оценок прекратил свое существование. Как просветление. Как час ликования. Душа вдруг запела (В. Маканин); Иван Емельянович сидел за своим столом — человек, физически заметно сильный. Моих лет. Даже, пожалуй, за пятьдесят пять. Крупный, большой мужчина, с громадными руками. А речь словно струится — медленна и точна (В. Маканин); Разговаривали мы за круглым столиком [...]. Смеялись. А на плоскости столика Василек, балуясь, рисовал мелками широкую улицу и толпу на ней. Демонстрацию демократов. Конную милицию. Даже танк. (Кто знает!) Знамена (в три колера). Мелки крошились. Из-под мелков выскакивали туловища, шляпы, поднятые руки (В. Маканин); Кто знает, может, ради той давней боли человек и начинал сочинять повести. Из той боли. Что в свою очередь, оттеснив и переформив, но так и не сняв боль, приводит к тому, чем и кем человек стал (В. Маканин).

Убеждаемся, что перестраиваться отнюдь не легче, чем строить. Порой даже сложнее (Лит. газета, 1987, 1 янв.); Усилитель, «микрофон» в литературе изобретен. Не сегодня, давно. Только литература пользуется им не всегда в одинаковой мере (А. Адамович); «Печальный детектив» — не документальная проза, но он рядышком где-то,

совсем близко. Даже по приемам письма, когда используется монтаж правдивейших кусков, фактов жизни (А. Адамович); И здесь в начале всего и в основе — чувство. Чувство личной исторической ответственности за все на планете... Новое мышление обязывает просчитывать много ходов вперед. И сворачивать в сторону или назад поворачивать задолго до того, как взгляд упрется в край пропасти (А. Адамович); Встреча с министром оправдала наши надежды. Он был точно таким, каким мы его себе представляли: демократичным, контактным, непринужденным. Умеющим слушать. Никогда не спешащим, позволяющим спорить с собой. С обаятельной улыбкой и приветливым взглядом (А. Ваксберг); Но не в этом (желании, умении), видимо, дело. А в том, несет ли сама критика в себе потрясенность, взрыв правды о современном мире, которые определяют пафос, новизну той же «Плахи» (А. Адамович); День в аэропорту Монахов прожился в сумерках. Что бы ему ни предложила эта неудобная действительность, он все сносил. И жару, и тесноту, и бесконечное время... (А. Битов); Меня схватили за руку. Прямо на месте. Не отходя от кассы. От билетной кассы вокзала в Дюссельдорфе. Спустился почти месяц после моего приезда в эту страну. В субботу (Лит. газета, 1999, 16—23 июня); Разговор был о насущном. О структуре власти (АиФ, 2000, № 42); ...В свете последних данных науки преступлением становится даже неоправданное срывание цветка. И не по сентиментальным мотивам, а по чисто практическим, касающимся элементарного выживания (Лит. газета, 2000, 1 февр.); Все больные — дети. Даже когда им за семьдесят (АиФ, 2000, № 43); Всех космонавтов поражает, какая Земля маленькая. И как важно бережно относиться к ней, потому что из космоса хорошо видны результаты неразумной деятельности человека (АиФ, 2000, № 44); Анатолий Ким — тот редкий писатель, о котором позволительно говорить высоким слогом. Хотя бы потому, что он сам относится к миру с любовью возвышенной и нежной. Даже когда пишет об очень страшном, находящемся за пределами нормального человеческого понимания (Лит. газета, 1999, 16—23 июня); Вот смотрите: библиотекарь. Он выдает книги, работает за нищенскую зарплату. И даже если ее вообще перестанут выдавать, он останется. Потому что в этой каждодневной работе смысл его жизни. Это позиция (Н. Михалков); Такую речь толкнул, — продолжал Татарский. — Я тогда уже в Литинститут готовился — так даже расстроился. Позавидовал. Потому что понял — никогда так словами манипулировать не научусь. Смысла никакого, но пробирает так, что сразу все понимаешь. То есть понимаешь не то, что человек сказать хочет, потому что ничего сказать на самом деле не хочет, а про жизнь все понимаешь (В. Пелевин); Для меня было большой радостью, что в тот день я оказался у сестер как бы представителем нашей Церкви и нашей страны. Ведь для всех нас

так важен этот чудесный урок. Не отвлеченный, а жизненный, практический. Урок подлинного христианского милосердия и служения людям (А. Мень); И вот ее первая книга перед нами. Изданная не где-то за океаном, а на родине Осипа Мандельштама, на родине Надежды Мандельштам (А. Мень); Это жесткая книга. Книга о капитуляции многих мыслящих и одаренных людей, о глубинных истоках драмы (А. Мень); «Я не боюсь смерти», — часто говорила она мне. И это была не фраза. Не самоутешение. К фразерству и иллюзиям у нее не было никакой склонности. Это была вера. Цельная, как и вся ее натура (А. Мень); С ней было легко, хорошо, весело. Как магнитом она притягивала к себе разных людей. Особенно молодых (А. Мень); И все же она писала. Рассказывала о горькой судьбе поэта. О бедах и маленьких радостях, о людях мужественных и робких, о предательстве и героизме. Получился некий срез эпохи. Портрет полный и субъективный. Очень субъективный. Но кто и когда писал объективные мемуары? (А. Мень).

Отрыв от основного предложения, прерывистый характер связи в парцеллированных конструкциях, функция дополнительного высказывания, дающая возможность уточнить, пояснить, распространить, семантически развить основное сообщение, — вот проявления, усиливающие логические и смысловые акценты, динамизм, стилистическую напряженность.

Встречается и иной тип расчлененности, когда фрагментальность в подаче сообщений превращается в своеобразный литературный прием — расчленению подвергаются однородные синтаксические единицы, предваряющие основное суждение. Это могут быть придаточные или даже обособленные обороты:

Если мы не знаем о каждодневных предметах. Если мы не знаем о душе человеческой. Если мы не знаем, что такое электричество, то нам ли знать о значении и пределах искусства? (Н. Рерих); Когда тяжелое тело табуна проносится по речной отмели на заре, разрывая туман, взбрызнув до солнца огненную воду. Когда визжа пойдет под тобою вздыбившийся черный жеребец. Когда предчувствие скачки по широкому полю обожжет легкие. Наступает счастье (В. Чернов); Весною развесив облака цветущих яблонь вдоль холмов над озером. Зимой развернув облака заснеженных лиственниц, кленов и лип. Да берез. Осенней порой вздымая широкие тучи листвы не только над озером, а над всеми лесами. Так стоит поселок уже многие десятки лет в лесистом углу Опочецкого района, среди холмов и песчаных долин. Озеро Глубокое, и поселок назван Глубоким. Озеро давнее, со времен, которые никому ни вспомнить, ни запомнить не дано. Село тоже давнее. Вокруг села много легенд и слухов (Ю. Курганов).

Конечно, подобный тип расчленения нетипичен, он скорее иллюстрирует окказиональное употребление явления. Однако на

общем фоне современного свободного, актуализированного синтаксиса он может быть объясним.

И, наконец, возможен и такой, правда, редкий случай, когда парцелированным оказывается подлежащее, выдвинутое в постпозицию:

...Погодка наконец выдалась — сено ворошить. А мне — сено не ворошить. Я — на свой чердачок-с. У меня творческий процесс-с. А только чего — не знаю. Разве вид из окна, в который раз, не сумею описать. Там-то как раз сено и ворошат. Баба и мужик. Костерочек в стороне развели. Отсюда не видно — кто (А. Битов).

Такой случай не характерен как частность (вынос подлежащего — главного члена, отсутствующего в основной структуре), однако он характерен своей причастностью к общим процессам в синтаксисе — склонности к чрезмерной расчлененности и структурной смещенности.

Расчлененность и одновременно утрата вербальных средств подчинительной связи создают специфический образ разговорности: *А Енакаева там за пригорочком закопали. Потом лейтенант говорил из нашего полка. В госпитале встретились (В. Быков).* Ср. с вариантом, проявляющим все логико-смысловые связи: *А Енакаева там, за пригорочком закопали; об этом лейтенант говорил из нашего полка, с которым в госпитале встретились.*

Двучленные конструкции

Расчлененность структур сказывается и в усиленном использовании двучленных (сегментных) конструкций, явно имитирующих разговорную непринужденность, иллюстрирующих отсутствие специальной структурной заданности, свойственной книжному синтаксису. Это прежде всего функционально разнообразные номинативы — препозитивные и постпозитивные.

Особенно большую группу составляют изолированные именительные (не реализующие ни одну из обычных схем простого предложения и не включающиеся в эти схемы в качестве составной части).

А.М. Пешковский относит их к «словам и словосочетаниям, не образующим ни предложений, ни их частей»¹. Примерно те же синтаксические явления описаны в Академической грамматике² в параграфе, посвященном «конструкциям, по форме совпадающим с номинативными предложениями, но не являющимися ими».

¹ Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. Изд. 7-е. — М., 1956. С. 404.

² Грамматика русского языка. Ч. II. — М.: Изд. АН СССР, 1954. С. 70.

К «изолированным образованиям», свойственным разговорной речи, относит их и Н.Ю. Шведова¹.

Изолированные номинативы — это слова в именительном падеже, а также именные словосочетания с главным словом в форме именительного падежа. Поскольку изолированные номинативы не обладают признаками предложения (они лишены значения бытия и интонационной законченности; отдельно взятые, они не выполняют коммуникативной функции, что свойственно номинативным предложениям), они существуют только в составе синтаксических целых, т.е. всегда стоят при другом предложении, связываясь с ним логически и интонационно. Однако, не существуя самостоятельно, а только при другом предложении, они сохраняют, независимо от строения этого предложения, свою собственную форму неизменной.

Такие построения относятся либо к следующему за ним предложению, либо к предложению впереди стоящему. Таким образом, можно различать препозитивные номинативы и номинативы постпозитивные. Формально они схожи, функционально — различны.

Наиболее четки и определены по своей функции номинативы в препозиции — это именительный представления, или именительный темы. Именительный падеж в таком употреблении определяется иногда как «именительный словесный»². В принципе, препозитивные номинативы однозначны; их назначение — назвать тему последующего сообщения, т.е. вызвать представление о предмете, являющемся темой сообщения. Такое название темы сосредоточивает внимание на ней, логически выделяет ее, что особенно важно для разговорной речи. Появление именительного представления прямо связано с актуальным членением речи. Это вынос наименования темы сообщения в актуальную позицию, например: *Ах, кра! Ем, ем и никак не съем* (А. Чехов); *Чувства. Это область пристального внимания ученых* («Неделя»). Такие синтаксические явления не могут быть отнесены к самостоятельным предложениям (номинативным), так как, несмотря на внешнюю изолированность своего употребления, они лишены грамматической и функциональной самостоятельности, поскольку не обладают значением бытия. В них нет и интонационной завершенности (даже при наличии точки!). В связи с этим представляется несколько противоречивым утверждение, что именительный представления — это разновидность номинативного предложения, где нет высказывания, а есть только постановка вопроса для размышления³.

Изолированный номинатив, и в частности именительный представления, — конструкция разговорного синтаксиса. Именно в

¹ Шведова Н.Ю. Парадигматика простого предложения в современном русском языке // Русский язык. Грамматические исследования. — М., 1967. С. 6, 67.

² Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. — М., 1966.

³ Руднев А.Г. Синтаксис современного русского языка. — М., 1968. С. 44.

непосредственной речи, без специальной подготовки важную роль играют всевозможные эмфатические (выделительные) интонации и позиции. Одним из распространенных средств выделения важного слова (или части высказывания) является вынесение его в актуальную позицию, причем в данном случае речь идет не о простом выносе нужного слова в начало или в конец предложения. Речь идет о своеобразной форме подачи мысли, когда она преподносится как бы в два приема: «сперва выставляется напоказ изолированный предмет и слушателям известно только, что про этот предмет сейчас будет что-то сказано и что пока этот предмет надо наблюдать; в следующий момент высказывается самая мысль»¹. При назывании используется абсолютно независимая форма — именительный падеж. Получается следующее: говорящему еще недостаточно ясно, как он оформит свою мысль, но он знает твердо, о чем он будет говорить, и это «о чем» проще всего дать пока в независимой форме называния и уже потом соединить это представление с другим.

Обязательная пауза после такого именительного — естественный момент для оформления говорящим следующего высказывания, для слушающего — это момент организации внимания, подготовки к последующему восприятию. Такая «ступенчатость» в подаче мысли очень ярко передает характер непринужденной речи, когда на предварительное обдумывание нет времени и оно совершается уже в самом процессе «говорения». Как отражение разговорного стиля находим такие конструкции в художественной литературе и газетно-журнальных статьях. «Употребляя такой именительный, говорящий, может быть, просто вызывает в себе то или иное представление с целью подготовки материала для предстоящей мысли»².

Двучленные построения³ проявляются не только в употреблении именительного темы, но и инфинитивных компонентов в позиции именительного, в позиционных перемещениях частей сложного предложения с фиксированным порядком компонентов.

Некоторые примеры: *Телепатия. Сколь различную реакцию вызывает это слово у разных людей («Наука и жизнь»); Рулетка! Вот вы не знаете о ней, а это очень интересно (Р. Рождественский); Правовой беспредел... Эти слова часто звучали со страниц печати, в передачах радио и ТВ (Труд, 1992, 3 дек.); Россия и Белоруссия. На душе тревожно (Лит. газета, 1997, 2 апр.); Сапоги... Ну куда от них*

¹ Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. Изд. 7-е. — М., 1956. С. 405.

² Там же. С. 406.

³ См. подробнее: Валгина Н.С. Некоторые функции изолированного именительного падежа // Русский язык в школе. — 1971. № 2.

денешься! Да зеленые крылья погон (Б. Окуджава); Гордость, гордыня — спесивость. Вот такое совершаем сошествие по ступенькам, от Пушкина, через Набокова, к своему нынешнему состоянию (Лит. газета, 1993, 17 февр.); Губы, губы! Он стиснул их до крови (Б. Пастернак); «Интеллигенция»... Да уж одно то, что возникли оттенки: «техническая» или «гуманитарная», наконец «советская», говорит: и поношения ее, не свободные от самоутверждения, и восхваления (то же самое) запоздали — и безнадежно (С. Рассадин); Снежинки... Их можно поймать. Так медленны они на лету (С. Щипачев); Десять тысяч километров по прямой!.. Это расстояние трудно было себе представить (А. Чаковский); Амазонки... Мы с детства привыкли, что это только легенда («Вокруг света»); Журавли... Заваленный работой, вдалеке от сумрачных полей, я живу со странною заботою — увидеть бы в небе журавлей! (В. Солоухин).

Активность именительного падежа проявляется еще и косвенно. В строе современного синтаксиса уже отработались специальные синтаксические позиции: самого именительного может и не быть, но место его оказывается как бы забронированным. На месте именительного в сегментном построении может быть инфинитив, целое предикативное объединение или иные словоформы, приобретающие функцию представления, например: *Лежать на траве и смотреть на звезды — что может быть прекраснее и слаще!* (В. Солоухин); *Быть красивой, стройной, здоровой... Какая девочка не хочет этого!* (Е. Назарова). (Ср.: *Любить... Но кого же? На время не стоит труда.* — М. Лермонтов.); *Приспособление земных существ к неземным условиям — это реально, переброска их в другие миры — тоже... Но чтобы они изменили облик целой планеты — возможно ли это?* («Вокруг света»). Другие падежные формы в функции представления: *А у матери... — Что я у нее видел?*¹; *А в полеводстве — там разве нет культур, выгодных и невыгодных?, С сыном?.. С ним, конечно, проще.*

Сегментность обнаруживается в вопросно-ответных построениях: *Но что приводит в истинный восторг — так это лаконизм пушкинской прозы* (В. Солоухин); *Но кто радовал независтливое сердце дяди Паши, так это малые рыбаки-отроки Антон и Санька* (В. Астафьев); *Вот уж где не привился мемуарный жанр, так это среди архитекторов* (Сов. культура, 1990, 7 апр.); *Вот кого я еще не прощаю — так это Брюллова! Ну, что ему было картинку ту Александру Сергеевичу не подарить...* (А. Битов); *Ведь с чем было большее всего расстаться — это с чудесами* (М. Пришвин); *Чем еще знамениты*

¹ Н.Ю. Шведова предлагает расширить понимание именительного представления. См.: Шведова Н.Ю. Парадигматика простого предложения в современном русском языке // Русский язык. Грамматические исследования. — М., 1967. С. 67.

молоканские села — так это своей капустой (Труд, 1992, 3 янв.); *Что больше всего беспокоит таможенников, сообщает австрийская газета «Курир», так это появившаяся мода на скорпионов и соответственно рост их контрабанды* (Труд, 1995, 3 июня); *Работал он всю жизнь и за страх и за совесть, а что не всегда все ладно выходило, так на то не вина его была, а беда* (Б. Васильев); *Что сверху моросит и в воздухе хлябь — на это уже не обращалось внимания* (М. Пришвин); *Что Николка не прав — об этом и толковать не стоит* (А. Чехов).

Часты сегментированные построения с вопросительной частью во второй позиции: *Талант! А что же он по сути такое?* (И. Снегова); *Разум на других планетах — каков он?* («Вокруг света»); *А человек, приступающий к изучению природы или своего собственного прошлого; — разве человек в неизмеримо большей степени, чем собака, тоже не вспоминает себя самого в своих предках, животных, растениях, в стихии неподвижных скал, в стихии огня, воды, ветра?* (М. Пришвин); *Праздничное настроение и светлость в сердце — где все это?* (В. Астафьев); *Двадцать месяцев — много ли это или мало в судьбе одного человека?* («Неделя»); *Сладкая ягода — где она?* (МК, 1988, 20 авг.); *Реформы — ради чего?* (АиФ, 1994, 5 февр.); *Крым. Что впереди?* (АиФ, 1994, 5 февр.); *Так называемый госзаказ, который нам представляли как панацею от всех бед, — что это сегодня по сравнению с кооперативным раем?* (Сов. культ., 1990, 9 июня); *Инициатива, созидание... Есть ли в нашей жизни что-нибудь более ценное, чем эти человеческие проявления?* (МК, 1992, 24 июня).

Имитация разговорности особенно ощущается в сегментных построениях с подхватывающим именительный местоимением: *Жизнь, она все-таки, в общем-то, ничего. В ней то клюет, то не клюет* (В. Астафьев); *Офицеры, они больше о деле пеклись* (В. Быков); *Врач, он ведь не Бог* (В. Быков); *Голос твой — он звончей песен старой сосны* (А. Блок); *Любовь — она бывает разной. Бывает отблеском на льду. Бывает болью неотвязной. Бывает яблоней в цвету* (О. Высоцкая); *А Борис — он человек сильных и быстротечных чувств* (Р. Зернова); *У каждого свое занятие и своя столовка. Природа, она никого не обижает, сынок, и все для нее равны* (Б. Васильев); *Закон, он хитрый. Он, извини-подвинься, о-о-о!* (В. Распутин); *Путешествия — они обладают волшебным свойством, они удивительно удлиняют жизнь* (М. Алигер); *Прославленный Дон-батюшка, он казался не таким уж широким* (В. Тендряков); *Пулемет, закопанный под скирдой, тачанка, отведенная в крестьянскую клуню, — они перестают быть боевыми единицами* (И. Бабель); *Мальчик лет семнадцати... Он быстро верить перестал Христу и деру дал из мирной семинарии, предпочитая револьвер — кресту* (Е. Евтушенко); — *Скажите, а вот*

эти Малютины работы — они что, проходят иногда? (В. Пелевин); *Тягач — он как танк, только без баши* (Комс. правда, 1989, 9 февр.); *Волгарь — он русский, и татарин, и мордвин, и чуваш...* (Правда, 1990, 12 июня); *...Моя история в общем и целом банальна, хотя и объективно противоположна. Но мелочи, мелочи — они не дают мне покоя. Они привносят в эту заурядную по нынешним меркам драму атмосферу чего-то дикого, первобытного. Ощущение какого-то космического холода, вакуума, в котором человек существовать не может по определению. И тем не менее существует* (МК, 1994, 15 марта).

Такие конструкции квалифицируются в работах по практической стилистике как стилистически дефектные, с плеонастическим местоимением (см., например, рекомендации Д.Э. Розенталя¹). Однако при учете общего расширения сферы спонтанного общения не только личного, но и устного публичного, при котором значительно ослабляется официальность, при рождении новых жанров публичной речи в сфере массовой коммуникации, когда усиливается момент размышления на ходу, интимизации общения, такие формы речи оправдывают себя, недаром они активно проникают в литературные источники.

Экспансия именительного падежа осуществляется на широком фоне общей тенденции к ослаблению спаянности компонентов цельнооформленных синтаксических единиц. Особенно част именительный в постпозиции, когда его функции заметно расширяются. Постпозитивные номинативы, замыкающие двучленное экспрессивное построение, могут иметь значение определительно-конкретизирующее, причинное, пояснительное, оценочное, объектное и др., например: *Рисунок пошел по рукам. Там и говорить оказалось не о чем: портрет как портрет. Мужик с очками. Очки со стеклами. (Все правильно и понятно. Искусство!) Стекла очков с бликами. Блики, само собой, с игрой света, а свет с намеком на Жизнь...* (В. Маканин); *Пауза. Взгляд. Потом в палате: проснулась. Бледное личико. Глаза с надеждой* (Н. Амосов); *К нему подошла маленькая женщина с мальчишеским лицом, задумчиво-плутоватым и смешливым. Голубая майка. Стриженные волосы* (В. Панова); *О Медведеве скорблю. Голоден и холоден. Студент* (А. Чехов); *Разжимая скрюченные пальцы, она испытывала некоторое удовольствие от кратковременной острой боли в расправленных суставах. Начинающийся артрит* (Н. Ильина); *Вода казалась очень чистой, незамусоренной, но темной — осенняя вода* (Ю. Трифонов); *Журналисты читают материалы друг друга без особых эмоций — профессия* (Моск. новости, 1993, 23 мая); *До чего Буланова довели! Колхозники!* (Г. Николаева); *Морячок идет по городу — бескозырка,*

¹ *Практическая стилистика русского языка.* — М., 1968.

брюки клеш (Ю. Друнина); *Вспомнил я про яму в конюшне. «А ну-ка, говорю, давайте поглядим, что там сейчас». Пошли туда — новый пол, недавно настланный* (В. Овечкин); *Утром не захотели везти на пароме: ветер* (А. Чехов); *14 мая мне опять не дали лошадей. Разлив Томи* (А. Чехов); *На льду реки по воскресеньям шумит-гудит кулачный бой. Круты сердца. Жестоки нравы. Глухой сибирский городок* (К. Лисовский); *Вот тут-то Роман Харитонович и струсила, когда я пришел после гражданской войны. Новая власть, новые порядки* (В. Овечкин).

При выражении причины, изъяснения, оценки именительный функционально соответствует придаточному предложению, но его своеобразие заключается в том, что он не выражает логического утверждения, а только называет его тему¹.

Довольно распространенным в современном русском языке синтаксическим построением является конструкция с изолированным именительным в назывной функции, подхватываемым далее местоименным наречием *так*. В отличие от именительного представления его можно назвать именительным называния. Такие построения всегда однотипны в структурном отношении: это вынос в акцентируемую позицию части предикативного члена, употребленного в независимой форме с функцией называния, далее следует указывающее на данный предмет наречие *так* и остальная часть предложения с неизменной структурной схемой — предикат (формы глаголов «назвать», «называть»), субъект и объект; наличие всех указанных компонентов обязательно, допускается лишь варьирование порядка их расположения и пропуск указания на субъект, когда нет надобности в его конкретизации или когда он вообще устранен из мысли. Примеры: *«Острова среди ветров» — так назвал свою книгу о Мальх Антильских островах известный шведский исследователь и путешественник Бенгт Шегрен («Вокруг света»); «Скорая лингвистическая» — так назвали эту новую службу помощи, которая появилась в Ленинграде; Одесский полк, так называли его в армии и в городе просто потому, что он был единственным авиационным полком на нашем плацдарме («Новый мир»); Возрожденная из пепла — так теперь можно назвать эту женщину со скорбно-спокойными глазами («Вокруг света»).*

Естественно, что схема несколько видоизменяется, когда объект представляется в виде грамматического подлежащего: *«Хозяин тайги» — так называется картина, которая снимается на киностудии «Мосфильм»*. Ср. то же самое при постпозиции: *Так мы и прозвали ту загородь — «хозяйская конюшня»* (В. Овечкин).

¹ Гвоздев А. Н. Очерки по стилистике русского языка. — М., 1955. С. 281.

Итак, препозитивный номинатив в принципе функционально однозначен — это «именительный представления» и близкий ему по значению «именительный называния». И в том и в другом случае номинатив, предворяя предложение, сосредоточивает внимание на обозначаемом им предмете, явлении, которые выступают, таким образом, как исходный пункт рассуждения, его отправная точка, смысловой и структурный стержень.

Что же касается номинативов постпозитивных, то они функционально богаче, разнообразнее. Возможность объединения их объясняется общим формально-структурным признаком: форма именительного падежа и функционирование только вместе с соседствующей структурой, в виде сложного синтаксического объединения. Отдельное существование таких номинативов (и препозитивного и постпозитивного) невозможно, они употребляются только как часть сложного синтаксического объединения.

Некоторые постпозитивные номинативы функционально повторяют номинативы препозитивные, т.е. называют тему сообщения, но поскольку они располагаются после сообщения, то, естественно, служат цели раскрытия содержания подлежащего, данного в общей, неконкретной форме: *Какая это огромная и сложная дистанция — двенадцать месяцев...* («Неделя»). Однако чаще номинативы, помещенные после высказанного суждения (или вопроса), способны фокусировать в себе целый комплекс мыслей, образов, связанных обычно с передачей воспоминаний о чем-либо значительном и важном. Это толчок для развития мысли, для штрихового изображения сменяющих друг друга образов и картин. Вот пример: *И вдруг он понял: вот с кем он прожил все эти годы странствий и обманов, вот чьи он фотографии возил на дне пустых дорожных чемоданов. Да, девочка. И голубой дымок, и первых встреч неясная тревога, и на плечи брошенный платок, казенный дом, и дальняя дорога* (К. Симонов).

Постпозитивный номинатив «*Да, девочка*» сохраняет в себе функцию представления, ср.: *Да, девочка... Вот с кем он прожил все эти годы...* Однако постановка его после высказывания дает возможность присоединить еще ряд номинативов, передающих сложную картину воспоминаний, представленных в виде нескончаемой цепи.

Номинатив, завершающий предложение (обычно оформленный как синтаксическая единица, стоящая после длительной паузы — на письме после точки), более емко по содержанию, нежели номинатив в препозиции: препозитивный номинатив функционирует в качестве темы последующего сообщения, тогда как постпозитивный номинатив не только тема предшествующего сообщения (в обобщенном виде), но и часто толчок к последую-

щим суждениям. Эмоциональные и семантические возможности такой конструкции чрезвычайно богаты. Подчас функция исходной темы вовсе исчезает у номинатива, и его назначением становится фиксация смены последующих впечатлений, выливающих в новые представления, сменяющие исходные. Примеры: *Ведь только что жила еще на свете. И вдруг ушла. Играющие дети, чужие окна, темная стена* (К. Симонов); *Я хочу, чтоб ты в штормах любых научился мужеству у них, чтобы страха никогда не знал, чтоб лицом встречал девятый вал!.. Реют чайки низко над водой... Берег океана. Мыс Входной* (К. Лисовский). Довольно часто такой синтаксический прием используется не столько для передачи сменяющих друг друга представлений, связанных с высказыванием, сколько для выражения эмоционального настроения: *Зачем письмо? Ну, тяжело и пусть. Глухая ночь. Табачный пепел, грусть...* (П. Шубин); *Он все ходил по крепости, бедняга, все медлил влезть по сходням корабля... Холодная казенная бумага, нелепая любимая земля...* (К. Симонов).

Кроме такого номинатива, очень близкого к именительному представлению, распространены и другие функциональные типы постпозитивного номинатива, в смысловом отношении более тесно связанные с предшествующим сообщением, а в грамматическом — с номинативным бессказуемо-подлежащим или неполным предложением. Однако функционирование его только в составе синтаксического целого (совместно с предшествующим предложением) допускает толкование его как конструкции непредложенческого характера¹.

Перечисленные здесь функции постпозитивного именительного, естественно, не исчерпывают всех возможных случаев. Важно то, что все они объединяются общим синтаксическим свойством: свое функциональное качество приобретают в результате воздействия предшествующего контекста и как самостоятельная синтаксическая единица не существуют, именно этим они отличаются от номинативных предложений, которые сами по себе, безотносительно к предшествующему и последующему предложению выражают значение бытия, утверждают его существование или указывают на его наличие в плане настоящего. Таким образом, все эти частные значения постпозитивного номинатива всецело определяются функционированием данной синтаксической единицы в

¹ Видимо, эта сложность грамматической природы данных конструкций явилась причиной их различного толкования. Н.Ю. Шведова отмечает лишь внешнее совпадение их со структурой предложения и рассматривает их как построения, не укладывающиеся в схемы простого предложения. (См.: Парадигматика простого предложения в современном русском языке // Русский язык. Грамматические исследования. — М., 1967. С. 67.) А.С. Попов же квалифицирует такой номинатив как номинативное предложение. (См.: Изменения в употреблении номинативных предложений // Развитие синтаксиса современного русского языка. — М., 1966. С. 87.)

конкретных речевых контекстах. С точки зрения стилистической, это очень экономное средство выражения, вполне соответствующее требованиям лаконичной и вместе с тем насыщенной смыслом речи. Только разговорная речь могла послужить основой для формирования таких емких по содержанию конструкций, так как именно в устной речи имеется возможность использовать интонацию как средство выражения необходимого содержания. Своеобразная интонация, объединяющая постпозитивный номинатив с предшествующим предложением (а иногда и рядом предложений), является как бы компенсатором отсутствующих, но логически возможных словесных компонентов описательной конструкции (в виде самостоятельного предложения), способной выразить развернуто то содержание, которое передается одним только номинативом. Ср., например: *Подле отеля был новый, двухэтажный дом, внизу двери открыты настежь. Мы заглянули: магазин* (М. Гончаров). — *Мы заглянули: то, что мы увидели, был магазин*. Первый способ передачи мысли более удобен и выразителен, и интонация при таком способе выражения несет на себе очень большую нагрузку. При втором способе интонация играет меньшую роль, так как необходимым смысл выражен словесно.

Изолированный именительный¹ (препозитивный и постпозитивный) — явление довольно распространенное в современном русском языке, безусловно, связанное с разговорным синтаксисом, одной из главных черт которого является стремление к расчлененности и анализируемости. Последнее сказывается в наличии независимых исходных форм слов и словосочетаний как структурных элементов более сложных синтаксических построений. Почему это черта именно разговорного синтаксиса? Прежде всего потому, что здесь допускается возможность отступить от строгих синтаксических норм языка, от «интеллектуальных» конструкций, которые, естественно, представляются несколько обременительными при обмене мыслями во время устной беседы. Слушающему легче воспринять мысль, а говорящему оформить ее, когда эта мысль подается в несколько речевых тактов. Информация, таким образом, поступает расчлененно, с целью более легкого и быстрого ее усвоения. Такой способ передачи мысли служит еще и другому: он помогает выделить логически основной момент высказывания, выдвинуть его на первый план во что бы то ни стало, даже если придется поломать «классические» синтаксические структуры. Возьмем пример: *Мещанские песни... «Маруся отравилась». По существу говоря, это классическая баллада* (С. Маршак). А вот как

¹ См. подробнее: *Валгина Н.С.* Номинативные конструкции в современном русском языке. — М., 1972.

могло бы выглядеть это сообщение, если все компоненты его мы поставим на «обычные» для них места: *По существу говоря, мясчанские песни, в частности «Маруся отравилась», — это классическая баллада.* Первый вариант имеет явно эмфатический характер, причем выделение в нем осуществляется посредством синтаксической позиции. Таким образом организованное сообщение безусловно эмоционально сильнее (ср. второй вариант). Вот почему номинативы так часто используются в художественной литературе, а также в газетно-журнальных публикациях, где задача эмоционального воздействия на читателя имеет не меньшее значение, чем передача определенной информации, и по той же причине такие конструкции отсутствуют в стиле научном, функциональное назначение которого совсем иного плана.

Итак, аналитизм, лаконичность, эмфатизм — качества, свойственные современному синтаксису и отраженные в номинативных структурах, обусловлены и стимулированы речью разговорной, хотя внутренние потребности языка в движении к расчлененности вполне очевидны.

Среди двучленных конструкций особое место занимают разъяснительно-пояснительные, состоящие сплошь из форм именительного падежа. Такие конструкции активны в заголовках, в названиях газетных и журнальных рубрик. Они предельно кратки и броски, в какой-то мере рекламны и, следовательно, эмфатичны. Строятся по схеме: название общей проблемы и конкретизирующие частные аспекты и детали или название места и события. Например: *Роман: традиции и поиск* (Лит. газета, 1971, 10 марта); *Жатва: время, темпы, качество* (Изв., 1971, 14 авг.); *Крым: цветущий миндаль на фоне взрывов* (Лит. газета, 1998, 11 февр.); *Нижний Новгород: квартиры в кредит* (Труд, 1997, 16 дек.). Еще примеры из газет (Лит. газета, ВМ, Правда и др.): *Критика: опыт, проблемы, задачи*; *Рига: круглый стол поэзии*; *А. Блок: неизданное наследие*; *Гости из Космоса: сказки для взрослых*; *Наука и лженаука: четыре вопроса ученым*; *Архитектура: комфорт, экономика*; *Парагвай: жертвы сговора диктаторов*. Второй именной может приобрести функцию вопроса: *Массовая литература — новый феномен?* (Лит. газета, 1971, 24 марта).

Увлечение подобными заголовками привело к тому, что под такую конструкцию стали подгоняться и многие другие, с иными смысловыми отношениями: *Фильмы, фильмы: алгебра и гармония* (Лит. газета, 1971, 18 авг.); *Пешеход и автомобиль: вид сверху* (Лит. газета, 1971, 24 марта). Ср.: *Вид сверху на пешехода и автомобиль*; *Алгебра и гармония фильмов*. В целом это расчлененные структуры без видимой грамматической связи.

Расчлененные синтаксические конструкции — как парцеллированные, так и сегментные — реально существующее явление в со-

временном русском литературном языке, стимулируемое разговорной речью. В структурно-грамматическом отношении и по смысловым функциям парцелляты и номинативы не однородны, но они объединяются прерывистым характером синтаксической связи, разрывом с основным, базовым высказыванием, логическим и интонационным выделением. С одной стороны, и те и другие предельно самостоятельны (стоят вне предложения), но, с другой стороны, полностью зависимы от базового предложения (вне связи с ним не обнаруживают своего функционального качества). В этом их контекстуальная зависимость. И в этом их роль в процессе нарастания аналитизма в строе русского языка.

Широкое распространение расчлененных конструкций как в устной речи (личной и публичной; на радио и ТВ), так и в речи письменной разных жанров — свидетельство общезыковой значимости данного синтаксического явления. Экономность, смысловая емкость и стилистическая выразительность конструкций вполне соответствуют внутренним потребностям и возможностям языка, стимулируемым социальными потребностями времени. Парцелляция предполагает расчленение высказывания на неограниченное число частей. При этом расчленении сохраняются те же отношения и формы связи, которые могли бы быть в нерасчлененной, непарцеллированной конструкции. При сегментации высказывание членится на две части, отчетливо противостоящие друг другу; и отношения между этими частями устанавливаются особые — темы и повода высказать ее или суждения по поводу этой темы, либо вопроса по поводу этой темы. Причем первая часть конструкции — именительный или структуры, занимающие его позицию, — синтаксически независима. Функция сегментации — в выделении и подчеркивании обоих членов конструкции. Именительный темы, кроме функции называния, имеет еще и дополнительную роль — подготовки к последующему восприятию. Сегментированные конструкции представляют собой структурно цельнооформленные построения, их двучленность определяется структурной заданностью. Парцелляты же структурно не обязательно предусмотрены. Отсекаемые члены предложения не предусмотрены структурой базового предложения и легко могут быть изъяты, их роль не структурная, а выделительно-акцентирующая.

Явления парцелляции и сегментации значительно меняют общий облик, ритмико-мелодический рисунок современного синтаксиса. Свободные, аналитические построения становятся в ряде жанров письменных текстов ведущими. Актуализированность, подчеркнутая порционность в подаче сообщений особенно обнаруживается на общем фоне номинативных структур, в том числе и

собственно номинативных предложений. Вот один из примеров подобного конструирования текста:

Лязг гусениц. Пыль. Броня. Бегущий впереди колонны на привязи со связанными сзади руками местный подросток Гулям Сахи. Он выполняет роль наводчика.

Встающее солнце, жерла тяжелых пушек — беспощадные, мертвые, изрыгающие смерть. Задранные хоботы минометов, сеющие смерть. Шакалы силуэты боевых вертолетов, рыскающие по небу и несущие смерть. Танки в пшеничных полях.

И ясное, сразу — жаркое утро.

Все деревни на огромном пространстве окружены броней. Редкие выстрелы.

Первый пленный. Наводчик опознал в нем врага. Афганец одет прилично. Оружия при нем нет (В. Снегирев. Про войну. — Комс. правда, 1989, 9 февр.).

Или еще:

Интеллигенты... Доктор Гааз. Мать Тереза. Мать Мария. Альберт Швейцер. Анатолий Кони. И миллионы других — вы их знаете. Ужаснувшийся насилию. Подавший нищему. Укрывший от погрома. Восставший из огня. Пригревший сироту. Приголубивший прокаженного. Крикнувший: «Не троньте его!» Интеллигентность — волшебная гавань, открытая любым кораблям... (Т. Толстая. Интеллигент).

Предикативная осложненность предложения

В настоящее время, как было показано выше, не вызывает сомнения факт широкого влияния синтаксиса устно-разговорной речи на современный письменно-литературный язык. Общее влияние синтаксиса разговорной речи усматривается обычно в появлении у речи письменной таких характерных черт, как расчлененность речевой цепи, активизация свободных синтаксических форм, ослабление спаянности компонентов синтаксических конструкций, их облегчение и контаминированность, актуализация и сегментированность построений и т.п. Устно-разговорная речь постоянно пополняет письменно-литературный язык своеобразно оформленными конструкциями, которые выходят за рамки нормативной грамматики¹. Однако письменный язык, как язык, предполагающий обдуманную фиксацию и оформление сообщений, не просто копирует разговорные формы, а своеобразно приспособливает их к типу письменного общения, усваивая и имитируя «раз-

¹ См. монографию: Морфология и синтаксис современного русского литературного языка. Социолого-лингвистическое исследование. — М., 1968. С. 366.

говорную ситуацию» — неофициальные условия общения, персональность коммуникации, которые обуславливают имплицитность и неполноту высказывания¹, ослабление заботы о форме выражения и т.д.

Непосредственность общения исключает возможность предварительного обдумывания, а потому устная речь полна непринужденных форм, грамматических сдвигов, пропусков, повторов, усечений, эллипсисов, интонационных выделений. Эти качества определяют аффективные элементы языка, которые, уже как стиливые, закрепляются в письменной речи и образуют некое стиливое единство.

Одной из заметных черт разговорного синтаксиса, отраженно воспроизводимой в письменно-литературном языке (естественно, только в видах и жанрах литературы, допускающих свободное воздействие разговорных фактов языка), является смещение и взаимопроникновение синтаксических построений, обилие переходных типов. Это прежде всего проявляется в предикативной сложности предложения. В данном случае имеются в виду не обычные семантико-структурные осложнения предложения, которые наблюдаются при включении в структуру предложения вводных, вставных, присоединительно-пояснительных и обособленных конструкций, а нечто, выходящее за рамки «нормативной сложности». Это включение в состав предложения предикативных единиц, замещающих синтаксические позиции членов предложения. Такое явление контаминации имитирует сам процесс говорения: мы словно наблюдаем формирование мысли на ходу, соскальзывание с одной конструкции на другую, когда поиски подходящих «классических форм» предложения оказываются затрудненными из-за непосредственности общения и отсутствия возможности обдумывания и продумывания формы высказывания.

Элементарным случаем замещения позиции члена предложения предикативной единицей являются примеры типа *Живем по принципу «человек человеку друг»*, где предикативная единица *человек человеку друг* вовлекается в сферу связей слов, передавая атрибутивное значение при субstantиве. Входя в систему связей слов, такие предикативные единицы, лишь формально повторяющие структуру простого предложения, по существу теряют свои предложенческие признаки и даже приобретают способность распространяться обычным для слова способом, т.е. присоединяют к себе определительные члены: *От его приветливого «я вас ждал» она повеселела* (Б. Полевой). Близки к данному типу осложнения

¹ Сиротинина О.Б. Современная разговорная речь и ее особенности. — М., 1974. С. 32.

простого предложения конструкции с предикативными фразеологизированными единицами: *Лиза не бог весть какая красавица* (А. Чехов); а также предложения с «ослабленными» придаточными: *Мы, конечно, продолжали делать что хотели* (Б. Полевой)¹. Такое вхождение предикативных единиц в структуру простого предложения в целом не нарушает его «квалификационного» качества, поскольку единицы эти выполняют функциональное назначение обычных членов предложения и в принципе теряют свои предикативные признаки. Функциональное уподобление — явление достаточно распространенное и отнюдь не новое в литературном языке, но широко распространенное в современном языке.

Есть и иные типы вхождений предикативных единиц в систему отношений членов простого предложения. Именно они и осложняют предикативную основу предложения. Такое осложнение ломает структуру, квалификационные признаки предложения становятся нечеткими. В этих случаях структурная переходность (в частности, от простого к сложному) очевидна и столь же очевидна стилистическая отмеченность предложений. Наиболее распространенным типом подобных конструкций являются контаминации простого двусоставного предложения и придаточной: в качестве сказуемого придаточная часть (со словами *когда, где, чтобы*), включаемая в отношения подлежащего—сказуемого с помощью связки *это*: *Самая поздняя осень — это когда от морозов рябина сморщится и станет, как говорят, «сладкой»* (М. Пришвин); *Киж-озеро — это где раньше рыбаки семь лет рыбу ловили, а другие семь лет на том месте траву косили* (М. Пришвин); *Не первый увиденный грач весной самое главное, не скворец, а главное — это чтобы нога твоя встретила с землей* (М. Пришвин); *Литература — это когда читатель столь же талантлив, как и писатель* (М. Светлов); *Мания величия — это когда мышь вообразила себя кошкой и сама себя съела* (М. Светлов); *Романтика — это когда человек стоит на земле, но поднимается на цыпочки, чтобы дальше и выше видеть. Беда, если он оторвется от земли, тогда он пропал. Никакой настоящей романтики не будет!* (М. Светлов); *Настоящий праздник — это когда три дня не учатся и не работают. И когда демонстрация и еще салют* (Г. Малгунский); *Самый трогательный момент в Ясной Поляне — это когда в толпе по дороге к могиле Толстого смешиваются важные министры, именитые писатели, крестьяне из соседней деревни, тульские школьники и дошколята, религиозные паломники* (Лит. газета, 1998, 16 сент.); *Старость — это когда неблагоприятных дней больше,*

¹ См. о таких типах предложения: Стеценко А.Н. Предложения с предикативными единицами в функции членов предложения // Русский язык в школе. — 1970. № 1.

чем оставшихся (Лит. газета, 1999, 7 апр.); *На языке специалистов такой стресс называется доминантный, а проще говоря — это когда, что бы ты ни делал, одна мысль не идет из головы* (АиФ, 1999, № 2); *Горе — это когда срываюются планы, когда уходит то, что принадлежит тебе по праву сильного* (С. Есин); *Хорошая пресса — это когда пишешь профессионал, а не дилетант с гипертрофированным воображением. Когда критик дает творческой личности возможность подробно рассмотреть себя как бы в зеркале* (АиФ, 1990, № 43); *После ординатуры в МОНИКИ он остался здесь работать. Операции у себя в отделении, ночные дежурства (за восемь лет работы — полтора года одной только ночной работы), срочные вызовы в область — это когда анестезиологи на месте не справлялись и пациент был в опасности* (МК, 1980, 20 ноября); *Подписная компания — это когда газеты и журналы ближе к осени начинают убеждать читателей: в будущем году мы станем еще острее и интереснее* (Комс. правда, 1990, 6 ноября); *Счастье — это когда ты кому-нибудь нужен, — говорит она. — Если все время ныть и думать о плохом, жалеть себя, то все это плохое навалится и раздавит. Надо улыбаться даже через силу и научиться радоваться мелочам. Солнечному утру, хорошей книге, общению* (АиФ, 1999, № 15); *Но есть инфляция понятий: это когда невозможность достигнуть общественного согласия заставляет выбрасывать в обиход все новые и новые понятия, словосочетания в надежде хоть до чего-нибудь договориться* (Лит. газета, 1991, 22 мая); *Демократия — это когда еще не знают, кого слушаться, но уже знают, кого не слушаться* (Лит. газета, 1992, 29 янв.); *Кризис власти — это когда народ начинает ее бояться* (Лит. газета, 1995, 28 июня); *Везет — это не когда действительно везет, а когда есть изменения к лучшему по сравнению с невезеньем* (В. Распутин).

Интересно, что такой разговорный тип предложения настолько прочно утвердился, что во многих газетных жанрах (репортаж, очерк, фельетон и др.) стал естественной формой выражения мысли: *В чем же она состоит, его справедливость? Может быть, в создании ему равных условий для подвига, для творчества? Чтобы он тоже, как другие, мог не спать ночей над изобретением, мучиться, пот проливать? Нет, зачем же! Справедливость — это чтобы другим тоже было худо, горько* (Лит. газета, 1977, 30 марта); *Первый признак развала — это когда люди уходят с предприятия, а на оставшихся растет нагрузка* (Сов. Россия, 2000, 19 авг.). Тексты, допускающие подобные структуры, в стилистическом плане однотипны — это тексты, передающие непринужденный тон общения, живые, разговорные интонации, тексты, имитирующие сам процесс размышления, спонтанность в выражении мысли. Такие конструкции встречаются даже в научно-популярных статьях, в терминологиче-

ной речи, что еще более свидетельствует о широте распространения их в печати. Особенно характерны такие структуры в прозе, целиком построенной как размышление, как разговор с собой, например, у М. Цветаевой в очерке «Мой Пушкин», который представляет собой прозу-воспоминание, психологическое исследование: — *А что значит «И на счастье Петрово»?.. Петрово — понимаешь? Счастье — понимаешь? (Молчу.) Счастья не понимаешь? — Понимаю. Счастье — это когда мы пришли с прогулки, и вдруг дедушка приехал, и еще когда я нашла у себя в кровати... — Достаточно. На счастье Петрово значит на Петрово счастье. И далее: И опять встал под гигантский — в новый месяц! — вопросительный знак: Кто? Когда Петр — то всегда: кто? Петр — это когда никак нельзя догадаться.* Примерно то же у В. Маканина: *Соседствующий кусок юности — это когда я, студент университета, приехал в поселок, там умерла моя двоюродная или даже троюродная тетка, а я пришел (кто-то сказал: пойди! пойди!) в ее дам и по молодости слонялся там, не зная, что делать.*

Конструкции, построенные по схеме «существительное + связка это + придаточное (когда, где, чтобы)», имеют варианты в расположении компонентов, что выявляет гибкость структуры и ее приспособляемость к актуальному членению речи. Вот некоторые примеры: *Пушкин меня заразил любовью. Словом — любовь. Ведь разное: вещь, которую никак не зовут — и вещь, которую так зовут. Когда горничная походя сняла с чужой форточкой рыжего кота, который сидел и зевал, и он потом три дня жил у нас в зале под пальмами, а потом ушел и никогда не вернулся — это любовь. Когда Августа Ивановна говорит, что она от нас уедет в Ригу и никогда не вернется — это любовь. Когда барабанщик уходил на войну и потом никогда не вернулся — это любовь. Когда розовогозовых нафталиновых парижских кукол весной после перетряски опять убирают в сундук, а я стою и смотрю и знаю, что я их больше никогда не увижу — это любовь (М. Цветаева); Когда у Булгакова генералу Хлудову является повешенный им вестовой Крапилин, один раз, другой, преследует его — это жутко. Когда у Плучека то и дело появляется актер в образе повешенного вестового Крапилина — это... в лучшем случае никак (Комс. правда, 1978, 3 февр.); Когда в Малом театре раздвигается занавес и мы видим фотографию юной гимназистки Любы Яровой, — это ведь не просто деталь оформления. Это еще одно напоминание о том, что совсем молодым людям приходилось перекраивать свою судьбу и судьбу страны (Комс. правда, 1978, 3 февр.).*

Возможны и другие перестановки: *Это дружба — когда о руках и губах забывают, чтоб о самом заветном всю ночь говорить торопясь (К. Симонов); Зачем это — чтобы на весь коллектив легло? (А. Рекемчук); Первое, что я узнала о Пушкине, это — что его убили*

(М. Цветаева). Возможны и пропуски связки: *А главная нужда — чтобы удалось себя и мир борьбы и потрясений увидеть в обнаженности осенней* (Е. Евтушенко).

Вторая часть конструкции может выступать и в виде парцеллята: *В кино есть такое определение — синхронность. Это когда звук совпадает с изображением* (М. Светлов); *Молевой сплав — это он знал. Это когда спиленное бревно толкают в речку и оно само по себе плывет* (Г. Комраков).

Часто встречающийся вид контаминации простого и сложного предложения — это включение придаточных предикативных единиц в однородные ряды членов предложения. Такие предикативные единицы соединяются обычно союзом *и* со словоформами в функции либо объектных, либо определительных членов. Примеры такого объединения находим даже в классической литературе: *Я думал уж о форме плана и как героя назову* (А. Пушкин); *Была у него на этот счет особенная мысль, скрытая от всех и которую он очень боялся* (Н. Гоголь); *Вчера видел кошмарный сон о герцогине Ольденбургской, и как меня бросили «под сводами», и как я жалеюсь и сержусь на всех тревожащих меня* (Л. Толстой); *Вы спрашиваете про ваши лица и что я заметил в них* (Ф. Достоевский); *Ему представилось — люди в конюшне не просто пешие люди, а все они конные и что у каждого есть свой особенный конек и оттого-то они не хотят спешиться и работать простыми людьми на канале* (М. Пришвин); *Так иногда раздражает непрерывный, скучный, как зубная боль, плач грудного ребенка, пронзительное верещание канарейки или если кто непрерывно фальшиво свистит в комнате рядом* (А. Куприн); *Захочешь лечь, но видишь не постель, а узкий гроб и — что тебя хоронят* (С. Есенин). Реже встречается подобная контаминация при противительных союзах: *Не камень раскаленный — причина радости, а что другой человек о тебе подумал и свое добро тебе же тут и отдаст в этом тепле* (М. Пришвин).

Изобилует подобными построениями современная газетно-публицистическая и критическая проза. Язык периодики — это необходимый и важный этап на пути разговорных конструкций к литературному употреблению. Это та «апробация», без которой немислимо изменение норм. Вот некоторые примеры: *Недавно я прочитал в большой статье И. Эренбурга «Необходимое объяснение» справедливую мысль об идейном и художественном росте нашего народа и что в то же время читатели сегодня «требуют литературы более значительной, более сложной, более глубокой»* (К. Зелинский); *Шрагину вспомнился родной Ленинград и как он — школьник — получил комсомольский билет из рук участника октябрьского штурма Зимнего* (В. Ардаматский); *Ему вдруг захотелось тепла и чтоб зима тоже была теплая* (В. Ардаматский); *Нам только рама нужна и*

чтоб на ней был номер (В. АрдаMATский); К сожалению, только обстоятельная, параллельно с демонстрацией лекция могла бы пояснить профессиональные тонкости и — почему художник хирургического скальпеля Юдин отдавал дань своего восхищения реставраторскому скальпелю Кирикова (Л. Леонов); И всяк норовит свой фюлиант в коленкору одеть, в многоцветную лакированную суперобложку, да чтоб непременно напечатать на лощеной бумаге (М. Шолохов); Я помню все — немецких братьев шей и что лиловым гребнем Лорелеи садовник и палач наполнил свой досуг (О. Манделштам); И вспомнил незабвенный «Фрегат «Палладу» и как Григорович вкатился в Париж лет восемьдесят назад! (М. Булгаков); Мне видалась пурга (не могу сказать, снилась, шел прямой повтор из детства) и как я, мальчиком, бегу на лыжах в разгулявшийся, воющий февральский снег (В. Маханин); ...И когда появился в технике лазер — домозоговали до лазерного гироскопа, без трущихся частей и чья готовность меновенна (А. Солженицын).

Подобные однородные ряды можно обнаружить даже в научно-популярных текстах, что свидетельствует о довольно широкой сфере распространения описываемого явления: *При возникновении слабой боли или когда о возможной боли предупреждает врач, больной прибавляет громкость белого шума («Наука и жизнь»).*

Возможны и другие случаи структурной контаминации, например, когда в перечень признаков, передаваемых с помощью словоформ, выстроенных в однородные ряды, включаются предикативные единицы, не являющиеся придаточными. Как правило, это двусоставные предложения, полные или неполные; оказываясь в ряду определительных членов предложения, они функционально уподобляются им, детализируя и уточняя те или иные признаки описываемого предмета. Особенность таких включений в структуру простого предложения заключается в том, что они, подчиняясь влиянию близлежащих членов предложения, ослабляют свою самостоятельную предикативную значимость. Например: *Вихров, в потертом, помятом пиджаке, ворот поношенной рубашки распахнут, плохо причесанные волосы спадали на крепкий лоб, обрадованно, подобно веселому сельскому парню в порыве чувства, фамильярно облапил его сзади (Ю. Бондарев).* Включаясь в ряд обособленных определений, предикативные единицы (*ворот поношенной рубашки распахнут, плохо причесанные волосы спадали на крепкий лоб*) функционально подчиняются им. И только при таком условии становятся членами простого предложения. Функциональному уподоблению здесь способствует общая ситуативная направленность контекста — все определения характеризуют внешние признаки предмета. Схожую речевую ситуацию наблюдаем и в таком примере: *Первый день в общежитии начался с конфликта. Ко-*

мендантша — толстенная тетка, волосы завиты в мелкие кудельки, щеки тугие, красные, словно помидоры, — привела Валу в большую, светлую комнату («Юность»). Ср.: Комендантша — толстенная тетка, с волосами, завитыми в мелкие кудельки, с тугими, красными толстыми помидорами, щеками, — привела Валу; Мишка Еремеев, сухой телом, с тяжелым, как у взрослого мужика, лицом, скулы с кулак величиной, кисти рук жмистые (В. Астафьев); Изредка Евфамия приезжала в гости. Толстенная, платок ниже бровей... Говорила мало, и все неинтересно (В. Панова); Лишь один непоседа с припадающим дергающимся веком, подвязана тряпичной скула, продолжал работу, несмотря на зной (Л. Леонов); Пехотинец Семен Гудзенко — крупный, брови срослись, начинал свое беспощадное, совестливое: «Разрыв — и умирает друг. И, значит, смерть проходит мимо» (Правда, 1989, 7 мая); Старичок в галстуке, с цепочкой карманных часов, волосы мокро приглажены, выходит в коридор (Г. Щербакова); Хорошо, что была девушка по имени Люда, такая потом умытая, свеженькая, рыженькая, глаза в солдатскую ложку, и как закатит их вбок — яркая, аж слепит, фарфоровая бель с блеском (В. Астафьев).

Включение предикативной единицы в сферу связей членов предложения может иметь и иной семантико-грамматический характер. Например, в предложении: *Они наняли покойные извозчичьи санцы с сухоньким, ровно со старинной иконы сошел, старцем на облучке* (Л. Леонов) — предикативная единица *ровно со старинной иконы сошел* разорвала связь определения с определяемым словом и оказалась в позиции поясняющего члена к определению-прилагательному *сухонький*. Схожую функцию (значение причинной обусловленности) выполняет предикативная единица в составе такого предложения: *И он [Егор Яковлевич] ушел, а Костик подсел на скамейку румяный и довольный, накутался в речной свежести, и ничего еще не знающий, ничегошеньки* (В. Лидин).

Особенно богат современный синтаксис конструкциями номинативного типа, которые обладают такими качествами, как фрагментарность, сегментированность, что позволяет передать информацию наглядно, легко и быстро. В такие структуры также могут включаться предикативные единицы. Среди них особенно выделяется именительный темы, рожденный речью без специальной подготовки, речью импульсивной. Такие конструкции обладают стилистической легкостью, ступенчатостью в подаче мысли, актуализированным выделением нужных частей высказывания. По типу двучленных конструкций с именительным темы могут быть построены и предложения с различными эквивалентами номинатива. В акцентную позицию (предикативная единица на месте именительного) выдвигается главное в высказывании, коммуникатив-

но наиболее значимая часть. Часто в такой роли выступает придаточная или целый ряд придаточных. Вот некоторые примеры: *Немало не свете великих рек, и что они многоводные и широкие — это, само собой, всех их делает и красивыми* (М. Пришвин); *А вот что хорошего в бесконечно большом и голом поле, — это трудно сказать и мудрому* (М. Горький); *Сшил людям несколько пар сапог, а крепко ли сшил, долго ли проносятся — это было еще не проверено* (В. Овечкин); *Любил ли я кого-нибудь в жизни? Маму любил. Бабушку, несмотря ни на что, любил. А так, чтобы влюбиться в какую-нибудь девочку, да еще резать из-за нее вены — на это я никогда не был способен* (В. Войнович).

Актуализация фрагментов сложного предложения, осуществляемая в результате инверсии, приводит к позиционному и функциональному уподоблению этих фрагментов именительному темы, что в свою очередь влечет за собой появление местоименного слова в основной части предложения. Обычно таким словом являются формы местоимения *это*, которые, относясь к впереди стоящей части предложения, вбирают в себя все его содержание. О широкой распространенности предикативных эквивалентов именительного темы говорят многочисленные примеры использования их в периодической печати. Вот некоторые примеры: *Приспособление земных существ к неземным условиям — это реально, переброска их в другие миры — тоже... Но чтобы они изменили облик целой планеты — возможно ли это?* («Вокруг света»); *С кем идти, какую избрать позицию — на этом замешивались конфликты и жизненные, и драматические* (Комс. правда, 1978, 3 февр.); *Но чтобы два ученых мужа, да еще причастных к искусству, могли так варварски отнестись к старине — это иначе как преступлением и назвать нельзя* (С. Голицын).

Эквиваленты именительного темы могут получать предельную грамматическую самостоятельность: *Когда кончится война... От этой отправной формулы исходили сейчас все мечты людей* (С. Никитин); возможно даже отсутствие подхватывающего данную структуру предложения (в заголовках): *Когда компьютеры заговорят о любви...* (Лит. газета, 2001, № 6).

Предикативные единицы в роли членов простого предложения или актуализированных частей сегментированных построений обычно, как уже было сказано, не меняют общего квалификационного качества структур, в которые они входят. Занимая «чужие» синтаксические позиции, они, подчиняясь семантико-структурным связям и отношениям данного предложения, приобретают функциональное значение тех членов, которые замещают, и по существу являются лишь речевыми реализациями общеязыковых структур. Однако свое собственное предикативное качество этих

конструкций в каждом конкретном случае все-таки осложняет предикативную основу предложения, а это в свою очередь влечет за собой появление структурных сдвигов. Стабилизация и частотность в употреблении приводит к закреплению подобных синтаксических явлений как явлений переходного типа. Конструкции, включающие предикативные единицы, достаточно подвижны и, следовательно, удобны: они легко подчиняются требованиям актуализированной речи и потому расширяют сферу своего применения, тем более что такие построения имеют уже достаточно длительную историю употребления. Так, например, М. Ломоносов использовал в своих научных сочинениях подобные конструкции: *Эмфазис есть когда действие или состояние вещи не прямо изображается, но разумеется из другого и через то великоленно возвышается* (Краткое руководство к красноречию)¹; *Усугубление есть, когда одно слово дважды полагается в одном предложении*². Очень «сильные» стилистические качества этих конструкций держат их в рамках разговорного стиля. Но как примета разговорности они в настоящее время получили весьма широкое распространение, так как не только не противоречат общему процессу сближения норм литературно-письменного и разговорного языка, но и в значительной степени способствуют ему и находятся в русле этого процесса. Из стилистически замкнутых средств синтаксической экспрессии данные конструкции постепенно переходят в разряд общепотребительных. Распространение их в газетно-журнальных публикациях, в художественной литературе и даже в литературе научно-популярной — залог «узаконения» подобных построений и одновременно постепенной утраты ими их стилистической отмеченности. Разговорная окраска их используется обычно как средство интимизации речи, создания эффекта непосредственности и неподготовленности. И характерно это для тех видов литературы, для которых очень существенна функция воздействия. «Интенсивное развитие синтаксических конструкций, специальное назначение которых — не просто передать адресату ту или иную информацию, а задержать его внимание на ней, максимально акцентировать ее и тем усилить ее действенность, — заметная черта языкового развития нашей эпохи»³. Одна из общих тенденций современного синтаксиса — рост «самостоятельности» зависимых синтаксических единиц, их семантизация. Видимо, именно эта внутренняя закономерность и послужила хорошей почвой для

¹ Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. Т. VII. Труды по филологии. — М.; Л., 1952. С. 253.

² Там же. С. 259.

³ Морфология и синтаксис современного русского литературного языка. Социолого-лингвистическое исследование. — М., 1968. С. 238.

широкого усвоения письменной речью конструкций, предикативно осложненных. Замещение позиций словоформ предикативными единицами — явление стилистическое на уровне речи и не только стилистическое на уровне языка. Это показатель развития абстрагированности и аналитизма и в синтаксической строе. Очевидно, что каждое новое качество рождается в живом, разговорном языке и лишь постепенно вторгается в книжную речь и фиксируется в ней.

Активизация несогласуемых и неуправляемых словоформ

Расчлененность и фрагментарность синтаксических построений, вызванные аналитическими процессами в синтаксисе, сказались и на других явлениях, в частности, в результате усиления этих черт увеличилась продуктивность «свободных» конструкций, расширились связи примыкания и соположения за счет слабоуправляемых и согласуемых. Актуализировались конструкции с имплицитно представленными синтаксическими связями (без специальных сигналов этих связей).

Ослабленность синтаксической связи и одновременное сжатие конструкций можно обнаружить, например, в таком ярком явлении современного синтаксиса, как чрезмерная активизация форм именительного падежа в общем потоке речи. Уже было сказано о распространении препозитивных и постпозитивных номинативах в сегментных и парцелированных структурах. Но форма именительного падежа завоевывает все новые и новые позиции.

Экспансия именительного падежа чаще наблюдается в устной речи, где формируется разговорный стиль. Частотность именительного падежа — следствие спонтанности речи, ее неподготовленности, что обнаруживается скорее в стремлении к называнию предметов и явлений, нежели к логическому связыванию их с помощью канонически оформленных словесных блоков. Вербальные средства называния в таких случаях составляют поверхностную структуру речи, а логико-понятийные связи оказываются в глубине как сами собой разумеющиеся.

Влияние устной речи как речи, формирующейся на ходу, на речь письменную сказывается именно в обильном представлении в ней «зависимого» именительного, который выступает как распространитель другого существительного, как обозначение объекта при глаголе, при категории состояния и т.п.¹

¹ См.: Акимова Г.Н. Новое в синтаксисе современного русского языка. — М., 1990.

Например: *Вот молоко пакет; Как пройти проспект Мира; Вы Серпуховская выходите?* Частично такое оформление мысли перешло в письменную речь: *Москва, проспект Мира, 5* (Ср. адрес, написанный Хлестаковым: *Его благородию, милостливому государю, Ивану Васильевичу Тряпичкину, в Санктпетербурге, в Почтамтскую улицу, в доме под номером девяносто седьмым, поворота на двор, в третьем этаже направо*). Или ср. еще: *Поезд Прага — Варшава* (1896; *Вестник министерства путей сообщения: Пересадочные пассажирские поезда между станциями Прага Тераспольская и Варшава Петербургская*); *Шел скорый Приморск — Москва; По маршруту Москва — Петербург; Участок Тверь — Клин*. В сочетание с именительным падежом вовлекается все большее число слов; при них обычно используется именительный падеж кратный: *партия, матч, встреча, дуэт, союз, поединок, история, переписка, проблема* и т.п., например, *Матч Каспаров — Карпов; История Печорин — Грушицкий, Проблема Солнце — Земля; Отношения учитель — ученик*.

Функционирование формы именительного падежа в зависимых синтаксических позициях — это ослабление синтаксической цепочки. Именительный падеж, таким образом, закрепляется в позициях, свойственных косвенным падежам, используется в пределах предложения, в присловной позиции. Зависимость такой формы поддерживается порядком слов и линейной контактностью расположения.

Некоторые модели с именительным «зависимым» приобрели книжно-письменный характер, например в специальной литературе: *рукопись объемом 5 а.л.; на расстоянии пять километров; Олимпиада — 2000* (вместо *двухтысячного года*); *Айболит — 66*. Именительный падеж в роли определения — частое явление современной письменной речи: *Проблема номер один; «Буря в пустыне» номер два не состоялась* (Лит. газета, 1993, 13 янв.); *Космонавт-100; Восток-2; Молния-1*. Еще пример: *Вместе с ним он отправился на вертолете в горы на ледник, расположенный на высоте 3 тысячи метров над уровнем моря* (Посл. нов., 2001, № 9).

Ступени в синтаксической организации подобных структур вполне очевидны: *Дом под номером двадцать девятым — Дом номер двадцать девять — Дом двадцать девять*. Ср. пример: *Твоя прелестница нынче имеет жительство в Литейной части, на Воскресенской набережной во владении Гасса — это под номером 12* (В. Лавров).

Экспансия именительного падежа осуществляется на широком фоне общей тенденции к ослаблению спаянности компонентов цельнооформленных синтаксических единиц. Особенно это ощущается в речи разговорной, что в определенных стилистических условиях может быть отражено и в речи письменной.

Например: *Сын у меня. Семнадцать лет. Сегодня первый день токарем работает; Село Борки. Псковская область. Литературно-художественный музей. Здесь вы узнаете об истории Великой Отечественной войны в этих местах* (Сов. Россия, 1989, 19 апр.). Ср.: *Сын у меня, семнадцати лет; Село Борки Псковской области.*

«Зависимый» именительный падеж может включаться даже в однородный перечислительный ряд, где соседствуют иные падежные формы: *Одет он был по-дачному: без воротничка, полотняные туфли* (И. Эренбург).

Показательно, что именительный падеж может нарушать соотношение грамматических форм, явно указывающих на единого субъекта действия, например: *Все та же ночь, заставшая их двоих в пути. Старый человек и старый конь. Горит костер на краю оврага* (Ч. Айтматов). Употреблению формы именительного падежа не помешало здесь даже ее определительно-конкретизирующее значение (*их двоих, старого человека и старого коня*). Еще примеры: *Ольсен прост и скромн. Тридцатичетырехлетний, со шкиперской бородкой, по-северному синими глазами. Аккуратный серый костюм, темный галстук. Взгляд сразу останавливается на ордене на лацкане пиджака* (Правда, 1986, 26 июля); *Через несколько дней захожу я в столовую Союза писателей, выбрал свободный столик, подходит согбенный седенький старичок с маленькой бородкой, белые усики... С хозяйственным мешочком в руке* (И. Андроников). Ср. с выраженной синтаксической связью: *Лужин возвращался со станции пешком — полный, улыбельный господин, придавленный жарой, в белых от пыли башмаках* (В. Набоков); *На Варю смотрел мальчик небольшого роста, с лицом херувима, правильный, чуть удлиненный овал лица, высокий лоб, аккуратно уложенные каштановые волосы, прямой коротковатый нос, добрые улыбающиеся голубые глаза* (А. Рыбаков); *Наконец, приехал Де Сика. Кашемировое пальто, перчатки на заячьем пуху — я таких никогда не видел. Седой. Красивый. Маэстро. Рядом с ним я ощущал себя студентом* (В. Маканин); *Анна Антоновна надела свой лучший костюм — синий кримплен, голубая водолазка, юпитарная брошь, волосы сделала модным валиком* (Г. Шербакова).

В подобных примерах употребления именительного в зависимой позиции, в функции определительной или определительно-конкретизирующей явно утрачиваются формальные синтагматические связи (падежные окончания, предлоги) и функция слова проявляется в позиционной соотнесенности с другими словами. Ср. еще примеры из одного текста: *Козырь уже прохаживался вдоль тротуара, одетый каммивояжером средней руки: в бобровом картузе, коротком пальто, клетчатых брюках, щегольских белых бурках* (Б. Акунин); *Носильщики тащили за ней чемоданы и шляпные коробки, а рядом, засунув руки в карманы, легкой, танцующей*

походкой шел красивый молодой человек: узкое пальто с брововым воротником, американская шляпа, черная ленточка подбритых усов (Б. Акунин).

Примерно то же наблюдается в современной рекламе, где «несогласованный» именительный падеж представлен широко в специфических формулах: *Колготки женские, производство Чехии, продаются на 2-м этаже; В большом выборе ликеры — производство Германии; Московский институт предпринимательства и права, госаккредитация № 25-0238, продолжает прием на заочное отделение по специальностям юриспруденция, экономические, менеджмент (АиФ, 2001, № 2).*

Нереализованные грамматические связи обнаруживаются в структуре предложения, когда, например, несогласованные компоненты выполняют свои обычные функциональные задачи, являясь соответствующими членами предложения (см. раздел «Предикативная осложненность предложения»).

Включение в высказывание компонентов, утративших эксплицитно выраженную грамматическую связь с другими словоформами, приводит к потере грамматической спаянности словоформ, что проявляется в отсутствии реализации словом его грамматической валентности (не реализуется обычно связь согласования и управления).

Характерен и такой случай — с необычной функцией именительного-винительного: *Я осмотрелся по сторонам. Высокий мрачный потолок. Голые стены, совсем пустые* (Б. Акунин). Ср. без парцеллирования четкие грамматические связи при объектной функции словоформ: *Я осмотрелся по сторонам и увидел высокий мрачный потолок, голые стены, совсем пустые.*

Показательны и случаи использования свободных неуправляемых словоформ (особенно в нулевом контексте, в качестве заголовков). Это словоформы в косвенных падежах, «лишенные» управляющей части структуры: *В интересах мира, В гостях у журналистов; В Кремлевском Дворце.* Примеры: *За одним столом со Сталлоне* (АиФ, 1997, 20 мая); *Из Перми в Пермь через Лондон* (АиФ, 1997, 20 мая).

Такие формы могут быть и в контекстуальном окружении, где связь их с другими членами конструкции проявляется неординарно: *С сердцем плохо; Между братьями ссора; С планом порядок; С другом беда; Для него это радость; У бабушки ревматизм*¹. В отличие от свободных словоформ подобные неуправляемые словоформы

¹ См.: Шведова Н.Ю. Очерки по синтаксису разговорной речи. — М., 1960; Русская разговорная речь. — М., 1973; Сиротинина О.Б. Современная разговорная речь и ее особенности. — М., 1974.

конструктивно закреплены и не имеют самостоятельного функционального значения. Среди конструктивно-закрепленных словоформ особенно продуктивна конструкция «предлог с + твор. п.»¹: *С зарплатой задержка; Махинации с товарами; Авантюра с приватизацией; С дисциплиной плохо; Вакханалия с транспортом; Комедия с расследованием* и др. Как правило, подобные сочетания экспрессивны, имеют неодобрительное оценочное значение. Активна также синтаксическая форма родительного количественного в качестве предикативного элемента лаконичных квалификативных предложений разговорного типа: *Молока — залейся* (А. Твардовский); *У нас девчат хороших — табунами ходят* (Ю. Бондарев).

Так на базе расчлененности синтаксической цепочки в рамках предложения развивается грамматическая самостоятельность отдельных словоформ, переходящих из зависимых позиций в позиции предикативно связанные. Такие структуры экспрессивны, лаконичны.

На базе самостоятельно употребленных словоформ нарождается новый структурный тип предложения, который обычно не отмечается традиционными классификациями, например употребление локальных и темпальных обстоятельств в самостоятельной позиции: *В городе, по пути на вокзал. Извозчик летит во весь дух, с горы и на мост* (И. Бунин); *На пустынной Преображенской. Снег кружился и ветер выл* (И. Одоевцева); *С утра. В одну из черных пятниц. Уйти — не оправдать надежду...* (Г. Плисецкий); *В вагоне между Смоленском и Варшавой, по дороге в Париж* (Т. Толстая-Сухотина); *Второй день в пустынном Черном море. Начало апреля, с утра свежо и облачно* (И. Бунин); *В тесной, по-московски заставленной мебели, комнате, где, видно, соблюдается старинный принцип ничего не выбрасывать. Здесь мирно соседствовали письменный стол начала века, художочные стулья шестидесятых и молчаливая жаба довоенного телефона* (А. Амлинский).

В схожей позиции могут оказаться и словоформы с другими видами обстоятельственных значений: *Она ушла, унося обиду, только обиду. Но вот шаг за шагом по темному, сырому, уютному городу, дальше от стен, где остался запертый, охраняемый Коля, и стало расти, расти, распирать до — не могу!* (В. Тендряков); *Нога за ногу по мокрым улицам, таща в себе распирающую необъяснимость... Не могло такого случиться, а случилось, не пригрезилось. Звучит в ушах — уходи!* (В. Тендряков).

¹ См.: Золотова Г.А. К развитию предложно-падежных конструкций (сочетания с существительным в творительном падеже с предлогом с) // Развитие синтаксиса современного русского языка. — М., 1966; Морфология и синтаксис современного русского литературного языка. — М., 1968. С. 248.

Рост предложных сочетаний

Для современного русского синтаксиса характерна повышенная роль предложных сочетаний, которые часто приходят на смену беспредложному управлению (ср.: *Ее постели сон бежит.* — А. Пушкин; *И наглядеться я тобою не могу.* — И. Тургенев). Предлоги давно уже пришли на помощь языку в дифференциации передаваемых с помощью падежных форм значений. Современный русский язык даже отдаленно не может сравниться, скажем, с древнерусским по количеству предлогов и предложных сочетаний. Многозначность отдельных падежей давно уже преодолевается предложными конструкциями. Ср., например, многозначность творительного падежа в прошлом: *выйти дверью, окном; ударить человеком; ехать лодкой.* Предлоги помогают дифференцировать значения. Ср.: *Идти лесом — идти около леса; идти по лесу, идти через лес, идти вдоль леса.* С помощью предлога могут приобретаться и новые значения, в сравнении с беспредложными формами. Ср., например, смыслы известных формул, распространенных в 30-е годы: *Религия — опиум народа* и *Религия — опиум для народа.* В первом случае народ оказывается «творцом»; во втором — субъектом, пассивно воспринимающим религию, навязываемую извне. Особенно возрастает роль предлогов в деловом языке, где точность смысла оказывается первостепенной задачей. Наряду с этим и другие стили и типы речи стремятся к большей точности высказывания, нежели могут дать многозначные и часто неопределенные беспредложные структуры.

На этом общем фоне понятно вовлечение знаменательных частей речи в категорию предложных сочетаний, четко передающих искомый смысл. Например, разрастается сфера употребления предложных сочетаний, главенствующую роль в которых играют соответствующие по смыслу знаменательные имена, — это отыменные предлоги: *в деле, по пути, в области, в смысле, с целью, в целях, в качестве, в порядке, в виде, в направлении, в зависимости от, в соответствии с, во избежание* и др. Такие сочетания больше характеризуют деловую, канцелярского типа переписку; именно такой стилистический оттенок имеют они при распространении в общелитературном языке. Однако в других случаях предложные сочетания, не столь очевидные по своим стилистическим качествам, все-таки заметно выпесняют беспредложные сочетания. Причем на общем фоне победы предложных сочетаний особой активностью отличаются предлоги *с* и *по*, прямо и непосредственно разрушающие словосочетания с сильным глагольным управлением. Ср.: *откладывать отъезд — откладывать с отъездом; закончить уборку — закончить с уборкой; задерживать выплату зарплаты — задерживать с выплатой зарплаты.* Активность

предлога *по* уже давно отмечена в литературе¹; ср.: *слесарь-ремонтник — слесарь по ремонту, инженер-технолог — инженер по технологии; преподаватель истории — преподаватель по истории*. Еще в 70-е годы зафиксированы такие официальные наименования: *ателье по ремонту верхнего платья; совет по туризму, программа по добыче алмазов* (ср.: *программа добычи алмазов*); *план по выпуску* (ср.: *план выпуска...*) и т.д.

Наряду с выгеснением беспредложных конструкций предложными происходят некоторые перемещения и замены внутри предложных конструкций. Например, предлог *по* выгесняет другие предлоги, которые уже достаточно укрепились в языке: *заявки на ремонт — заявки по ремонту, говорить о кандидатуре — говорить по кандидатуре, приз за выступление — приз по выступлению* и др. В буквальном смысле борьбу с переменным успехом ведут предлоги *в* и *на*, изначально точно дифференцированные по значению: *в* (внутри, внутри), *на* (сверху, на поверхности). Ср.: *на Урале, на Кавказе; в Белоруссии, в России, в Сибири; на Карпатах, в Закарпатье*. В последнее время сочетание *на Украине* последовательно стало заменяться сочетанием *в Украине*. Окончательное размежевание в употреблении этих предлогов не произошло до сих пор: мы говорим *на кухне* и *в кухне; на огороде* и *в огороде; на поле* и *в поле*. В XIX в. предложные сочетания с *в* были более употребительными: *в концерте; идти в рынок; жить в улице; быть в маскараде* (ср.: *Не угодно ли вам сегодня пойти в концерт?* — И. Тургенев; *...Надев мужской наряд, Богиня едет в маскарад.* — А. Пушкин). В XIX в. слово *театр* употреблялось в значении «сцена, подмостки», поэтому естественным было сочетание *на театре*². Теперь в общем употреблении принята форма *в театре*, хотя форма *на театре* иногда возможна как специфический профессионализм.

Колебания в использовании беспредложного и предложного управления, а также в разных видах предложного управления не изжиты по сей день и представляют значительную трудность в практическом смысле. Недостаточная регламентированность форм управления часто приводит к ненормативным употреблениям, например *оплатить за проезд* вместо *оплатить проезд* (по аналогии с *платить за проезд*) и др. По той же причине — историческим сдвигам — «трудными» для практического применения оказываются предлоги *благодаря, вопреки, согласно*, которые в грамматическом плане преобразовывались на пути к предлогам, сохранив «исторический» след в вариантности употребления с разными

¹ Шведова Н.Ю. Активные процессы в современном русском синтаксисе (словосочетание). — М., 1966. С. 40.

² Горбачевич К.С. Изменение норм русского литературного языка. — Л., 1971. С. 251.

падежными формами (*благодаря* кому — чему, а не кого — чего; *вопреки* чему, а не чего; *согласно* чему или *согласно* с чем).

Рост предложных конструкций и уточнение значений падежных форм благодаря специализации значений предлогов, характеризующие современные синтаксические конструкции, свидетельствуют о внутренних процессах в языке, стимулируемых тенденцией к более точной передаче необходимого смысла, поиском адекватных способов дифференциации значений.

Тенденция к смысловой точности высказывания

С этой тенденцией прежде всего связаны изменения в функционировании имен существительных мужского рода при обозначении лиц женского пола¹.

В современном русском языке чрезвычайно расширился круг существительных для обозначения лиц по роду деятельности. Это наименования должностей, званий, профессий, специальностей, для которых преимущественно используются слова мужского рода: *пилот, врач, доктор, инспектор, бухгалтер, адвокат, прокурор, профессор, доцент, декан, ректор, министр, премьер, президент, математик, лингвист, дипломат, посол* и т.п. Эти наименования могут быть отнесены и к обозначениям лиц мужского пола и лиц женского пола. При разграничении этих значений возникают колебания в координации форм сказуемого и подлежащего, в согласовании прилагательных, причастий и местоимений с данными существительными. Рекомендации грамматик в прошлом и вплоть до середины XX в. сводились к ориентации на форму слова, т.е. при согласовании и координации учитывать мужской род имен, независимо от того, кого конкретно называют эти имена — мужчину или женщину. Хотя Грамматика-80 фиксирует, что «в разговорной, непринужденной речи активно распространяются употребления типа *врач пришла, бригадир уехала в поле* (реже — сочетания *новая бригадир, прекрасная врач*)»². Следовательно, допускается отход от грамматической традиции, но в рамках некодифицированного языка.

Поскольку наиболее часто новые нормы приходят из живого употребления и разговорная речь является сейчас основным источником корректировки нормы, понятно широкое распространение так называемого «согласования по смыслу». Официально-деловая речь, как наиболее консервативная сфера функционирования языка, сохраняет ориентацию на грамматическую форму, и

¹ См. соответствующий материал и в разделе морфологии.

² *Русская грамматика*: В 2-х т. — М., 1980. С. 467—468.

потому в документальной литературе и деловой переписке наименования лиц по должности, званию, специальности, профессии и т.п., имеющие форму мужского рода, требуют соответствующих форм сказуемого и определенных, например: *Доктор сделал доклад* (даже если имеется в виду доктор-женщина); *Иванова — хороший врач*, но: *Доктор Иванова сделала доклад*. В официальной ситуации принадлежность к полу не играет существенной роли, важно, что это за специалист, какова профессия лица. В разговорно-бытовой речи, более конкретной и предметной по содержанию, ситуация меняется и более корректными по смыслу оказываются формы, точно передающие содержание.

Массовая печать конца XX в., активно включающая в свой язык разговорные элементы, и в данном случае предпочитает смысл форме, создавая, таким образом, почву для нормативной вариантности. Тем более что контекстуальные условия часто лишают пишущего выбора, в частности при указании в тексте на конкретные признаки лица. Например, в статье о тибетской медицине «Лечит доктор Долма» (Лит. газета, 1984, 1 мая) есть текст: *Доктор худощава, невысокого роста. У нее спокойные, смуглые руки. Она берет больного за кисти и уверенно говорит, прощупывая пульс: «Ушибли спину несколько лет назад»*; еще пример: *Начинается суд над фармацевтом, отравившей своего бывшего мужа, его беременную жену, двух детей и собаку* (МК, 1995, 24 окт.). А вот примеры, лишенные указаний на реальный пол, кроме собственно формы сказуемого: *Дирижер объявила голодовку* (МК, 1993, 12 мая); *Вынося политику за скобки литературы, критик столь размашиста, что не знаешь, право, к какому жанру отнести «Лев Толстой как зеркало русской революции»* (Сов. культура, 1988, 29 сент.); *Пилот до последнего пыталась мягко посадить машину, но, видимо, из-за небольшого наклона поля Ми-2 упал прямо на нос* (МК, 1995, 16 сент.).

Дифференциация форм типа *секретарь сказал, сказала; директор уехал, уехала* свидетельствует о тесной связи лексики (значение), морфологии (формирование категории общего рода) и синтаксиса (синтаксическая связь координации и согласования). Авторы монографии «Морфология и синтаксис современного русского литературного языка» (М., 1968) склонны считать, что в данном случае речь идет о формировании категории общего рода: «Форма муж. р., наряду со своей способностью обозначать лицо мужского пола, приобрела способность обозначать лицо в отвлечении от пола, т.е. выступать в функции общего рода» (С. 21), т.е. наблюдается ситуация, схожая с функционированием имен типа «неряха», «забияка» и др. В таком случае акцент делается на формировании морфологической категории, причиной которого послужили новые социальные условия — профессии сугубо муж-

ские становятся и женскими. Помещая разговор о данном явлении в разделе синтаксиса, мы акцентируем внимание на вопросах координации и согласования в строе предложения и оставляем в стороне вопрос о статусе грамматической категории общего рода, хотя, естественно, и то и другое взаимно связано, и скрепляющим эту связь оказывается смысл.

В настоящее время аналитические средства выражения рода (семантического пола) реально выступают у значительного числа имен существительных со значением лица, которые не имеют оппозиции «мужской — женский род»: *автор, агент, антрепренер, балетмейстер, баснописец, библиофил, востоковед, гинеколог, групповод, дегустатор, директор, жонглер, информатор, оператор, лауреат, нотариус, прозаик, психолог, ревизор, суфлер, уролог, фотограф, хирург, эксперт, электрик, юрисконсульт, языковед* и мн. др. Если в тексте нет указаний на реальное лицо (мужчину или женщину), то сочетания типа *секретарь выдал справку, хороший врач, известный математик* и т.п. могут быть восприняты двояко, но скорее всего как сообщение отвлеченного характера, когда конкретный пол должностного лица не играет существенной роли.

Надо сказать, что в средствах массовой информации последних лет наметилась довольно четкая дифференциация в обозначении лиц мужского и женского пола. Стремление к точности информации привело к последовательному использованию аналитических форм при сообщении о лицах женского пола и, вследствие этого, сочетания типа «Корреспондент побывал на месте происшествия» обозначает, что корреспондент — мужчина. Для обозначения женщины-корреспондента была бы избрана иная форма сказуемого-глагола: «Корреспондент побывала на месте происшествия».

Таким образом, неформальная связь указанных существительных с глаголами (и прилагательными) становится все более устойчивой и нейтральной. Стремление к смысловой точности высказывания обнаруживается и при сочетании некоторых других типов имен, выполняющих функцию подлежащего, с глаголами-сказуемыми. В данном случае имеется в виду формальная оппозиция чисел — единственного и множественного. Подлежащие, выраженные собирательными существительными (*большинство, меньшинство*), определенно-количественными или неопределенно-количественными сочетаниями (*двое студентов; много, мало предметов; несколько человек*), оформляют свою связь со сказуемыми-глаголами двояко: формально, по недавней кодифицированной норме, в сказуемом используется форма единственного числа (*Большинство депутатов явилось на заседание; Много книг лежало на столе; Несколько студентов не прибыло на сессию*). Однако смысл обозначаемого подлежащим количества — определенного или не-

определенного — требует формы множественного числа в сказуемом. Тенденция в выборе форм на сегодняшний день очевидна: формальное уподобление форм отстывает под напором смысла, особенно если речь идет о множестве лиц, а не предметов. То же наблюдается, когда в состав подлежащего включаются слова типа *более, менее, часть, группа* (с зависимой формой родительного падежа) и др.

Некоторые примеры: *Работает машина, заменяющая труд ста человек, а вокруг стоят сто человек и смотрят, как она работает* (Лит. газета, 1973, 14 марта); *В городе Уамбаго [Ангола] погибли 24 и ранены 67 человек* (Изв., 1978, 11 ноября); *В Москве в понедельник открылся 5-й съезд Союза архитекторов России. В его работе принимают участие более 640 делегатов из различных регионов РФ* (Труд, 2000, 3 окт.); *На другой день несколько десятков мужчин и женщин стояли у ворот больницы* (М. Горький); *Множество мельчайших морских обитателей живут один год и к зиме умирают* (К. Паустовский); *Большинство писателей пишут по утрам, некоторые пишут и днем и очень немногие — ночью* (К. Паустовский); *На борту теплохода находились 295 советских туристов и экипаж в количестве 129 человек* (Сов. Россия, 1988, 19 мая); *В 1915-м в битве при Галлиполи погибли так много коней, что земля не могла вместить все трупы* (Посл. новости, 2001, № 4); *Снова несчетное число людей обречены на призрачное существование* (Моск. нов., 1993, 6 июня); *...Неудобно, мол, без диплома даже замуж выйти. Все это и привело к тому, что определенная часть студентов стали учиться по принципу: Институт — как трамвай, раз вскочил, значит, довезет до конца* (Комс. правда, 1986, 24 июня); *В узком коридорчике юридической консультации в ожидании своей очереди сидели человек восемь* (В. Белов).

И, наконец, такой пример, явно выпадающий из рамок литературности, но характерный по создавшейся ситуации: *В последний раз «Назарет» приезжали к нам пять лет назад. Что изменилось в группе за это время?* (МК, 1996, 9 февр.). Речь идет о группе ветеранов мирового рока. Как видим, в основной части предложения даже не названо слово «группа» и согласование напрямую связано со смыслом.

Усиливает позицию формы множественного числа наличие деепричастного оборота при сказуемом или обособленного определения, или придаточной части предложения при подлежащем: *Несколько человек, схватившись за руки, опрокинулись спинами на тех, кто сзади* (М. Горький); *Большинство студентов, приехавших на сессию, были хорошо подготовлены по всем дисциплинам; Ряд вопросов, которые были выдвинуты выступавшими, еще не были подвезены рассмотрению.*

Постановка сказуемого во множественном числе в подобных случаях стала очевидной тенденцией в последнее время. Она наметилась еще в 70-е годы и заметно активизировалась к концу XX в. Это не значит, что формальное согласование исчезло. Главный результат этой тенденции — возникновение вариантов. Дифференциация их использования определяется речевой ситуацией, общей стилистикой текста. Так, например, формальное согласование сохраняется параллельно со смысловым при обозначении неодушевленных предметов и почти сходит на нет при обозначении лиц. Долше держится в строгих стилях речи (научном, официальном) и резко сокращается в стилях разговорных и близких к ним. Оно особенно характерно при наличии неопределенно-количественных сочетаний с подчеркнутой специальными словами (типа *около, довольно*) собирательностью или при выражении страдательного значения, например: *Взрывом было убито около сорока человек* (К. Паустовский); *Несколько пыльных электрических лампочек то гасло, то тускло разгоралось* (К. Паустовский); *Дверь выбили. «Александр Иванович, Александр Иванович!» — заревело несколько голосов* (В. Набоков); *По разным данным, от пятисот миллионов до миллиарда человек постоянно недоедает* (Лит. газета, 1981, 15 апр.).

Смысловое согласование встречалось эпизодически еще в XIX в., хотя преобладало формальное, ср.: *В ауле множество собак встретило нас громким лаем* (М. Лермонтов); *Несколько саней провозжали меня до первой станции* (А. Герцен). Интересно сочетание разных форм в некоторых текстах А. Пушкина: *Вкруг нее стоит грозная стража, на плечах топорики держат; Человек полтора года солдат высыпало из лесу и с криком устремились на вал* (подчеркивается совместность и раздельность действий).

Таким образом, на фоне общей тенденции к использованию форм множественного числа у сказуемого при подлежащих, обозначающих не единичные предметы (определенное, неопределенное или приблизительное количество), существует ряд контекстуальных условий, которые регламентируют выбор форм единственного или множественного числа у сказуемого. Эти условия могут быть семантического, грамматического и стилистического плана. Позиции форм множественного числа усиливаются при наличии в предложении дополнительных указаний на множественность действующих лиц или предметов, а также на расчлененность их действий. Особенно эти условия действуют при обозначении лиц, в меньшей степени — предметов. Дополнительные условия контекста оказываются эффективными даже при выражении определенного количества в составе подлежащего, включающего в себя числительное *один*, ср.: *Тридцать один студент прибыл на*

экзаменационную сессию. — Тридцать один студент встретились перед началом сессии (глагол *встретились* указывает на совместность действия); Большинство группы проголосовало за выдвинутое предложение. — Большинство группы уже заняли предоставленные им места в аудитории (значение расчлененности). А вот примеры без дополнительных контекстуальных указаний на множественность: *Готовы к старту в любую минуту сто девять один истребитель* (В. Пикуль); *21 человек арестованы, а следствие устанавливает все новые и новые имена принимавших участие в противозаконных сделках* (Сов. Россия, 1990, 29 апр.)

Интересен следующий пример: *Сотня с лягом сваливает в одну кучу винтовки, и по одному, по два, кучками идут в распахнутые ворота совхоза* (М. Шолохов). Форма существительного обобщенного значения *сотня* не может сочетаться с формой множественного числа в сказуемом по своей грамматической сущности (ср.: *сто человек идут...*), но, с другой стороны, контекстуальные указания на расчлененность действий лиц, составляющих эту «сотню» (*по одному, по два, кучками*), не допускают формы единственного числа в сказуемом из-за смысловой абсурдности такого сочетания. Более того, разнооформленность сказуемых приводит и к грамматической расчлененности синтаксической конструкции в целом: простое предложение с двумя однородными сказуемыми при одном общем подлежащем распадается на две самостоятельные части, являя собою уже предложение сложное.

Итак, стремление к смысловой точности, свойственное языку как его потенция, в случае оформления грамматических связей между подлежащим и сказуемым обнаруживается и осуществляется на уровне конкретных высказываний. В конце концов смысл диктует условия грамматике, рождая новые варианты синтаксического поведения форм.

Синтаксическая компрессия и синтаксическая редуция

В синтаксисе, в том числе в предложении как основной единице синтаксиса, в большей степени, чем в других единицах языка (фонеме, морфеме, слове), отражается внеязыковая действительность. В нем передаются связи и отношения между понятиями, предметами, явлениями окружающего человека мира и постигаемого человеком мира. С помощью суждений и умозаключений о мире вещей, облеченных в форму предложений, передается отношение к этому внешнему для языка миру. И потому для пользующегося языком оказывается эта форма небезразличной. В процессе функционирования языка форма развивается, становясь адекват-

ной и все более удобной и эффективной. Немаловажное значение в этом процессе имеет отражение стремления к более компактным, экономным способам выражения. Пути достижения этого — разные, но безусловно, что одним из этих путей является избавление от словесной избыточности компонентов синтаксических построений. Такие качества синтаксических единиц, как смысловая емкость и одновременно словесная сжатость, в ряде речевых ситуаций оказываются не только желаемыми, но и необходимыми. И возможности развитого языка в этом отношении поистине неограниченные. И чем дольше живет язык, тем больше он развивает свои возможности, превращая их, при необходимости, в реальность. Подчиняясь структуре мысли, синтаксис экономит свои средства, постоянно работая в поисковом режиме. Одним из проявлений этих поисков может служить синтаксическая компрессия и редукция. Это выпадение из логически развернутых конструкций избыточных словесных компонентов и синтаксическое объединение оставшихся при полном сохранении семантико-синтаксического значения исходных, глубинных структур. Имеется в виду словесная представленность в речи только тех компонентов высказывания, которые являются целевыми для данного высказывания, рассчитанного на адекватность восприятия акцентируемого смысла. А внутренние логико-грамматические и семантические связи при этом остаются имплицитными. Поверхностная структура, т.е. словесно представленная, оказывается в таком случае в той или иной степени смещенной, неадекватной количеству компонентов структуры глубинной, развернутой в логико-смысловом отношении. Такая сжатость подачи информации особенно свойственна разговорной речи, когда обстановка и ситуация помогают в передаче мысли, а также в речи поэтической, где словесная оболочка высказывания всегда меньше, чем заключенный в ней смысл.

Синтаксическая компрессия обнаруживается и на уровне словосочетания, и на уровне предложения. Как правило, опускается внутреннее звено конструкции при сохранении крайних, но именно в них и заключается нужный, искомый смысл. Обе позиции членов конструкции оказываются актуализированными, причем в результате контактного расположения оставшиеся члены конструкции функционально преобразуются, что сказывается на характере их синтаксической связи.

Примером могут служить опрошенные многочленные сочетания типа *библиотека на общественных началах, кофе из Бразилии, рисунок карандашом* и т.п., в которых благодаря отсутствию глагольного слова (причастия) происходит перераспределение синтаксических связей, что качественно меняет грамматический об-

лик конструкции: *библиотека, организованная на общественных началах; рисунок, выполненный карандашом; кофе, привезенный из Бразилии*. В приведенных случаях глагольная зависимость словоформ на общественных началах, карандашом, из Бразилии уступает место зависимости субстантивной, что сказывается на функциональных качествах этих словоформ: объектная функция (*выполненный карандашом*) и обстоятельственная (*привезенный из Бразилии; организованная на общественных началах*) замещаются определительной, так как указанные формы прикрепляются к именам существительным, которые, естественно, предполагают определительные распространители. В результате — никакой потери в смысле, речевая экономия и видоизменение грамматической функции и синтаксической связи.

Подобных примеров опрощения словосочетаний довольно много. Вот некоторые из них: *Москва ночью, шашлык по-карски, заявление на конкурс, этюды маслом, очередь на квартиру, раствор из сахара, варенье из вишни, варенье на меду, операция на сердце* и т.п.¹ Конечно, нельзя утверждать, что любое именное словосочетание подобного рода непременно произошло от развернутого глагольно-именного. По сложившейся уже модели многие словосочетания образуются, минуя предполагаемую стадию, при непосредственном соединении именных форм. Ср. функциональную схожесть определений согласованного и несогласованного — *бразильский кофе, кофе из Бразилии*, однако во втором случае все-таки ощущается вторичность синтаксической связи, тем более что такие параллели не всегда оказываются корректными, например относительно словосочетаний *шашлык по-карски* или *встреча у обелиска*, где обстоятельственный оттенок достаточно сильный и замена практически невозможна.

Синтаксическую компрессию можно усмотреть и в некоторых типах предложений, в частности в заголовочных структурах с нулевой представленностью сказуемых: *Городам — чистый воздух; Вузы — народному хозяйству; Горному земледелию — промышленную базу; Ученые — родине*.

Условием для появления компрессивных структур является внутреннее качество языка, основанное на противоречивости самого языкового знака, его асимметричности. Это противоречие заключается в том, что на уровне означаемых обычно бывает больше единиц (единиц смысла), чем на уровне означающих (единиц словесно представленных). Этот разрыв может быть большим или меньшим, и при конструировании связной речи его можно исполь-

¹ См. о подобных сочетаниях: *Шведова Н.Ю.* Активные процессы в современном русском синтаксисе (словосочетание). — М., 1966; *Акимова Г.Н.* Новое в синтаксисе современного русского языка. — М., 1990.

зовать в двух направлениях: либо развертывая высказывание, в той или иной степени сближая означающее с означаемым, либо, наоборот, свертывая его, сжимая до определенного предела, руководствуясь при этом критерием сохранения общего смысла. Во втором случае и возникает синтаксическая компрессия, словесное сжатие высказывания, в котором какие-то элементы смысла будут представлены имплицитно, например: *Глава первая, в которой Фандорин попадает под арест* (Б. Акунин). В этом предложении есть единицы смысла, которые словесно не представлены: *Глава первая, в которой* [рассказывается о том, как] *Фандорин попадает под арест*. Еще пример: *Гоголь был странным созданием, но гений всегда странен: только здоровая посредственность кажется благородному читателю мудрым, старым другом, любезно обогащающим его, читателя, представление о жизни* (В. Набоков). В этом предложении компрессивна первая часть, о чем свидетельствует «необычное» употребление союза «но». Его значение никак не стыкуется со следующей частью предложения. Логическое развертывание высказывания помогает установить изначальную смысловую уступительно-противительную связь: *Гоголь был странным созданием, но* [это и не удивительно, так как] *гений всегда странен*. В примере: *Музыкальная одаренность Скрябина обнаружилась очень рано, но музыкальная одаренность вообще проявляется рано* (А. Рекемчук) — также есть имплицитная часть: *Музыкальная одаренность Скрябина обнаружилась очень рано, но* [это и не удивительно, так как] *музыкальная одаренность вообще проявляется рано*.

Широко распространена синтаксическая компрессия в разговорной речи, в результате союзы часто меняют свои привычные функции, реагируя на смысловые и структурные смещения. В этом смысле интересна, например, судьба альтернативного союза *а то* (*а не то*): *Не забудь взять в школу тетради, а не то получишь плохую оценку*. В данном случае имплицитна условная придаточная, отсутствие которой и преобразовало союз: *Не забудь взять в школу тетради, а если забудешь, то получишь плохую оценку*. Сопоставительный союз *а* присоединяет сложноподчиненное предложение с условной связью (*если ... то*). Еще пример: *Если хотите успеть на самолет, то автобусная остановка рядом*. Ср.: *Если хотите успеть на самолет, то* [имейте в виду, что] *автобусная остановка* [находится] *рядом*.

Структурное сжатие, стремление к компактности высказывания может путем сокрытия цепи синтаксических связей привести к смысловым смещениям, на базе которых появляются новые оттенки смысла и новые словосочетания. Например, расширение значения термина «экология» в современном языке произошло именно благодаря реализации ненормативных связей слова в но-

вых контекстуальных условиях. Современные словосочетания типа *экологическое производство, экологическая этика, экология науки* и др. стали возможными из-за подчеркивания в слове приобретенного значения «безвредный», появившегося в результате перераспределения и смещения синтаксических связей, например, *экологическое производство* — это производство, осуществляющее свою деятельность с учетом экологии, т.е. не нарушая баланса в окружающей среде, не загрязняя атмосферу и т.д.

К явлениям синтаксической компрессии можно отнести и скрытую диалогизацию и вторичную предикацию. Например, стихотворение М. Лермонтова «Родина» начинается так: *Люблю отчизну я, но странною любовью*. Логическое ударение на слове «люблю» заставляет воспринимать эту фразу как некий ответ незримому оппоненту, якобы упрекающему поэта в нелюбви к родине, т.е. фраза указывает на предшествующий словесно не представленный текст. Пример на вторичную предикацию: *Он застал ее в полном здравии* (он застал ее и она была в полном здравии).

Другое явление синтаксического сжатия структур — это **синтаксическая редукция**, очень распространенная в современном языке. Синтаксическая редукция понимается как отсечение необходимого грамматического звена в синтаксической структуре. Результат — сокращение словесных компонентов. Это выражения типа: *Фирма гарантирует* (что? кому?); *Тема волнует* (чем? кого?); *Теннисисты радуют* (кого? чем?); *Высокое звание обязывает* (к чему?); *Портрет на фоне* (чего? — передача на ТВ) и др. На базе редукции в настоящее время образовались специфические официальные термины (с отсеченным управлением): *движение несопротивления; политика быстрого реагирования; мирное урегулирование; группа немедленного реагирования; страны содружества; ближневосточное урегулирование*, например: *Были заключены договоренности о мирном урегулировании с умеренными лидерами сикхов в штате Пенджаб (Индия)* (Изв., 1991, 22 мая).

Синтаксическую компрессию и синтаксическую редукцию можно рассматривать как чисто грамматическое явление — тогда это прямо связывается с общими тенденциями в развитии русского языка, которые, в частности, проявляются в действующем законе экономии речевых средств. С другой стороны, явление это интересно и как стилеобразующее, так как компрессивные и редуцированные структуры прямо связаны с определенными стилевыми сферами общения: их процент возрастает на пути к стилям неофициальным (исключая терминологически значимые редуцированные словосочетания) и спадает на пути к официально-деловому письму.

Компрессия и редукция — явления одного плана; появление их делает речь более лаконичной, сжатой. Издавна краткость в изло-

жении почиталась как добродетель. В высшей степени сдержанностью в речи отличались, например, спартанцы. Недаром «лаконизм» как слово образовано от Лаконии, второго наименования Спарты.

Синтаксическая компрессия сопровождает построение любого связного текста, особенно современного, поскольку последовательное нарастание новой информации — от высказывания к высказыванию — только через рематические компоненты создает чрезмерно избыточную словесную форму, которая оказывается, естественно, неудобной, особенно в речи, рассчитанной на эффект информационной или художественной целесообразности. При четком соблюдении тема-рематических последовательностей ощущается явная перегруженность повторной информацией, и создающими эту перегруженность оказываются тематические компоненты высказывания. Поэтому возникает необходимость и возможность прерывать последовательности путем включения новой информации сразу в тему, минуя такую ступень в ее подаче, как представление. В таком случае пошаговая тематизация ремы исчезает и собственно рематических компонентов высказывания в тексте оказывается больше, чем тематических. Происходит сжатие двух или нескольких сообщений в одно. Логически развернутая структура сжимается, сохраняя при этом лишь компоненты, несущие новую информацию.

Синтаксическая компрессия и редукция лежат и в основе появления композитов, сложных слов на базе словосочетаний: *безотходка* (безотходная технология), *обезличка* (обезличенная продажа) и т.д. (см. в соответствующем разделе словообразования).

Ослабление синтаксической связи

Ослабление синтаксической связи проявляется через ослабление падежных функций в рамках предложения, сегментированных и парцелированных построений. Самостоятельное употребление несогласуемых и неуправляемых словоформ, экспансия именительного падежа, в частности употребление его в зависимой позиции, выражение грамматического значения вне слова как члена предложения, усиление процесса смысловой и позиционной актуализации информационно значимых единиц, увеличение количества несклоняемых имен, отсечение управляемых имен в подчинительных словосочетаниях с обязательными распространителями, — все это так или иначе приводит к ослаблению синтаксической связи, часто к замене сильных связей согласования и управления свободным примыканием, соположением форм. Факты эти еще не устоялись, находятся, так сказать, в процессе внедре-

ния, однако уже заметно меняют облик традиционного классического синтаксиса, во всяком случае, расшатывают представление о незыблемости его нормативности.

В связи с этим встает вопрос о природе подчинительной связи как таковой. Почему становится возможным игнорирование, казалось бы, устойчивых правил формально-грамматического соединения словоформ в потоке связной речи? И всегда ли эти отступления от привычных правил являются нарушениями, ошибками при недостаточной грамотности речи? Или это процессы, обеспечивающие движение в языке, процессы, вскрывающие внутренние возможности языка?

В какой-то степени свободное поведение словоформ в составе предложения или его сегментов объясняется самой природой подчинительной связи — словесной или предложенческой. Дело в том, что природа сочинительной связи в большинстве случаев не представляет предмета для лингвистических споров — она признается категорией предложенческого уровня [соединение однородных словоформ, как правило, исключается из разряда словосочетаний, кроме небольшого числа объединений семантически обобщенного, фразеологизированного типа — *муж и жена* (супруги), *день и ночь* (сутки)]. Сложнее обстоит дело со связью подчинительной: какого она типа — словесного (и значит обнаруживается в словосочетании) или предложенческого (т.е. рождается в предложении). На этот счет до сих пор существует два мнения, хотя преобладает позиция о словесной, точнее частеречной, природе этой связи. Б.Н. Головин, например, отмечает, что виды подчинительной связи, хотя и обслуживают синтаксис, но по природе своей являются морфологическими, ибо и согласуются, и управляют, и примыкают не члены предложения, а части речи¹.

Наиболее наглядным и убедительным материалом для ответа на этот вопрос оказывается рассмотрение словосочетаний со слабоуправляемыми предложно-падежными формами, так как они в составе предложения способны трансформироваться и, таким образом, зависимые словоформы могут либо «уменьшать» свою грамматическую зависимость, либо вообще ее снимать и переходить в другие словосочетания, т.е. обнаруживать двойную синтаксическую зависимость, например: *Прошла неделя после знакомства* (А. Чехов). Словоформа *после знакомства* контактирует с именем *неделя*, возникает определительная функция, но с таким же успехом эта словоформа может быть отнесена и к глаголу (*прошла после знакомства*). В какое же словосочетание входит эта словоформа — в

¹ К вопросу о языковой природе словосочетаний // Уч. зап. Горьковского гос. ун-та им. Н.И. Лобачевского. Вып. 99. — Горький, 1970.

субстантивное или глагольное? Если возможно и то и другое, то, видимо, эти отношения выходят за рамки частеречных, т.е. морфологических категорий. На базе этого предложения вообще можно построить ряд других и, таким образом, перераспределить все внутренние связи: *Неделя после знакомства // прошла; После знакомства // прошла неделя; Неделя прошла, после знакомства; Неделя прошла. После знакомства.*

Синтаксические связи этой словоформы определяет словорасположение, интонация, диктуемые коммуникативным заданием конкретного предложения. Следовательно, эта связь формируется в предложении и словосочетании не свойственна. Наличие такой двусторонней связи свидетельствует о ее предложенческой природе, а не частеречной.

Еще пример: *Пассажиры, с мешками, сундуками и чемоданами, стали выходить из вагонов* (В. Панова). Обособление дает возможность подчеркнуть как бы промежуточное положение словоформ *с мешками, сундуками и чемоданами*. Но возможна и только субстантивная связь, и только глагольная. Конечно, для появления двусторонней связи недостаточно только обособления предложноподлежащей формы, т.е. придания ей относительной самостоятельности. Необходима также и чисто лексическая сочетаемость — либо только с именем, либо с глаголом. Без этого двусторонняя связь не обнаружится даже при обособлении: *Жарким летом 1914 года, с засухой и полным затмением солнца, я жила на даче* (Б. Пастернак). *Засуха и затмение солнца* связаны семантически только с *летом*, и потому глагольная связь отпадает. Так что запрет здесь чисто лексико-семантический, а отнюдь не грамматический.

При возможности перераспределения связей большую роль, на наш взгляд, играет грамматический контекст. Например, у К. Симонова есть такая строка: *Трубка после обеда. Конец трудового дня*. Определительные отношения оказываются единственно приемлемыми только потому, что далее идет номинативное предложение (*Конец трудового дня*). По аналогии и предложение *Трубка после обеда* воспринимается как номинативное с определительным распространителем. Если же преобразовать это предложение в двусоставное с нулевым сказуемым (*Трубка — после обеда*), то номинативное предложение (*Конец трудового дня*) окажется некорректным в данном грамматическом контексте. Но возможным будет иной грамматический контекст: *Трубка — после обеда. В конце трудового дня*.

Наблюдения над использованием двойной синтаксической связи приводят к выводу, что связи проявляются в контексте предложения и именно поэтому оказываются относительно свободными, т.е. они не диктуются только морфологическими свойствами слов. Морфологические свойства — это лишь базовый

потенциал, которым можно воспользоваться, исходя из требований контекста. Жесткие односторонние связи — это тоже не столько морфологические категории (по Головину), сколько ограниченные грамматическим контекстом категории синтаксические.

Свободное функционирование в составе предложения некоторых предложно-падежных форм свидетельствует о том, что связи и отношения этих форм с другими строятся в структуре предложения. Особенно сложны синтаксические связи при наличии двух (и более) зависимых словоформ, например: *Мать Куприна устроилась во вдовый дом в Москве, на Кудринской площади* (К. Паустовский); *Из кортуса Куприн перешел в Александровское училище в Москве* (К. Паустовский). В первом примере сочетание *вдовый дом в Москве* можно рассматривать как *вдовый дом, находящийся в Москве*, но, наряду с этим, можно усмотреть и другую зависимость: *Устроилась во вдовый дом, устроилась в Москве*; значит, словоформа *в Москве* проявляет двойную зависимость — и субстантивную и глагольную. Во втором примере — *Перешел в юнкерское училище в Москве — в Москве* включается только в субстантивное сочетание, так как имеется грамматический запрет на вторую возможность — *перешел в Москве* некорректно. Как видим, ощущается влияние грамматического контекста.

В примере *С потухшими глазами, с пугливой синью губ, упал он на колени, обнав холодный труп* (С. Есенин) усматривается отношение обособленного определения к местоимению и к глаголу.

Наличие двусторонней связи объясняет многие синтаксические явления, довольно спорные с точки зрения их лингвистической квалификации. Например, только двусторонней связью можно объяснить объединения при помощи союза и морфологически разных членов предложения типа: *Усталый и ни на кого не глядя, он вышел из комнаты; Довольный, но чуть-чуть робея, в гвардейский полк приедет он* (С. Щипачев); *Петя, сконфуженный холодным тоном Денисова и предполагая, что причиною этого тона было положение его панталон, так, чтобы никто этого не заметил, под шинелью поправляя взбившиеся панталоны, стараясь иметь вид как можно воинственнее* (Л. Толстой). Сложное переплетение синтаксических связей привело к такой контаминации, кстати, объединяющей оказалась синтаксическая функция, а не морфологическая форма слова. Еще пример (без союза и): *Петр сидел на троне молча, урюмый* (А. Толстой).

Двусторонняя синтаксическая связь проливает свет и на предложения, построенные по схеме «имя в им. п. + предложно-падежная форма» типа: *Кортуса над морем; Присяга у обелиска; Зима в Ялте; Снег на Яйле*. Известно, что не только в исследовательских изысканиях, но и в учебной литературе такие предложения трактуются по-разному: то как номинативные предложения, то как

двусоставные эллиптические, понимается предложно-падежная словоформа либо как определение, либо как обстоятельство. Решающую роль здесь выполняет грамматический контекст, то, в какую грамматическую среду попадет эта словоформа, способная проявить двойную синтаксическую зависимость. Кстати, перестановка слов в подобных конструкциях ломает эту двойственность восприятия — лишает структуру возможности предстать в виде номинативного предложения, ср.: *В Ялте — зима, На Яйле — снег.*

Двусторонняя связь может быть обнаружена не только при сопоставлении субстантивной зависимости и глагольной, но и в других случаях, например при сочетании определений (*черная с проседью борода; черная ← с проседью и борода ← с проседью*; получим: *черная → борода ← с проседью*).

Итак, наличие двусторонней синтаксической связи приводит к выводу, что подчинительная связь — это все-таки категория синтаксическая, именно предложенческая, а не морфологическая (словосочетание распадается под влиянием грамматического контекста). Потенциально она заложена в морфологии, но проявляется в синтаксисе. Двусторонняя синтаксическая связь объясняет ряд синтаксических явлений современного русского языка: 1) появление некоторых типов номинативных предложений с обстоятельственными распространителями, а не только определительными (*Зима в Ялте; Ягоды в лукошке*); 2) возможную сочетаемость формально разнородных (морфологически разнородных) членов предложения (*Усталый и ни на кого не глядя*); 3) синтаксическую гибкость слабого управления; управление легко переходит в свободное примыкание, если предложно-падежная форма оказывается рядом с именем, и утрачивается вовсе как связь зависимости от отдельного слова, если появляется детерминант (*В Ялте — зима*).

Таким образом, в предложении формируются «свои» синтаксические связи, подчас разрывающие связи компонентов словосочетания. Предложение — это та сфера, где обретает жизнь и словосочетание, если имеется односторонняя синтаксическая связь, и отдельная словоформа, если это словосочетание распадается под воздействием грамматического контекста. Благодаря тому, что предложенческая связь может быть достаточно свободна, и возникает возможность приспособления словоформ к нуждам целенаправленного общения. На базе этой свободы и рождаются новые синтаксические построения, делающие современную речь в структурном плане более актуализированной и экспрессивной. Ср., например, уже рассмотренные неуправляемые свободные словоформы в косвенных падежах: *У обелиска; В гостях у журналистов; Без права на ошибку.*

Соотношение аффективного и интеллектуального в сфере синтаксиса

Вопрос об этом соотношении не случаен. Он достаточно актуален, поскольку рассмотрение языка в коммуникативно-прагматическом аспекте выявляет две основные разновидности в рамках современного единого национального языка — книжную и разговорную, исторически сформировавшиеся на базе письменной и устной речи.

Современное функционирование русского языка свидетельствует о возросшей роли разговорной речи в процессе становления новых тенденций в языке. И активизируют эти процессы СМИ. «Непропорциональное разрастание отдельных микросистем, ломка устойчивых языковых моделей, словообразовательная избыточность, неумеренные лексические перемещения от периферии к центру»¹ обнаруживаются именно и прежде всего в языке массовой печати.

Если учесть, что язык СМИ совмещает в себе функции сообщения и воздействия, «речевой стандарт и экспрессию» (по В.Г. Костомарову), то понятным станет активное разрастание конструкций экспрессивного синтаксиса.

Экспрессивность на синтаксическом уровне создается специфическими конструкциями, которые формируются актуализированным порядком слов, сегментацией, эллиптичностью построений, введением аффективных разговорных форм и т.д. Одно и то же сообщение, одну и ту же реакцию на какое-либо явление действительности можно оформить по-разному, с разной долей интеллектуального и аффективного начала. Логическая, интеллектуальная сторона сообщения преобладает в научных, официальных текстах; аффективная — в текстах бытовых, публицистических, художественных.

Ср., например: *Он подошел к стойке и попросил виски. Двойную порцию. Без соды* (Н. Ильина). — *Он подошел к стойке и попросил двойную порцию виски без соды; ...Вовремя вспомнил, что сейчас какой-то популярный ТВ-фильм, народ жаждет, а значит, полный вперед и проверь!* — и вот уже иду, руки в карманы. И сразу на этаж, в квартиру Соболевых, где и обнаружил людей. Двоих, это обычно (В. Маканин). — *Вовремя вспомнил, что сейчас демонстрируется популярный ТВ-фильм, который нравится народу, и сразу пошел в квартиру Соболевых, где и обнаружил двоих людей.* В первых случаях эмоциональное отношение к событию, во вторых — голая констатация факта.

Аффективное обычно трактуется как выражение отношения говорящего, сопровождаемое большим чувством (лат. affectus —

¹ Складневская Г.Н. Состояние современного русского языка. Взгляд лексикографа... // Русский язык и современность. Проблемы и перспективы развития русистики. — М., 1991. С. 262.

душевное волнение, страсть), поэтому экспрессивные конструкции как конструкции выразительные, ярко передающие чувство, противоплагаются интеллектуальным, логически четко построенным, с эксплицитно представленными синтаксическими связями, с последовательным расположением компонентов.

К экспрессивным конструкциям можно отнести сегментированные и парцелированные построения, конструкции с особыми формами сказуемых (*Ехать так ехать; Ждал-ждал и дождался; Ну и умен же!* и др.), контаминированные конструкции со смещенными структурами, различные виды номинативных конструкций¹ и др. Все это активно представлено в современном русском языке. Причем их распространение идет по возрастающей — они становятся органичными в разных сферах общения. Они усиливают личностное начало в речи, повышают ее диалогичность, снимают безликость и безадресность речи; увеличивают качество спонтанности в публичной речи и т.д. Идея В.В. Виноградова о субъективно-оценочном начале как неотъемлемой составляющей языка полновесно и осязательно подтверждается современным состоянием синтаксиса русского языка. В какой-то степени всему этому есть социальные причины — в связи с изменениями в жизни российского общества в 80—90-е годы XX в. резко возросло психологическое неприятие официального бюрократического языка прошлого, расширился состав участников массовой коммуникации: новые слои населения приобщаются к роли ораторов, к роли пишущих в газеты² и т.д. Меняются ситуации и жанры общения, активно развивается реклама.

Все это живые процессы, и они не могли не сказаться на языке и, в частности, на повышении роли аффективного в языке. Однако известная демократизация жизни изменила и отношение к литературной норме и, главное, к нарушениям нормы. В целом положительно оцениваемые процессы в самом языке сочетаются сегодня с резким понижением речевой культуры пользующихся языком.

Глубинные изменения в общественной жизни проявили многие возможности языка, ускорив их реализацию, но одновременно обнаружили и недостаточную «языковую компетенцию» значительной части общества. Последнее заставляет тревожиться «пекущихся» о языке, видеть в нарушениях нормы порчу языка. Однако к системе языка, к процессам в нем это не имеет никакого отношения. Хотя, конечно, бывают случаи, когда отклонения от нормы, закрепляясь в речевой практике, включаются в нормативный язык. Чаще всего это бывает при стилистическом перераспределении фактов языка.

¹ См. соответствующие разделы пособия.

² Русский язык конца XX столетия (1985—1995). — М., 2000. С. 12—13.

НЕКОТОРЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ПУНКТУАЦИИ

Современная русская пунктуация, как определенный исторический этап в ее становлении, представляет собой функциональную систему, с одной стороны, достаточно устойчивую и стабильную, и, с другой стороны, систему гибкую, нежесткую, способную адекватно отражать «движение мысли» и стилистические нюансы.

Системность современной пунктуации — это большое достижение в ходе исторического развития. Знаки препинания, в современном их применении, являются совокупностью обозначений, внутренне связанных устойчивыми, «осмысленными», отношениями, закономерно проявляющимися на письме. Системность применительно к пунктуации — это качество, которое обнаруживает себя в двойкой значимости пунктуации: пунктуация от пишущего (направленность от смысла к знакам) и пунктуация для читающего (направленность от знака к смыслу). Если между пишущим и читающим через знаки налаживается контакт, т.е. восприятие оказывается адекватным написанному, то это значит, что и пишущий и читающий пользуются одним кодом, а это, в свою очередь, означает, что пунктуация функционально и социально значима и набор знаков в тексте не случаен и хаотичен, а системно организован и соответствует общепринятым канонам.

Современная русская пунктуация такие качества бесспорно обнаруживает. Осмысление их связано с поиском и утверждением основ пунктуации, принципов членения текста с помощью знаков, с пониманием назначения пунктуации.

Назначение пунктуации состоит в членении текста. Недаром А.П. Чехов называл знаки нотами при чтении, а К.Г. Паустовский утверждал, что знаки «держат текст», не дают ему рассыпаться.

Но для понимания сути пунктуации важно не только установить, что знаки членят текст, но и каковы принципы этого членения — структурный, смысловой, интонационный?

Исторически взаимоотношения этих принципов менялись, менялось и отношение к их иерархии. В современной русской пунктуации находят отражение все принципы, действующие одновре-

менно, но главный тон задает все-таки структура, синтаксис. Во всяком случае, большая часть правил расстановки знаков в современных текстах формулируется на основе синтаксического строения (знаки при однородных членах; знаки между частями сложного предложения и т.д.). Однако любая структура наполняется смыслом, существует ради передачи смысла и потому пунктуация отнюдь не безразлична и к смыслу, даже наоборот — зависит от него. Поэтому структурный и смысловой принципы тесно взаимосвязаны. Совпадение содержательных и структурных показателей дает стабильные знаки; расхождение между ними рождает варианты в оформлении. В этом случае нужный смысл организует и нужную структуру, находит свою форму. Смысл диктует и интонацию, которая обычно выступает как дополнительное средство выражения смысла и, следовательно, определенной структуры.

Однако семантико-структурный показатель иногда может быть настолько ярко выраженным, что не нуждается в подкреплении интонацией, и она словно отступает перед его натиском, в таком случае знаки подчиняются только структуре. Несовпадение интонации и пунктуации заключается всегда в том, что знак имеется там, где требует этого строение предложения, а не интонационная пауза.

Если проследить историю развития пунктуации, то окажется, что современный ее этап убеждает в больших возможностях знаков препинания в организации письменной речи.

Современная русская пунктуация — это очень сложная, но четкая система. В разностороннем богатстве этой системы таятся большие возможности для пишущего. И это превращает пунктуацию при творческом ее использовании в мощное смысловое и стилистическое средство.

В этом отношении интересен пересказ К. Паустовским рассуждения И. Бабеля: «Все абзацы и вся пунктуация должны быть сделаны правильно, но с точки зрения наибольшего воздействия текста на читателя, а не по мертвому катехизису. Особенно великолепен абзац. Он позволяет спокойно менять ритм и часто, как вспышка молнии, открывает знакомое нам зрелище в совершенно неожиданном виде. Есть хорошие писатели, но они расставляют абзацы и знаки препинания кое-как» (Близкие и далекие. — М., 1967. С. 341).

Твердость и стабильность русской пунктуации определяется ее структурным принципом, а возможности передавать богатство и разнообразие смысловых оттенков и эмоций — принципами смысловым и интонационным.

С точки зрения **основ пунктуации** структурный принцип признается ведущим, так как большая часть правил опирается на него.

С точки же зрения назначения пунктуации ведущим, подчиняющим себе другие является принцип смысловой, поскольку смысл заключается в определенной синтаксическую форму, или (по-другому) грамматическая структура подчиняется заданному смыслу, которому и соответствует определенное интонационное оформление.

Социальная сущность пунктуации обнаруживается в закреплении за знаками общих функций и значений, в стабильности и закономерности их воспроизведения. Но именно социальная значимость пунктуации таит в себе богатые возможности использования знаков с учетом их семантико-стилистических функций в тексте.

Текст воспринимается соответственно расставленным в нем знакам именно потому, что знаки эти читаются, т.е. несут в себе определенную, известную нам информацию, следовательно, они отягощены смыслом, причем смыслом исторически накопленным в практике печати.

Этот смысл может иметь разную степень обобщенности: при более высоких степенях обобщений мы говорим об общих функциях знаков (отделяющих, разделяющих), при менее высоких — о конкретных значениях (значениях причины, разъяснения, противопоставления и т.п.). Функции отделения или выделения могут сопровождаться дополнительно функциями экспрессивно-стилистическими, которые появляются у знаков при их эмоциональной нагруженности, т.е. при осложнении их основных значений дополнительными, связанными с особыми стилистическими задачами — актуализации, подчеркивания и т.д. Некоторые знаки настолько конкретны по своему содержанию, что сами по себе способны не сопровождать определенную информацию, а замещать ее:

— *Проблемы, поднятые в этом фильме, решаются очень просто!*

— ???

— *10 миллионов бюрократов независимо от возраста нужно отправить на отдых с месячным пансионом в 500 целковых.*

— *Не щедро будет?*

— *Подумаешь, потеряем в год каких-нибудь 60 миллиардов рублей! Да эти денежки сэкономим на одной бумаге, которую они расходуют нещадно!* (Кадр, 1988. О фильме «Биография для прокурора»).

— *Анна Дмитриевна у нас все помнит, видит и слышит хорошо, кашку себе варит... Поговорить-то с ней можно, только нет ее сейчас дома...*

— ??? (мое немое удивление).

— *Анна Дмитриевна в гости поехала, к дочке своей в Невинномысск* (АиФ, 2001, № 4).

Современная пунктуация контекстуально обусловлена. Контекстуальная вариантность сообщает пунктуации такое замечательное качество, как гибкость.

В середине и конце XX в. пунктуация достигла такого уровня развития, когда она стала выразителем тончайших оттенков смысла и интонации, ритма и стиля. При таком состоянии пунктуации оказывается возможным использовать и нерегламентированные знаки, так называемые ситуативные знаки и собственно авторские, которые помогают более полно и глубоко передать смысловое и эмоциональное содержание текста.

Понимание сущности пунктуации как живой и развивающейся системы помогает уловить тенденции, которые наметились в употреблении знаков в наше время и, главное, помогает выработать правильное отношение к этим изменениям. И не только к самим изменениям, а они сегодня, безусловно, есть, но и к практике формирования самих правил пунктуации.

Правила обычно не насаждаются насильственно, а формируются как обобщенный итог длительных наблюдений над практикой печати, правила привязаны к определенному времени, и они в той или иной мере могут отставать от практики. Такое отставание естественно и закономерно и вовсе не свидетельствует о несовершенстве правил, оно лишь подтверждает идею движения в системе пунктуации, так же как и в системе языка в целом, идею постепенного накопления нового качества и отмирания старого.

В основе своей, в главных функциях русская пунктуация достаточно стабильна уже на протяжении многих десятков лет. Накопление нового идет по линии изменения частных значений и употреблений знаков: не путем коренного изменения начальной значимости знаков, а путем расширения или, наоборот, сужения их функции.

Вот, например, как оформляется прямая речь в «Войне и мире» Л. Толстого:

Пьер слышал, что французы совещались, как стрелять, по одному или по два? — По два, холодно-спокойно отвечал старший офицер.

«Стало быть он жив», подумала княжна и тихо спросила что он?

«Да в чем же я виновата?» спросила она себя. «В том, что живешь и думаешь о живом, а я!..» отвечал его холодный, строгий взгляд.

Княжна взбежала по лестнице, притворно улыбаясь девушка сказала: сюда, сюда! и княжна очутилась в передней перед старой женщиной.

Первое, что можно заметить здесь, это разноречивость в оформлении прямой речи и авторских слов: выделение или невыделение кавычками. Кроме того, нет резкого отграничения слов героев от авторского текста — только запятая указывает на эту границу.

Однако в том же издании находим и другое оформление:

— Здравствуй, Мари, как это ты добралась? — сказал он голосом таким же ровным и чуждым, каким был его взгляд («Война и мир»).

— Меня замучила Маша. Она дурно спала и капризничала нынче ужасно, — сказала Долли («Анна Каренина»).

— Ничего удивительного нет, когда столько видишь и слышишь, — сказала Анна. — А вы, верно, не знаете даже, из чего делают дома («Анна Каренина»).

Как видим, практика оформления прямой речи была непоследовательной, в ней отсутствовала стабильность.

Постепенно наиболее распространенный и удобный способ оформления становится правилом.

Как пунктуация в целом, так и отдельные знаки пунктуационной системы исторически изменяемы — и в смысле количественном (увеличивается число знаков), и в смысле качественном (меняется значение знаков). Так, лишь к концу XVIII в. появились такие знаки, как кавычки, многоточие и тире. Меняется и значение знаков препинания. В этом можно легко убедиться, если приложить ныне действующие правила пунктуации к печатным изданиям прошлого. Например, такие сравнительно редкие в современной печати знаки, как двоеточие и точка с запятой (ср. с запятой и тире), в XIX в. использовались значительно чаще. В частности, лермонтовские тексты дают нам образцы обильного применения этих знаков (мы отнюдь не утверждаем, что это авторские знаки самого поэта; речь идет лишь об издательской практике в сопоставительном плане): *Любезная Софья Александровна; до самого нынешнего дня я был в ужасных хлопотах; ездил туда-сюда* (Письмо С. Бахметевой); *Дорогой я еще был туда-сюда; приехавши не гожусь ни на что; право мне необходимо путешествовать; — я цыган (там же); Ашик себе не верит; то, что это Карс: он упал на колени и сказал: — Виноват, Ага, трижды виноват твой слуга Ашик-Кериб: но ты сам знаешь, что если человек решился лгать с утра, то должен лгать до конца дня: мне по настоящему надо в Тифлиз («Ашик-Кериб»); Я был готов любить весь мир, — меня никто не понял: и я выучился ненавидеть («Герой нашего времени»).*

Точка с запятой и двоеточие в этих примерах функционально разнообразнее, чем в современном употреблении: точка с запятой ставится после обращения, при обосновании какого-либо явления; двоеточие — перед союзом *но*; двоеточие ставится не только при пояснительных отношениях, но и при обозначении противопоставления и следствия, простого перечисления перед союзом *и*, т.е. в таких случаях, где современная пунктуация рекомендует постановку тире.

Точка с запятой могла разрывать даже тесно связанные по употреблению глаголы-сказуемые и другие однородные члены: *Едет витязь степью, лесом и горами; и видит крест на Холме; и несколько пещер, и слышит звон; подъезжает и видит <...>* (М. Лермонтов).

Обильно употреблялись сочетания двоеточия и особенно точки с запятой со знаком тире (так же, как точки с тире): *Я знаю, мы скоро разлучимся опять и, может быть, навеки: оба пойдем разными путями до гроба; — но воспоминание об ней останется неприкосновенным в душе моей* (М. Лермонтов).

Точка с запятой так часто употреблялась, что могла ставиться даже перед скобками: *Мы сами делаем театр, который довольно хорошо выходит, и будут восковые фигуры играть; (сделайте милость, пришлите мои воски)* (М. Лермонтов).

В XIX в. двоеточие было очень активным знаком. Оно довольно часто употреблялось по нескольку раз в одном предложении. Это связано с более широкими функциями этого знака в тот период. Именно поэтому повторение его в тексте, видимо, не мешало пониманию, так как знак воспринимался по-разному. Вот пример: *Я глядел на нее: было что-то трогательно-беспомощное в ее робкой неподвижности: точно она от усталости едва добралась до стула и так упала в него* (И. Тургенев).

Для современных текстов такое сочетание знаков явно нежелательно. Поскольку двоеточие четко закрепилось в значении пояснительном, повторение его создает громоздкую цепь поясняющих друг друга частей предложения: *Про весеннюю пору и говорить не надо: дружно цветет черемуха, белым-бело, слегка закружится голова, и растеряешься на мновение: как же так?* (В. Солоухин). Оба знака, применительно к тем частям предложения, где они использованы, правильно передают смысл, но в пределах одного предложения они явно мешают друг другу, так как неволью членят текст на три части (непонятно как связанные), в то время как основных частей всего две: *Про весеннюю пору и говорить не надо: дружно цветет черемуха, белым-бело, слегка закружится голова. И растеряешься на мновение: как же так?*

Сопоставление употребления знаков в разные исторические эпохи, а также сравнение практики современной печати с ныне рекомендуемыми правилами, закрепленными официальным документом 1956 г. (Правила орфографии и пунктуации), позволяет выявить некоторые заметные тенденции в употреблении знаков и, следовательно, те активные процессы в пунктуации, которые отражают современные потребности оформления письменного текста.

Эти тенденции в пунктуации прежде всего связаны с новыми явлениями в синтаксисе письменной речи, хотя отчасти касаются и значений самих знаков.

Расхождения в употреблении знаков в современных текстах с правилами, утвержденными в 1956 г., довольно значительны.

Причем интересно отметить два момента. С одной стороны, правила 1956 г. не могут сегодня нас удовлетворить, поскольку в

них, естественно, нет указаний относительно пунктуационного оформления конструкций, которые активизировались в последнее время, получив широкое распространение. Это достаточно «свежий» синтаксический материал, который из-за отсутствия правил вызывает в печати разноречивое оформление. В основном это конструкции экспрессивного синтаксиса — сегментные и парцелированные структуры, элементы разговорного синтаксиса, структуры с ослабленными синтаксическими связями и др. С другой стороны, произошли изменения в употреблении знаков и в традиционных, классических конструкциях, где в настоящее время отражены сдвиги в функциональной значимости самих знаков препинания (расширение функций тире, вытеснение им двоеточия в типичных синтаксических позициях и т.д.).

Тенденции в пунктуации, таким образом, отражают тенденции в синтаксисе, но в то же время обнаруживают и собственные изменения, касающиеся пунктуационной системы как таковой, функций и значений самих знаков. Эти тенденции можно выявить при анализе употребления отдельных знаков в современных текстах.

Точка

Постоянная функция точки — членить текст на отдельные предложения, указывая на конец повествовательного предложения. Постоянная, но для нашего времени уже не единственная.

Точка сегодня может разрывать грамматическую структуру, создавая тем самым определенные смысловые и интонационные акценты в высказывании при парцелляции¹. Отделенные точками части оказываются за пределами предложения. Это могут быть отдельные группы слов и даже отдельные слова, выполняющие функцию присоединительных членов и структурно не образующих законченных предложений. Отчлененные точками сегменты сохраняют синтаксические связи с членами базового предложения, но позиционно оказываются самостоятельными. В таких случаях точка отчасти приобретает функцию запятой, точки с запятой или тире. Парцелляция затронула как простое, так и сложное предложение.

Парцелляция — явление, широко распространенное в современной печати, — связано со стремлением передать интонации и акцентированность живой речи.

Группы слов, оторванные от базового предложения, приобретают самостоятельность отдельного высказывания, с их помощью выделяются наиболее важные моменты в сообщении.

¹ См. раздел о расчлененных структурах.

Отделяться точками могут распространители предложения, например: *Опять дача за шестнадцатой станцией, но на этот раз не дача Ковалевского, где я впервые увидел его. А другая. Не доезжая до Ковалевской, по правую руку от трамвайной линии. Более степная, чем приморская. Но такая же типичная большефонтанская дача — ракушниковый дом под черепицей — с ночной красавицей на клумбе, с розами, персидской сиренью...* (В. Катаев); *Как раз настало самое время собирать гильзы. С необозримых полей сражения от Черного до Белого моря* (Ч. Айтматов).

Практически любой член предложения может оказаться парцелированным: подлежащее — *В нем [Чехове] соединились все лучшие качества русского национального характера: ум — широкий, свободный, независимый, гордый; правдолюбие — неугасимое стремление к истине; горячая любовь к своей родине и к своему народу, бескорыстное подвижничество служение этому народу. И, конечно, — паразитильный талант* (В. Катаев); сказуемое — *Ему эта встреча действовала на нервы. И мешала начать деловой разговор, из-за которого он и зашел сюда* (А. Рекемчук); дополнение — *Можно было бы о нем говорить бесконечно. И о его друзьях* (А. Чаковский); определение — *Мамочке купил теплый платок. Пуховый* (Н. Ильина).

Такие члены, оторванные от основного предложения, стоят после длительной паузы и выделяются по смыслу и интонационно. Каждый из последующих элементов высказывания как бы возникает в сознании не сразу, а в процессе раздумья, словно «не умещается в одну смысловую плоскость» (В.В. Виноградов). Получается, что мысль в сообщении подается отдельными порциями, что создает прерывистость интонации и имитирует естественность и непосредственность живой речи. Стыки этих смысловых «порций» и фиксируются точками.

Парцелирование захватывает самые разнообразные синтаксические конструкции. Например, часто встречается расчленение предложений с однородными членами при обобщающих словах: *Вокруг нас было действительно «много света». Редкие звезды, ослабленные желтоватым светом луны. Теплый степной ветерок. Силуэты акаций. Ограды дач. Звуки перепелов. Тишина. Далекий лай собак. Время от времени крик ослика. Серебристо-пыльная полянь, ее неповторимый ночной запах. Блеск трамвайных рельсов, как бы скользящий вдаль и там поворачивающийся и гаснущий среди угольной темноты. Шорох кошки, а может быть, и ежика в пыльных кустах шиповника. Погашенный маяк.*

Да мало ли чего еще! (В. Катаев).

Такое оформление однородного ряда психологически создает иллюзию нескончаемости перечисления, т.е. снимает ту замкнутость и закрытость ряда однородных членов, которые ощущаются

при обычном оформлении перечисления посредством двоеточия и запятых. В приведенном контексте важно как раз не само перечисление, не предметы и явления, которые перечисляются, а впечатление от них, состояние, рождаемое ими: человек и окружающая его ночь, данная в звуковых и слуховых ощущениях. В таком тексте прерывистая речь психологически оправданна.

Еще пример: *Телесеть, Интернет, мобильные телефоны, скорость, суэта, стресс. Это наше сегодня. Время и технический прогресс изменили природный ритм людей, их мысли* (АиФ, 1998, № 47).

Парцеллирование затронуло не только структуру простого предложения, но и сложного, в частности сложноподчиненного. Отрыв придаточных от главных повышает смысловую емкость каждой из этих частей: главная часть предложения приобретает характер более обобщенного высказывания, придаточная же становится вполне самостоятельной и, следовательно, по смыслу выделенной.

Вот примеры: *Если бы молодость знала, если бы старость могла... Могла — что? Передать миру понимание жизни, ее устройства, опыт бытования среди людей. Поверьте, на большее старые, немощные люди не претендуют. Но — вот трагедия! — именно это никак невозможно сделать. Почему? Потому что молодые этого не хотят. Потому что им это не нужно. Потому что они жаждут нарабатывать собственный опыт, набивать свои синяки и провозглашать свое понимание жизни. Можно ли на них обижаться за это?* (Лит. газета, 1999, 26 мая); *Дедал для нас прежде всего первый летун. Но Лабиринт им построен, идею нити Ариадне дал он, и он же являлся потом пленником. То есть искусство (культура) создает лабиринт, выводит из него и заключается в нем. Это могли придумать только греки* (Лит. газета, 1997, 21 мая).

Парцеллирование входит в систему литературных приемов, служащих повышению выразительности речи, оно является средством акцентного выделения частей текста, придания оттенка приподнятости и эмоционального напряжения.

Возможность отрыва придаточных позволяет более свободно и самостоятельно строить и основное предложение, так, как будто за ним ничего не следует, т.е. давать уже в нем обобщенную и исчерпывающую характеристику явления. Кстати, возможность отрыва придаточных постепенно привела к употреблению их в абсолютно самостоятельной позиции — в качестве заголовочных конструкций: *Когда звучит духовой оркестр...* (Веч. Москва, 1981, 16 окт.); *Пока горит «красный»* (Комс. правда, 1981, 22 окт.); *Если ребята возьмутся сами...* (Правда, 1981, 19 окт.); *Когда есть лидер* (Сов. спорт, 1981, 18 окт.); *Как квасить капусту* (Веч. Москва, 1981, 17 окт.); *Когда эмоции неуместны* (Незав. газета, 2000, 14 дек.).

Парцеллирование тесно связано с общим изменением ритмо-мелодии современного текста, обнаруживающего тенденцию к сжатости, экономности высказывания и вместе с тем к емкости информационной и эмоциональной насыщенности. Членение на отдельные синтаксические единицы, обозначенное точкой, может быть, как мы видели, довольно неожиданным: оно способно подчас разорвать естественные грамматические связи слов.

На письме воспроизводятся интонации живой разговорной речи, когда мысль формируется на ходу: высказано основное, а уже наплывает следующее, вспоминаются детали, новые характеристики, новые картины. Но не только разговорной. Приподнятость стиля, пафосность публицистики также отчасти создаются приемом прерывания высказывания. И разговорность, и публицистичность объединяет одно — эмоциональность и экспрессия. Синтаксически несамостоятельные отрезки текста, но предельно самостоятельные интонационно, оторванные от основного предложения, приобретают большую выразительность, становятся эмоционально насыщенными и яркими.

В настоящее время такое членение текста становится устойчивой чертой ряда жанров: фельетон, очерк, корреспонденция, рецензия все чаще и чаще отражают эти интонации и ритм.

Современная художественная проза также охотно использует этот прием, тогда как в печати 20—40-х годов такое явление встречалось лишь изредка.

Возможности такого приема велики. Рвущаяся строка создает стремительный ритм, динамичность, отчасти резкость: *Итак, о чем я буду писать здесь? О себе. О людях, с которыми встречался. О фильмах, которые снимал. О поступках, которые совершал или не совершал. О мыслях, которые передумал* (А. Кончаловский); *Прогулки. До водопада, до Сен-Клера, до пещеры, где некогда жил отшельник. И обратно. Сентябрь был жаркий, погожий* (В. Набоков).

В других случаях самостоятельно выделенные члены (пауза перед ними привносит эффект неожиданности) приобретают ироническое звучание, налет легкого юмора, как, например, определения *вечные и французские* в следующем тексте: *Перед нами предстал сорокалетний господин... Хорошо сшитые штучные брюки. Английские желтые полуботинки на толстой подошве. Вечные. Бородка темно-русская, писательская, но более выхоленная и заостренная, чем у Чехова. Французская. Недаром Чехов называл его [Бунина] в шутку господин Букишон* (В. Катаев).

Иногда точка, рвущая предложение, не только несет в себе заряд экспрессии, она помогает передать нужный, новый смысл, как, например, в следующем отрывке: *Я и вернулся. С руками и ногами, но хуже, чем без них* (Е. Карпельцева). Предложение, не разбитое на

части, не имело бы уступительного оттенка (*хотя с руками, но хуже, чем без них*) и звучало бы как подтверждение ранее сказанного. А это противоречило бы замыслу писательницы: жена, провожая мужа на фронт, умоляла его вернуться в любом случае — пусть калекой, все равно вернуться. В варианте без точки: *Я и вернулся с руками и ногами...* — смысл был бы противоположный (подтверждение с помощью логического ударения: вернулся именно с руками и с ногами, как просила...).

Особый смысл приобретает высказывание в результате расчленения его с помощью точки в таком примере: — *Надо бы нам взять парочку ребятишек из детского дома. Не ради куска хлеба под старость, а чтобы не было пусто на душе, — подумал Григорий Герасимович* (А. Коптяева). То, что в устной речи достигается с помощью пауз и логических ударений, в письменной — с помощью знаков, в частности точки, как здесь: точка после слова *дома* — сигнал понижения голоса, конца повествования, паузы, и потому логический центр высказывания сосредоточивается на сказуемом *надо бы нам взять* (то, что было бы желательно, но не произошло). Пересключение логического акцента на сочетание *не ради куска хлеба* (без паузы, обозначенной точкой) зачеркивает этот смысл.

Как видим, точка может существенно повлиять на осмысление письменного текста.

Однако членение текста, дробление его с помощью точек при недостаточности такта и меры может привести к утрате экспрессивности, к появлению своего рода шаблона, стандарта. Такое злоупотребление точками воспринимается лишь как дань языковой моде. Яркое экспрессивное средство превращается в литературный штамп и быстро теряет свой эмоциональный заряд. Особенно это сказывается на языке газеты. Жажда экспрессии, стремление создать ее любыми средствами приводит к противоречию с требованием надежной массовой доступности, с одной стороны, и с оригинальностью и свежестью стиля, с другой.

Дробление текста с помощью точек имеет определенные ограничения, связанные со смысловой стороной речи. Пренебрежение такими ограничениями приводит к явным ошибкам. Отрыв членов предложения возможен лишь при условии семантической самостоятельности основного предложения. Например: *Когда-нибудь люди смогут попасть в свое детство, возвращаться туда хоть ненадолго, хоть на несколько часов, чтобы у каждого детства был свой мемориал, где бы все было как было. Те же деревья, те же дома, речка, те же запахи трав, те же книги на полке* (Д. Гранин). Основное предложение здесь вполне достаточно для выражения определенного смысла. Присоединяемые части лишь «расщепляют» общую, уже высказанную мысль или распространяют ее, уточняют, разъясняют, усиливают.

При невозможности самостоятельного употребления основного предложения точка должна быть квалифицирована как ошибка: *Произведение написано в стиле. Высоком, приподнятом.* Здесь слово *стиль* в основном предложении само по себе не несет необходимого смысла. Так же как, например, не могут употребляться без придаточных некоторые нерасчлененные сложноподчиненные предложения: *Он сказал. Что вернется завтра.* Хотя подобные предложения, помещенные в структуру с однородными придаточными, могут быть отчленены от своей главной части, например: *Я соглашался, что безличье сложнее лица. Что небережливое многословие кажется доступным, потому что оно бессодержательно. Что, разрабатывая пустоту шаблонов, мы именно неслышанную содержательность, являющуюся к нам после долгой отвычки, принимаем за претензии формы* (Б. Пастернак).

Итак, точка, рвущая строку! Сохраняя свое изначальное значение — указывать на конец мысли, понижение интонации в конце повествовательного предложения, она, как видим, способна приобретать и дополнительную значимость, способна расширять свои функции, включаясь в систему стилистических, акцентных и даже смысловых средств. Она может усилить художественную и публицистическую выразительность письменного текста. Известно, например, какое большое значение придавал точке И. Бабель: «Побольше точек! Это правило я вписал бы в правительственный закон для писателей. Каждая фраза — одна мысль, один образ, не больше! Поэтому не бойтесь точек».

К. Паустовский во «Встречах с Гайдаром» отмечал: «Есть очень верное выражение: «В настоящей литературе нет мелочей». Каждое, даже на первый взгляд ничтожное слово, каждая запятая и точка нужны, характерны, определяют целое и помогают наиболее резкому выражению идеи. Хорошо известно, какое потрясающее впечатление производит точка, поставленная вовремя»¹.

Точка с запятой

Судьба точки с запятой интересна тем, что знак этот, в прошлом чрезвычайно употребительный и многозначный, к настоящему времени четко закрепил свои позиции в предложениях с очень распространенными однородными членами или сложными предложениями однородного состава (сложноподчиненными или бессоюзными с перечислительными отношениями).

Сравним, как широко и, с современной точки зрения, «неуместно» употреблял точку с запятой М.В. Ломоносов — автор «Россий-

¹ Паустовский К.Г. Близкие и далекие. — М., 1967. С. 357.

ской грамматики», где не только даны правила расстановки знаков, но и осмыслены принципы их употребления:

Евиромъ сообщается земнымъ тѣламъ Свѣтъ и теплота отъ солнца. По тому заключить должно, что оба тою же его матеріею, но разными движеніями производятся. Текущаго движенія невозможность доказана; коловратное есть огня и теплоты причина. Того ради когда Евиръ въ земныхъ тѣлахъ теплоту, то есть, коловратное движеніе частицъ производить, самъ долженъ имѣть оное. По сему когда Евиръ текущаго движенія имѣть не можетъ: а коловратное теплоты безъ Свѣта причина; слѣдовательно остается одно третіе зыблющееся движеніе Евира, которое должно быть причиною Свѣта.

Хотя сіе уже довольно доказано; однако еще посмотримъ первое, нѣтъ ли въ простертіи Свѣта зыблющимся движеніемъ прекословныхъ слѣдствій, такихъ же, каковы произведены изъ мнѣнія о текущемъ движеніи Евира; второе, можно ли толковать разныя свойства Свѣта.

Что до перваго надлежитъ; то имѣемъ ясной примѣръ въ зыблющемся движеніи воздуха...¹

Точка с запятой здесь разрывает взаимосвязанные части сложных союзов *хотя... однако, что до... то*, т.е. ясно, что запятые и точки с запятой никак не различаются.

Этот знак употребляется даже как отделяющий придаточные части предложения:

...когда она [химия] раздѣленные и рассѣянные частицы изъ растворовъ въ твердыя части соединяетъ, и показываетъ разныя въ нихъ фигуры; выпрашивать у осторожной и догадливой Геометрии...²

И этих примеров достаточно, чтобы убедиться в том, что, во-первых, точка с запятой — в прошлом очень распространенный знак, что, во-вторых, знак этот качественно не отличался от запятой и, наконец, в-третьих, что функции этого знака недифференцированы и нечетко отграничены от функций других знаков — запятой, двоеточия.

Активность точки с запятой наблюдается и на протяжении всего XIX в. Классическая русская литература этого периода — яркое тому подтверждение. Точка с запятой часто употреблялась при противительных и присоединительных отношениях: *Понемногу алая краска чуть-чуть выступила на ее щеки; но губы не улыбались, и темные глаза выражали недоумение и какое-то другое, пока еще безымянное чувство* (И. Тургенев); *Совестъ почти не упрекала Фенечку, но мысль*

¹ Ломоносов М.В. О происхождении Свѣта // Собрание разных сочинений в стихах и в прозе. Книга третья. — Типогр. императ. Моск. университетата, 1778. С. 286 — 287.

² Там же. С. 99.

о настоящей причине ссоры мучила ее по временам; да и Павел Петрович глядел на нее так странно... (И. Тургенев); Может быть, Базаров и прав; но мне, признаюсь, одно больно: я надеялся именно теперь тесно и дружески сойтись с Аркадием (И. Тургенев).

Значения причины, следствия также могли передаваться с помощью точки с запятой: *Пожалуйте в комнату; я без очков читать не могу (И. Тургенев); Смотрю: погасил Василий Васильич свою свечку и спиной ко мне повернулся; значит: «шлафензиволь» (И. Тургенев); Я стал кричать, звать на помощь; все в доме всполошились (И. Тургенев).*

При передаче значений уточнительно-разъяснительных также мог стоять знак точка с запятой: *...Засуха стояла тогда такая, что никто и не запомнит; в воздухе не то дым, не то туман, пахнет гарью, мгла, солнце, как ядро раскаленное, а что пыли — не прочихаешь! (И. Тургенев).*

Особую функцию выполняет точка с запятой перед конструкцией дополнительно-вставочного характера. *Я кликнул своего слугу; Филькой он у меня прозывается (И. Тургенев).*

Вот небольшой отрывок, густо оснащенный знаками, среди которых главное место занимает точка с запятой (учитываются только знаки внутренние, отделяющие — в данном случае запятая и точка с запятой).

Она была удивительно сложена; ее коса золотого цвета и тяжелая, как золото, падала ниже колен, но красавицей ее никто бы не назвал; во всем ее лице только и было хорошего, что глаза... Все ее поведение представляло ряд несообразностей; единственные письма, которые могли бы возбудить справедливые подозрения ее мужа, она написала к человеку почти ей чужому, а любовь ее отзывалась печалью; она уже не смеялась и не шутила с тем, кого избирала, и слушала его и глядела на него с недоумением. Иногда, большею частью внезапно, это недоумение переходило в холодный ужас; лицо ее принимало выражение мертвенное и дикое; она запиралась у себя в спальне, и горничная ее могла слышать, припав ухом у замка, ее глухие рыдания (И. Тургенев).

Итак, на 9 употреблений знаков: 6 — точка с запятой, 3 — запятая.

Перепишем отрывок, приблизив употребление знаков к современному.

Она была удивительно сложена. Ее коса золотого цвета и тяжелая, как золото, падала ниже колен. Но красавицей ее никто бы не назвал: во всем ее лице только и было хорошего, что глаза... Все ее поведение представляло ряд несообразностей: единственные письма, которые могли бы возбудить справедливые подозрения ее мужа, она

написала к человеку почти ей чужому, а любовь ее отзывалась печалью — она уже не смеялась и не шутила с тем, кого избрала, и слушала его и глядела на него с недоуменным. Иногда, большею частью внезапно, это недоумение переходило в холодный ужас: лицо ее принимало выражение мертвенное и дикое, + (;) она запиралась у себя в спальне, и горничная ее могла слышать, припав ухом к замку, ее глухие рыдания.

Мы обошлись без точек с запятыми, причем смысловые взаимоотношения частей высказываний стали для нас более определенными.

Точка с запятой (в функции современной запятой) могла ставиться даже между частями предложения, связанными сопоставительными союзами: *Как в романе или драме невыдержанность характеров, неестественность положений, неправдоподобность событий отличают работу, а не творчество; так в лиризме неправильный язык, яркая фигура, цветистая фраза, неточность выражения, изысканность слога отличают ту же самую работу* (В. Белинский).

Наблюдения показывают, что основной тенденцией в употреблении точки с запятой является стремление сузить сферу распространения до четко обозначенных позиций: это синтаксическая однородность, перечислительные отношения. Такая тенденция тесно связана с другой — освобождением знака от фиксации иных значений и, следовательно, функциональным сближением с запятой. Вместе с тем и одновременно с этим наблюдается и тенденция разграничения функций точки с запятой и запятой: пунктуация в целом и ее элементы стремятся к четкости в фиксации смыслов. В связи с этим точка с запятой наращивает качественные отличия от запятой, усиливает свои смысловоразличительные свойства.

Точка с запятой, в сравнении запятой, отделяет синтаксически равноправные части, менее тесно связанные по смыслу: *Небо тяжело и мрачно, с него неустанно сыпались еле видные глазом капельки дождя; печальную элегию в природе вокруг меня подчеркивали две обломанные и уродливые ветлы и отброшенная вверх дном лодка у их корней* (М. Горький). Этот пример наглядно показывает функциональное различие между запятой и точкой с запятой на стыке сложного предложения: в первом случае (стоит запятая) части тесно связаны по смыслу, они объединены описанием одного и того же предмета; во втором (точка с запятой) — намечается переход к характеристике новых предметов.

В особо осложненных предложениях точки с запятой отделяют части крупные, основные, в то время как запятые сигнализируют о внутреннем членении этих частей. В таком случае точки с запятой помогают четко определить границы основных частей и тем самым выявить их структурную значимость.

Точки с запятой чаще всего стоят на стыке частей сложного предложения, но они могут, при известной осложненности предложения, употребляться и между однородными членами простого предложения.

Вот примеры постановки точки с запятой на стыке частей сложного предложения: *Дед, приподняв на локте голову, смотрел на противоположный берег, залитый солнцем и бедно окаймленный редкими кустами ивняка; из кустов высовывался черный борт парона. Там было скучно и пусто. Серая полоса дороги уходила от реки в глубь степи; она была как-то беспощадно пряма, суха и наводила уныние* (М. Горький). При употреблении запятых этот стык не был бы сразу виден, поскольку внутри каждой части уже есть запятые, поставленные на другом основании. Такое употребление точки с запятой в настоящее время наиболее типично.

Разграничение с помощью этого знака однородных членов предложения, как правило, касается сказуемых, осложненных различными, зависимыми от них членами — дополнениями и обстоятельствами, которые, в свою очередь, поясняются всевозможными обособленными группами слов. Такие предложения структурно очень близки к сложным и подчас представляют собой переходные конструкции от простых к сложным: сказуемые здесь либо однородные при общем подлежащем, либо самостоятельно употребленные при опущенных по условиям контекста подлежащих. Вот пример.

А перед Челкашом быстро неслись картины прошлого, далекого прошлого, отделенного от настоящего целой стеной из одиннадцати лет босяцкой жизни. Он успел посмотреть себя ребенком, свою деревню, свою мать, краснощекую, пухлую женщину, с добрыми серыми глазами, отца — рыжебородого гиганта с суровым лицом; видел себя женихом и видел жену, черноглазую Анфису, с длинной косой, полную, мягкую, веселую, снова себя, красавцем, гвардейским солдатом; снова отца, уже седого и согнутого работой, и мать, морщинистую, осевшую к земле; посмотрел и картину встречи его деревней, когда он возвратился со службы; видел, как гордился перед всей деревней отец свои Григорием, усатым здоровым солдатом, ловким красавцем (М. Горький).

Логико-смысловая канва этого чрезвычайно распространенного и насыщенного содержанием предложения намечена достаточно четко, и большая роль в этом принадлежит точке с запятой; картина первая — Григорий-ребенок и все с этим связанное; картина вторая — Григорий-взрослый (жених и солдат); картина третья — мать и отец, уже постаревшие; картина четвертая — встреча Григория деревней после службы; наконец, картина пятая — гордость отца. Все обозначенные куски описания отграничены друг от друга точкой с запятой. Так знак облегчает восприятие мысли, объединяя логически связанные детали.

Одиночная запятая, как и точка с запятой, всегда стоит между синтаксически равнозначными частями текста или равнозначными по синтаксической функции словами: она выполняет отделяющую функцию в сложном предложении или в простом с однородными членами: *Монахов подтолкнул Светочку к выходу, пришедшие посторонились* (А. Битов); *Гаврила послушно приостановился, вытер рукавом рубахи пот с лица и снова опустил весла в воду* (М. Горький); *Наталья была откровенно довольна, смотрела в потолок плавающим взглядом* (А. Битов). Точка с запятой выручает авторов, когда текст чрезмерно осложнен и однородным перечислением, и внутренними выделениями, уточнениями, вводными сочетаниями. Запятая в таком громоздком тексте оказалась бы бессильной. Вот пример: *И все шло Мартыну впрок, — и хрустящее английское печенье, и приключения Артуровых рыцарей, — та сладкая минута, когда юноша, племянник, быть может, сэра Тристрама, в первый раз надевает по частям блестящие выпуклые латы и едет на свой первый поединок; и какие-то далекие, круглые острова, на которые смотрит с берега девушка в развевающихся одеждах, держащая на кисти сокола в клубочке; и Синдбад в красном платке, с золотым кольцом в ухе; и морской змей, зелеными шинами торчащий из воды до самого горизонта; и ребенок, нашедший место, где конец радуги уткнулся в землю* (В. Набоков).

Главное различие между запятой и точкой с запятой в степени длительности паузы, ими фиксируемой. Однако этот вывод правилен лишь в обобщенном смысле. Явное функциональное сходство этих знаков отнюдь не означает их тождества, хотя в отдельных частных проявлениях и оно возможно, например: *При виде Андерсена женщины затихли; их смущал этот худой и элегантный господин с тонким носом; они считали его заезжим фокусником. — При виде Андерсена женщины затихли, их смущал этот худой и элегантный господин с тонким носом, они считали его заезжим фокусником.* Ср. у К. Паустовского: *При виде Андерсена женщины затихли. Их смущал этот худой и элегантный господин с тонким носом. Они считали его заезжим фокусником.* При таких вариантах прочтения знаки обнаруживают свое функциональное сходство и различия ощущаются лишь, так сказать, в количественном плане — степени отграничения каждой последующей части текста от предыдущей. Однако такой эксперимент с заменой знаков удастся далеко не всегда. Надо полагать, что это не случайно. И в каких-то случаях, по условиям контекста, функциональная равнозначность сохраняется лишь в самом общем плане, а конкретно разные знаки сигнализируют об определенных смысловых взаимоотношениях частей.

Проведем небольшой эксперимент — в следующем предложении заменим запятую точкой с запятой: *Ленька был маленький, хрупкий, в*

лохмотьях он казался корявым сучком, отломленным от деда — старого иссохшего дерева, принесенного и выброшенного сюда, на песок, волнами реки (М. Горький). Нас интересуют в данном случае запятые после *маленький* и *хрупкий*. Заменяем запятую после *хрупкий* точкой с запятой: *Ленька был маленький, хрупкий; в лохмотьях он казался корявым сучком...* Качественных изменений в строении предложения и, следовательно, в его содержании не произошло. Знаки оказались равнозначными, если не принимать во внимание большую степень интонационного разрыва между первой и второй частью бессоюзного сложного предложения. При другом варианте замены знака: *Ленька был маленький; хрупкий, в лохмотьях, он казался корявым сучком...* — происходят качественные сдвиги в структуре предложения, знаки оказываются неравнозначными. Точка с запятой после слова *маленький* резко оторвала следующую часть предложения и тем самым перераспределила синтаксические связи слов. Прилагательное *хрупкий*, выполнявшее функцию именной части сказуемого (в однородном ряду *маленький, хрупкий*), оказалось в функции определения, поскольку потеряло связь со связкой *был* и стало тяготеть к местоимению *он*, причем такое изменение привело к тому, что предложное сочетание *в лохмотьях* (в новом однородном ряду *хрупкий, в лохмотьях*) оказалось в позиции обособленного члена, подчинившись впереди стоящему прилагательному. Его связь с глаголом *казался* ослабилась за счет усиления связи с местоимением *он*. Таким образом, взаимозаменяемость запятой и точки с запятой представляется явлением хотя и возможным, но отнюдь не абсолютным, поскольку функции этих знаков при их формальном сходстве заключают в себе и довольно ощутимые различия.

Еще пример: *На столе лежали не карты, а фотографические карточки обыкновенного формата (А. Чехов).* Такие однородные члены предложения, связанные противительными отношениями, причем словесно обозначенными (*не... а*), нельзя разделить точкой с запятой. Последняя более подходит для передачи отношений перечисления, т.е. однородности не только синтаксической, позиционной, но и смысловой.

Следовательно, точка с запятой — знак более ограниченного употребления, нежели запятая. Можно выявить определенную закономерность: там, где стоит точка с запятой, всегда можно поставить запятую (безусловно, такой знак может быть менее выразительным, но вполне приемлемым), однако далеко не каждая запятая может быть заменена точкой с запятой.

Наиболее характерна для современного употребления точка с запятой при перечислении после двоеточия, которое отграничивает обобщающую часть текста:

Он [Бунин] сидит ночью один, весь во власти охватившей его душу любви — единственной, неповторимой любви ... сидит, окруженный запахами, звуками, какими-то неопределенными образами, — и его внимание не в силах сосредоточиться на чем-нибудь одном: то его полностью поглощает блеск замороженной дали; то вдруг он ничего не ощущает вокруг, кроме запаха ночной фиалки; то вдруг он слышит мельницу, заглушающую соловья; то — соловья, заглушающего мельницу; и все это — одна всепоглощающая любовь (В. Катаев).

В подобных позициях точка с запятой активна в научных и официально-деловых текстах, документальных корреспонденциях, где частые перечисления связаны с особенностями повествования — описание этапов экспериментов; расширенные характеристики явлений, событий; композиционная четкость и стройность, особенно при необходимости абзацного членения текста. Вот типичный пример для характеристики тех условий, при которых точка с запятой прочно заняла свои позиции.

В научном тексте:

Однозначное понимание терминов в международных договорах обеспечивается расшифровкой их в самом тексте соглашений. Возникает, таким образом, связанная с синонимией проблема омонимов, тоже имеющая своеобразное юридическое звучание и преломление.

Наглядным примером может быть слово «имущество», предусмотренное различными отраслями законодательства, скажем, в значении: 1) государственного; 2) профсоюзного и иных общественных организаций; 3) колхозного; 4) движимого и недвижимого; 5) ассоциаций трудящихся, акционерного общества; 6) товарищества, кооператива, предприятия, учреждения, организации; и т.д. (Язык закона / Под ред. А.С. Пиголкина. — М., 1990. С. 81—82).

В законодательном тексте:

1. Государственные образовательные стандарты высшего и послевузовского профессионального образования предназначены для обеспечения:

1) качества высшего и послевузовского профессионального образования;

2) единства образовательного пространства Российской Федерации;

3) основы для объективной оценки деятельности образовательных учреждений... (Федеральный закон «О высшем и послевузовском профессиональном образовании»).

Таким образом, точка с запятой в настоящее время — знак достаточно определенный и ограниченный по условиям своего употребления (ограниченность понимается здесь как небольшой набор синтаксических условий для функционирования знака). Точка с запятой утратила ряд позиций, отмежевываясь от других знаков (двоеточия, запятой). По своему назначению в речи точка с запятой стоит как бы между запятой и точкой, особенно с точки

зрения отражения интонации, — знак обозначает паузу средней длительности. Однако такое чисто количественное различие — явление уходящее; тенденции в употреблении точки с запятой показывают усиление в знаке смысловых показателей, т.е. изменений качественных. Знак все более употребляется как фиксатор смысловых разрывов в тексте, он разъединяет тематически отстоящие друг от друга части предложений, помогает перераспределить смысловые и грамматические связи слов. Такая роль знака особенно наглядно постигается при некоторых манипуляциях с текстом, например: *Сытые лошади деловито трусили ровной рысцой, казалось не замечая ни сбруи, ни упряжки, бежали себе, привычно пофыркивая и встряхивая челки над глазами* (Ч. Айтматов). Ср. варианты с более четкими смысловыми связями: *Сытые лошади деловито трусили ровной рысцой, казалось не замечая ни сбруи, ни упряжки; бежали себе, привычно пофыркивая и встряхивая челки над глазами.* — *Сытые, лошади деловито трусили ровной рысцой; казалось, не замечая ни сбруи, ни упряжки, бежали себе, привычно пофыркивая и встряхивая челки над глазами.*

Точка с запятой, поставленная в том или другом месте, сообщает предложению единственное прочтение, тогда как при запятой допускается разное толкование. В других случаях точка с запятой может помочь избежать логической или смысловой ошибки. Например, в предложении *Перед Чеховым пошли мужики, переселенцы, нищета, эпидемии, царская каторга...* («Культура и жизнь») запятые уравнивают в однородном ряду слова разного семантического плана, понятийно не соотносимые. Избежать такой ошибки можно с помощью точки с запятой: *Перед Чеховым пошли мужики, переселенцы; нищета, эпидемии, царская каторга...* В таком случае часть предложения приобретает самостоятельность и может быть воспринята как перечисление номинативных конструкций, обобщенно рисующих картины тяжелой, безрадостной жизни.

Двоеточие

Для современного употребления двоеточия характерна разъяснительно-пояснительная функция. Двоеточие предупреждает о таком пояснении. В XIX в. двоеточие могло иметь и другие значения, менее дифференцированные. Например, двоеточие перед союзами *но*, *и* при обозначении противопоставления и следствия.

Разъяснительно-пояснительная функция представлена рядом значений: причинной обусловленности, обоснования, раскрытия содержания, конкретизации общего понятия.

Причинная обусловленность и значение обоснования передаются с помощью двоеточия в бессоюзных сложных предложениях,

где именно двоеточие сигнализирует о таких смысловых взаимоотношениях частей предложения, например: *Слышатся и вопросы в ее рассказе и ответы на эти вопросы: с кем-то она, видимо, о чем-то спорила, что-то кому-то доказывала* (Г. Семенов) (значение причинной обусловленности); *Она познакомилась с ним на третий день его приезда, так, как знакомятся в старых романах или в кинематографических картинах: она роняет платок, он его поднимает* (В. Набоков) (значение пояснения, обоснования). Пояснительно-разъяснительные отношения подчеркиваются в следующих примерах: *Варвара прислушалась: донесся шум вечернего поезда* (А. Чехов); *Теперь-то я знаю: всякое горе — горе* (И. Грекова).

С помощью двоеточия конкретизируется общее значение слова: *Про себя Данилов сформулировал задачу так: из доктора Белова надо сделать начальника поезда* (В. Панова); *Одно было ясно: он должен непременно кому-то что-то доказать...* (И. Грекова). Конкретизация значения общего понятия фиксируется двоеточием в предложениях с обобщающими словами: *На заливных лугах островками стали обозначаться самые высокие места: холмики, бугорки, древние татарские могилы* (В. Закруткин); *Внизу на тротуаре спешило по делам местное население: чиновники, дамы с собачками, дамы с корзинками* (Н. Ильина).

Близка к разъяснительной функция двоеточия в предложениях при комбинации чужой и авторской речи. Двоеточие ставится после вводящих прямую речь слов (глаголов *сказал, подумал, возразил, вскрикнул* и т.д.): *Казалось, чайки тревожатся и спрашивают себя: «Чьи мы? Чьи мы?»* (К. Паустовский); перед несобственно-прямой речью: *[Глебов] пил кофе, курил в вестибюле и опять ждал, все больше волнуясь и удивляясь: что это со мною, с самой ранней молодости не испытывал ничего подобного* (И. Бунин). То же при вопросно-ответной форме построения сложного предложения: *В Салотче почти нет избы, где не было бы картин. Спросишь: кто писал? Отвечают: дед, или отец, или брат* (К. Паустовский).

Наконец, в том же смысловом ключе (разъяснительно-пояснительный тип предложения) строятся двучленные конструкции, очень распространенные в современном газетном заголовке, в обозначении рубрик, где двоеточие закрепилось как единственно приемлемый знак.

Новое функциональное качество знака здесь — ритмико-эмфатическое (эмфатический — от греч. *emphasis*, *эмфаза* — выразительность). Современная пресса активно использует этот знак, хотя правилами он не предусмотрен. С помощью двоеточия достигается определенная краткость и броскость, рекламность, именно поэтому двоеточие можно назвать эмфатическим, т.е. употребленным в выразительных целях.

Такие двучленные конструкции эффектны, броски и лаконичны, строятся они по схеме: название общей проблемы и конкретизирующие ее частные аспекты и детали; место и событие. Там, где имеется такое соотношение между частями заголовка, двоеточие оправданно и своим собственным значением: это знак, сигнализирующий разъяснение: *Крым: цветущий миндаль на фоне взрывов* (Лит. газета, 1998, 11 февр.); *Нижний Новгород: квартиры в кредит* (Труд, 1997, 16 дек.). *Современная офтальмология: щадящие методы лечения* (АиФ, 2000, № 51).

Двоеточие стало употребляться часто не только как традиционный знак препинания, сколько как условный графический ограничитель, недаром после такого двоеточия вторая часть высказывания нередко оформляется с прописной буквы, т.е. она не воспринимается как продолжение предложения: *Шахматы: Школьники против гроссмейстеров* (Правда, 1975, 12 ноября). Заголовочные конструкции с двоеточием отвечают требованиям газетных жанров: они броски, компактны, динамичны. В целом знак здесь сохраняет свою разъяснительную функцию.

Итак, двоеточие в современном его употреблении можно охарактеризовать как знак, имеющий достаточно конкретное и поэтому в общем-то узкое применение: значения, передаваемые с помощью этого знака, не выходят за пределы пояснительно-разъяснительных. Такая однозначная функциональная ориентация знака позволяет четко регламентировать его употребление и так же четко квалифицировать ошибки в его применении. Однако именно эта функциональная четкость (что в принципе положительно) подчас может привести к негативным явлениям, например при повторении знака в пределах одного предложения: *С самого раннего детства мой внутренний мир разделялся надвое: один мир — это все, что мне самому хочется, другой мир, который больше меня, больше того, что мне самому хочется и что для меня выступает как «надо»: надо и надо, а не то, что я сам хочу* (М. Пришвин); *И увидел Стенька: один казак совсем уж отощал, сидит у костра, бедный, голову свесил: дошел окончательно* (В. Шукшин).

Каждое отдельно взятое двоеточие употреблено здесь в соответствии со своей пояснительно-разъяснительной функцией. Но в пределах одного предложения эти знаки мешают восприятию, нанизывая пояснения и выстраивая их в однозначный ряд, тогда как пояснения здесь разного плана — общего и частного. И это можно передать с помощью комбинации иных знаков, ср.: *С самого раннего детства мой внутренний мир разделялся надвое: один мир — это все, что мне самому хочется; другой мир, который больше меня, больше того, что мне самому хочется и что для меня выступает как «надо» — надо и надо, а не то, что я сам хочу, И увидел Стенька:*

один казак совсем уж отошел, сидит у костра, бедный, голову свесил — дошел окончательно.

Увлечение двучленными конструкциями, которые особенно были модны в 60—70-е годы, привело к явному злоупотреблению в использовании двоеточия. Его функции становятся расплывчатыми, а иногда знак и вообще лишается смысла. Например, в результате постановки двоеточия без учета его функциональной значимости становится неясной мысль, выраженная в заголовке заметки *Дети — детям: Прага — Ханой*, помещенной в бюллетене «Век XX и мир» (1971, № 11). В заметке под таким заголовком рассказано о солидарности детей, о том, как дети Праги посылали подарки детям Ханоя. Более естественно было бы выразить эту мысль так: *Дети Праги — детям Ханоя*. Кстати, динамичность и броскость от этого не исчезли бы.

Еще недавно в газетах двоеточие активно употреблялось в двучленной конструкции «именительный падеж — вопросительное предложение»: *Баскетбольная Элада: какая она?* (Сов. спорт, 1981, 17 окт.). Однако такое оформление не выдерживалось, параллельно можно было встретить в таких позициях и иные знаки. Так наметился нежелательный разнобой: *Гастроли в Москве. Что они значат?* (Комс. правда, 1971, 23 июля); *Путь новой идеи, как его сделать короче?* (Лит. газета, 1971, 1 дек.); *Массовая литература — новый феномен?* (Лит. газета, 1971, 24 марта). *А библиотека — что может она?* (Лит. газета, 1987, 9 дек.). Такой разнобой отмечен и в 90-е годы: *Реформы — ради чего; Крым. Что впереди?* (Оба примера из одного номера газеты — АиФ, 1994, 5 февр.); *Закон о печати: каким ему быть?* (Правда, 1990, 8 янв.); *Бесплатный обед. За чей счет?* (Лит. газета, 1990, 10 янв.).

Та же неустойчивость в использовании знаков и в других двучленных построениях, без вопросительной части: *Критика: обратная связь; Парламент: уроки первого года; Карабах: патовая ситуация; Национальный вопрос — эмоции и лабиринты; Дворцы — без вины виноватые* (все приведенные примеры из одного номера газеты — Лит. газета, 1990, 10 янв.). Из других газет: *«Комиссар»: на перекрестке мнений* (Правда, 1990, 8 янв.); *Событие недели: дискуссии в Литве* (Комс. правда, 1990, 14 янв.). *Вагонный столбняк. Лечение затянулось* (Сов. Россия, 1990, 14 янв.).

Как видим, живой газетный материал настоятельно требует четких рекомендаций относительно пунктуационного оформления подобных заголовков. Такие рекомендации могут быть сделаны на основе обобщений этого материала и учета функциональной значимости пунктуационных знаков.

Отрадно заметить, что злоупотребление, о котором шла речь, особенно распространенное в 70-е годы, пошло сейчас на убыль.

Газеты последних лет явно освобождаются от него, построения эти стали употребляться более строго, в соответствии со смыслом и структурой.

Итак, практика употребления двоеточия постепенно приводит к уточнению и конкретизации пояснительно-разъяснительной функции этого знака, а также приобретению знаком функции ритмико-эмфатической (наглядно-выразительной). Следовательно, в плане рассмотрения тенденций употребления двоеточия можно заметить сужение и локализацию функций по сравнению с более широким и менее упорядоченным употреблением знака в прошлом, в частности в XIX в., ср.: *Впрочем, я не прошу вас разделять мое мнение: если моя выходка вам кажется смешна — пожалуйста, смейтесь: предупреждаю вас, что это меня не огорчит нимало* (М. Лермонтов).

Еще чаще употреблялся этот знак в XVIII в.: *Одно ясно и подробно понимаем: другая хотя ясно в уме представляем, однако подробно изобразить не можем* (М. Ломоносов) — при противопоставлении; *Им обогащающийся никого не обидит: за тем что неистощимое и всем обще предлежащее сокровище себе приобретает* (М. Ломоносов) — перед подчинительным союзом, начинающим придаточную; *Испытание природы трудно, Слушатели: однако приятно, полезно, свято* (М. Ломоносов) — перед противительным союзом; *Известно в Италии в недавнем времени случилось, что громовые удары иногда из погребов выходили: и ради того причина оных со всем разная от Электрической силы была назначена* (М. Ломоносов) — перед присоединительным предложением.

Можно заметить, что функции этого знака оформлялись сложно, противоречиво. Процесс, как видим, был длительным, но определенным — знак неуклонно шел путем накопления пояснительно-разъяснительной значимости. В этом смысле интересно обратить внимание, например, на то, что в сочинениях М.В. Ломоносова довольно часто двоеточие стоит на стыке главной части предложения и придаточных причинных (с причинными союзами). С современной точки зрения знак этот лишний, так как значение причины передается лексически — причинными союзами. Но постепенно, закрепившись в такой позиции, знак стал ассоциироваться со значением причины, обоснования. Именно поэтому уже в бессоюзном предложении он как бы взял на себя причинное значение, стал знаком содержательно значимым. Разъяснительно-пояснительная функция двоеточия стойко сохраняется, однако, как увидим далее, знак этот начинает утрачивать некоторые (далеко не все и не всегда!) позиции и уступать место другому знаку — тире. Именно в этом состоит своеобразие судьбы двоеточия: при четкости функции утрата позиций, где эта функция проявляется.

Тире

Судьба тире в русской пунктуации очень интересна и стремительна: появившись только во второй половине XVIII в.¹, т.е. позже других знаков (в «Российской грамматике» М.В. Ломоносова оно еще не отмечено), тире все шире и заметнее завоевывает себе позиции в пунктуационной системе.

Применение этого знака имеет очень широкий диапазон. Прежде всего, тире многофункционально: оно выполняет функции и чисто структурные, и смысловые, и экспрессивные. В настоящее время тире ведет себя явно наступательно по отношению к другим знакам, в частности, заметно вытесняя в некоторых позициях двоеточие.

Широта применения тире в современных изданиях свидетельствует об определенной универсализации этого знака. Однако можно все-таки выявить закономерности его употребления.

Тире, прежде всего, означает всевозможные пропуски — пропуск связки в сказуемом, пропуск члена предложения в неполных предложениях и в предложениях с нулевым сказуемым, пропуск противительных союзов. Тире как бы компенсирует эти пропущенные слова, сохраняет принадлежащее им место, например: *Солотча — извилистая, неглубокая река* (К. Паустовский) — пропуск связки; *За шоссе — березовый лесок* (И. Бунин) — обозначение нулевого сказуемого в эллиптическом предложении; *Нина несла кашу, Витя — пустую кастрюльку с ложкой* (К. Федин) — пропуск сказуемого в неполном предложении; *Он считал, что у Бетховена своя «Лунная соната», а у него — своя, и еще неизвестно, которая лучше* (В. Каверин) — пропуск подлежащего в неполном предложении; *Не с ним — с огнем теперь веду я речь* (И. Снегов); *В историю впишется он [год 1941-й] особо: не тихий, как многие, — грозовой* (С. Щипачев) — пропуск противительного союза между однородными членами в простом предложении; *Лето припасает — зима поедает* (пословица) — пропуск противительного союза в сложном предложении.

Постановка тире на месте пропусков может привести к мысли, что в этой функции тире как знак препинания имеет некоторое сходство с многоточием. Однако пропуски, фиксируемые тире и многоточием, — пропуски разные.

Пропуски, обозначаемые тире, всегда «грамматичны»: фиксируются пропуски не слов вообще, а слов как членов предложения, как структурных элементов предложения (пропуск сказуемого, пропуск второстепенного члена предложения, пропуск связующе-

¹ Иванова В.Ф. О первоначальном употреблении тире в русской печати // Современная русская пунктуация. — М., 1979. С. 236—253.

го элемента — союза — между членами предложения или частями сложного предложения). Многоточие же обозначает пропуски частей текста, которые либо не имеют прямого отношения к основной идее повествования, либо по разным причинам сознательно скрываются автором. В любом случае это пропуски, имеющие отношение к содержательной стороне текста, а не его грамматическому строению.

Вторая функция тире — **смысловая**: передача значений условия, времени, сравнения, следствия, противопоставления и сопоставления в тех случаях, когда эти значения не выражены лексически, т.е. союзами; в конечном счете это тоже фиксация своеобразных пропусков.

Такие функции свойственны тире в бессоюзных сложных предложениях, при оформлении которых большую роль играет интонация: первая часть таких предложений произносится с резко нарастающим повышением тона и глубокой паузой перед второй частью, на границе частей и ставится тире. Вот примеры таких предложений: *Биться в одиночку — жизни не перевернуть* (Н. Островский) — первая часть предложения означает условие; *Проснулся — прабабушки не было, а остальные пили чай* (В Панова) — в первой части обозначено время; *Буланка рванулась, упала на колени, вскочила — воз не пошевелился* (М. Алексеев) — во второй части заключено противопоставление; *Она вспомнила Винклера — мертвая тоска внезапно сжала ей сердце и вернула силы* (К. Паустовский) — вторая часть заключает в себе следствие, вывод из того, о чем сообщается в первой части.

Как видим, объем значений, передаваемых на письме с помощью тире, довольно широк, но обозрим, и обобщающим моментом при употреблении этого знака является указание на смысловую зависимость частей предложения, которая осуществляется без посредства союзов. Подстановка этих союзов проявляет одно из конкретных значений частей таких предложений. Ср. с союзами: *Когда проснулся, прабабушки не было; Буланка рванулась, упала на колени, вскочила, а воз не пошевелился; Она вспомнила Винклера, и (и потому) мертвая тоска внезапно сжала ей сердце и вернула силы.*

Тире можно назвать и знаком «неожиданности» — смысловой, интонационной, композиционной. Так, с помощью тире обозначается неожиданное присоединение: *Она испуганно осмотрелась — никого* (В. Распутин); *Никита может рассуждать таким манером всю ночь — только развесь уши* (В. Шукшин).

«Неожиданность» композиционную можно проиллюстрировать примерами употребления тире при необычном расположении частей предложения, например, когда изъяснительные придаточные помещаются перед главной (обычно они имеют строго фиксиро-

важное месторасположение — после слова, от которого они зависят): *Есть ли телепатия, нет ли телепатии — науке неизвестно («Наука и жизнь»)*. Ср.: *Науке неизвестно, есть ли телепатия, нет ли телепатии*.

Тире может выступать и как своеобразный отграничитель. Прежде всего тире сигнализирует о границе авторских слов и прямой речи: *«Ты что?» — спросила она Пашку (В. Шукшин); И только когда он шептал: «Мама! Мама!» — ему становилось как будто легче... (А. Чехов)*.

То же при абзацном расположении реплик диалога:

На пороге, прислонившись головой к косяку и обеими руками прижимая к груди концы шерстяного домашнего платка, стояла Ирен.

— Я знала, что это вы.

— Простите, что в такой ранний час...

Петя с трудом перевел дух (В. Катаев).

Роль отграничителя выполняет тире и при своеобразном композиционном построении: *Если б такое чудо — чтоб Органам вернулась прежняя сила (А. Солженицын)*.

Наконец, тире способно передавать и эмоциональную сторону речи: динамичность, резкость, быструю смену событий, например: *Как говорил один нестарый мой из запаса рядовой знаток и той, что он оставил, и этой жизни, фронтовой: «Воюй — и все твоё с тобой» (А. Твардовский)*. Чисто эмоциональную нагрузку несет тире в следующих строках из стихотворения А. Блока:

*Страшно, сладко, неизбежно надо
Мне — бросаться в многопенный вал,
Вам — зеленоглазую найдой
Петь, плескаться у ирландских скал.*

Экспрессивной функцией характеризуется тире, разрывающее интонационную плавность фразы и создающее тем самым эмоциональную напряженность и остроту. Вот некоторые примеры из произведений М. Горького: *Я имею бумаги... но — они никуда не годятся; Смерть разула стоптанные лапти, прилегла на камень — и уснула; Кинул он радостный взор на свободную землю и засмеялся гордо. А потом упал и — умер*.

Все эти подчеркивания с помощью тире эмоциональной стороны речи, ее напряженности и динамичности, естественно, подчинены манере изложения и не регламентируются правилами.

Итак, диапазон употребления тире действительно широк: во-первых, это фиксатор всевозможных «грамматических» пропусков, тире заполняет эти словесно пустые места; во-вторых, при отсутствии специальных лексико-грамматических средств выражения (при бессоюзии) тире способствует передаче на письме особых

смысловых отношений — условно-временных и следственных, в устной речи эти значения передаются интонационными средствами; в-третьих, служит цели создания эмоционально-экспрессивных качеств речи.

Но употребительность тире растёт. Знак начинает «захватывать» чужие позиции, особенно если они определяются смысловыми показателями. В частности, выявляется тенденция к вытеснению двоеточия знаком тире в тех случаях, когда пояснительно-разъяснительный смысл конструкций очевиден — смысловые отношения частей предложения проявляются на лексическом уровне, лежат на поверхности.

Употребление двоеточия сводится к очень конкретным и явно немногочисленным конструкциям, особенно закрепляется оно в позиции перед перечислением (хотя и здесь тире уже достаточно потеснило двоеточие). В других же случаях, даже когда оно поддерживается ныне действующими правилами пунктуации¹, двоеточие практически заменяется тире. Вот примеры из современных публикаций на употребление тире в бессоюзном сложном предложении при обозначении причины, пояснения, обоснования во второй части: *Не узнать Москвы — она преобразена новыми кварталами, зданиями, разбежавшимися на запад, север, юг* (М. Луконин); *Снимать было бесполезно — плохая видимость* («Вокруг света»); *Но вчерашняя пахота по снегу оправдала себя — почва обветрилась, вывернутые по снегу пласты рассыпались под лучами солнца на мелкие ровные комочки* (Ч. Айтматов).

Тире активно используется при значении конкретизации смысла во второй части предложения, для раскрытия содержания, например: *Из длинного этого разговора о воображении ясно только одно — без воображения нет подлинной прозы и нет поэзии* (К. Паустовский).

Особенно характерен знак в таком употреблении при наличии в первой части предложения слова с неконкретным значением: *Так они шли — впереди Аджимурат, на поводу у него Чернозривый, за ним Султанмурат с ношей на спине, замыкал это шествие дворняга Актош* (Ч. Айтматов).

Тире начинает заменять двоеточие и в бессоюзных предложениях с присоединением, когда в первой части имеются глаголы со значением действия, ощущения, мысли, чувства, предупреждающие о дальнейшем изложении (возможна подстановка «и увидел, что», «и услышал, что», «и почувствовал, что», «и понял, что» и др.): *Бугаев поднял голову — в зимней ночи ясно был виден правильной формы, наполненный воздухом купол* (К. Ваншенкин); *Малинин при-*

¹ Правила русской орфографии и пунктуации. — М., 1956.

тронулся рукой — под ватником плечо было теплое. Михнецов был жив (К. Симонов); Я подумал — он ждет слов (К. Паустовский); Ждал, ждал и вот — в мертвейший час ночи сызнова заработали звуки (В. Набоков). В таких случаях справочники однозначно рекомендуют только двоеточие.

Тире вместо двоеточия часто ставится и перед перечислением после обобщающего слова. Например: *Мы должны быть благодарны Куприну за все — за его глубокую человечность, за его тончайший талант, за любовь к своей стране, за непоколебимую веру в счастье своего народа и, наконец, за никогда не умирающую в нем способность загораться от самого незначительного соприкосновения с поэзией и свободно и легко писать об этом (К. Паустовский); Все волновало тогда его ум — и луга, и нивы, и лес, и рощи, в «часовне ветхой бури шум, старушки чудное преданье» (С. Гейченко); Люби все — и росу, и туман, и уток, всех других птиц и зверей. Ведь это так просто — взять да любить (В. Тендряков); Хороших баядарочников было всего трое — Игорь Шуляев, Коля Корякин и, разумеется, сам Андрей Михайлович (В. Тендряков); Я всегда был с любимыми своими героями при всех обстоятельствах их жизни — в горе и счастье, в борьбе и тревогах, победах и неудачах (К. Паустовский); Большим художником можно стать, только выстрадав на это право, — отрезав себе ухо, сев в тюрьму, сойдя с ума. Не отстрадав положенное, не много шансов стать признанным (А. Кончаловский); Сложностью светописси объяснялись увесистость и крепость бравых дедушкиных поз на бледноватых, но очень добротных фотографиях, — дедушка в молодости, с ружьем, с убитым вальдшнепом у ног, дедушка на кобыле Дззи, дедушка на полосатой верандовой лавке, с черной таксой, не хотевшей сидеть смиренно, а потому получившейся с тремя хвостами (В. Набоков).*

Особенно необходимым оказывается тире при перечислении, когда такая ситуация возникает в одном предложении дважды. Тогда в одной позиции ставится тире, во второй — двоеточие (или наоборот): *Всякое было за долгий, никак не желавший кончаться день — и буря, и снегопад, и неожиданное солнце, а ночью сделалось тихо и торжественно: неяркий свет газовых фонарей, белые, словно обернутые марлей силуэты деревьев, мягкое скольжение снежинок (Б. Акунин).*

Тире стало обычным и в сложноподчиненном предложении в случаях, когда в главной есть слова, предупреждающие о разъяснении (по правилам здесь опять-таки должно быть двоеточие): *Но важно одно — что они поставили ребром вопрос о поэтическом языке (Б. Эйхенбаум); И он не подходил ко мне, он только смотрел на меня и улыбался, и я уже думала только об одном — когда же он протянет ко мне руки (Р. Зернова); Может, для будущего это как раз важнее всего — чтобы мы вот здесь и сейчас научились творить мгновения, не откладывая (В. Леви); Скромный памятник Юлии будет свиде-*

тельствовать именно об этом — что близкие люди ее помнят, что родная земля ее помнит (Ч. Айтматов). Тире заменяет двоеточие и при пространным разъяснении с помощью сложноподчиненного предложения: *Еще там он дал себе зррок — если останется в живых, посвятить жизнь исполнению этой мечты, чтобы тем самым, как он надеялся, сказать тоже свое слово о войне. Именно свое слово* (Ч. Айтматов).

Процесс своего рода универсализации знака тире в настоящее время настолько активен, что тире занимает позиции и других знаков, в частности — запятой в обычном сложноподчиненном предложении: *Очень важно понять — что такое в прозе повествовательное и что такое изобразительное* (В. Катаев); *Сказку пишешь почти не дыша — чтобы не сдуть тончайшую пылью, которой она покрыта* (К. Паустовский).

Практика такого широкого употребления тире вместо двоеточия (а иногда и запятой) отнюдь не свидетельствует о том, что в тех же условиях уже не может стоять обычный знак: параллельное употребление свидетельствует лишь о наметившейся тенденции и, следовательно, в данное время о возможности выбора знака — более традиционного, строгого, «академического» (двоеточия) и нового, более вольного, энергичного и экспрессивного (тире). Выбор зависит от характера текста, манеры изложения, наконец, авторской привычки, но ясно одно — сдержанное наступательное движение тире уже нельзя.

Эффект выбора особенно наглядно проявляется при необходимости сочетать знаки (в тексте, сложных конструкциях): там, где складываются схожие условия для употребления знака, тире отводится подчиненная роль по отношению к двоеточию, например: *Видим — этого мало: болезнь запущена* (В. Панова); *Тотчас же кинулся в глаза цветной снимок: под синим небом — площадь* (В. Набоков). В первом случае возможна перестановка знаков (*Видим: этого мало — болезнь запущена*), во втором это невозможно. Замена двоеточия знаком тире может оказаться невозможной, если рядом уже имеется тире, занимающее свое собственное (по правилу), место, как в предложении *И открылось: вся ее жизнь — это порыв к высшим ценностям бытия, к духовному началу* (Лит. газета, 1981, 28 окт.); или в приведенном предложении, при сохранении первого тире *Видим — этого мало: болезнь запущена* (В. Панова). Так что в конечном счете все решает контекст, в этом и заключается гибкость современной пунктуации.

Говоря о наступательной роли тире, хотелось бы сделать такую оговорку: знаки, уступая место тире, не исчезают вовсе, они несколько меняют свое качество. В этом и сказывается процесс исторических преобразований в пунктуационной системе. Коли-

чественные «накопления» здесь — имеется в виду практика употребления — постепенно приводят к качественным изменениям.

Многоточие

Многоточию в «Правилах русской орфографии и пунктуации»¹ отведено очень скромное место: отмечается лишь, что знак этот обозначает незаконченность высказывания, заминки в речи, а также пропуски при цитировании. На самом деле в современной печати употребление многоточия значительно шире и оно более значимо: оно связано с содержательной и эмоциональной стороной речи.

Развитие значений многоточия идет по пути углубления его содержательной значимости: указание на подтекстное содержание, алогизмы, указание на неожиданность и неоправданность каких-либо сочетаний слов и т.п. Вот некоторые примеры на употребление многоточия, указывающего на глубокое подтекстное содержание: *Я перепугалась и смотрела в воду: может быть, ничего не увижу, а может, увижу, как это глубоко...* (А. Грин); *Если б теперь вернуться к Коле, вымолить прощение. Но Коля за стенами и замками...* (В. Тендряков); *Тогда, в 41-м...* (Моск. комс., 1981, 11 ноября).

В примере *Нужна ли ученому наука...* (заголовок в газете — Моск. комс., 1981, 4 ноября) подчеркивается неожиданность высказывания, в какой-то мере абсурдность его.

Многоточие способно подчеркнуть алогизм, неоправданность сочетания каких-либо слов, указать на факты, противоречащие здравому смыслу. Вот примеры подобных заголовков в газетах: *Туристские тропы... под землей* (Комс. правда, 1981, 17 ноября); *Роса... по заказу* (Веч. Москва, 1981, 28 окт.); *Громкая... тишина* (Комс. правда, 1981, 25 окт.); *О конкуренции и... равенстве* (Комс. правда, 1981, 29 окт.); *Целебная вода под ... городом* (Правда, 1981, 25 сент.); *Разнообразие... по стандарту* (Правда, 1982, 18 июля).

Многоточие — частый и незаменимый знак в текстах большого эмоционального накала, интеллектуального напряжения. Такое многоточие может заключать в себе очень большое и глубокое содержание, объяснимое лишь широким контекстом: *Сердце выпрыгивало из груди, когда он наконец поспел вовремя. Ялик с прекрасным гребцом... белая рубашка, отложной ворот, кудри, высокомерный взгляд... на корме дама в широкополой шляпе с солнечным зонтиком... бочком, как амазонка, лица под полями не разглядеть... лодка с разгона, шурша, ткнулась в песок, юноша выпрыгнул и подтянул ее к*

¹ Правила русской орфографии и пунктуации. — М., 1956. С. 106—107.

берегу... стройный! подал руку и дама подняла лицо... заплаканное! Там они расстались, под соснами, на песчаной тропе. Игорь, как мог, остановил мгновение: Александр Александрович!! чтобы в лицо... но это был уже кто-то совсем другой, хоть и тоже в белой рубашке, но с ракеткой под мышкой: стоял поближе к кустам и озирался направо и налево... (А. Битов).

Многоточие как знак эмоционального напряжения, как знак, помогающий скрыть мысль, не дать ее обнаженно, и вместе с тем наметить перспективу в восприятии и осмыслении текста, очень часто используется в поэтических произведениях:

*Слезы... опять эти горькие слезы,
Безотрадная грусть и печаль;
Снова мрак... и разбитые грезы
Унеслись в бесконечную даль.*

С. Есенин

Многоточие так популярно у поэтов, что подчас употребление его перерастает в некий композиционный прием, позволяющий скрепить части стихотворения в единую сложную форму, как, например, у А. Блока:

*Твои движения несмелые,
Неверный поворот руля...
И уходящий в ночи белые
Неверный призрак корабля...
И в ясном море утопающий
Печальный стан рыбацких ихун...
И в золоте восходном тающий
Бесцельный путь, бесцельный выюн...*

Это не означает, конечно, что в стихотворных текстах невозможно обычное употребление этого знака, например при передаче недосказанности речи, прерывистости, при передаче обычных разговорных пауз:

*Ты знаешь,
Он был забавно
Когда-то в меня влюблен.
Был скромный такой мальчишка,
А нынче...
Поди ж ты...
Вот...
Писатель...
Известная шишка...
Без просьбы уж к нам не придет.*

С. Есенин

Иногда многоточие ставится в начале абзаца, передавая разрыв в повествовании, резкий переход от одной темы к другой. Таким

образом намечается пауза, помогающая переключить внимание читающего:

Он не помнил, почему они тогда поссорились. Шла кампания, которую Евгений называл «перетягивание каната».

...Евгений лег на землю, на душные душистые иголки, и, подложив ладони под затылок, стал смотреть в небо (В. Токарева).

Близко к этому употребление многоточия и в следующем примере, где разрыв в повествовании обнаруживается при переходе от описания единичного, конкретного факта к событиям последующим, данным уже в их длительности и постоянстве:

Он смотрел на гордую в посадке голову Ольги Николаевны, отягченную узлом волос, отвечал невпопад и вскоре, сославшись на усталость, ушел в отведенную ему комнату.

...И вот потянулись дни, сладостные и тоскливые (М. Шолохов).

Как видим, многоточие — знак достаточно емкий: он обладает способностью передавать еле уловимые оттенки значений, более того, как раз эта неуловимость и подчеркивается знаком, когда словами уже трудно что-либо выразить; это знак эмоционально наполненный, показатель психологического напряжения, подтекста. Именно в этом направлении идет развитие значений знака — расширение содержательных и эмоционально-экспрессивных качеств. Разумеется, знак не теряет при этом и своих традиционных свойств — передача недосказанности, недоговоренности высказывания, прерывистости и затрудненности речи, наконец, указание на преднамеренные пропуски частей высказывания. Словом, многоточие — знак активный в современной печати, особенно в некоторых видах и разновидностях литературы. Это художественная литература, а также публицистика — в малых и больших ее жанрах. В литературе официально-деловой и научной нет места многоточию (разве только для обозначения пропусков при цитировании). Это и понятно: в таких произведениях не может быть недоговоренности, двусмысленности, недосказанности, как недопустимо разное прочтение, предугадывание смысла и т.д.

Функционально-целевое использование пунктуации

Современная пунктуация — достаточно гибкая система, способная обслуживать нужды письменного общения, преследующего разные цели, в связи с чем сама письменная речь оказывается неоднородной.

Общественная практика выработала определенный отбор языковых средств в соответствии с задачами общения. В научной

статье, в газетной заметке, в официальном заявлении, в протоколе заседания, в жанрах художественной литературы и т.д. по-разному отбираются и сочетаются языковые средства общенародного языка, такие разные формы речевого общения специализировались как речь научная, официально-деловая, публицистическая, художественная.

В синтаксическом отношении каждая из разновидностей письменной речи обладает особенностями, более или менее ярко выраженными. А поскольку пунктуация прежде всего фиксирует синтаксическое членение речи, то она различается в разных по функционально-стилевой принадлежности текстах. В лингвистической литературе неоднократно подчеркивалась мысль, что пунктуация не одинакова для различных стилей письменной речи¹.

Содержание научного сообщения — это описание фактов, предметов, явлений действительности, их изучение, объяснение, обобщение. Задача научного сообщения — доказательство определенных положений, гипотез, их аргументация. Научная литература обычно содержит систему рассуждений и доказательств. Отсюда и особенности языка, в том числе и его синтаксического строя.

Синтаксис научной литературы довольно четок²: отличается последовательной связностью отдельных предложений, их завершенностью и полнотой. Научный стиль «тяготеет к речевым средствам, лишенным эмоциональной нагрузки и экспрессивных красок»³, поэтому в синтаксисе научных произведений, рассчитанных не на эмоциональное, а на логическое, интеллектуальное восприятие, обычно отсутствуют предложения, передающие экспрессивные качества речи, смысловые и интеллектуальные тонкости. Не характерны для научного стиля эмоционально окрашенные предложения, всевозможные умалчивания, недоговоренности и т.п. Пунктуация этого вида литературы стандартизирована и лишена индивидуальной осмысленности. Преобладают знаки, покоящиеся на структурном основании: это знаки, членящие текст на отдельные предложения и части предложения (главная и придаточная, однородные члены; среди обособлений — только обязательные, т.е. выделенные структурными показателями).

¹ См., например: *Шатило А.Б.* Современный русский язык. Пунктуация. — М., 1964. С. 58—59; *Ефимов А.И.* Стилистика художественной речи. — М., 1957. С. 422—425.

² См. о специфике синтаксического строя научного стиля: *Липцева О.А.* Внутрестилевая эволюция современной русской научной прозы // Развитие функциональных стилей современного русского языка. — М., 1968. С. 126; *Куткина Л.Л.* Формирование языка русской науки. — М.—Л., 1964; *Кажина М.Н.* О речевой системности научного стиля сравнительно с некоторыми другими. — Пермь, 1972; *Она же.* Стилистика русского языка. — М., 1977; *Особенности стиля научного изложения.* — М., 1976; *Язык и стиль научной литературы.* — М., 1977.

³ *Виноградов В.В.* О теории поэтической речи // Вопросы языкознания. — 1962. № 2. С. 3—4.

Например:

Естественный человеческий язык, возникший в процессе выделения человека из животного мира, является, как известно, материальной формой выражения мышления, служащей для передачи и хранения информации. В отличие от естественного языка, употребляемого людьми в обыденной жизни, научный язык — это искусственный язык, специально разработанный для определения познавательных целей. Содержание языка науки составляют научные термины, выработанные для решения познавательных задач (Э.А. Мариничев. Математика — язык науки).

В отличие от собственно научных в произведениях научно-популярных и публицистических, в соответствии со своеобразием синтаксического строя, пунктуация менее стандартна, допускает некоторые вольности, идущие от разговорной интонации и художественных средств выразительности, то же можно сказать и о газетных публикациях — статьях, сообщениях, репортажах, обзорах, заметках, очерках и т.д., где в разном объеме и в разных вариантах могут соединяться черты научного и художественного изложения. Вот, например, как разговорные интонации в выступлении Р. Рождественского фиксируются знаками:

Публицистичность — это характерная особенность всех жанров советской литературы. Всех. Без исключения. И все-таки не зря мы выделяем публицистику в отдельный жанр. Не зря называем этот жанр боевым. Точное понимание проблемы. Убеденность в своей правоте. Яростная полемичность и спокойный голос факта. Мужество. Порою — риск, в самом буквальном значении этого слова. Бой не для виду, не с тенью... Боевой жанр! Не декламационный, не выпененный, не ходульный. Потому что на ходулях воевать трудно.

Жанр публицистики останется боевым навсегда. Ибо невозможно предположить, что вдруг остановится наша жизнь, вдруг прекратится развитие нашего общества. Публицистика, словно увеличительное стекло, приближает к нашим глазам, к нашим сердцам конкретные проблемы людей, проблемы века.

В документах официально-деловых (докладах, приказах, отчетах, программах, протоколах, инструкциях, заявлениях и т.д.) синтаксическая структура более стандартна (чем в научных текстах). Для официально-деловой литературы характерны строгость и смысловая четкость в изложении. Индивидуализация речи здесь сведена до минимума. Отсюда и своеобразие синтаксического строя. Общепринятые (подчас единственно возможные) формы изложения и расположения материала приводят к сравнительной легкости пользования знаками препинания, их однообразию: знаки здесь ставятся в соответствии с грамматическим членением речи. Главная закономерность в употреблении знаков в официаль-

но-деловом тексте — отсутствие знаков, выражающих эмоциональные и экспрессивные оттенки речи.

Однако в оформлении деловых бумаг есть свои трудности, свои особенности. К таким особенностям относится, например, специальное выделение частей текста.

Содержание делового документа должно быть точным, недвусмысленным и вместе с тем обстоятельным, по возможности стандартной формы. Этим качествам деловых бумаг подчинены и их синтаксические особенности. Часто в одном предложении необходимо выразить все обстоятельства дела, отсюда — очень сложные предложения со многими придаточными, причастными и деепричастными оборотами, с перечислением однородных членов.

Самостоятельные части в документах делятся на разделы, которые должны быть четко выделены. Отсюда целая система рубрик, сопровождаемая сложной нумерацией. Таково пунктуационное оформление документов юридических, правительственных и партийных, международных договоров и соглашений и т.д.

Синтаксис разных деловых жанров имеет своеобразные черты: стиль закона, например, отличается от стиля военного устава или стиль международного договора отличается от стиля протокола заседания. Однако в любом случае «продуманность и четкость формулировок, нормализация и стандартизация необходимы в деловом документе»¹, а это сказывается на пунктуации.

В деловых документах пунктуация предельно стандартизирована, так как опирается на структурный принцип. Четкость, логичность построения и оформления мысли в деловой бумаге выдвигается на первый план и становится самоцелью. В прямой связи с этим находятся те технико-пунктуационные правила, которые специфичны для деловой литературы. К таким правилам прежде всего относится соблюдение последовательности в использовании обозначений рубрик и четкости в членении текста.

Как задачи и цели общения подчиняют себе выбор языковой формы и соответствующих знаков, можно проследить, например, на рекламных текстах и заголовочных конструкциях. Известно, что обычно знаки становятся информативными вместе с вербальными средствами. Причем прослеживается такая закономерность: чем полнее представлены в сообщении вербальные средства, тем меньше требуется знаков, и наоборот, — чем меньше вербальных средств (при свертывании сообщения, вплоть до минимума слов-сигналов нового и потому необходимого смысла), тем больше

¹ *Догина К.А.* Деловая речь и ее стилистические изменения в советскую эпоху // Развитие функциональных стилей современного русского языка. — М., 1968. С. 186.

знаков, помогающих восполнить отсутствующие звенья в сообщении.

В этом смысле очень показательны заголовочные конструкции газеты. Будучи более тесно связанными с текстом, чем другие заголовки-наименования, заголовки в газете должны дать максимум информации о тексте (тем более что часто ознакомление с газетой и завершается чтением заголовков), к тому же они еще должны и привлечь внимание, т.е. должны совместить в себе такие качества, как информативность и рекламность. Концентрация информационных качеств заголовка достигается путем сдвигов в его структуре, за счет экономии речевых средств, инверсии и т.д. В таких заголовках большую службу несут знаки препинания. Именно знаки оказываются здесь смысловоразличителями, тем каркасом, на котором располагаются слова соответственно заданным знаками функциям, т.е. знаки организуют само сообщение.

Своеобразием отличается и пунктуация в художественных текстах. Слово в художественном тексте не может быть «не мотивированным, с пустым, стертым, произвольно условным значением»¹. Многозначность, экспрессивность языка художественной литературы сказывается и на ее пунктуации.

В художественных текстах многое зависит от умения автора с помощью знаков передать тончайшие оттенки смысла, которые не могут быть выражены только словами и только синтаксически, поэтому пунктуацию можно с полным основанием назвать одним из ярких средств повышения выразительности текста.

В художественной литературе, как ни в каком другом виде литературы, широко используются такие знаки препинания, которые выражают эмоционально-экспрессивные качества письменной речи и разнообразные оттенки смысла, хотя и здесь «структурные» знаки обязательны и неприменимы. Вся пунктуационная система полно, широко и многообразно служит в художественном тексте одним из существенных и ярких средств передачи не только логического, интеллектуального, но и эмоционального содержания. Возможность переосмысления слова в художественных текстах, многоплановость его звучания и т.д. приводит к синтаксической осложненности, выражающейся в обилии обособленных оборотов речи, пояснений, уточнений, выделений, подчеркиваний и пр. Все это служит пунктуация, которая обладает широчайшими возможностями для передачи смысловых, эмоциональных и интонационных тонкостей.

М. Светлов сказал: «Ученый употребляет слова в прямом значении. А в поэзии, как в живой речи, все решает интонация. Она

¹ *Винокур Г.О.* Избранные работы по русскому языку. — М., 1959. С. 391.

может очень далеко отлетать от непосредственного смысла. В науке слова идут ровным шагом, в стихах — разбегаются, скользят, взлетают».

Интонация в художественном тексте может быть столь же многообразной, сколь многообразен и индивидуален писательский талант, сколь многообразен и индивидуален слог писателя, его стиль. А это не может не отразиться и на пунктуации, которая, опираясь на общественную практику, все же отражает индивидуальность пишущего.

Своеобразие синтаксического строя художественного текста, как отчасти и публицистического (особенно газетной публицистики), заключается в активном использовании разговорных конструкций, передающих непринужденность общения с читателем, экспрессивность речи, ее актуализацию и требующих особого пунктуационного оформления.

Трудность пунктуационного оформления разговорной речи, отраженной в письменном тексте, заключается в том, что с точки зрения синтаксиса она не укладывается в привычные, стандартные схемы и модели (часто простые предложения включают элементы сложного; вставки, замечания по ходу рассуждения врываются в главную мысль, лишая ее одноплановости, и т.д.). Все это требует особой комбинации знаков, учета не только их общих функций, но и возможности использования в сочетании друг с другом в данном, конкретном тексте.

Итак, способность пунктуации реагировать на функционально-стилевые и стилистические свойства текста отнюдь не означает, что каждый вид литературы имеет свою собственную пунктуацию; она едина и закреплена общественной практикой. Своеобразие пунктуации заключается в своеобразии самого синтаксического строя, который она обслуживает. И в этом смысле можно говорить о **контекстуально** и функционально обусловленной пунктуации.

Нерегламентированная пунктуация. Авторская пунктуация

Наряду с пунктуацией, регламентированной правилами, существует пунктуация нерегламентированная. Последняя представляет собой разнообразные отклонения от общих норм. Отклонения в употреблении знаков препинания могут быть вызваны разными причинами, в том числе и своеобразием авторской манеры письма. В целом нерегламентированная пунктуация объединяет разные явления, среди которых вычлняется собственно авторская пунктуация, т.е. непосредственно связанная с индивидуальностью пишущего.

1. В пунктуации наряду с нормами общими, обладающими определенной степенью стабильности, существуют нормы ситуативные, приспособленные к функциональным качествам конкретного вида текста. Первые включаются в обязательный пунктуационный минимум. Вторые обеспечивают особую информативность и экспрессивность речи. Ситуативные нормы диктуются характером текстовой информации: знаки препинания, подчиненные такой норме, выполняют функции логико-смысловую (проявляется в разных текстах, но особенно в научных и официально-деловых), акцентно-выделительную (преимущественно в текстах официальных, частично в публицистических и художественных), экспрессивно-эмоциональную (в текстах художественных и публицистических), сигнальную (в текстах рекламных). Знаки, подчиненные ситуативной норме, не могут быть отнесены к авторским, поскольку они отражают общие стилистические свойства функционально различающихся текстов. Такие знаки регламентированы характером этих текстов и существуют наряду с общепринятыми.

2. Современная пунктуация — результат исторического развития русской пунктуационной системы. Поскольку пунктуация обслуживает постоянно изменяющийся и развивающийся язык, она также изменчива с точки зрения исторической. Именно поэтому в каждый период могут происходить изменения в функциях знаков препинания, в условиях их применения. В этом смысле правила всегда отстают от практики и потому время от времени нуждаются в пересмотре¹. Изменения в употреблении знаков происходят постоянно, они отражают жизнь синтаксической структуры языка и его стилистической системы.

Было уже показано, как в последнее время все чаще представлено тире (на месте двоеточия) между частями бессоюзного сложного предложения при обозначении пояснения, причины во второй части, при обобщающих словах перед перечислением однородных членов и т.д.

Схожее употребление знаков препинания найдем и у писателей, поэтов: *У Блока было все, что создает великого поэта, — огонь, нежность, проникновение, свой образ мира, свой дар особого, все претворяющего прикосновения, своя сдержанная, скрадывающаяся, вобравшаяся в себя судьба* (Б. Пастернак); *Но вызывать сейчас огонь артиллерии было бессмысленно — огонь накрыл бы и наших разведчиков* (Ю. Бондарев); *Главный редактор газеты всячески избегает теперь встречи со мной, дозвониться ему невозможно, секретарша все ссылается на его занятость — то у него заседание, то планерка,*

¹ В частности, в настоящее время «Правила русской орфографии и пунктуации» (1956) пересматриваются.

то его вызвали в вышестоящие, как она любит подчеркивать, инстанции (Ч. Айтматов). Такие отклонения от правил отражают общие тенденции в развитии современной пунктуации и постепенно готовят почву для изменения или уточнения самих правил: индивидуально-авторскими они не являются. Это свидетельство отклика авторов на потребности сегодняшнего дня.

3. Среди не регламентированных грамматическими условиями предложений знаков препинания особое место занимают знаки, избираемые в зависимости от конкретных задач высказывания, знаки, проявляющие смысловой принцип пунктуации. Такие знаки контекстуально обусловлены, подчинены задачам авторского выбора. И все-таки «авторство» здесь заключается только в возможности выбора, выбор же диктуется отображаемой речевой ситуацией. И следовательно, разные авторы при необходимости передать одинаковую ситуацию могут воспользоваться данным вариантом. Индивидуально осмысленной может оказаться сама ситуация, а отнюдь не знак препинания. Это знаки, диктуемые условиями контекста, закономерностями его смысловой структуры, а не своеобразием выбора знака как такового. У разных авторов можно найти в текстах схожие ситуации: *Все на нем было отглажено, франтовато. Кривоватые — тоже от отца — ноги приводили его в отчаяние* (В. Каверин); *Печь когда-то треснула, ее, по белому, замазали глиной* (И. Бунин); *И оттого, что он так охотно и радостно слушал, рассказывали — с радостью тоже — новые истории* (М. Шолохов). Эта схожесть и фиксируется знаками препинания, хотя сами знаки в этих контекстуальных условиях и не подчиняются принятым правилам и нормам. Такие контекстуально-обусловленные знаки нельзя считать индивидуально-авторскими.

4. Нерегламентированная пунктуация часто обнаруживается и при пунктуационном оформлении разговорной речи. Имитация разговорной речи в речи письменной приводит к членению текста на основе живого произношения, с многочисленными паузами, интонационными нюансами. Прерывистость речи, а часто ее затрудненность передаются знаками, причем их выбор диктуется не структурой предложения, а чисто интонационной стороной речи: *Для начала... такие... формальные вопросы* (В. Шукшин); *Давно это... в вираж вошел?* (В. Распутин). Такая пунктуация не может считаться авторской, поскольку здесь нет индивидуального применения знаков препинания: передается лишь прерывистый характер живой речи, причем предусмотреть позиции прерывания речи фактически невозможно. Они непредсказуемы.

Разговорная речь, отраженная в письменном тексте, с точки зрения синтаксиса не укладывается в привычные, стандартные схемы и модели (в простые предложения могут включаться эле-

менты сложного; замечания на ходу, вставки — врываться в главную мысль, лишая ее одноплановости; чрезмерная расчлененность речи может нарушить синтаксические связи и т.д.). Отсюда — трудность в выборе различных комбинаций знаков, которые, естественно, не могут быть предусмотрены правилами. Вот пример оформления подобного текста: — *Мы, помню, забылись, маленько распались — полюсем их почем зря, только калганы летят... А их за речкой, в леске, — видимо-невидимо. А эти-то нас туда заманивают. Половина наших уж перемахнули речку — она мелкая, а половина ишо здесь. И тут Иван Тимофеич, покойничек, царство небесное, как рвкнет: «Назад!» Мы опомнились... А из лесочка-то их туча сыпанула. А я смотрю: Стеньки-то нету со мной. Все рядом был — мне Иван велел доглядывать за тобой, Тимофеич, дурной ты какой-то тот раз был, — все видел тебя, а тут как сквозь землю провалился. Может, за речкой? Смотрю — и там нету. Ну, думаю, будет мне от Ивана. «Иван! — кричу. — Где Стенька-то?» Тот аж с лица сменился... Глядим, наш Стенька летит во весь мах — в одной руке баба, в другой дите. А за ним... не дай соврать, Тимофеич, без малого сотня скачет. Тут заварилась каша... (В. Шукшин).*

5. Наряду с такими случаями нерегламентации существует особый тип нерегламентации, включающийся в систему индивидуальных литературных приемов.

Авторские знаки препинания в собственном смысле этого слова всецело зависят от воли пишущего, воплощают индивидуальное ощущение их необходимости. Такие знаки включаются в понятие авторского слога, они приобретают стилистическую значимость.

Однако даже такая авторская пунктуация, вследствие того что она рассчитана на восприятие и понимание, бывает предсказуемой, поскольку не теряет своей собственной функциональной значимости. Ее отличие от пунктуации регламентированной заключается в том, что она глубже и тоньше связана со смыслом, со стилистикой конкретного текста. Отдельные пунктограммы авторской пунктуации, так же как, например, лексические и синтаксические средства языка, способны наряду с основным своим значением иметь значения дополнительные, стилистически значимые. Индивидуальная пунктуация правомерна только при таком условии, когда при всем богатстве и разнообразии оттенков смысла в пунктуации не утрачивается ее социальная сущность, не разрушаются ее основы.

Это условие помогает установить некоторые общие закономерности проявления «авторства» в пунктуации. Например, индивидуальным можно считать появление знака препинания в таких синтаксических условиях, где он не регламентирован: *Когда мы вернулись из деревни, нас встретила — война (А. Ахматова); А феи — всегда*

красивы? (М. Горький); Вон — тощей вербы голый куст (А. Блок); Вот — сидим с тобой на мху (А. Блок); Я могуч и велик ворожбаю, но тебя уследить — не могу (А. Блок).

У Б. Пастернака, например, появляется стремление расчленить подлежащее и сказуемое достаточно своеобразно: вместо более обычного тире употребляется многоточие. Оно как бы совмещает в себе функцию разделительного тире и собственно многоточия, передающего нечто недосказанное, неопределенное, «раздумчивое»: *Сумерки... словно оруженосцы роз, на которых — их копыта и шарфы. Или:*

Бесцветный дождь... как гибнущий патриций,

Чье сердце смерклось в дар повествований...

Да солнце... несью капель без названий

И плачем плит заплачено сторицей.

Ах, дождь и солнце... странные собратья!

Один на месте, а другой без места...

Не регламентированное правилами индивидуальное тире встречается после союзов, наречных слов: *Смерть разула стоптанные лапти, прилегла на камень, и — уснула (М. Горький); Чьи песни? И звуки? Чего я боюсь? Шемлящие звуки и — вальная Русь? (А. Блок); Старый, старый сон. Из мрака фонари бегут — куда? Там — лишь черная вода, там — забвенья навсегда? (А. Блок).*

Даже парцелляция, в принципе широко распространенная в современном языке, может выглядеть предельно оригинально:

О, Сад, Сад!

.....

Где медведи проворно влезают вверх и смотрят вниз, ожидая приказания сторожа.

Где нетопыри висят опрокинуто, подобно сердцу современного русского.

Где грудь сокола напоминает перистые тучи перед грозой.

Где низкая птица влачит за собой золотой закат со всеми уголями его пожара.

Где в лице тигра, обрамленном белой бородой и с глазами пожилого мусульманина, мы чтим первого последователя пророка и читаем сущность ислама (В. Хлебников).

Или еще:

Все, что было до него, он признает:

Никуда не годным.

Пьесу, постановки, игру.

Авторов, режиссеров, актеров.

В. Дорошевич

Авторская индивидуальность может проявиться и в усилении знаковой позиции. Такой прием повышения экспрессивных качеств текста заключается в замене знаков недостаточно сильных

более сильными по своей расчленяющей функции. Например, обращения, сравнительные обороты, придаточные части сложно-подчиненных предложений, вводные слова обычно выделяются запятыми. Однако запятую часто вытесняет тире как знак более сильный по своей значимости: *Как дитя — собою радость рада* (М. Горький); *И стоит Степан — ровно грозный дуб, побелел Степан — аж до самых губ* (М. Цветаева); *Други его — не тревожьте его!* (М. Цветаева); *Крик разлук и встреч — ты, окно в ночи! Может — сотни свеч, может — три свечи...* (М. Цветаева); *Я поняла — что не люблю супруга* (М. Цветаева); *Быть теплым, тихий, серенький денек, среди берез желтел осинник редкий, и даль лугов за их прозрачной сеткой синела чуть заметно — как намек* (И. Бунин).

Расчленение речи усиливается и при замене запятой на точку. При общем значении — фиксация синтаксически равнозначных единиц речи — эти знаки препинания обозначают разную степень расчлененности. И если точка предназначена для употребления на межфразовом уровне, то запятая выполняет схожие функции внутри предложения. Поэтому точку, занявшую позицию запятой (в частности, при перечислении однородных членов предложения), можно считать индивидуально-авторской. Например, у А. Блока есть такие строки:

*О жизни, догоревшей в хоре
На темном клиросе твоём.
О Деве с тайной в светлом взоре
Над осиянным алтарем.
О тамных девушках у двери,
Где вечный сумрак и хвала.
О дальней Мэри, светлой Мэри,
В чьих взорах — свет, в чьих косах — мгла.*

Стихотворение это, ныне печатающееся без названия, в рукописи и в первых публикациях имело заголовок «Молитва». Предпосланный цитируемым строкам, он и объясняет нанизывание управляемых словоформ в качестве перечисляющихся однородных членов предложения. Такая точка, кроме своего основного значения, имеет еще и дополнительное — выделительно-акцентирующее. Именно оно и делает знак препинания стилистически значимым, а синтаксические условия его применения — индивидуально избираемыми. Приращение смысла возникает в результате переноса знака в нетипичные для него синтаксические условия. Таким образом, при сохранении знаками основных функций и значений новизна их употребления связана с дополнительными значениями и проявляется в умении видеть возможности знака.

Как безусловно индивидуально-авторские воспринимаются знаки препинания, передающие ритмику текста, а также его мело-

дику, темп — убыстренный или замедленный. Такие знаки не привязаны к синтаксическим структурам и потому не поддаются типизации с точки зрения условий их применения. Здесь можно обнаружить лишь внутренний принцип, диктуемый конкретным текстом и субъективно избираемый автором. Как правило, ритмико-мелодическую организацию текста (в основном стихотворного) подчеркивает тире, ибо оно обладает наибольшей разделительной «силой», которая дополняется и зрительным эффектом: *Двое — мы тащимся вдоль по базару, оба — в звенящем наряде шутов* (А. Блок); *Мой путь не лежит мимо дому — твоего. Мой путь не лежит мимо дому — ничего* (М. Цветаева); *Новые дома из серых плит, стоящие один за другим, и между ними чахлые посадки — березки, привязанные к палкам. И частный сектор — домики, садики, сарайчики, водоразборные колонки, провинциальное захолустье. Где — тем не менее — несмотря на — вместе с тем — бурлит новое — живут общей жизнью — не хуже, чем в столицах, — зато Свежий Воздух, близость к Земле и природе — люди не так отчуждены...* (Д. Гранин).

Возможности индивидуального использования тире особенно заметны у авторов, склонных к сжатости речи, скупых на словесные средства выражения. Например, уплотненный до предела текст М. Цветаевой часто содержит лишь смысловые ориентиры, те ключевые слова, которые не могут быть угаданы, все же другие элементы высказывания опускаются, так как в данном случае не несут главной мысли:

*Площадка. — И шпалы. — И крайний куст
В руке. — Отпускаю. — Поздно
Держаться. — Шпалы.*

Тире здесь усиливает расчлененность, уже обозначенную точкой.

У Б. Пастернака тире помогает в сжатой словесной форме проявить подтекст:

*Осень. Отвыкли от молний.
Идут слепые дожди.
Осень. Поезда переполнены —
Дайте пройти! — Все позади.*

Активизация тире прямо связана с «экономией» речевых средств. Но и при индивидуализированном употреблении тире все-таки сохраняет свою функциональную значимость; одно из его основных значений — регистрация пропущенных звеньев высказывания. Вот пример повышенного пристрастия к тире:

Но клавиши я — любила: за черноту и белизну (чуть желтизну!), за черноту, такую явно, — за белизну (чуть желтизну!), такую тайно-грустную, за то, что одни широкие, а другие узкие (обиженные!), за то, что по ним, не сдвигаясь с места, можно, как по

лестнице, что эта лестница — из-под рук! — что от этой лестницы сразу ледяные ручьи — ледяные лестницы ручьев вдоль спины — и жар в глазах — тот самый жар в долине Дагестана...

И за то, что белые, при нажиме, явно веселые, а черные — сразу грустные, верно — грустные, настолько верно, что, если нажму — точно себе на глаза нажму, сразу выжму из глаз — слезы.

И за самый нажим: за возможность, только нажав, сразу начать толкать, и, пока не отпустишь, толкать без конца, без дна, — и даже когда отпустишь!

За то, что с виду гладь, а под гладью — глубь, как в воде, как в Оке, но глаже и глубже Оки, за то, что под рукой — пропасть, за то, что эта пропасть — из-под рук, за то, что, с места не сходя, — падаешь вечно.

За вероломство этой клавишной глади, готовой раздаться при первом прикосновении — и поглотить.

За страсть — нажать, за страх — нажать: нажав, разбудить — все. (То же самое чувствовал, в 1918 году, каждый солдат в усадьбе.)

И за то, что это — траур: материнская, в полоску, блузка того конца лета, когда следом за телеграммой: «Дедушка тихо скончался» — явилась и она сама, заплаканная и все же улыбающаяся, с первым словом ко мне: «Муся, тебя дедушка очень любил» (М. Цветаева).

При иной организации текста эксплицитно представленные речевые средства позволяют вовсе обойтись без знаков препинания (что можно рассматривать как особый литературный прием):

*С первого по тринадцатое
нашего января
сами собой набираются
старые номера
сняли иллюминацию
но не зажгли свечей
с первого по тринадцатое
жены не ждут мужей
с первого по тринадцатое
пропасть между времен
вытри рюмашки насухо
выключи телефон*

А. Вознесенский

Отсутствие пунктуации возможно лишь при полносоставности структур текста, когда все необходимые смыслы лексически выявлены. Такое оформление (вернее, его отсутствие!) не может быть применимо к речи прерывистой, сбивчивой, алогичной; с пропусками и эллипсами, речи, имитирующей процесс размышления или разговорность интонаций. Так, например, чрезмерно индивиду-

лизирована пунктуация у А. Солженицына, причем настолько, что кажется, будто он объединил разные литературные приемы (отмеченные у разных авторов) в единый монолитный сплав. Здесь оригинально употребление не только тире (оно отделяет и союзы, и частицы; разделяет подлежащее и сказуемое в нетипичных синтаксических условиях и др.), но и двоеточия, и даже вопросительного знака и запятой. Вот некоторые примеры из повести «На изломах»: *Теперь один, и другой разногласили. // Правда, нашлось еще сколько-то подобных — «партия экономической свободы». Вступил к ним. Но: болтовня одна, или политической власти хотят. // И тут — узнал! — Косаргин враз понял по выражению. Но сам — не пошел навстречу, не напомнил. И тот — ничего не назвал. А — еще задумался. // А может быть — надо было тогда устоять, не сворачивать? не соблазниться? Далеко-далеко виделся свет, и слабел. // И пошла жизнь по тем же военным рельсам, только без похоронок, а: и год, и два, и три — восстанавливать! значит — и работать, и жить, и питаться, как если б война продолжалась. // А дела и обязанности — расширились в размахе. // Приглядывался на планёрках: чем Борунов берёт? ведь не криком, не кулаком. А: уверен он, что — выше любого своего подчиненного. // Ох, много названий, еще больше — факультетов, отделений, специальностей, — а что за ними скрывается? чёрт не разберет. И — как бы решали? и — как бы решились? — но в Энергетическом, Шоссе Энтузиастов, прочли: «трехразовое питание»! И это — все перевесило. (А по себе сам намечал: юридический? исторический?) Ну, такая в ногах легкость — покатали! И — приняли. // Он — час так просидел? не зажег свет.*

Надо сказать, что чрезмерная оригинальность А. Солженицына в выборе и, особенно, сочетании знаков скорее всего объясняется своеобразием самого синтаксиса — прерывистого, со смысловыми и логическими смещениями. Все это явно имитирует не только разговорность, но и желание показать сам процесс размышления. Это внутреннее, сбивчивое и вполне реальное размышление, зафиксированное на бумаге. Такой синтаксис требует высокой степени оснащённости знаками. Это синтаксис, сознательно лишенный «гладкости» и книжной ординарности.

Индивидуальность в применении знаков препинания может проявиться и в расширении границ их употребления, и в усилении их функциональных свойств. Комбинация знаков или нарочитое повторение одного из знаков также могут быть чисто авторскими и подчас являть собой индивидуальный прием, найденный писателем для передачи особого состояния героя.

Например, у В. Маканина в «Андерграунде» в избытке употребляются типичные для нашего времени расчлененные конструк-

ции, в которых обильно представлена точка, однако сам характер расчлененности — структурно и содержательно — в высшей степени оригинален: *Вот тут я вновь прислонился плечом к стене. От слабости. И от живой слезы в глазу. // Беседуем. О том, что появился новый американский препарат. О питании. О разном и причем — о том, как подействовала на Веню нынешняя осень с ее холодами.*

Одновременно у В. Маканина та же расчлененность текста осуществляется и по-другому, достаточно необычно — избирается знак «точка с запятой». Такой знак не предусмотрен не только правилами, но оказывается и не в русле общих тенденций в применении этого знака: *Я только улыбаюсь; с разинутым ртом; слаб и счастлив. // Есть у меня и другой свитер, более теплый; и более густого цвета. На худощавую фигуру в самый раз. // Надо признать, Вик Выкыч осторожничал и лишний раз побаивался знакомить нас со своей женщиной (меня; и мужчин вообще). // Наконец лег; в свитере. // Полет он перенес. В Шереметьеве, задыхающийся, сумел сам сесть в такси, приехал; но егохватило только войти в квартиру. Едва переступив порог, рухнул лицом прямо на пол; скоростисжжсно; у себя дома. // Эксперт принес только портфель. Даже не помню его фамилии; мелкое личико; и весь мелкий. (Досадно.)* И если точка — это дань времени, то точка с запятой в подобных синтаксических условиях — это именно индивидуальная интерпретация ситуации.

Итак, индивидуальность в применении знаков препинания заключается отнюдь не в коренном нарушении пунктуационной системы, не в пренебрежении традиционными значениями знаков, а в усилении их значимости как дополнительных средств передачи мыслей и чувств в письменном тексте, в расширении границ их использования. Индивидуализированная пунктуация несет в себе заряд экспрессии, она стилистически значима, включается в систему литературных приемов, помогает писателю и поэту в создании художественной выразительности. А это в свою очередь повышает степень развитости и гибкости пунктуационной системы языка. Так творческая индивидуальность, пользуясь выразительными и изобразительными возможностями пунктуации, одновременно обогащает ее.

Необычное, с точки зрения применения знаков, оказывается обычным, с точки зрения функциональных возможностей современных знаков препинания.

Современная русская пунктуация, используемая в практике печати, далеко не всегда подчиняется Своду правил 1956 г., и потому осмысленные и типичные «нарушения» правил не могут рассматриваться как проявление безграмотности. В них, «нарушениях», просматриваются закономерные тенденции, отражающие поиск адекватных способов оформления значительно обновившейся

синтаксической и ритмико-стилистической структуры письменного текста. В целом, как было показано, речь становится все более динамичной и расчлененной, особенно это касается массовой печати, и во многих случаях это достигается с помощью знаков. Естественно, что в текстах более узкого, специального назначения традиционные написания более устойчивы.

Обновление практики использования знаков связано с отражением норм ситуативных, не столь жестких, характеризующих гибкость, вариативность современной пунктуации, ее способность повышать информационные и выразительные качества письменного текста. Отклонения от правил, вылившиеся в определенные тенденции, — свидетельство движения русской пунктуации к функционально-смысловой значимости. А такое возможно лишь при достаточной степени развитости самой пунктуационной системы в целом.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Обычно в пособиях по русскому языку, будь то лексика, грамматика или стилистика, языковые явления рассматриваются в статическом плане, так сказать, в искусственно «замороженном» виде. Объективно же язык, как живая, реально функционирующая система, находится в постоянном движении и изменении. Интенсивность этого движения не одинакова — ни во времени, которое требуется на те или иные изменения, ни по охвату языкового материала, который подвержен изменениям. Замена одних средств выражения другими происходит в каждом частном случае не однородно и резко, а подчас еле заметно, постепенно.

В данном пособии предпринята попытка дать описание новых явлений в языке, которые указывают на общее направление эволюции языка. Причем само понятие «новые» может оказаться достаточно растяжимым, поскольку сдвиги в языке, которые обнаружены сегодня, подготавливались последовательным накоплением мелких, может быть, не сразу замечаемых изменений. И то, что в конце XX в. стало абсолютно очевидным, могло спорадически проявляться и в языке прошлого, например в начале века или в середине и т.д. Поэтому иллюстрации, приводимые в пособии, не жестко привязаны к тому периоду, который стал хронологической основой описания языкового материала. Так, примеры из И. Бунина, В. Набокова, из литературы 50—60-х годов наглядно просвечивают перспективу тех или иных явлений в языке, которые сегодня уже просто невозможно не заметить, — так пышно и многогранно они представлены в наши дни. С другой стороны, есть речевые средства (особенно в лексике), которые, мгновенно возникнув как отклик на какое-то конкретное событие, так же быстро и исчезают, не успев дать росточки нового.

Такова динамика в языке. Длительность хронологических периодов в жизни языковых явлений разная. Обычно это хронологическое различие обнаруживается в жизни языковых вариантов. Судьба безвариантных средств выражения более устойчива и стабильна. Вариантные же формы находятся в постоянной конкурентной борьбе, и невозможно установить общие периоды этой борьбы:

каждая из форм живет в своем периоде, имеет свою периодизацию. Более того, варианты конкурируют обычно в своей сфере, не претендуя на другую. Например, однозначные формы в сфере просторечия и нейтральной литературной речи, как правило, не мешают друг другу существовать отдельно в течение длительного периода времени (например, единицы в паре «откуда — откедова» живут самостоятельной жизнью, без поползновения на вытеснение одного другим).

При характеристике темпов сдвигов в языке большое значение имеют количественные показатели, хотя они не могут помочь с абсолютным датированием изменений.

В пособии количество приводимых иллюстраций на то или иное языковое явление различное. Это не случайно. Хотя мы не располагаем полными статистическими данными на этот счет, все-таки хотелось показать степень распространенности явлений, что и отражено с помощью разного количества примеров.

Изучение ведущих тенденций в языке не всегда сопровождалось конкретными указаниями относительно нормативности — ненормативности языковых явлений. Это объясняется тем, что не все еще подвергнуто кодификации, не все канонизировано в словарях и грамматиках. Многие еще не устоялось, не окрепло, а может быть, окажется просто случайным, как инертная реакция на моду. Прогнозирование в вопросах языка — дело ненадежное, затруднительное. Особенно в частностях. Общая направленность движения очевидна, она просматривается на протяжении многих лет, но конкретные шаги малопредсказуемы. В данном случае важным было зафиксировать употребление языковых единиц, без обязательной квалификации их относительно нормы. Тем более, что само понятие нормы исторически изменчиво. Она складывается в процессе употребления в языковой практике (количественный показатель здесь очень важен), но это еще не значит, что она (норма) будет кодифицирована. Кодификация, т.е. действие по упорядочению, систематизации и регистрации правил в нормативных документах, конечно, преследует цель нормализации, но она не всегда дает адекватную и объективную картину жизни языка (ср., например, несопадающую квалификацию слов в разных словарях или не соответствующие реальному положению дел рекомендации в стилистиках и справочниках).

Создается литературный язык обычно передовой, культурной частью общества. И главная функция языка — встать над отдельными локальными или социальными языковыми образованиями¹.

¹ Ширяев Е. Н. Что такое культура речи?; Граудина Л. К., Дмитриева О. Л., Новикова Н. В., Ширяев Е. Н. Мы сохраним тебя, русская речь. — М., 1995.

Однако в отдельные периоды жизни языка, и особенно в частных проявлениях этой жизни, социальная почва для установления литературной нормы может оказаться значительно расширенной. А это, в свою очередь, усиливает колебания при установлении приоритетных языковых вариантов и затрудняет кодификационную деятельность. Наше время как раз и отличается таким своеобразием.

Материал пособия рассчитан на повышение наблюдательности при чтении современных текстов, на развитие способности сопоставлять языковые явления и размышлять при оценке способов и средств выражения, на воспитание чувства языка и понимание его постоянной изменчивости, которая, вместе с тем, не мешает ему оставаться самим собой.

ЛИТЕРАТУРА

- Акимова Г.Н.* Новое в синтаксисе современного русского языка. — М., 1990.
- Баранов А.Н., Караулов Ю.Н.* Русская политическая метафора (материалы к словарю). — М., 1991.
- Валгина Н.С.* Трудности современной пунктуации. — М., 2000.
- Горбачевич К.С.* Изменение норм русского литературного языка. — Л., 1971.
- Горбачевич К.С.* Вариантность слова и языковая норма. — Л., 1978.
- Граудина Л.К.* Вопросы нормализации русского языка. Грамматика и варианты. — М., 1980.
- Елистратов В.С.* Арго и культура // Словарь московского арго. — М., 1994.
- Елистратов В.С.* Словарь русского арго. — М., 2000.
- Зенович Е.С.* Словарь иностранных слов и выражений. — М., 1998.
- Комлев Н.Г.* Иностранное слово в деловой речи. — М., 1992.
- Костамаров В.Г.* Языковой вкус эпохи. — М., 1994.
- Крысин Л.П.* Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка. — М., 1989.
- Культура парламентской речи.* — М., 1994.
- Купина Н.А.* Тоталитарный язык: словарь и речевые реакции. — Екатеринбург—Пермь, 1995.
- Лексика делового человека.* — М., 1991.
- Литературная норма и вариантность.* — М., 1981.
- Найдич Л.Э.* След на песке: Очерки о русском языковом узусе. — СПб., 1995.
- Новые слова и словари новых слов.* — Л., 1983.
- Русский язык в его функционировании: коммуникативно-прагматический аспект.* — М., 1993.
- Русский язык и современность. Проблемы и перспективы развития русского языка.* — М., 1991.
- Русский язык конца XX столетия (1985—1995) / Отв. ред. Е.А. Земская.* — М., 2000.
- Русский язык сегодня / Отв. ред. Л.П. Крысин.* — М., 2000.
- Скляревская Г.Н.* Русский язык конца XX в.: Версия лексикографического описания // Словарь. Грамматика. Текст. — М., 1996.
- Толковый словарь русского языка конца XX в. Языковые изменения / Гл. ред. Г.Н. Скляревская.* — СПб., 2000.
- Ферм Л.* Особенности развития русской лексики в новейший период (на материале газет). — М., 1994.

ПРИМЕРНАЯ ПРОГРАММА ДИСЦИПЛИНЫ «АКТИВНЫЕ ПРОЦЕССЫ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ»

ЦЕЛЬ И ЗАДАЧИ ДИСЦИПЛИНЫ, ТРЕБОВАНИЯ К ЗНАНИЯМ И УМЕНИЯМ

Цель преподавания дисциплины

Курс должен помочь студенту постичь динамику языкового развития. Цель курса — выработать у студента представление о языке как о постоянно изменяющемся объекте, и в то же время объекте стабильном и устойчивом; на основе выявления причин и закономерностей языкового развития помочь понять сущность этого развития, постичь глубокий смысл формулы — «язык постоянно изменяется, оставаясь самим собой», способствовать выработке научного представления о нормах литературного языка в их историческом развитии.

В результате изучения курса «Активные процессы в современном русском языке» студент должен усвоить закономерности развития языка и его норм; выработать квалифицированное отношение к тенденциям в современном русском языке, отраженным в практике печати, и умение различать системные (исторически оправданные) изменения и речевые ошибки, распространенные в современных СМИ.

Требования к знаниям и умениям

Студент должен иметь представление о языке как о постоянно изменяющемся объекте, об объективных тенденциях в его развитии, о причинах возникновения этих тенденций — как системных, внутриязыковых, так и внешних, социально обусловленных, об исторической изменчивости литературной нормы.

Студент должен знать основные языковые тенденции в области произношения, системы ударений; в словообразовании, морфоло-

гии и синтаксисе; процессы в лексике и фразеологии; в становлении и закреплении современной литературной нормы.

Студент должен владеть терминологией дисциплины, быть способным использовать свои знания при анализе текстов современных публикаций; быть способным грамотно, с учетом современных тенденций выбрать языковой вариант, адекватный условиям порожденного текста.

Студент должен быть готовым к профессиональной практической деятельности в области литературного редактирования, в частности чутко реагировать на требования контекста, правильно ориентироваться при выборе языкового варианта, наиболее целесообразного и перспективного.

Перечень дисциплин, усвоение которых необходимо для изучения данной дисциплины

Современный русский язык. Практическая стилистика русского языка. Функциональная стилистика русского языка.

СОДЕРЖАНИЕ ДИСЦИПЛИНЫ

Наименование тем, их содержание

Введение

Место дисциплины в цикле лингвистических дисциплин. Значение дисциплины для специалиста-филолога в широком смысле этого термина.

Круг понятий дисциплины и терминология.

Обоснование необходимости изучения активных процессов в современном русском языке. Популярность средств массовой информации и их влияние на повседневную речь социума. Расширение сферы спонтанного общения, не только личного, но и устного, публичного. Изменение ситуаций и жанров общения. Ослабление жестких рамок официального публичного общения. Психологическое неприятие бюрократического языка прошлого. Возрастание личностного начала в речи. Изменение отношения к литературной норме и языковым тенденциям. Вопрос о речевой компетентности современника. Несистемный характер так называемой «порчи» языка в СМИ. Изменение критериев оценки качества речи. Выдвижение на передний план признаков функциональных, а не структурных.

Изучение языка в коммуникативно-прагматическом аспекте.

Принципы социологического изучения языка

Основные проблемы социологического изучения языка: отражение в языке общественного развития; порождение языковых изменений историей общества.

Возможные недостатки в социологических исследованиях: 1) эмпирический, фактологический уровень исследований (ограничение исследований коллекционированием языковых фактов); 2) отсутствие учета взаимодействия внутренних и внешних, собственно социальных факторов; 3) отсутствие учета системного характера языка.

Главный принцип социологического изучения языка — учет взаимодействия внутренних закономерностей в развитии языка и внешних, социальных факторов.

Изменения в условиях функционирования современного русского языка, связанные с периодом перестройки, распадом СССР, крушением тоталитарной государственной системы.

Основные внешние факторы развития современного языка: изменение круга носителей языка, распространение просвещения, территориальные перемещения народных масс, создание новой государственности, развитие науки, техники, новых технологий; расширение контактов с зарубежными странами.

Возросшее влияние СМИ на речевую компетенцию современника, на становление новой литературной нормы. Воздействие рекламных клипов на язык газеты и устную речь современника.

Внутренние законы развития языка

Внутренние законы развития языка — законы, присущие самому объекту, законы, стимулирующие процессы саморазвития.

Законы системности, законы традиции, законы аналогии, законы речевой экономии.

Законы противоречий (антиномий).

Разновидности антиномий (противоречий) в развитии языковой системы: антиномия говорящего и слушающего; антиномия узуса и возможностей языка; антиномия кода и текста; антиномия означаемого и означающего (асимметричность языкового знака); антиномия информационной и экспрессивной функции языка. Противоречия в языковой системе как внутренние стимулы развития языка. Различное разрешение противоречий в языке в различные социальные эпохи. Взаимодействие внутренних (системных) и внешних (социальных) причин в накоплении нового языкового качества.

Разные темпы в развитии разных сторон языковой системы: в лексике и фразеологии; в акцентологии и произношении; в словообразовании и морфологии; в синтаксисе.

Причины, приводящие к разным темпам в развитии разных сторон языковой системы. Саморегуляция языковых изменений. «Язык постоянно изменяется, оставаясь самим собой».

Некоторые особенности языковых изменений в современную эпоху: диалогичность, усиление личностного начала; стилистический динамизм; сочетание контрастных стилистических элементов; увеличение терминологического фонда за счет заимствований; нивелировка диалектных и социальных различий; процессы десемантизации и метафоризации терминологической лексики.

Вариантность языкового знака

Вариантность как объективное следствие языковой эволюции. Причины возникновения вариантов: внутренние — действие фактора аналогии, неэквивалентность формы и содержания, тенденция к речевой экономии; внешние — влияние территориальных и социальных диалектов, контакты с другими языками, условия билингвизма.

Непрерывность процесса варьирования. Конкурентоспособность вариантов и исторические условия ее проявления. Различная продолжительность жизни вариантов (например, в течение 200 лет сохраняются варианты *усугубить*, *усулубить*).

Пределы (границы) варьирования: совпадение лексического значения (*проект* — *проект*); совпадение грамматического значения (*стакан чая* — *стакан чаю*); отсутствие различительной функции у фонемы (*поднимать* — *подымать*, *блекнуть* — *блѣкнуть*); тождество морфологической структуры (*набавка* — *надбавка*, *обуславливать* — *обуславливать*).

Варианты и синонимы. Маркированность вариантов: по временной шкале (уходящее — новое); с точки зрения нормы (нормативное — ненормативное). Маркированность синонимов: семантическая (основное значение — добавочное); стилистическая (книжное — просторечное; высокое — сниженное).

Варианты: акцентные, фонетические, фонематические, морфологические, синтаксические, орфографические.

Варианты: *соление* — *соленье*; *вылезти* — *вылезть*; *дискутировать* — *дискуссировать*; *индивид* — *индивидуум*; *развалюга* — *развалюха*; *униженный* — *унижѣнный*; *ханжество* — *хѣнжество* (*ханжескій* — *хѣнжескій*) и др.

Синтаксические варианты (*лететь самолетом* — *лететь на самолете*; *способный по математике* — *способный к математике*) и параллельные синтаксические конструкции.

Варианты полные (*творог* — *творѣг*, общеупотребительные варианты) и неполные (*рѣпорт* — *рапѣрт*, общеупотребительный и профессиональный).

Понятие языковой нормы

Определение нормы как реализованной возможности языка, как постоянно воспроизводимого и предпочитаемого варианта языкового знака, признанного в качестве образцового.

Признаки нормы: 1) узус (функциональный критерий); 2) соответствие системе языка (структурный критерий); 3) общественное одобрение (эстетический критерий).

Двусторонний характер нормы. Причины изменения языковых норм: внутриязыковые и социальные.

Варианты нормы и неправильности (речевые ошибки). Норма и языковая политика. Норма и языковой пуризм.

Норма общезыковая и ситуативная, стилистическая. Норма императивная (обязательная) и норма диспозитивная (допускающая вариантность).

Ортология как раздел лингвистики, изучающий тенденции в развитии нормы и определяющий границы между колебаниями в пределах нормы и отклонениями от нее.

Современная языковая политика как нормализаторская деятельность объективного и прогнозирующего характера.

Современные нормативные словари, справочники, пособия.

Изменения статуса литературного языка

Расширение содержания понятия «литературный язык». Историческая изменчивость литературной нормы.

Демократизация литературного языка. Рост вариантности в языке. Вхождение в литературный язык сниженных вариантов языковых знаков (разговорных, просторечных, жаргонных). Изменение соотношения форм речи — устной и письменной. Взаимовлияние устной и письменной речи. Понятие «книжно-устная речь».

Динамизм современной языковой ситуации. Новые концепции словарей, изменение стилистических помет в словарях.

Изменения в русском произношении и ударении

Основные изменения в произношении: 1) русификация иноязычного произношения (*декан*, *темп*); 2) усиление «буквенного произношения» (*тихий* — *тих/о/й*; *шаги* — *ш/ы/ги*; *родился* — *родилс/а/*; конкуренция */шн/* и */чн/* и др.).

Стилистическая роль произносительных отклонений от нормы в художественном тексте.

Причины акцентных изменений в русском языке.

Воздействие аналогии (внутрисистемная причина: *взят, взято, взяты*, но: *взята́ → взята; продан, продано, проданы* — но: *продана́ → продана*). Внешнеязыковые воздействия: а) влияние говоров внутри языка (*бондарь — бондарь*); б) парные источники заимствования (*ревальвер*); взаимодействие латинских и греческих моделей (*индустрия*); г) контаминация заимствований (нем. *Алкоголь* — фр. *Алкоголь*); д) воздействие языка-посредника (*документ — пол. документ*).

Тенденция к ритмическому равновесию: *бархат — бархатистый — бархатистый; сахар — сахаристый — сахаристый*. Варианты — *августовская жара, мальчиковый размер*.

Тенденция к подвижности ударения у существительных (*тира́ж — тира́жа → тиражд́*) и к закреплению ударения за корневым слогом у глаголов (*манить — манит́ → манит*).

Основные изменения ударений у глаголов, существительных, прилагательных. Норма и тенденции.

Ударение как смысловоразличитель (*сво́йство — свойствó; брòня — брòня; óсобь — особь* и др.).

Семантико-стилистические функции ударений.

Активные процессы в лексике и фразеологии

Внешние и внутренние факторы развития лексико-фразеологического состава языка.

Социально-политические процессы в обществе и лексические преобразования языка.

Пути появления новых слов: а) образование неологизмов; б) заимствование; в) семантические преобразования.

Новое в русской лексике: новые слова (*венероход, телесерия, радиохирургический*), новые значения (*комбайн — комплект одежды, диалог — дискуссия, сотрудничество, общение*), новые выражения (*пакет мнений, штаб гласности, экология души, экология слова*).

Процессы перераспределения пластов лексики между активным и пассивным запасом слов. Актуализация устаревшей лексики в новом речевом контексте.

Использование высокой книжной лексики. Использование конфессиональной лексики. Новые контексты для употребления религиозной лексики.

Особенности употребления жаргонной лексики.

Пути освоения иноязычной лексики.

Термины науки и техники в современном литературном языке. Издержки в освоении иноязычной лексики (*свободная вакансия, самый оптимальный, главный приоритет*).

Основные семантические процессы в лексике: 1) деактуализация значений, отражающих советские реалии; 2) деидеологизация лексики; 3) политизация и деполитизация групп лексики; 4) пересмысление, перенесение наименований; 5) метафоризация как выражение оценки общественно-политической ситуации; 6) десемантизация (детерминологизация) терминологической лексики и фразеологии; 7) конкуренция синонимических слов.

Основные стилистические процессы в лексике: а) стилистическая нейтрализация слов (из прост.: *недосуг, заполучить*; из книжн.: *предпосылки, поскольку*; из жарг.: *беспредел, тусовка*); б) стилистическое перераспределение слов (нейтральное — разговорное, просторечное; нейтральное — книжное; нейтральное — стилистически окрашенное).

Потенциальные слова (*марсоход, луномобиль*) и окказионализмы (*чубаучер, горбимания*).

Основные тенденции в словообразовательной системе русского языка

Связь общественных и внутриязыковых процессов в словообразовании. Социальные потребности и активные способы словообразования.

Рост агглютинативных черт в структуре производного слова: ослабление чередования на стыке морфем (*Таганрог — таганрожский — таганрогский; шпага — шпажист; штанга — штангист*); интерфиксация (*Торопец — торопчане, плотник — плотницкий — плотниковский; антанта — антантский — антантовский*); наложение морфем (*Челябинск — челябинский (из челябинскский); Динамо — динамовец (из динамоовец); НАТО — натовский (из натоовский)*).

Изменение продуктивности словообразовательных типов: рост класса существительных на *-фикация, -изация*; активизация существительных женского рода с окончаниями прилагательных; расширение круга слов, производящих относительные прилагательные; рост класса существительных с суффиксами *-ость, -тель, -щик*.

Специализация значений словообразовательных моделей (*скудный — скудостный; дерзкий — дерзостный*; терминологические образования: *усталостный, вероятностный, емкостный, вязкостный*).

Специализация словообразовательных средств: 1) распределение связей производящих основ со словообразующими аффиксами (*кировчане, ангарчане*, но: *вьетнамцы, гватемальцы*); 2) стандартизация значений словообразовательных типов (*классификатор —*

/ название предмета, *классификаторщик* — название лица; *гармонщик* — мастер, делающий гармони; *гармонист* — музыкант); 3) устаревание дублетных образований (*тамбовцы* — *тамбовчане*, *тираспольцы* — *тираспольчане*).

Изменения в значениях суффиксов: суффикс лица *-ник* (*отшельник*, *молчальник*) и суффикс названий предметов (*холодильник*, *рубильник*); развитие предметного значения у суффикса *-щик* (*-чик*): *роботсварщик*, *асфальтоукладчик*, *зернопогрузчик*.

Процесс окачества прилагательных (*вполне государственное отношение к делу*; *по-настоящему журналистский ответ*; *вполне сегодняшняя проблема*).

Ключевые слова (слова, находящиеся в фокусе социального внимания) как основа словопроизводства (*основы путч*, *Белый дом*; *рынок*; *крутой* и др.). Имена собственные как основа словообразовательных цепочек (*ельцинизм*, *тетчеризм*, *рейгономика*). Наричательные имена — названия лица (*державник*, *бесплатник*, *неподписант*).

Модели слов-характеристик, слов-оценок (*совок*, *заднескамеечник*).

Рост именной префиксации (*постсоветский*, *доперестроечный*, *антикумир*, *деидеологизация*, *псевдодемократия*, *квазиреформа*, *суперскандал*).

Аббревиация как способ словообразования и как средство экспрессии (*Яблоко*, *Савраска*, *Эсенговия*).

Префиксация иноязычных глаголов (*пробойкотировать*, *отксерить*, *стикетировать*).

Неузуальное словообразование (*русскость*, *бомжество*, *туркменизация*).

«Обратное» словообразование (*терм* от *термин*; *фиб* от *амфибия*).

Сложные слова (*фотодокументы*, *углерудовоз*, *реанимобиль*; *бионика* = *биологический* + *электроника*).

Основные тенденции в морфологии

Рост аналитизма (употребительность нулевой флексии, несклоняемых форм слов, существительных общего рода, существительных собирательного значения). Закрепление кратких форм (*свойственен* — *свойствен*; *туркменов* — *туркмен*; *полотенцев* — *полотенец*; *гаснул* — *гас*; *озябнул* — *озяб*; *достигнул* — *достиг*; *постигнуть* — *постичь*).

Конкретизация значений грамматических форм (*стакан чаю* — *производство чая*; *в первом круге соревнований* — *в кругу родных*; *сад в цвету* — *во цвете лет*; *в государственном строе* — *стоять в строю*;

на краю оврага — на переднем крае; школьные учителя — учителя поколений).

Изменения в употреблении грамматических форм рода, числа, падежа.

Формы рода. Тенденции в употреблении: *метода — метод; апогея — апогей; браслета — браслет; акватория — акваторий; амфибия — амфибий*; родовые варианты — *вольера и вольер; заусеница и заусенец; клавиша и клавиш; спазма и спазм; рельса и рельс*.

Формы числа. Тенденции в употреблении: *выброс и выбросы; инициатива и инициативы; договоренность и договоренности; реальность и реальности*.

Формы падежа. Тенденции в употреблении: *в цехе — в цеху; в отпуске — в отпуску; инженеры — инженера, директора — директора, слесари — слесаря*.

Формы глагола с «а» и «о» перед *-ива* (*сосредоточивать — сосредотачивать; обуславливать — обуславливать; оспаривать — оспаривать*).

Основные тенденции в синтаксическом строе

Экономия речевых средств, уточнение смысла высказывания, расчлененность синтаксических построений. Усиление самостоятельности синтаксических форм слов.

Тенденция к фрагментарности и расчлененности синтаксических построений.

Активизация номинативных структур как следствие движения к аналитизму. Усиление экспрессивных качеств синтаксических единиц. Рост структурной контаминации.

Тенденции в развитии структуры простого предложения (препозитивные и постпозитивные номинативы; присоединение, парцелляция; ослабление грамматической спаянности словоформ).

Тенденции в развитии структуры сложного и осложненного простого предложения (структурное смещение, контаминации).

Синтаксическая компрессия и синтаксическая редукция: *заявление на участие в конкурсе — заявление на конкурс; операция, произведенная на сердце, — операция на сердце; группа быстрого реагирования*.

Ослабление синтаксической связи словоформ: *Столкнулся с отношениями «учитель — ученик»; С сердцем плохо; В гостях у журналистов*.

Рост предложных конструкций: *откладывать отъезд — откладывать с отъездом; лететь самолетом — лететь на самолете; опыт создания — опыт по созданию*; синонимия предложных сочетаний:

говорить о кандидатуре — говорить по кандидатуре; контроль над производством — контроль за производством.

Вытеснение грамматического соответствия форм соответствием по смыслу: *большинство студентов приехали; врач пришла.*

Некоторые тенденции в пунктуации

Исторические изменения в функциях знаков препинания. Свод правил пунктуации (1956) и современная практика употребления знаков.

Понятие нерегламентированной пунктуации.

Взаимодействие речи разговорной и книжной, устной и письменной

Взаимовлияние разговорной и книжной речи, устной и письменной.

Вовлечение в устную речь книжной лексики; символов письменной речи. Влияние речи разговорной на речь письменную.

Влияние средств массовой информации на повседневную речь. Изменение ситуаций и жанров общения в области публичной и личной коммуникации. Изменение стиля массовой коммуникации.

ПРИМЕРНЫЙ ПЕРЕЧЕНЬ ПРАКТИЧЕСКИХ ЗАНЯТИЙ

1. Иноязычная лексика в СМИ.
2. Контрастное сочетание книжной, просторечной и жаргонной лексики на страницах современных газет.
3. Рост аналитизма в современном русском языке.
4. Экспрессивные конструкции в синтаксисе периодической печати.
5. «Смысловое согласование» на месте согласования формально-грамматического в строе современного русского предложения.

ПРИМЕРНЫЙ ПЕРЕЧЕНЬ ДОМАШНИХ ЗАДАНИЙ

1. Освоение иноязычной лексики современным русским языком.
2. Молодежный сленг и его отражение в языке печати.

3. Семантические процессы в современной лексике.
4. Социальные факторы языковых изменений в сфере современной экономической терминологии.
5. Тенденция к ослаблению падежных функций.
6. Рост предложного управления.
7. Эвфемизация речи.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
Принципы социологического изучения языка	7
Законы развития языка	12
Вариантность языкового знака	26
Понятие вариантности и ее истоки	26
Классификация вариантов.....	32
Языковая норма	41
Понятие нормы и ее признаки.....	41
Норма и окказионализм. Норма общезыковая и ситуативная.....	45
Мотивированные отклонения от нормы	47
Основные процессы в нормализации языковых явлений	50
Изменения в русском произношении.....	52
Активные процессы в области ударения	61
Активные процессы в лексике и фразеологии	75
Основные лексические процессы	77
Семантические процессы в лексике	82
Стилистические преобразования в лексике	92
Детерминологизация	96
Иноязычные заимствования.....	108
Компьютерный язык.....	119
Иноязычные лексемы в русском просторечии	120
Внелитературная лексика в языке современной печати.....	121
Активные процессы в словообразовании	130
Рост агглютинативных черт в процессе образования слов.....	133
Наиболее продуктивные словообразовательные типы.....	136
Производство наименований лиц.....	138
Абстрактные имена и названия процессов.....	138
Приставочные образования и сложные слова.....	139
Специализация словообразовательных средств.....	140
Чересступенчатое словообразование.....	144
Свертывание наименований	144
Аббревиация.....	147

Экспрессивные имена	149
Окказиональные слова	151
Активные процессы в морфологии	154
Рост аналитизма в морфологии.....	155
Сдвиги в формах грамматического рода	164
Формы грамматического числа	167
Изменения в падежных формах	172
Изменения в глагольных формах.....	178
Некоторые изменения в формах прилагательных	180
Активные процессы в синтаксисе	182
Расчлененность и сегментированность синтаксических построений	184
Присоединительные члены и парцеллированные конструкции.....	188
Двучленные конструкции	193
Предикативная осложненность предложения.....	205
Активизация несогласуемых и неуправляемых словоформ.....	215
Рост предложных сочетаний.....	220
Тенденция к смысловой точности высказывания	222
Синтаксическая компрессия и синтаксическая редукция.....	227
Ослабление синтаксической связи	232
Соотношение аффективного и интеллектуального в сфере синтаксиса	237
Некоторые тенденции в современной русской пунктуации	239
Точка.....	245
Точка с запятой	250
Двоеточие	258
Тире.....	263
Многоточие	269
Функционально-целевое использование пунктуации	271
Нерегламентированная пунктуация. Авторская пунктуация.....	276
Заключение	287
Литература	290
Примерная программа дисциплины «Активные процессы в современном русском языке»	291

Валгина Нина Сергеевна

**АКТИВНЫЕ ПРОЦЕССЫ
В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ**

Учебное пособие

Переплет Д. Коночкина
Компьютерная верстка М.М. Егоровой
Корректоры М.Д. Шунина, А.В. Полякова

Изд. лиц. ИД № 01670 от 24.04.2000

Подписано в печать 12.04.2003. Формат 60х90/16
Печать офсетная. Печ. л. 19,0. Тираж 3000 экз. Заказ 1592

Издательско-книготорговый дом «Логос»
105318, Москва, Измайловское ш., 4

Отпечатано с готовых диапозитивов
во ФГУП ИПК «Ульяновский Дом печати»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

**По вопросам приобретения литературы
обращаться по адресу:**

105318, Москва, Измайловское ш., 4

Тел./факс: (095) 369-5819, 369-5668, 369-7727

Электронная почта: universitas@mail.ru

